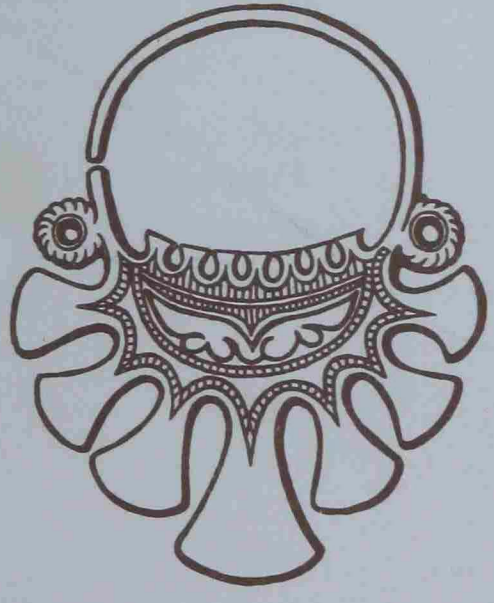
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1996 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.М. Мунчаев (председатель),

Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Н.Я. Мерперт,
М.Г. Мошкова, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Гуляев (главный редактор),

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1996 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

К VI Международному конгрессу славянской археологии

Седов В.В., Чернецов А.В. Международные конгрессы славянской археологии 5
Чернецов А.В. Славяно-русская археология в России. Специфика современной ситуации и некоторые перспективы 11
Макаров Н.А. Древнерусская археология: 10 лет между киевским и новгородским конгрессом 18
Янин В.Л. Новгородские берестяные грамоты 30
Поветкин В.И. Опыт восстановления новгородских берестяных грамот 52
Алексеева Т.И., Бужилова А.П. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология 58
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии 73
Марковин В.И. Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность 90

К 850-летию города Москвы

Беляев Л.А., Векслер А.Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х годов) 106

Публикации

Кулаков В.И. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) 134
Милютина Н.Н. О погребениях древнерусского некрополя Пскова 148
Родина М.Е. О неизвестном погребении XII в. из раскопок Н.Н. Воронина возле церкви Спаса во Владимире 161

© Российская академия наук,
Институт археологии, 1996 г.

Заметки

Чубур А.А. Памятники археологии, погибшие при строительстве Курской АЭС 167
Двуреченская Н.Д. "Стержни" из могильников Северной Бактрии – Тохаристана и их аналогии в Амударьинском кладе 171
Эрлих В.Р. Об одной серии шлемов из Закубанья 176
Виноградов Ю.А., Соловьев С.Л. Археологические исследования на городище Станислав 180
Богачев А.В. К вопросу о поздней дате древности "гуннского круга" 186
Золотов Ю.М. Надписи XVI в. из Волоколамска 190
Панова Т.Д. Каменный саркофаг из Борисоглебского собора на Смядыни (Смоленск) 194

История науки

Формозов А.А. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса 197
Шлеев В.В. К истории начальных шагов изучения искусства Ванского царства 202

Критика и библиография

Кочнев Б.Д. О датировке Акшыйракского сосуда 211
Гаврилюк Н.А., Махортых С.В. Collins dictionary of archaeology. Ed. by P. Bahn. Glasgow, 1992 215
Кожин П.М. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991 219
Белоцерковская И.В. *Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993 222
Всевиов Л.М. Археологическая литература за 1991 год. Библиографический указатель 225

Хроника

Деревянко Е.И. Итоги работы Института археологии и этнографии СО РАН по проблемам палеометалла в 1990–1994 гг. 241
Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С. Первые чтения памяти К.Ф. Смирнова (Москва, 1995) 246
Памяти Валентина Павловича Шилова (1917–1995) 251

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1996 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Towards the 6th International Congress of Slavic Archaeology

Sedov V.V., Chernetsov A.V. The International Congresses of Slavic Archaeology 5
Chernetsov A.V. Slavic and Russian Archaeology in Russia. Specifics of Actual Situation and Some Perspectives 11
Makarov N.A. Medieval Russian Archaeology: 10 years between Kiev' and Novgorod' Congresses 18
Janin V.L. Novgorod Birch-Bark Letters 30
Povetkin V.I. Reconstruction of Birch-Bark Documents from Novgorod 52
Alekseeva T.I., Buzhilova A.P. Medieval Urban Russians according to Anthropological Data: Origins, Palaeodemography, Palaeoecology 58
Kyzlasov I.L. Data on the Early Turkic History. I. The most Ancient Evidencies on the Army 73
Markovin V.I. The Northern Caucasus: Historical and Archaeological Studies and Contemporaneity 90

Towards the 850th Anniversary of Moscow

Beliaev L.A., Veksler A.G. Archaeology of Medieval Moscow: Recent Explorations (1980–1990s) 106

Publications

Kulakov V.I. Truso and Caup (proto-urban centres in the Prussian lands) 134
Miljutina N.N. On the Ancient Russian burials from the Pskov necropolis 148
Rodina M.E. The Unknown Grave of the 12th Century, excavated by N.N. Voronin Near the Church of Our Saviour in Vladimir 161

Notes

Chubur A.A. Archaeological Monuments that were Destroyed during the Building of the Kursk Nuclear Power Station 167

Dvuretchenskaya N.D. "Rods" from the Burial Grounds of the Northern Baktria and Tokharistan 171
Erlikh V.R. Series of Helmets from the Area beyond the Kuban River 176
Vinogradov J.A., Solovjev S.L. Archaeological Excavations of the Stanislav Hillfort 180
Bogatchev A.V. The Late Date of the Antiquities of "the Hunnish Circle" 186
Zolotov J.M. Inscriptions of the 16th Century from Volokolamsk 190
Panova T.D. Stone Sarcophagus from Boris and Gleb Cathedral on Smjadyn 194

History of science

Formozov A.A. Towards the 100th Birthday of V.I. Ravdonikas 197
Shleev V.V. Concerning the Study of the History of Van Kingdom Art 202

Critique and Bibliography

Kotchnev B.D. Dating of the Akshyirak Vessel 211
Gavriljuk N.A., Makhortykh S.V. Collins Dictionary of Archaelogy. Ed. by P. Bahn. Glasgow, 1992 215
Kozhin P.M. *Tsetlin J.B.* Periodizatsiya neolita Verkhnego Povolzhja. M., 1991 219
Byelotserkovskaja I.V. *Grishakov V.V.* Keramika finnougorskikh plemen Pravoberezhja Volgi v epokhu rannego srednevekovja. Yoshkar-Ola, 1993 222
Vseviov L.M. Archaeological Literature in 1991. Bibliography 225

Chronicle

Derevjanko E.I. The Results of the Work of the Institute of Archaeology and Ethnography on the Problems of Palaeometals in 1990–1994 241
Zheleztchikov B.F., Skripkin A.S. First Readings in Memory of K.F. Smirnov (Moscow, 1995) 246
In Memory of Valentin Pavlovitch Shilov (1917–1995) 251

К VI Международному конгрессу славянской археологии

В.В. СЕДОВ, А.В. ЧЕРНЕЦОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Во время проведения Международного междисциплинарного симпозиума "Переход от язычества к христианству у славян (духовная культура, комплексное источниковедение, археология, лингвистика)" (22–25 ноября 1994 г., Звенигород) (Жилина Н.В., 1995) было проведено расширенное заседание постоянного совета и исполнительного комитета Международной унии славянской археологии, на котором было принято решение просить российскую сторону провести очередной VI Международный конгресс славянской археологии в 1996 г. в России. Это предложение было поддержано руководством Института археологии РАН, а также Отделением истории РАН. Постановлением бюро Отделения истории РАН было принято решение о создании Национального комитета по подготовке и проведению VI Международного конгресса славянской археологии под председательством академика В.Л. Янина (МГУ). В состав Национального комитета вошли также директор Института археологии РАН профессор Р.М. Мунчаев (заместитель председателя), профессор В.В. Седов (заместитель председателя, Институт археологии РАН), академики Б.А. Рыбаков (Институт археологии РАН), Г.Г. Литаврин и Н.И. Толстой (Институт славяноведения и балканистики РАН), член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов (Институт российской истории РАН), а также профессор В.И. Гуляев (Институт археологии РАН), доктора исторических наук А.В. Чернецов (ученый секретарь Национального комитета, Институт археологии РАН), Е.Н. Носов (Институт истории материальной культуры РАН), Е.А. Рыбина (МГУ). Национальный комитет принял решение о проведении VI Международного конгресса славянской археологии 26–31 августа 1996 г. в г. Новгороде.

Международные конгрессы славянской археологии являются крупнейшими научными мероприятиями Международной унии славянской археологии (МУСА) – авторитетной международной организации, переживающей в настоящее время кризисный период.

Одна из насущных задач предстоящего конгресса – обновление деятельности Унии. Для этого необходимы перевыборы его руководящих органов, поскольку среди их членов многие выбыли или отошли от активной научной деятельности. Между тем реальная возможность провести перевыборы состава постоянного совета, испольнительного комитета и бюро МУСА имеется только во время проведения конгресса. Кроме того, необходимо принять новый Устав МУСА, учитывающий новые реальности современной Европы.

Международная уния славянской археологии была основана в Варшаве 15 сентября 1965 г.[1] В середине XX в. стало очевидным, что археологические материалы на-

[1] Публикации Устава Международной унии славянской археологии см. в изданиях (Berichte..., 1972, Bd. II. S. 15–20; Тезисы..., 1985, с. 169–173).

© В.В. Седов, А.В. Чернецов, 1996 г.

столько необъятны и постоянно активно пополняются, что не умещаются в рамках проблем Международного союза протоисторических и предысторических наук и проводимых им конгрессов. Назрела необходимость изучать важнейшие части мировой археологии – многотысячелетней истории и культуры человечества по отдельным крупным проблемам. Подобно тому как определилась классическая археология или кельтология, нуждалась в самостоятельном оформлении и археологическая славистика. Современная археология достигла успехов в значительной мере благодаря координации исследователей с представителями других отраслей знаний, таких как антропология, геология, история искусств, архитектура, языкознание, этнография, ономастика, биология, физика, металловедение и др. Выделение славянской археологии как важной части истории первобытности и средневековья во многом способствовало рузультатам дальнейшего проведения комплексных изысканий.

Странами – основателями Международной унии славянской археологии – стали Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия и Югославия. В рамках МУСА осуществляли активную деятельность представители ведущих научных учреждений стран-основательниц, в ее работе участвовали также видные ученые ряда стран Западной Европы и Америки. МУСА осуществляла координацию исследований по узловым проблемам археологии и ранней истории славянства и соседних племен и народов и регулярно организовывала и проводила научные встречи, содействовала созданию международных научных трудов.

На первый взгляд МУСА может рассматриваться как отражение политических тенденций послевоенного времени, как некий аналог СЭВ или Варшавского Договора. Однако на самом деле никаких попыток проявить свои имперские амбиции или идеологический диктат в рамках деятельности МУСА советская сторона никогда не предпринимала. Скорее даже наоборот – СССР как крупнейшее славянское государство можно было бы упрекнуть в недостаточно активном участии в работе МУСА.

Периодические Международные конгрессы славянской археологии являются крупнейшими научными мероприятиями МУСА, на которых собирались и ведущие и молодые специалисты, устанавливались научные контакты. Все конгрессы МУСА были отмечены междисциплинарным характером. Наряду с археологами в их работе принимали участие историки и языковеды, антропологи и этнологи, искусствоведы и архитекторы, нумизматы и представители других смежных профессий. Помимо славистов на конгрессах с докладами и сообщениями выступали также специалисты по археологии германцев, кельтологи, ученые, работающие в области фракийской, скифо-сарматской, тюркской, финно-угорской, римской и византийской археологии и истории, специалисты по древностям балтских народов. В сфере интересов МУСА находится также проблема раннесредневекового города в целом.

Первый Международный конгресс славянской археологии был проведен в Польше, в Варшаве, в 1965 г. Конгресс явился закономерным продолжением традиции созыва симпозиумов по археологической славистике, у истоков которой стоит краковский симпозиум 1957 г. На варшавском конгрессе с докладами выступили ученые из 19 европейских стран. Обсуждалось семь основных направлений славянской археологии: этногенез славян; раннеславянские и соседние культуры от XII в. до н.э. до VI в. н.э.; формирование славянских государств; развитие деревни и возникновение городов в раннем средневековье; культура славян в раннем средневековье: монеты в славянских странах в древности и средневековье; методы и история исследований славянских древностей (Третьяков П.Н., 1966а; 1966б). Материалы конгресса были опубликованы в шести томах (I Międzynarodowy..., 1968).

Принимая во внимание крупные успехи археологов ГДР в области изучения древностей и истории славян, проживавших между Эльбой и Одером, второй конгресс славянской археологии было решено провести в столице этой страны. Главной темой берлинского конгресса 1970 г. стали "Этнические, культурные и торговые взаимоотношения славян с соседними племенами и народами". В заседаниях конгресса

участвовало около 250 ученых, к европейским исследователям присоединились и специалисты из США (Berichte..., 1970–1973; Седов В.В., 1971 а, б).

Местом проведения третьего конгресса (1975 г.) стала Братислава (Чехословакия). В нем приняло участие уже свыше 400 ученых из 18 стран, было прочитано и обсуждено 174 доклада. Тематика выступлений включала три наиболее актуальные проблемы –"Славяне в римскую и византийскую эпоху", "Возникновение и развитие славянских государств" и "Возникновение и развитие городов" (Rapports..., 1979, 1980; Седов В.В., 1976а, б).

Следующий, четвертый конгресс, состоялся в 1980 г. в столице Болгарии Софии. Было обсуждено четыре главных темы: "Славяне и их соседи", "Этногенез славян", "Материальная культура и искусство" и "Славянский город". К большему сожалению, труды этого конгресса до сих пор не изданы страной-организатором (Седов В.В., 1981а, б).

Теме "Славянский средневековый город" был посвящен пятый конгресс славянской археологии, который был проведен в 1985 г. в Киеве. Обсуждались все стороны этой проблематики: происхождение и эволюция города, жизнь и быт, округа раннесредневекового города, культурные и торговые связи, архитектура, искусство и духовная культура. В работе конгресса приняли участие свыше 350 ученых из большинства европейских стран и США, заслушано и обсуждено 274 доклада. Вклад конгресса в изучение проблемы становления и истории европейского раннесредневекового города несомненен (Труды..., 1987; 1988; Седов В.В., 1986; Седов В.В. и др., 1986).

Труды конгрессов представляют собой публикации весьма большой значимости, отражающие новейшие достижения археологической славистики. Их появление каждый раз являлось важным событием в научной жизни. Накануне каждого конгресса основные страны-участники публиковали тезисы докладов своих делегаций.

Помимо собиравшихся раз в 5 лет конгрессов, в промежутках между ними под эгидой МУСА в разных странах проводились международные симпозиумы, посвященные конкретным более узким или региональным проблемам. Отметим наиболее значимые из них.

Существенным вкладом в изучение духовного мира в древности и средневековье стал Международный симпозиум по славянскому язычеству, проведенный в 1986 г. в Прилепе (Югославия, Македония) (Седов В.В., 1988). Сруди его участников были археологи, историки, лингвисты, этнологи и искусствоведы. Всесторонний комплексный анализ языческого мировоззрения и объектов культа славян и соседних племен получил широкое признание в европейской науке.

Несколько симпозиумов были посвящены различным вопросам проблемы славянского города. Среди них наибольшее внимание привлек симпозиум, проведенный в Берлине в 1987 г. в связи с 750-летним юбилеем города. В нем участвовали археологи и медиевисты почти всех европейских стран. В докладах были затронуты вопросы становления и развития раннесредневековых городов Северной и Срединной Европы, среди которых славянскому городу принадлежит важное место (Frühgeschichte..., 1991; Седов В.В., 1989).

Среди симпозиумов, проведенных в Болгарии, наиболее значимым является Международный симпозиум "Славяне и Средиземноморский мир", состоявшийся в Софии (Славяните..., 1991). В Чехословакии проводились симпозиумы по славянским древностям Дунайского региона, по культуре пражской керамики и по становлению ранней государственности в славянском мире. Широкую аудиторию привлек симпозиум по теме "Взаимоотношения среднеевропейских славян с другими этносами в VI–X вв." (Interaktionen..., 1984). Из симпозиумов, проводившихся в СССР, отметим два – один был проведен в Москве и посвящался славянской керамике второй половины I тыс. н.э., другой в Киеве, на котором рассматривалась проблема славянской погребальной обрядности в языческую эпоху.

Деятельнось унии, во всяком случае по первоначальному замыслу ее основателей, не ограничивалась проведением конгрессов и симпозиумов и публикаций их трудов.

В течение ряда лет в Микульчицах (Чехословакия) для работ на раскопках использовался международный студенческий лагерь, в котором собиралась молодежь из многих стран мира. На Бюро МУСА рассматривалась возможность подготовки многотомного международного издания "Атлас славянских древностей".

VI Международный конгресс славянской археологии должен был состояться в 1990 г. в г. Прилепе (Югославия, Македония), но в связи со сложной общественно-политической и экономической ситуацией, сложившейся в Югославии, проведение конгресса было отложено.

В этих обстоятельствах в нашей стране возникла идея провести в Пскове конференцию, на которой могли быть заслушаны доклады отечественных ученых, предназначавшиеся для конгресса. Эта конференция была проведена 8–12 апреля 1991 г. В ее работе приняли участие также видные зарубежные ученые, члены руководства Международной унии славянской археологии – президент МУСА профессор Б. Бабич (Югославия, Македония), Генеральный секретарь МУСА академик Б. Хроповский (Словакия), член исполкома МУСА профессор Л. Лециевич (Польша). На конференции также присутствовали ученые из Украины, Белоруссии, Латвии (Лопатин Н.В., Милютина Н.Н., 1992; Славянская археология..., 1993; Славянская археология..., 1995). Во время конференции состоялось заседание бюро унии, посвященное современному состоянию и перспективам работы этой международной организации. В частности был поднят вопрос о необходимости сохранения традиции регулярного проведения форума ученых-славистов – Международных конгрессов славянской археологии.

22–25 ноября 1994 г. в России, в Звенигороде, был проведен Международный симпозиум "Переход от язычества к христианству у славян (духовная культура, комплексное источниковедение, археология, лингвистика)". В его работе приняли участие ученые из России, Украины, Македонии, Словении, Германии, Румынии и Бельгии. Как уже было отмечено выше, во время проведения это симпозиума состоялось расширенное заседание постоянного совета и исполнительного комитета МУСА, на котором было принято решение просить российскую сторону провести очередной конгресс славянской археологии в России.

25–29 октября 1995 г. в Варшаве был проведен Международный симпозиум "Славянская археология в 1965–1995 гг. Опыт оценки и новые перспективы". Симпозиум посвящен 30-летию I Международного конгресса славянской археологии, который состоялся в 1965 г. в Варшаве. В этой связи будет уместно отметить исключительную роль польских археологов в создании МУСА и последующей работе этой международной организации. Традиция проведения международных симпозиумов по проблематике славянской археологии ведет отсчет от симпозиума 1957 г., состоявшегося в Кракове. Организаторы варшавского симпозиума стремились к тому, чтобы тематика докладов освещала те же основные проблемы, которые рассматривались в качестве главных на I Международном конгрессе славянской археологии в 1965 г.

Симпозиум был проведен под председательством видного польского археолога-слависта профессора Л. Лециевича. На открытии было оглашено обращение к участникам симпозиума академика В. Гензеля.

Первая тема, рассматривавшаяся на симпозиуме, была озаглавлена "Этногенез славян и раннеславянские культуры". С первым докладом по этой теме "Современное состояние проблемы этногенеза славян" выступил В.В. Седов (Россия). Затем был заслушан доклад Й. Херрманна (Германия) "Проблема и состояние вопроса распространения славянских племен на Запад с конца VI до конца VIII в. в Средней Европе". Выступления по данной проблематике завершились докладом В.Д. Барана (Украина) "Проблемы и перспективы исследований раннеславянских памятников Восточной Европы".

Вторая тема симпозиума – "Возникновение славянских государств"– была затронута в докладах Ч. Стани (Чехия) "Проблемы и перспективы исследований великоморавской эпохи на Мораве", Т. Штефановичовой (Словакия) "Состояние исследований

Великой Моравии в Словакии" и З. Курнатовской (Польша) "Исследования возникновения Польского государства. Опыт оценки".

По третьей теме – "Село и ранний город у славян" – были заслушаны доклады Г.В. Штыхова (Белоруссия) "Итоги исследований памятников VI–XIII вв. в Белоруссии за последние 30 лет", Б. Бабича (Македония) "Результаты исследований по славянской археологии в республике Македонии от I Международного конгресса славянской археологии до настоящего времени", П. Шальковского (Словакия) "Проблематика изучения славянской народной культуры в Словакии", Х. Брахманна (Германия) "Исследования славянского заселения междуречья Эльбы и Одера/Нейссе – проблемы и перспективы", И.С. Мождзеха (Польша) "Проблемы исследования происхождения раннесредневековых городов и сел в Польше".

По четвертой теме симпозиума – "Главные моменты культурных перемен" – с докладами выступили Л. Слупецкий (Польша) "Проблемы изучения организации языческого культа у славян", А. Плетерский (Словения) "Христианизация южных славян в археологической перспективе (на примере альпийских славян)", П. Зоммер (Чехия) "Христианизация западных славян с археологической точки зрения", П.П. Толочко (Украина) "Язычество и христианство на Руси", А.В. Чернецов (Россия) "Начало христианства на Руси в свете археологических данных" и Х. Цолль-Адамикова (Польша) "Проблемы исследования погребальной обрядности славян".

Пятая тема симпозиума – "Монета в славянских странах" – была представлена единственным докладом С. Суходольского (Польша) "Проблемы исследования монет в славянских странах".

По шестой теме – "Контакты с соседними народами" – были заслушаны доклады Э.С. Мугуревича (Латвия) "Взаимоотношения между славянами и балтами в раннем средневековье", Д. Бялековой (Словакия) "Проблема славянско-франкских связей на Международных конгрессах славянской археологии: достижения и перспективы" и Б. Секе (Венгрия) "Славяне и авары в окрестностях Мозабурга – Залавара".

Седьмой теме симпозиума – "Методы и история исследований" – были посвящены доклады генерального секретаря Международной унии славянской археологии Б. Хроповского (Словакия) "Международная уния славянской археологии как арена научного сотрудничества" и С. Табачиньского (Польша) "Методологические проблемы исследований древнего славянства".

Ряд докладов, заслушанных на симпозиуме, вызвал оживленную дискуссию. После окончания симпозиума состоялось заседание бюро Международной унии славянской археологии, на котором была поддержана инициатива проведения очередного Международного конгресса славянской археологии в России.

Стремление археологов славянских стран к сохранению МУСА отразилось в создании таких организаций, как Национальный комитет по сотрудничеству с МУСА (Польша) и Национальный комитет по славянской археологии (Болгария). Таким образом, есть определенные основания надеяться, что Международная уния славянской археологии переживет тяжелый кризисный период, и она и в дальнейшем будет оказывать благотворное действие на развитие археологической славистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилина Н.В., 1995. Симпозиум "Переход от язычества к христианству у славян" // Живая старина. № 1.

Лопатин Н.В., Милютина Н.Н., 1992. Конференция "Славянская археология – 1990" (к VI Международному конгрессу славянской археологии). Псков, 1991 // РА. № 3.

Седов В.В., 1971 а. II Международный конгресс археологов-славистов // Вестн. АН СССР. № 2.

Седов В.В., 1971 б. Конгресс археологов-славистов в Берлине // СА. № 4.

Седов В.В., 1976а. III Международный конгресс археологов-славистов // Вестн. АН СССР. № 3.

Седов В.В., 1976б. Конгресс археологов-славистов в Братиславе // СА. № 3.

Седов В.В., 1981а. Международный конгресс славянской археологии // Общественные науки. № 2.

Седов В.В., 1981б. Конгресс по славянской археологии // Вестн. АН СССР. № 5.

Седов В.В., 1986. Славянский средневековый город // Общественные науки. № 2.

Седов В.В., 1988. Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии // СА. № 2.
Седов В.В., 1989. Международный симпозиум "750-летие Берлина – предпосылки и основы городского развития в Средней Европе и начало европейских феодальных городов" // СА. № 3.
Седов В.В., Чернецов А.В., Баран В.Д., 1986. Международный конгресс славянской археологии // СА. № 3.
Славяните и средиземноморският свят VI–XI вв., 1991. София.
Славянская археология – 1990, 1993. Этногенез, расселение и духовная культура славян // Материалы по археологии России. Вып. 1. М.
Славянская археология – 1990, 1995. Раннесредневековый город и его округа // Материалы по археологии России. Вып. 2. М.
Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии, 1985. М.
Третьяков П.Н., 1966а. Конгресс по славянской археологии в Варшаве // Вестн. АН СССР. № 2.
Третьяков П.Н., 1966б. Конгресс археологов-славистов в Варшаве // Советское славяноведение. № 3.
Труды V Международного конгресса славянской археологии, 1987. Т. I, III. М.
Труды V Международного конгресса археологов-славистов, 1988. Т. 2, 4. Киев.
Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie, 1970–1973. Bd I–III. Berlin.
Frühgeschichte der europäischen Stadt. Voraussetzungen und Grundlagen, 1991. Berlin.
Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen ethnika im 6–10 Jahrhundert, 1984. Nitra.
I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej, 1968. T. I–VI. Wrocław; Warszawa; Kraków.
Rapports du III Congrès International d'Acrhéologie Slave, 1979, 1980. T. 1, 2. Bratislava.

Институт археологии РАН,
Москва

V.V. SEDOV, A.V. CHERNETSOV

THE INTERNATIONAL CONGRESSES OF SLAVIC ARCHAEOLOGY

Summary

This brief informative article is written on the occasion of the organization of the 6th International Congress of Slavic Archaeology in Russia (Novgorod, 26–31 August 1996). Organizing international Congresses of Slavic Archaeology are the main activities of the International Union of Slavic Archaeology (IUSA), which was organized in 1965. The founding countries of the Union are Bulgaria, Czechoslovakia, the former German Democratic Republic, Hungary, Poland, Romania, the former USSR and Yugoslavia. Leading scientists from archaeological institutions in these countries as well as from Western Europe and America have taken part in the activities of the Union, particulary in the International Congresses of Slavic Archaeology. The 1st Congress took place in Warsaw (1965), the 2nd in Berlin (1970), the 3rd in Bratislava (1975), the 4th in Sophia, and the 5th in Kiev (1985). All of the International Congresses of Slavic Archaeology were marked by their interdisciplinary character. Their participants were not only archaeologists but also historians and linguists, anthropologists and ethnologists, historians of art and architecture, numismatists and representatives of other related specialities, Not only slavic-archaeologists took part in the Congresses but also archaeologists with specialities in German, Celtic, Thracian, Scythian and Sarmatian, Turk, Baltic and Finno-Ugrian tribes, and in Roman and Byzantine archaeology and history. IUSA also demonstrated particular interest in the problems of the Early European Medieval town – its genesis, economy, and socio-cultural characteristics. Voluminous publications on the proceedings of the International Congress of Slavic Archaeology are of great scientific importance, reflecting fundamental new achievements in Slavic-archaeology. Each of these publications plays an important role in the scientific life of Europe. The 6th Congress was supposed to take place in Prilep (Macedonia, Yugoslavia) in 1990, but, unfortunately, was delayed. In 1991 the Soviet participants of this planned Congress organized a large conference in Pskov devoted to the problems of Slavic archaeology. Some official representatives of IUSA from other coutries also took part in this conference. In 1994 in Russia (Zvenigorod) an International Symposim called "The Transition from Paganism to Christianity in Slavic Countries" was organized as part of the activities of IUSA. The Executive Committee and the Permanent Council of IUSA held a sesssion during the conference and decided to ask Russia to organize the 6th International Congress of Slavic Archaeology. This initiative was supported by the Institute of Archaeology and the Department of History of the Russian Academy of Sciences. The National Committee for the organization of the 6th International Congress of Slavic Archaeology was headed by academician V.L. Yanin. Some of the other countries demonstrated interest in the future of IUSA. An International Symposium that took place in Poland (1995) was devoted to the 30th anniversary of the 1st International Congress of Slavic Archaeology and of IUSA. Here, the representatives of different countries and the Bureau of IUSA supported the initiative of Russian scholars to organize the next 6th International Congress of Slavic Archaeology.

А.В. ЧЕРНЕЦОВ

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ. СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В связи с приближением крупнейшего международного форума археологов-славистов представляется уместным остановиться на современном состоянии славянской и славяно-русской археологии в нашей стране. Тематическое многообразие этой проблематики не нуждается в подробной расшифровке. Ее можно найти, в частности, в совместной статье В.В. Седова, Н.А. Макарова и А.В. Чернецова, посвященной обзору материалов по славяно-русской археологии, которые, по мысли авторов, должны быть представлены в энциклопедических изданиях (Седов В.В. и др., 1990).

Здесь необходимо ясно осознать два момента. Во-первых, совершенно очевидно, что славянская археология, как и археология в целом, переживает в России в настоящее время тяжелый кризис. Он обусловлен тяжелым экономическим положением в стране, а также кризисом в области идеологии, характерным для сегодняшнего дня в нашей стране.

Во-вторых, сегодня славяно-русская археология в России, несомненно, переживает переходный период. Большой и важный этап в развитии этого направления науки завершен. Об этом свидетельствует, в частности, появление крупнейших обобщающих изданий в серии "Археология СССР". Это уже вышедшие тома "Славяне и их соседи в первой половине I тысячелетия н.э." (М., 1993), "Восточные славяне в VI–XIII вв." (М., 1982), "Древняя Русь. Город, замок, село" (М., 1985), а также полностью подготовленный для печати том "Древняя Русь. Быт и культура".

Говоря о завершении важного этапа в развитии славяно-русской археологии в нашей стране, автор далек от того, чтобы определить характер и очертания следующего, нового этапа. Очевидно лишь, что для него будет характерно, в частности, широкое использование результатов комплексных междисциплинарных исследований, масштабных проработок огромных материалов с использованием компьютерной техники, палеоэкологических и историко-ландшафтных исследований. Конечно, и возможности традиционного археологического источниковедения в духе школ Монтелиуса – Арциховского реализованы еще далеко не полностью. Речь идет лишь о том, что творческая потенция этого направления в плане формирования концепций, определяющих развитие науки на ряд десятилетий вперед, по-видимому, уже исчерпана.

За последние десятилетия отечественная археология и другие исторические дисциплины накопили огромные новые материалы по славяно-русской проблематике, ждущие своего обобщения. Моральное старение прежних концепций, во многом определявшихся идеологическим диктатом, шедшим из вненаучных сфер, заставляет исследователей спешить с созданием масштабных историко-археологических построений, с тем чтобы заполнить образовавшийся вакуум. Потребность в разработке новых, хотя бы предварительных концепций остро ощущается как исследователями-профессионалами, так и профессорско-преподавательскими кадрами и студенческой массой, а также широкими кругами общественности, интересующимися историческими судьбами России, отечественными древностями, так называемой живой стариной.

© А.В. Чернецов, 1996 г.

Сегодняшние гуманитарии работают в условиях небывалой творческой свободы – сдерживавшие их идеологические запреты сняты. Казалось бы, за снятием этих ограничений должен следовать бурный процесс становления новых концепций, переосмысления всего исторического опыта. Однако в реальности события развиваются иначе. Значительный прорыв в области гуманитарной научной мысли (и археологической в том числе) произошел в нашей стране до окончательного снятия идеологических шор. Передовые гуманитарии эпохи застоя сделали больше, чем, казалось бы, можно было сделать в тех условиях. Сейчас же, когда условия более благоприятны, мы несколько отстаем от предоставившихся нам возможностей. В этом плане состояние российской археологической славистики не является исключением. То же самое можно сказать и о многих других отраслях отечественной науки, культуры, искусства.

Отчасти это связано с тем, что создание крупных монументальных исторических полотен – длительный процесс; подобные фундаментальные исследования, опирающиеся на солидную источниковедческую базу, будут созданы лишь лет через десять, после того как возникнут предпосылки для их появления. Между тем, научной общественности, особенно молодым, начинающим исследователям, нужны радикальный пересмотр научных приоритетов, новые перспективы, далеко идущие замыслы и проекты. В этих условиях большое значение приобретает создание обзорных концептуальных работ, полемика вокруг которых и последующая источниковедческая проработка спорных вопросов и приведут в конце концов к становлению нового этапа отечественной историографии. При этом, однако, чрезвычайно важно, чтобы создатели обзорных обобщающих трудов не были все же оторваны от источниковедческой базы. Сегодня российские историки более или менее осознанно предрешают вопрос о том, в каком направлении будет развиваться историческая наука в III тысячелетии.

Недостаточность проработки перспективных концептуальных направлений славяно-русской археологии в настоящее время в значительной мере связана с тем, что инициаторы новаторских, "еретических" подходов к славяно-русской археологии и шире – к русской медиевистике, в последние десятилетия были, если можно так выразиться, "ревизионистами" официальных марксистских концепций (Л.С. Клейн, И.Я. Фроянов, отчасти В.И. Горемыкина и др.).

Между тем сегодня очевидно, что плодотворное развитие концептуальных подходов в историко-археологических исследованиях лежит не на путях ревизии марксизма и не на путях его тотального ниспровержения (В.П. Даркевич). Оба направления очень быстро потеряли какую бы то ни было актуальность.

Необходимо отметить, что использование марксистского учения имело свои положительные стороны, последовательно объясняя историческое развитие приоритетным значением экономики. В известном смысле это положение неопровержимо; его использование не раз приводило к появлению интересных новаторских разработок (и здесь необходимо отметить талантливые построения столько раз проклинавшегося М.Н. Покровского). Далеко неслучаен значительный интерес к марксизму ряда серьезных западных археологов послевоенного времени.

"Беда" марксистской концепции была только в том, что она слишком долго была официально провозглашена в качестве единственно дозволенной.

Между тем примат экономики при всей своей кажущейся бесспорности (и особенной привлекательности для археологов как историков материальной культуры) не является безусловным, даже если исходить из не вполне академического принципа "актуальности". Действительно, для современного русского человека мало актуально то, что его далекие предки занимались подсечным земледелием или сбором меда диких пчел. А вот то, что его этническое самосознание восходит к эпохе первых киевских князей, то, что он живет в государстве, имеющем тысячелетнюю историю, что он является носителем языка и культуры, опирающихся на многовековую традицию, – весьма актуально. Недальновидность примитивного практицизма, "зацикленного" на

экономике и недооценивающего национальный фактор, наглядно продемонстрирована событиями последних лет в нашей стране.

Другой путь пересмотра вопроса о приоритетах мог бы быть чисто источниковедческим, прикладным. Можно сколько угодно говорить о приоритетном значении изучения эволюции земледельческих орудий, однако всем специалистам очевидно, что, например, исследование женских украшений более перспективно для создания детализированных типологических и хронологических разработок.

Все же представляется, что главное, чего следует ожидать от новых концепций, – не то, как тем или иным способом расставить приоритеты, а то, как по-новому осветить механизмы взаимодействия различных факторов исторического развития, и, соответственно двигаться в направлении новых постановок тем, новых источниковедческих подходов. И здесь одна из немаловажных задач – ломка традиционной рубрикации научной проблематики, сложившейся типовой структуры монографических трудов.

Одним из существенных недостатков отечественной историографии советского периода было постоянное стремление рапортовать об успехах и соответственно преуменьшать масштабы остающегося неисследованным, непознанным. Между тем колоссальный объем еще неизвестного, неосмысленного – основной залог бесконечного прогресса науки, и масштабы стоящих перед ней нерешенных задач мы должны оценивать более отчетливо и реалистично.

Говоря о перспективах развития славяно-русской археологии следует иметь в виду три магистральных научных направления.

1. Традиционная археологическая проблематика. Это прежде всего специальные разработки по классификации и хронологии древностей. На данном этапе особое значение приобретает объединение отдельных, частных разработок в систематизированные построения, охватывающие обширные территории и значительные хронологические отрезки.

2. Проблематика на стыке с естественными науками. Сюда относятся разработки естественнонаучных методов датировок, аналитические исследования древних производств, а также комплексные исследования отдельных регионов и микрорегионов в плане палеоэкологии и исторического ландшафтоведения. К этой группе примыкают также и иные исследования, опирающиеся на статистическую и компьютерную обработку материалов.

3. Исследования, в которых наряду с чисто археологической методикой используются также данные иных гуманитарных наук. Это прежде всего исследования по истории религии, культуры, искусства.

Наиболее перспективный путь получения принципиально новой информации, очевидно, связан со вторым направлением. Однако такие исследования зачастую требуют исключительно крупных затрат и в ближайшие годы, по-видимому, не смогут развиваться полноценно. Учитывая высокую профессиональную квалификацию археологов ряда ведущих научных центров, в настоящее время следует считать весьма перспективным в данных условиях третье направление; дополнительным аргументом в пользу его приоритетного развития является и то, что соответствующие исследования представляют значительный общественный интерес. Эта проблематика включает изучение истоков национального своеобразия русской культуры по археологическим данным, рассмотрение древнерусской культуры в самом широком мировом контексте.

Акцент на гуманитарном аспекте археологической науки в наше время оправдан еще и потому, что ряд западных ученых активно подталкивает эту науку в противоположную сторону, стремится (вопреки здравому смыслу) зачислить ее в число естественных наук. В какой-то мере эти тенденции ощутимы и в нашей стране. Достаточно указать на возвращение такого термина, как "история материальной культуры" в значении "археология" (хотя то, что археология профессионально изучает также феномены духовной культуры, – совершенно неоспоримо).

В ведущих археологических учреждениях России накоплено огромное количество неопубликованных архивных материалов по археологии. Это отчеты об археологических исследованиях за многие десятилетия, десятки тысяч паспортов на отдельные памятники, составлявшиеся по заказу Министерства культуры. Кроме того, по ряду областей России ведется или уже завершена работа по созданию археологической части сводов памятников истории и культуры. В связи с приостановкой публикации сводов эти материалы зачастую лежат мертвым грузом и постепенно устаревают. Часть из них нашла свое использование в публикации серии "Археологическая карта России". Подобные разработки представляют собой ценнейший систематизированный и обработанный материал для справочных и энциклопедических изданий, уникальную сводку в значительной мере еще не введенных в научный оборот данных, могущих послужить основой для создания крупных обобщающих работ.

Разработка систематизации и хронологии эпохи Великого переселения народов непосредственно связана с проблематикой этногенеза славян, включает изучение кочевнических древностей. Необходимо дальнейшее развитие и частичный пересмотр фундаментальных работ А.К. Амброза по хронологии периода с учетом аргументации его оппонентов. Сложность работы по синхронизации многочисленных комплексов, памятников и культур ставит вопрос об использовании компьютерной техники для создания банков данных. Эта работа в настоящее время активно ведется, в частности, в Институте археологии РАН; публикуется специальная серия, посвященная древностям эпохи переселения народов.

В теме "древнерусский город" следует подчеркнуть исключительное значение новгородских древностей. Учитывая поразительное богатство находок, сохранность органики и идеальную стратиграфию, сопровождающуюся узкими дендрохронологическими датировками, необходимо содействовать созданию в той или иной форме свода новгородских древностей. Именно новгородские древности наиболее пригодны для разработки основы банка данных по средневековым русским древностям. Издание подобного корпуса могло бы иметь колоссальное значение для археологии не только России, но и всех стран, расположенных по берегам Балтийского моря. Отсутствие полной систематической публикации новгородских материалов чрезвычайно затрудняет прогресс в изучении русского средневекового города. В этом плане удачным шагом в нужном направлении следует считать публикацию П.Г. Гайдукова, посвященную Нутному раскопу (Гайдуков П.Г., 1992) (им подготовлена также работа по Дубошину раскопу). Представляется необходимым работать над совершенствованием структуры изданий подобного типа.

Новгород, как и ряд других древнерусских городов, в культурном слое которых хорошо сохраняется дерево, является памятником, где можно осуществить музеефикацию значительного участка древней городской застройки с улицами, мостовыми, изгородями и нижними венцами жилых и хозяйственных построек. Подобный музеефицированный раскоп представлял бы исключительный интерес как туристская достопримечательность, создающая эффект присутствия на улицах средневекового города. В настоящее время только в одном древнерусском городе имеется подобный объект – на территории Белоруссии в Бресте (летописное Берестье). Павильон, построенный в Бресте, – весьма крупное эффектное здание, не имеющее аналогов в России, несмотря на то что на территории нашей страны есть гораздо более интересные и прославленные памятники русской старины, пригодные для такого использования. Выбор места для этого сооружения, его проектирование, разработка методики консервации с учетом имеющегося опыта, археологическое исследование соответствующих культурных напластований – все это вместе могло бы составить основу комплексного многолетнего проекта.

Чрезвычайно перспективными представляются возобновленные в 1994 г. раскопки Старорязанского городища. Старая Рязань – исключительно ценный памятник древнерусской культуры, это единственная столица крупного княжества домонгольской поры, не занятая современной городской застройкой. Поэтому имеется уникальная возмож-

ность практически полного археологического изучения памятника и выявления его планировки. Расположенный на живописном месте памятник с хорошо сохранившимися валами и рвами может стать объектом музеефикации и туризма. Немаловажно и то, что Старая Рязань находится в месте сосредоточения разнообразных памятников, датируемых различными эпохами начиная с палеолита, и могла бы стать базой постоянно действующей археологической школы.

Отделение истории РАН планирует создание коллективной обобщающей работы, посвященной истории средневекового города. Для этого у археологов имеются квалифицированные кадры и значительные наработки. Среди них два тома (один опубликован) в серии "Археология СССР", работа А.В. Кузы по малым городам древней Руси (Куза А.В., 1989) и составленный им же неопубликованный свод древнерусских городищ, а также материалы, собранные в отделе сводов Института археологии РАН.

Еще одна группа материалов, наиболее пригодная для статистической обработки и компьютеризации, – древнерусский погребальный обряд. В качестве отдаленной цели можно поставить общую сводку славянского погребального обряда (хотя бы, для начала, дохристианского периода) с охватом сопредельных неславянских территорий. Крупная программа по погребальному обряду могла бы непосредственно стыковаться, с одной стороны, с темой и базами данных по эпохе Переселения народов, и с другой – с хронологией новгородских и иных древностей, имеющих дендродаты (разработка такой увязки начата Ю.М. Лесманом) (Лесман Ю.М., 1984).

Одной из целей работы с погребальным обрядом должно быть изучение духовной культуры, в частности язычества и его пережитков. Традиционно погребальный обряд используется археологами преимущественно для изучения этногенеза и социального строя. Представляется необходимым обратить внимание на погребальные памятники в первую очередь как на явление духовной культуры.

Особого внимания требует изучение язычества и его наследия, а также народного "бытового православия". В Институте славяноведения и балканистики РАН разработана программа по созданию "Этнолингвистического словаря славянских древностей". По замыслу ее организаторов, работа над этим словарем "подчинена задаче реконструкции древнеславянской духовной культуры и в конечном счете этногенеза и этнокультурной истории славян". Однако эта программа, составленная филологами и фольклористами, по существу лишена исторической глубины, которая может быть привнесена в подобную программу лишь с помощью археологии. По-видимому, необходимо или подключить археологов к этой работе, или разработать иную программу с акцентом на историко-археологическую проблематику и конкретную хронологию.

Такая программа могла бы вестись вокруг работ по созданию свода по погребальному обряду, дающему наиболее богатый и информативный материал. Остальные материалы (амулеты, идолы, святилища и т.д.) могут иметь в данном случае подчиненное значение в качестве частных тем, группирующихся вокруг изучения духовной культуры преимущественно по материалам погребального обряда.

Ряд археологических работ советского периода должен быть отнесен к такой области, как фактически запретная до сравнительно недавнего времени церковная археология. Достаточно вспомнить научную деятельность Т.В. Николаевой. Археологическому изучению подвергались культовые комплексы и здания, предметы христианского культа, преимущественно произведения мелкой пластики, а также христианские погребения и надмогильные памятники. Значительная часть работ по изучению церковных древностей осуществляется не археологами, а искусствоведами. В последнее время появились археологические исследования средневековых монастырей как археологических комплексов. Координация исследований церковных древностей до последнего времени была крайне слабой. Между тем ощущается необходимость в создании обобщающих исследований, учебных и справочных пособий по данной проблематике. В настоящее время Л.А. Беляевым и А.В. Чернецовым читается курс

лекций по археологии христианских древностей средневековой Руси в Православном университете св. Иоанна, подготовлено краткое учебно-методическое пособие.

Еще одна из тем связана с изучением поселенческой структуры, ее связи с окружающей средой. Здесь ведутся работы по изучению древнерусских административных единиц, боярского землевладения отдельных микрорегионов, оборонительных линий, процессов расселения и колонизации.

Представляется также необходимым возвращение археологии традиционного лидерства в системе так называемых вспомогательных исторических дисциплин.

Существуют значительные пробелы в разработке таких наук, как нумизматика и сфрагистика древней Руси. В ряду неотложных задач древнерусской нумизматики – создание свода русских монет так называемого удельного периода (XIV–XV вв.). Предпосылки для создания подобного свода сложились еще около 100 лет назад, однако эта цель уже явно недостижима в этом столетии. Причины – обилие материала, необходимость создания крупного коллектива, включающего представителей центральных научных учреждений, а также работников музеев (ГИМ и Эрмитаж), МГУ; трудности, связанные с полиграфией. Издание могло бы явиться продолжением образцовой монографии И.Г. Спасского и М.П. Сотниковой (Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983).

В связи с вопросом о международных культурных связях в средневековье и с кочевнической проблематикой в частности следует особо подчеркнуть необходимость дальнейшей разработки вопроса о восточных влияниях в культуре древней Руси, влияниях, которые в отечественной науке традиционно и тенденциозно преуменьшались (Чернецов А.В., 1993).

Исходя из уже высказанных соображений в пользу того, что крупный период изучения славяно-русских древностей завершается и наступает новый, представляется очевидной необходимость создания сводных обобщающих трудов по этой проблематике типа вузовских учебников, энциклопедий и иных справочных пособий (возможна, например, подготовка издания, которое можно было бы условно предварительно назвать "Справочник-определитель российских древностей"). Можно указать на отдельные удачные зарубежные аналоги подобных справочных изданий (Słownik..., 1961–1982).

Говоря о перспективах развития международных научных связей, необходимых для нормального развития славяно-русской археологии, следует отметить известную специфику приоритетов существующих в данной области у российских археологов-славистов. Так, для них несколько меньшее значение имеют контакты с ведущими школами западноевропейской и американской археологии, и гораздо большее – поддержание и сохранение контактов с археологами так называемого ближнего зарубежья, прежде всего Украины, Белоруссии, Молдавии, стран Балтии. Кроме того, безусловно приоритетными для славистов являются связи с восточноевропейскими странами, а также со Скандинавией, Финляндией, Грецией, Турцией и Кавказом. Подобные приоритеты обусловлены известным регионализмом славянской археологии. Здесь интересы российских археологов-славистов совпадают с целями Международной Унии славянской археологии, хотя, конечно, в каждом отдельном случае на первый план выступают двусторонние международные связи или даже индивидуальные личные контакты ученых из разных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Древняя Русь. Город, замок, село, 1985 // Археология СССР. М.

Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.

Седов В.В., Макаров Н.А., Чернецов А.В., 1990. Славяно-русская археология на страницах Русской энциклопедии // Народное образование. № 11.

Славяне и их соседи в первой половине I тысячелетия н.э., 1993 г. // Археология СССР. М.

Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.

Чернецов А.В., 1993. Связи древней Руси с Востоком. Некоторые проблемы и перспективы изучения // Культурно-историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь. Сб. тез. семинара. М.

Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII. 1961–1982. T. 1–7. Wrocław.

Институт археологии РАН,
Москва

A.V. CHERNETSOV

SLAVIC AND RUSSIAN ARCHAEOLOGY IN RUSSIA. SPECIFICS OF ACTUAL SITUATION AND SOME PERSPECTIVES

Summary

This article is wtitten on the occasion of the organization of the 6th International Congress of Slavic Archaeology in Russia (Novgorod, 26–31 August 1996). It is devoted to the state of archaeological Slavic studies in our country. The author notes some negative aspects of the current situation – namely the difficult economic and ideological crisis in Russia. He also considers the situation to be complicated by the fact that Medieval Russian archaeology has now entered a transitional stage – marking the end of one epoch and the beginning of another. And the general character of this new era is still rather obscure. It is clear, however, that it will be characterized by widespread interdisciplinary studies and the application of natural sciences to archaeological materials (particularly in the studies of palaeoecology, historical landscapes, and wide-scale computerization). The main directions of traditional Slavic and Russian archaeology have rather optimistic perspectives. These directions include the studies of early Slavs and the Migration period, the problems associated with medieval Russian towns. funeral rites of the Eastern Slavs and issues of spiritual and material culture. Until recent years, the archaeology of Christian antiquities did not exist as an officially recognized scientific discipline in Russia, although there had, in fact, been much done in this field (the activities of T.V. Nikolayeva etc.). Now the prospects for the development of such issues are quite good. According to the author's opinion, some significant prospects lie in the cooperation of archaeology and the other branches of humanitarian studies (complex source analysis). The author articulates the need to opposethe existing tendency to deprive archaeology of its native humanitarian nature. Archaeology might play the leading role in what are commonly called "auxiliary historical disciplines". Now, scientific public opinion in Russia and in other East European countries is lacking in theoretical and even ideological approaches towards the Humanities as well as in new perspective directions and concepts for future development of science. While the application of Marxist theory to archaeological studies cannot be regarded as a purely negative phenomenon, it did, however, force a systematic explanation of the historical process in terms of materialism and the dominating role of the economy. The official support of Marxist archaeology and simultaneous suppression of other theoretical approaches had really negative impacts on scientific development in the former socialist countries. The actual task facing Russian archaeologists seems to be not only the revising of old theories and priorities, but, first of all, the search for new approaches in the study of mechanisms interaction between various factors of historical development and corresponding research methodology. It is important to pay attention to the revision of the traditional classification of scientific problems, and the traditional structure of scientific monographs. Russian slavic-archaeologists have a specific place in the area of international scientific cooperation. Their priorities in this field are their nearest neighbours, Ukraine, Byelorussia, Moldavia and the Baltic countries. There is also of special interest in contacts with East European countries as well as Scandinavia, Greece, Turkey and the Caucasus. These priorities can be explained by a sort of regionalism – characteristic of Slavic archaeology. In this field, the interests of the Russian Slavic-archaeologists coincide with the aims of the International Union of Slavic Archaeology.

Н.А. МАКАРОВ

ДРЕВНЕРУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: 10 ЛЕТ МЕЖДУ КИЕВСКИМ И НОВГОРОДСКИМ КОНГРЕССОМ

А.В. Куза, один из самых талантливых археологов-славистов послевоенного поколения, писал в 1984 г. о "завершении очередного этапа развития древнерусской археологии" и о наступлении "нового периода" (Куза А.В., 1985, с. 27, 28). Трудно не согласиться с тем, что в середине 1980-х годов древнерусская археология действительно вошла в фазу постепенных трансформаций, обусловленных прежде всего внутренними причинами, логикой развития самой научной дисциплины. Вместе с тем период трансформаций совпал с эпохой глобальных перемен в жизни современного общества, и для археологов, как и для ученых других специальностей, "внешние события" оказались более значимы, чем "внутренняя ситуация" в древнерусской археологии.

10 лет, отделяющие нас от выхода из печати первого древнерусского тома "Археологии СССР", на страницах которого опубликован историографический очерк А.В. Кузы (Куза А.В., 1985), и V Международного конгресса славянской археологии в Киеве, составляют эпоху, резко изменившую политическую карту Восточной Европы, социально-экономический строй находящихся здесь государств, а вместе с ними облик археологии как особой гуманитарной науки и условия работы археологов. Для археологии эта достаточно протяженная эпоха распадается на два отрезка: первый из них, продолжавшийся до конца 1980-х годов, может рассматриваться как период стабильной и продуктивной работы в русле классических традиций советской послевоенной археологии, основное содержание второго периода – мучительная адаптация к новым социально-экономическим реалиям в условиях резкого сокращения объема полевых работ и сужения возможностей для исследовательской деятельности. Какой бы тяжелой ни была современная ситуация для археологов, борьба за существование не исчерпывает все содержание их деятельности. Возможно ли сегодня в таком случае выявить некоторые общие тенденции в развитии древнерусской археологии и более конкретно обозначить характер тех перемен внутри дисциплины, о которых некогда писал А.В. Куза?

Настоящая статья задумана как попытка обзора некоторых изменений, происшедших в древнерусской археологии за последние десять лет. Под "древнерусской" я имею в виду прежде всего ту отрасль археологии, в сферу интересов которой входит изучение памятников IX–XIII вв. на исторической территории Древней Руси, а также более поздних памятников, относящихся к удельному и московскому периоду. Разумеется, мой очерк не претендует на полноту, я остановлюсь в основном на исследованиях моих коллег, работающих в Институте археологии РАН в Москве, и ограничусь обзором лишь некоторых аспектов древнерусской археологии: полевых работ, проблематики и социокультурного контекста исследований.

Полевые работы и охрана археологических памятников

Для древнерусской археологии, как, впрочем и для других областей археологии, 1980-е годы завершают цикл грандиозных по своим масштабам полевых работ, начавшихся в первое послевоенное десятилетие. Трудно точно определить, как изменял-

© Н.А. Макаров, 1996 г.

ся объем полевых исследований на древнерусских памятниках на протяжении 1970–1980-х годов, создается впечатление, что он постепенно нарастал, во всяком случае наибольшее количество открытых листов на право разведок и раскопок – 916 было выдано в 1989 г. Значительный объем разведок и раскопок на памятниках русского средневековья выполнялся экспедициями Института археологии РАН или экспедициями, организованными институтом совместно с другими археологическими учреждениями, и финансировался из бюджетных средств Академии Наук и Министерства культуры. В середине 1980-х годов разведки и раскопки древнерусских памятников проводили около 20 самостоятельных экспедиций и отрядов Института археологии, работавших на территории от Украинского Прикарпатья на юге до Северной Двины и Шпицбергена на севере.

Послевоенная эпоха – эпоха археологического открытия древнерусского города – и раскопки в городах оставались в 1980-х годах приоритетным направлением для археологов-славистов, работающих в Институте археологии. Перечень городов, в которых велись полевые работы в середине – второй половине 1980-х годов, достаточно внушителен, он включает Новгород, Старую Руссу, Суздаль, Ростов, Москву, Изборск, Белоозеро, Звенигород, Мстиславль, Вязьму, Великий Устюг. Наиболее крупными достижениями полевой археологии этого времени стали, во-первых, работы на Троицком раскопе в Новгороде, во-вторых, раскопки в Суздале и Ростове Великом. В результате работ на Троицком раскопе удалось исследовать значительный участок городской территории Людина конца (более 4500 м^2), сопоставимый по своим размерам, по объему вещевой коллекции и по числу найденных берестяных грамот с Неревским раскопом (Хорошев А.С., 1994). Благодаря многолетним работам в Суздале и Ростове Великом впервые удалось получить полноценное представление о материальной культуре Северо-Восточной Руси X–XIII вв., о динамике развития двух крупнейших центров государственности и культуры в этом регионе. Эти работы позволили вернуться к изучению частично депаспортизированных коллекций из владимирских курганов, собранных при раскопках А.С. Уварова, дали возможность увидеть в новом контексте архитектурные и художественные памятники Северо-Восточной Руси, наконец, дали определенный импульс для археологического изучения Москвы, возникшей как один из окраинных городов Владимиро-Суздальской Руси.

Археологические исследования Суздаля и Ростова знаменательны еще и потому, что раскопки на территории обоих городов были тесно увязаны с исследованием их округи. В Суздале параллельно с исследованием Кремля, посада и окольного города велись исследования городского некрополя и нескольких селищ, вблизи которых находились наиболее ранние в Суздальском Ополье курганные могильники (Седова М.В., 1987; Материалы по средневековой археологии..., 1991). Раскопкам на территории Ростовского кремля предшествовало детальное археологическое обследование бассейна оз. Неро, сопровождавшееся шурфовкой и раскопками наиболее интересных селищ (Леонтьев А.Е., 1988; 1991). Эти работы обозначили существенную тенденцию в развитии полевой археологии 1980-х годов – активизацию исследования негородских памятников, прежде всего селищ и могильников, связанных с сельскими поселениями, интерес к обследованию сельских территорий и составлению археологических карт, изучению систем расселения и исторических ландшафтов. Именно в 1980-х годах сотрудниками Института археологии были проведены сплошные обследования ряда сельских районов, которые сегодня приобрели значение эталонных территорий для изучения средневековых систем расселения и средневековой деревни. Я имею в виду прежде всего исследования на территории Радонежского удела в Подмосковье (Чернов С.З., 1989), на территории Мстинско-Моложского междуречья (Исланова И.В., 1995), на юге Новгородской земли в бассейне р. Шлины (Буров В.А., 1989, с. 74–84; 1995), в бассейне Белого озера (Макаров Н.А., 1988; 1993а) в Посемье (Узянов А.А., Сычева С.А., 1987; Кашкин А.В., Узянов А.А., 1987; Кашкин А.В., 1993). Наконец, в 1980-х годах вновь наметился интерес к изучению древнерусских могильников с использованием новых приемов (раскопки курганных групп "площадью", более полный

сбор антропологических материалов). Наиболее интересные результаты были получены при раскопках Суздальского некрополя, в котором вскрыто более 100 курганных насыпей, и при раскопках могильников Никольское III и Нефедьево в районе Белого озера. Таким образом, несмотря на лидирующие позиции "городской археологии" в 1980-х годах, города перестали в это время восприниматься как единственные объекты древнерусской археологии, достойные серьезного внимания и способные дать подлинно значимую информацию.

Для древнерусской археологии 1980-е годы не только время интенсивной работы на уже "освоенных" археологами памятниках и территориях с использованием стереотипных методов и технологий, но и время поисков новых районов, новых объектов и новых приемов полевых исследований. География экспедиционных работ существенно расширяется, московские археологи выходят на периферию средневековой Руси, исследуют поморские становища на архипелаге Шпицберген (Старков В.Ф., 1989; Очерки истории освоения Шпицбергена, 1990), могильники древнерусских колонистов на волоках Поонежья (Makarov N.A., 1994), уникальные городища IX–XIII вв. на Збруче, на юго-западном порубежье Руси (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993). Расширяется и круг самих объектов изучения, он уже не ограничивается культурным слоем поселений и погребениями, но включает остатки средневековых полей, погребенные почвы, культовые камни, памятные кресты и т.п. Но, пожалуй, наиболее серьезное явление – попытки модернизации техники разведок и раскопок: использование радиоуглеродного и термолюминесцентного метода для датировки средневековых памятников, применение спорово-пыльцевого анализа для реконструкции средневековых ландшафтов, привлечение почвоведов для описания культурного слоя и погребенных почв, промывка грунта для сбора остатков зерен. Хотя большинство этих методов уже давно вошло в арсенал науки, вплоть до 1980-х годов они почти не применялись археологами-славистами. Для внедрения их в практику московских археологов большое значение имели исследования Н.А. Кренке на Дьяковом городище и на других памятниках Подмосковья, продемонстрировавшие огромные возможности этих методов (Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1988; Александровский А.Л., Кренке Н.А., 1993).

Как же отреагировала полевая археология на жестокий социально-экономический кризис 1990-х? На первый взгляд, она оказалась жизнеспособнее, чем это можно было предполагать. Количество открытых листов, выданных в 1994 г. (625), сократилось на треть по сравнению с докризисным 1989 г., и если ориентироваться на этот показатель, спад в полевой археологии не так глубок, как, например, в промышленности, где он составляет 50%. Институт археологии продолжает вести широкие раскопки в Новгороде (совместно с кафедрой археологии МГУ и Новгородским музеем) и в Ростове Великом, проводятся работы на Белоозере и белозерских селищах, исследуются поморские зимовья на Шпицбергене и отдельные участки Белого и Земляного города в Москве. Начат новый цикл полевых работ в Старой Рязани. Специалисты Института археологии участвуют в спасательных раскопках, связанных с реконструкцией центральной части Москвы, Владимира и Твери, выступая в качестве руководителей работ на отдельных объектах или консультантов.

Современная ситуация характеризуется коренным изменением системы финансирования археологических работ: охранные исследования почти полностью вытеснили полевые исследования, финансируемые как специальные научные проекты. Всплеск строительной активности в исторической части некоторых крупных городов дал возможность профессиональной работы многим археологам-славистам. Следует иметь в виду, что организация этих работ стала возможна во многом благодаря успехам полевых исследований 1970–1980-х годов, значительно повысившим престиж археологии и способствовавшим формированию более культурного отношения к археологическим объектам, особенно в таких городах, как Новгород, Псков, Владимир, Москва. Спасательные раскопки дают возможность продолжить накопление археологической информации и решить многие финансовые проблемы археологии. Однако нельзя упускать из

виду, что археологи, проводящие эти работы, сегодня все чаще оказываются под жестким прессингом состоятельных заказчиков и городской бюрократии и не имеют возможности провести работы на приемлемом методическом уровне. Древнерусская полевая археология, вновь стягивающаяся в города, вынуждена отказаться от многих технологических достижений 1980-х годов, применение которых делает работы слишком дорогостоящими.

Негативное влияние кризиса я вижу не только в том, что археологи-слависты лишены возможности проводить чисто исследовательские полевые работы и не могут должным образом обеспечить защиту археологических памятников, оказавшихся под угрозой разрушения, но и в том, что российским археологам не удалось провести ту "модернизацию" полевой методики, тенденция которой наметилась в 1980-х годах. За последние 10 лет технический разрыв между полевой археологией России и Западной Европы не сократился, а увеличился.

В то же время, говоря о сегодняшних проблемах полевого изучения и охраны древнерусских памятников, нельзя упускать из виду некоторые общие тенденции во взаимоотношениях между современной цивилизацией и памятниками древности и средневековья. Российская, а отчасти и западноевропейская археология 1950–1970-х годов относится к археологическому памятнику исключительно как к источнику информации о прошлом, который должен быть раскопан "на снос" для получения новых знаний. Для археологии конца XX века археологический памятник – составная часть культурного наследия, имеющая самостоятельную (не только информационную) ценность и заслуживающая прежде всего сохранения, вопрос о целесообразности его исследования вторичен и может решаться по-разному. Эти изменения отражают некоторые глобальные сдвиги в общественном сознании постиндустриального общества, ясное осознание разрушительного воздействия современной цивилизации на природную среду и культурное наследие доиндустриальной эпохи. И хотя для российских археологов-славистов задача расширения полевых работ и поддержания их на некотором, хотя бы минимальном для существования отрасли уровне кажется сегодня гораздо более актуальной, чем задача "сдерживания" раскопок, очевидно, что идеи более ответственного и осторожного обращения с археологическими памятниками все прочнее утверждаются в сознании археологов-профессионалов.

Проблематика исследований

Говоря о проблематике работ, напомним прежде всего что сектор славяно-русской археологии был организован в Институте археологии в 1953 г. по инициативе Б.А. Рыбакова как научное подразделение, нацеленное на систематизацию археологических материалов, происходящих со всей территории Древней Руси, и на решение наиболее важных общих вопросов древнерусской археологии, таких как: становление и развитие феодализма на Руси, происхождение, история и культура древнерусского города, древнерусское ремесло, формирование и развитие древнерусской культуры. Эта программа успешно выполнялась на протяжении 1950–1970-х годов, однако, реализацию ее с самого начала осложняли два обстоятельства. Во-первых, быстрое накопление новых материалов все более затрудняло составление общедревнерусских сводов и исследование тех или иных явлений на общедревнерусском материале. Интенсивные полевые работы в различных древнерусских землях стимулировали интерес к региональным проблемам и постепенно вывели на первый план жанр регионального исследования. Во-вторых, большинство московских археологов-славистов было воспитано в глубоком уважении к конкретному археологическому материалу и проявило склонность скорее к эмпиризму, описательности, чем к широким историко-социологическим обобщениям.

В середине 1980-х – начале 1990-х годов вышла из печати значительная серия исследований, посвященных общедревнерусской тематике и систематизирующих различные категории материала, собранные со всей территории Руси. Это монография

Б.А. Рыбакова о древнерусском язычестве (Рыбаков Б.А., 1987), капитальное исследование В.В. Седова – о расселении и культуре восточнославянских племен в VI–XIII вв. (Седов В.В., 1982), статьи того же автора о происхождении древнерусских городов и о распространении христианства на Руси (Седов В.В., 1987; 1993), исследование А.В. Кузы о малых городах Древней Руси (Куза А.В., 1989), каталоги древнерусской мелкой пластики из камня (Николаева Т.В., 1983) и амулетов-змеевиков (Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991), своды ювелирных изделий с чернью (Макарова Т.И., 1986) древнерусских погребений с монетами (Равдина Т.В., 1988), надписей на предметах художественного ремесла (Медынцева А.А., 1991), наконец, первый "древнерусский том" "Археологии СССР" (Древняя Русь..., 1985). Создается впечатление, что издание этих работ как бы завершает выдвинутую в 1950-е годы программу исследования средневековых русских древностей во всем их разнообразии – от пряслиц и ножей до произведений прикладного искусства и планировочной структуры городов. Главным результатом этих исследований стала не переоценка общих взглядов на происхождение Древнерусского государства и социальный строй древнерусского общества (в этих вопросах большинство московских археологов-славистов следует идеям Б.Д. Грекова и М.Н. Тихомирова), а значительная детализация всей панорамы древнерусской культуры, выход на новый уровень знания практически по всем конкретным вопросам древнерусской археологии.

Таким образом, 1980-е годы могут войти в историю древнерусской археологии как последний период, когда исследования, посвященные общедревнерусской тематике, успешно конкурировали с региональными штудиями, во многом за счет инерции, набранной в предыдущие десятилетия. Несмотря на обнадеживающие публикации последних лет, показывающие, что создание общедревнерусских сводов – выполнимая задача для некоторых исследователей (Гайдуков П.Г., 1993), мы должны признать, что общее географическое пространство древнерусской археологии распалось сегодня на несколько локальных зон (Новгородская земля, Псковская земля, Северо-Восточная Русь, Киевская земля, Черниговская земля, западнорусские земли, Север Европейской России и другие, выделяемые не столь отчетливо), причем распад этот обусловлен не столько становлением в ряде регионов собственных археологических центров или политической дезинтеграцией трех восточнославянских государств, сколько колоссальным ростом археологического материала. Очевидно, "восстановление единства" древнерусской археологии возможно лишь путем создания новых информационных систем, сделающих доступными для исследователя материалы различных географических областей, но пока подобная перспектива далека от реальности.

Главные усилия древнерусской археологии середины 1980-х годов были сосредоточены на изучении средневекового города. Подобная концентрация внимания основывалась на всеобщем убеждении, что после многолетних раскопок больших и малых городов появились наконец возможности перейти к обобщениям – выявить археологические признаки города, исследовать его социальный облик и создать общую концепцию происхождения городов на Руси. Средневековый славянский город был объявлен главной темой V Международного конгресса славянской археологии, городским древностям посвящена основная часть первого "древнерусского тома" "Археологии СССР" (Древняя Русь..., 1985). Попытку свести воедино и осмыслить огромный археологический материал, добытый при раскопках древнерусских городищ, предпринял А.В. Куза, работы которого, как уже говорилось, внесли серьезный вклад в изучение проблемы (Куза А.В., 1984; 1989; Древняя Русь..., 1985).

Исследования А.В. Кузы были встречены жесткой критикой еще в самый момент своего появления, недавно ценность его построений вновь была поставлена под сомнение (Даркевич В.П., 1994, с. 43, 44). Можно согласиться с тем, что предложенное А.В. Кузой определение древнерусского города как пункта концентрации и перераспределения прибавочного продукта схематично и не исчерпывает всех его существенных признаков или с тем, что А.В. Куза недооценивал значение торговли и открытых торгово-ремесленных поселений в процессе ранней урбанизации (Носов Е.Н.,

1993, с. 63–65). Однако как бы критично не относиться к отдельным социологическим реконструкциям А.В. Кузы, заслуги его трудно перечеркнуть. Ведь именно благодаря его работам удалось подсчитать общее количество древнерусских городищ (оказалось, что их около 1400), составить общее представление об их планировочной структуре и размерах, об укрепленной площади поселений, относимых к "малым городам" (как правило, она превышает 2,5 га), о размещении малых городов по территории Древней Руси, характеризующейся значительно более высокой концентрацией на юге, наконец, об изменении численности укрепленных поселений на протяжении X–XIII вв. – т.е. о динамике процесса городообразования. Интересно, что В.П. Даркевич, излагая "собственную версию" истории городообразования, по существу повторяет выводы А.В. Кузы о позднем начале урбанизации и о резком рывке, который переживает этот процесс в середине XI в. (Куза А.В., 1989, с. 69, 70, 165, 166; Даркевич В.П., 1994, с. 55–57).

Выше уже отмечалось, что развитие городской археологии вызвало в 1980-х годах своеобразную ответную реакцию – бурное оживление интереса к изучению систем сельского расселения, исторических ландшафтов и древнерусской деревни в целом. Хотя никто из исследователей сельских памятников не пытался противопоставить "деревенскую" археологию "городской", а сами исследователи не были ни организационно объединены, ни связаны общей программой работ, исследование сельских памятников быстро оформилось как особое научное направление, представляющее определенную альтернативу изучению древнерусского города.

Действительно, уже в конце 1970-х годов отчетливо обозначились диспропорции в изучении древнерусского города и деревни, отсутствие надежных данных о системах расселения, плотности заселения и конкретном археологическом облике сельских поселений в различных областях Древней Руси. Единственное исключение составляли центральные районы Смоленской земли, где в 1950-х годах провел исследования В.В. Седов (Седов В.В., 1960). Многие археологи осознали, что при всем богатстве древнерусских городов как археологических памятников полноценное исследование их социального облика возможно лишь с привлечением данных о синхронных памятниках сельской округи. Наряду с уже упоминавшимися полевыми работами в Суздальском Ополье и вокруг Ростовского озера важный импульс для изучения сельских памятников дали разведки и раскопки Е.Н. Носова в Ильменском Поозерье, неожиданно открывшие сельскую округу раннего Новгорода и позволившие восстановить конкретную связь между историей Новгорода и историей славянского расселения на севере Восточной Европы (Носов Е.Н., 1991). Необходимо иметь в виду, что поворот к изучению сельских поселений, систем расселения и исторических ландшафтов четко обозначился в 1970-х годах на Западе, быстро выдвинув эту тематику на первый план, российские археологи двигались, таким образом, в общем русле европейской археологии.

Хотя материалы исследований во многих сельских регионах Древней Руси в последние годы опубликованы, в настоящее время еще трудно суммировать их результаты и сформулировать общие итоги. Широкие разведки показали, что системы сельского расселения X–XIII вв. в различных областях Древней Руси имеют много общего. Как общие черты можно рассматривать концентрацию поселений в долинах рек, приуроченность их к первой надпойменной террасе, прибрежную планировку, группировку селищ в гнезде. Обследования выявили существенную неравномерность в размещении сельских поселений. На территории Северо-Восточной Руси четко прослеживаются компактные районы высокой концентрации средневековых памятников, соответствующие известным историческим центрам (Суздальское Ополье, Ростовское озеро, Плещеево озеро, Белое озеро) и разделяющие их обширные слабозаселенные пространства. Наконец, практически на всей территории Древней Руси во второй половине XIII – первой половине XIV в. прослеживаются резкие изменения системы расселения, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как переход поселений из речных долин с их плоскими береговыми террасами на более возвышенные участки без

открытых источников воды, нередко на водоразделы. Наиболее подробно эти изменения исследованы С.З. Черновым на территории Радонежского удела (Чернов С.З., 1989; 1991). Запустение старых гнезд поселений и формирование новой сети расселения, имеющей принципиально иной облик, С.З. Чернов связывает с изменением форм собственности на землю и формированием волостной общины. В.А. Буров, исследовавший системы расселения на юге Новгородской земли, также рассматривает их изменения как отражение изменения форм земельной собственности и организации общины: интенсивное освоение водоразделов в XIV–XV вв. он объясняет тем, что крестьяне в это время получают земельные участки на правах аллода (Буров В.А., 1995). Вопрос об исторических причинах, обусловивших радикальные изменения систем расселения во второй половине XIII–XIV в., еще далек от окончательного разрешения, мне представляется, что при исследовании его нельзя недооценивать экологические и экономические факторы.

Оставляя за рамками обзора многочисленные работы чисто вещеведческого характера (которые в действительности составляют один из интереснейших разделов в археологической библиографии 1980-х – начала 1990-х годов), коснусь лишь одной группы публикаций. Я имею в виду работы, посвященные привозным вещам, найденным на древнерусских памятниках, или инокультурным компонентам в русских древностях. Тема культурных связей и внешних влияний на древнерусскую культуру всегда занимала серьезное место в отечественной археологии, в последнее десятилетие разработка ее была дополнена целым рядом исследований, посвященных отдельным категориям вещей, отдельным группам находок или отдельным комплексам (Беляев Л.А., 1995; Амбросиани Б. и др., 1994; Макаров Н.А., 1993б; Полубояринова М.Д., 1988; 1993; 1994; Родина М.Е., 1991; Рыбина Е.А., 1994; Седова М.В., 1994; Сергеева З.М., 1991). Эти работы, касающиеся, казалось бы, очень частных вопросов средневековой археологии, слагаются в цельную картину и раскрывают необычайно широкий круг внешних контактов Древней Руси, сложный характер древнерусской культуры, восприимчивость ее к культурным достижениям Востока и Запада.

Таким образом, 1980-е годы, а отчасти и первая половина 1990-х годов стали для древнерусской археологии скорее временем подведения итогов, чем временем постановки новых научных проблем. Древнерусская археология не пошла по пути демонстративного отказа от концепций и методов советского периода, хотя на практике многие оценки и установки оказались пересмотрены – достаточно указать на серьезную переоценку вклада скандинавов в культуру Древней Руси и создание древнерусского государства или на постепенный возврат к идеям В.О. Ключевского о международной торговле как о существенном факторе, обусловившем возникновение городов (Носов Е.Н., 1993). Необходимо иметь в виду, что будучи связанной с историей теснее, чем большинство других отраслей, древнерусская археология во многом была нацелена на решение проблем, поставленных историками, как бы принесенных "извне", а поэтому иногда довольно умозрительных. Современный уровень знаний позволяет древнерусской археологии самой выдвигать новые проблемы, достаточно масштабные, но решаемые на конкретном материале. Наибольшую самостоятельность в их постановке демонстрирует новгородская археология, ставшая источником не только свежих фактов, но и свежих идей.

В ходе историко-археологического изучения Новгорода в последние десятилетия сделаны исторические выводы, значение которых выходит далеко за пределы собственно новгородской археологии. Я имею в виду прежде всего заключение о существенном отличии древненовгородского диалекта XI–XII вв. от языка южной группы восточных славян (Зализняк А.А., 1988; 1995, с. 45, 46, 134, 135), указывающее на западное – балтийское происхождение новгородских и псковских первонасельников и заставляющее по-новому взглянуть на культурные различия между Северной и Южной Русью; вывод о сравнительно позднем формировании боярского землевладения в Новгородской земле (начало этого процесса приходится на первую четверть XII в.), вновь остро ставящий вопрос об организации господствующего класса Древней Руси и

об источниках его экономического благосостояния в ранний период; наконец, вывод о концентрации господствующего класса в самом Новгороде и о клановом характере городского землевладения (заключения, сделанные некогда по материалам Неревского раскопа, полностью подтвердились на Троицком) (Янин В.Л., 1994), подталкивающий к поискам аналогий подобной организации на других восточнославянских территориях. Мне представляется, что постановка новых проблем в средневековой археологии невозможна без учета этих фактов, меняющих привычные представления о многих аспектах древнерусской истории и культуры.

Социокультурный контекст

Хотя вопрос об общественном статусе археологии и ее роли в идеологии и культуре современной России не входит в число широко дискутируемых – начало его обсуждению положено сравнительно недавно (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995), – нет необходимости доказывать его злободневность. В новой исторической ситуации археологии вновь приходится доказывать свою социальную значимость, искать новые аргументы, подтверждающие ее право на существование. От того, насколько удачными будут эти усилия, зависит профессиональное будущее большинства археологов. Для древнерусской археологии, в компетенцию которой входит изучение истоков национальной государственности и культуры, вопросы идеологического самоопределения оказываются особенно болезненными.

В Советском Союзе в 1950–1980-х годах изучение славяно-русских древностей рассматривалось как одна из наиболее престижных и общественно значимых отраслей археологии, безусловно заслуживающих государственной поддержки. Ситуация, сложившаяся после распада Советского Союза и становления России как самостоятельного государства, – провозглашенный государством курс на возрождение национальных культурных традиций и новое прочтение национальной истории, казалось бы, должна была благоприятствовать древнерусской археологии, во всяком случае обеспечить ее солидным "государственным заказом". Но в действительности произошло обратное.

Существенным фактом, характеризующим современное состояние древнерусской археологии, я считаю неучастие археологов в обсуждении проблемы национального своеобразия русской культуры и государственности, национальной идентичности и особого исторического пути России, обсуждении, в которое в первой половине 1990-х годов оказалась вовлечена значительная часть российской интеллектуальной элиты. Хотя большинство участников этих дискуссий в той или иной мере апеллировало к истории, иногда – к весьма глубинным ее пластам, – оказалось, что для их воссоздания вовсе не требуются современные археологические данные и специалисты, умеющие их интерпретировать. Страна, декларировавшая возрождение национальной государственности, не проявила хотя бы внешнего интереса к эпохе первоначального оформления этой государственности и становления русских как особого этноса и никак не стимулировала изучение и охрану археологических памятников этой эпохи. Не менее парадоксально и то, что и археологи-слависты не проявили особой активности, предлагая эту информацию обществу.

Чтобы уяснить причины этой ситуации, надо четко представлять ретроспективу – некоторые общие черты, определявшие положение средневековой археологии в системе гуманитарных знаний и в общественном сознании России XIX–XX вв. Выдающиеся достижения славяно-русской археологии второй половины XIX – середины XX в. обеспечили отрасли "академические привилегии" – высокий статус в системе исторических дисциплин. Если же рассматривать ее положение в общественном сознании и в культурной жизни России, придется признать, что оно всегда было периферийным. Средневековые древности никогда не воспринимались как наиболее значимая часть национального культурного наследия. Конечно, в отдельные периоды общественный интерес к средневековью и его материальным памятникам значительно возрастал, как

и в Западной Европе эти периоды увлечений были связаны с развитием идеологии национальных государств и национального самосознания. В конце XIX – начале XX в. и в 1950–1960-х годах средневековые древности более чем когда-либо находились в фокусе общественного внимания, но даже в эти периоды "национального романтизма" среднестатистический представитель образованной части общества имел самые туманные представления о конкретном облике археологической культуры Древней Руси. Имена самых ярких погребальных памятников эпохи образования Древнерусского государства – Гнездовских курганов или кургана Черная могила – едва ли вызывали у него какие-либо ассоциации – это отличало его от среднестатистического шведа или датчанина, имевшего хотя бы поверхностное представление о курганах Старой Уппсалы и Еллинга. М.В. Нестеров в 1897 г. изобразил отрока Варфоломея – юного Сергия Радонежского (1322–1392 гг.) – с резной копоушкой на поясе – ярким атрибутом мерянской языческой культуры X в., – одежда и оружие героев исторических картин И.С. Глазунова, написанных в 1960–1970-е годы, не имеют ничего общего с исторической реальностью X–XIII вв. Памятники славяно-русской археологии не стали в России национальными культурными символами, объектами, существенными для национальной самоидентификации. В общественном сознании они оказались как бы заслонены литературой и живописью XIX в., средневековой иконописью и храмовой архитектурой, православной обрядностью и традиционной крестьянской культурой.

Таким образом, древнерусская археология осталась невостребованной для создания новой политической идеологии в России не только в силу принципиальной позиции исследователей, полагающих, что наука не должна быть политизирована, но и в силу некоторых объективных обстоятельств, прежде всего актуализации в 1990-х годах традиционного для России взгляда на археологические памятники как на "второстепенную", периферийную часть культурного наследия. Западноевропейские археологи высказывали резонные опасения, что в условиях современного кризиса, нестабильности и подъема национализма в восточноевропейских и пост-советских странах археология вновь будет политизирована и использована для создания националистических концепций и обоснования этнических и территориальных претензий (Hodder I., 1991, p. IX–X; Kristiansen K., 1993, p. 18), сегодня мы можем констатировать, что в древнерусской археологии эта тенденция не проявилась[1].

Однако приходится признать, что падение общественного интереса к "академической" археологии, ее уход (в значительной степени вынужденный) со страниц популярных журналов и из телевизионных программ, концентрация археологов на изучении узкопрофессиональных проблем породили неожиданный феномен – бурный прорыв на страницы массовых изданий дилетантов, выступающих в качестве основных экспертов по ранней истории славянства и интерпретаторов славянских древностей. Симптоматично появление в 1993–1994 гг. целой серии хорошо изданных псевдоисторических сочинений о происхождении славян и героических веках славянства (Русские веды, 1992; Мифы древних славян, 1993; Гриневич Г.С., 1993). Эти книги, отрицающие критические методы исторической науки и использующие источники, поддельность которых убедительно доказана, например, "Велесову Книгу", становятся для широкого читателя основным источником информации о русском средневековье.

Российское общество сегодня лишено нормального исторического самосознания. Пытаясь восстановить свою связь с прошлым, оно бросается в крайности: то замыкается в короткой истории, ограничивая ретроспективу первой мировой войной и революцией, то обращается к поиску корней славянства в палеолите. Между тем размытые сегодня представления о древнерусском или киевском периоде (в особенности о IX–X вв.) как об эпохе начала Руси, эпохе становления русской государственности и культуры в исторических формах отнюдь не устарели. Материалы археологии все

[1] В качестве едва ли не единственного примера проявления "национальных эмоций" в древнерусской археологии можно рассматривать дискуссию о роли финнов и славян в колонизации Северной Руси и создании древнерусского государства на страницах Fennoscandia Archaelogica (Ligi P., 1993; 1994; Panckenko A. et al., 1994).

более высвечивают важность и значимость этого исторического пласта как периода кристаллизации многих явлений национальной культуры – от религиозной обрядности и образов прикладного искусства до элементов традиционного быта и орудий труда, появившихся X в. и остававшихся почти неизменными до коллективизации. Перед археологией стоит задача создания новой картины русского средневековья, синтезирующей основные факты и материалы, добытые в последние десятилетия, и оценивающей их в новом ракурсе, с высоты нового хронологического рубежа – конца XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Кренке Н.А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208.

Амбросиани Б., Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янссон И., 1994. Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // Археологические вести. № 3. СПб.

Беляев Л.А., 1995. Орнамент надгробий Москвы XIII–XVII вв. (формальный и семантический анализ) // Славянская археология – 1990. Раннесредневековый город и его округа. М.

Буров В.А., 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и в Верхнем Подвинье. Калинин.

Буров В.А., 1995. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология – 1990. Раннесредневековый город и его округа. М.

Гайдуков П.Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.

Гриневич Г.С., 1993. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М.

Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995. О современном состоянии археологии в России (Полемические заметки) // РА. № 3.

Даркевич В.П., 1994. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. № 10.

Древняя Русь. Город, замок, село, 1985 // Археология СССР. М.

Зализняк А.А., 1988. Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестн. АН СССР. № 8.

Зализняк А.А., 1995. Древненовгородский диалект. М.

Исланова И.В., 1995. Структура сельского расселения в Мстинско-Моложском междуречье в VI–XIII вв. // Славянская археология – 1990. Раннесредневековый город и его округа. М.

Кашкин А.В., 1993. 10 лет работы Центральночерноземного отряда // КСИА. Вып. 210.

Кашкин А.В., Узянов А.А., 1987. Путивльское и Курское Посеймье в IX–XIII вв. (сравнительная характеристика по археологическим данным) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194.

Куза А.В., 1984. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // КСИА. Вып. 179.

Куза А.В., 1985. Археологическое изучение Древней Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М.

Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.

Леонтьев А.Е., 1988. Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.

Леонтьев А.Е., 1991. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Макаров Н.А., 1988. Средневековые памятники Белозерской округи: археологическая карта и комментарий // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.

Макаров Н.А., 1993а. Колонисты на окраинах: сельское расселение на Волоке Славенском в X–XIII вв. // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. 1. М.

Макаров Н.А., 1993б. Русский Север и Лапландия. Торговые связи XI–XIII вв. // РА. № 2.

Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.

Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси, 1991 / Под ред. М.В. Седовой. М.

Медынцева А.А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М.

Мифы древних славян, 1993. Саратов.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1–60.
Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.
Носов Е.Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.
Носов Е.Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Западной России. СПб.
Очерки истории освоения Шпицбергена, 1990 / Ред. В.Ф. Старков. М.
Полубояринова М.Д., 1988. Крест с эмалью из Болгара // Древности славян и Руси. М.
Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XIII вв. М.
Полубояринова М.Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
Родина М.Е., 1991. Витражные стекла из Владимира и Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.
Русские веды, 1992. М.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
Рыбина Е.А., 1994. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92. М.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.
Седов В.В., 1987. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Вып. 1. М.
Седов В.В., 1993. Распространение христианства в Древней Руси. // КСИА. Вып. 208.
Седова М.В., 1987. Исследование Суздаля и его округи // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. конф. М.
Седова М.В., 1994. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Сергеева З.М., 1991. К изучению восточного импорта из памятников X–XIII вв. Белоруссии (по материалам сердоликовых и хрустальных бус) // Гомельщина: Археология, история, памятники. Гомель.
Старков В.Ф., 1989. Деятельность русских поморов на архипелаге Шпицберген в XVII в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии. Архангельск.
Узянов А.А., Сычева С.А., 1987. История антропогенного влияния на природу Курского Посеймья // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М.
Хорошев А.С., 1994. Топография, стратиграфия и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба А) // Новгородские археологические чтения / Под ред. В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова. Новгород.
Чернов С.З., 1989. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М.
Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
Янин В.Л., 1994. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения / Под ред. В.Л. Янина и П.Г. Гайдукова. Новгород.
Hodder J., 1991. Archaeological Theory in Contemporary European Societies: the Emergence of Competing Traditions // Archaeological Theory in Europe. The last three decades. London; New York.
Kristiansen K., 1993. "The Strength of the Past and its Great Might"; an Essay on the Use of the Past // Journal of European Archaeology. V. 1.
Ligi P., 1993. National Romantisizm in Archaeology: the Paradigm of Slavonic colonisation in North-West Russia // Fennoscandia Archaeologica. № X.
Ligi P., 1994. "Active Slavs" and "Passive Finns": a Reply // Fennoscandia Archaeologica. № XI.
Makarov N.A., 1994. Portages of the Russian North: Historical Geography and archaeology // Fennoscandia Archaeologica. № XI.
Panchenko A., Petrov N., Selin A., 1994. "Language Replacement" by Priit Ligi // Fennoscandia Archaeologica. № XI.

Институт археологии РАН,
Москва

N.A. MAKAROV

MEDIEVAL RUSSIAN ARCHAEOLOGY: 10 YEARS BETWEEN KIEV' AND NOVGOROD' CONGRESSES

Summary

This article is an attempt to survey the main changes that have taken place in medieval Russian archaeology during the last 10 years. "Medieval Russian" is the branch of archaeology that deals with monuments of the 9th–13th centuries from the historical territory of Medieval Rus, as well as later monuments from the period of appanage principalities and the Moscow period. The author mainly considers the investigations conducted by his colleagues at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in Moscow. He characterizes the following branches of medieval Russian archaeology: fieldwork and social and cultural context of research as well as its problems. The author stresses that the period of internal transformation in medieval Russian archaeology that started in the middle of the 1980s is due to the development of archaeology. This transformation period has coincided with a period of great change in contemporary society. The social and economic crisis of the 1990s forced a decline in fieldwork and put a halt to "the modernization" of field methodology in Russia. However, it hasn't influenced the research issies. The 1980s and the first half of the 1990s have so far remained for medieval Russian archaeology a period of analyzing the results of previous excavations. It has not been a good time to begin work on new scientific problems. Special attention is now paid to the social status of medieval Russian archaeology and its role in the ideology and culture of contemporary Russia. From the 1950s to the 1980s the studying of Slavonic-Russian antiquaties was considered to be one of the most prestigious and socially important branches of archaeology in the former Soviet Union, and it was strongly supported by the state. The situation after the disintegration of the Soviet Union, when Russia became an independent state, seemed propitious: the government proclaimed a new policy based on the revival of national cultural traditions and a new interpretation of national history. However, in reality no new policy was implemented. The fundamental problem in contemporary Russian Medieval Archaeology is that none of the archaeologists have participated in discussions on the problems of national Russian culture, national identity, and Russia's specific cultural path. A significant part of the Russian intellectual elite was involved in the discussions that took place in the first part of the 1990's. The decline of social interest in "academic" archaeology along with its disappearance from the pages of popular magazines and TV programs has generated an unexpected phenomenon: an invasion in the mass media of amateurs posing as major experts on the problems of ancient Slavonic history. Russian society at the present time is lacking historical selfconsciousness. In trying to renew its relations to the past, Russian Society sometimes studies only the short period around World War I and the October Revolution, and sometimes looks for Slavonic roots in the Palaeolithic period. Nevertheless, our ideas on the origin of Russian State and culture in the 9th–10th centuries – the period of Kievan Rus – are still valid. Archaeology faces the task of interpreting Russian Medieval life and culture, of synthesizing the main facts and materials obtained during the last decades, and evaluating them from a new chronological point of view – the end of the 20th century.

В.Л. ЯНИН

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

26 июля 1951 г. в Новгороде во время археологических раскопок, руководимых А.В. Арциховским, в слое рубежа XIV–XV вв. была найдена первая берестяная грамота, а затем в том же полевом сезоне – еще девять берестяных документов. С тех пор прошло 45 лет, в течение которых число подобных находок возрастало с каждым годом. К концу сезона 1995 г. коллекция новгородских берестяных грамот включала 759 текстов. За это время грамоты на бересте были обнаружены еще в восьми русских городах: 26 – в Старой Руссе, 13 – в Смоленске, 7 – в Пскове, по 2 – в Твери и в украинском древнем городе Звенигороде, по 1 – в Москве, Витебске и Мстиславле (последние два города в Белоруссии). Берестяные грамоты превратились, таким образом, в массовую категорию археологических находок. Они прочно вошли в число основных источников по истории средневековой Руси, породив значительную литературу, посвященную как конкретному исследованию их текстов, так и общей оценке самого явления берестяного письма.

Способ берестяного письма и условия сохранения берестяных грамот в культурном слое

Для использования в качестве писчего материала береста, как правило, специально подготавливалась. Лист березовой коры должен был иметь минимум прожилок. С его внутренней стороны удалялись ломтики прослойки луба, а с наружной – шелушащийся поверхностный слой. Этнографические примеры говорят о том, что дополнительная эластичность придавалась бересте ее кипячением в воде со щелочами. Впрочем, известно немало текстов, написанных на необработанной бересте или же на предметах, использованных вторично (например, на оторванных днищах лукошек). Текст писали в большинстве случаев на внутренней поверхности коры, хотя иногда встречаются документы, написанные на наружной поверхности или на обеих сторонах листа. Текст наносился с помощью костяного или железного стилоса выдавливанием штрихов. Из 812 известных сегодня текстов только два написаны чернилами.

Стилосы (их в находках в Новгороде и в других городах известно уже несколько сотен) представляют собой заостренный стержень, снабженный на противоположной стороне плоской лопаточкой. Такая форма определялась двойным назначением этого инструмента. Им писали и на бересте, и на навощенных дощечках – церах, неоднократно встреченных при раскопках в Новгороде (однажды была найдена цера, сохранившая не только заливку воском, но и остатки текста на ней (рис. 1). Лопаточкой заглаживали написанное по истечении необходимости в нем. Очевидно, что предпочтительное использование внутренней поверхности коры связано с ее сравнительно высокой эластичностью, создающей наилучшие условия для выдавливания штрихов письма. Археологам эта особенность создает дополнительные удобства: поскольку береста при естественном скручивании сворачивается внутренней стороной наружу, тексты обнаруживаются чаще всего без насилия над находкой – они бывают хорошо видны на поверхности свитка.

Очевидно, что единственным способом сохранения берестяного документа в естественных условиях является его быстрое попадание во влажную среду. На воздухе

© В.Л. Янин, 1996 г.

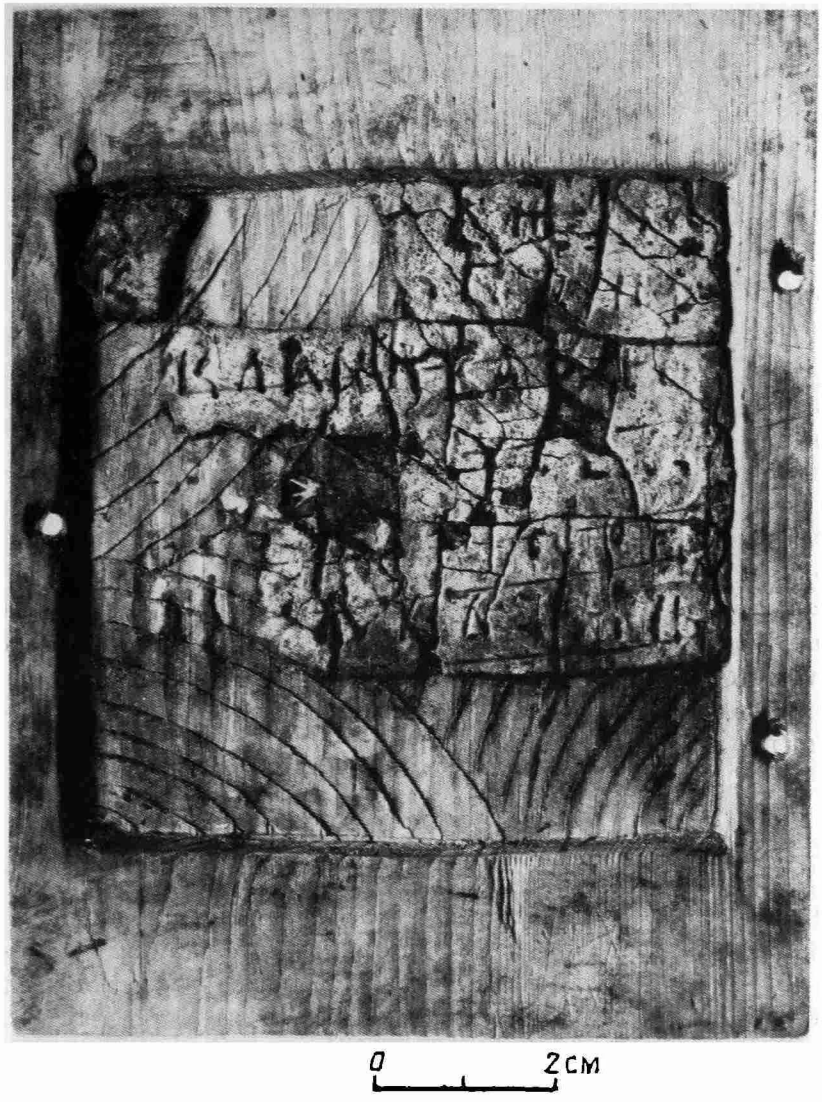


Рис. 1. Цера с остатками воскового покрытия и надписей на нем, найденная в 1992 г. в слое XII в.

береста быстро скручивается из-за неравномерного натяжения ее прослоек при высыхании, становится ломкой, расслаивается по прожилкам. Это писчий материал, не рассчитанный на длительное хранение. Человек, получивший берестяное письмо, ознакомившись с его содержанием, выбрасывал его, и, попав в грязь, будучи затоптано во влажную почву, оно только в таком случае обретало вторую жизнь, получало возможность сохраниться до наших дней. Это касается и записей, сделанных для себя. Надо полагать, что самый выбор для них бересты определялся кратковременным назначением таких записей; для записей длительного использования, вероятно, предпочитали пергамен.

Я специально остановился на этом обстоятельстве, чтобы возразить против высказываемого иногда предположения о возможности существования в средневековье берестяных архивов. Опыт обнаружения новгородских берестяных грамот решительно восстает против такого допущения. Все найденные к настоящему времени документы имеют точное соответствие их независимых (палеографических и ономастических) дат стратиграфическим условиям их залегания в культурном слое. Примером этому может служить обширный комплекс берестяных документов боярской семьи Мишиничей, многие представители которой хорошо известны по рассказам новгородских летописей. В ходе раскопок были найдены тексты, написанные или полученные шестью

поколениями этой семьи с начала XIV в. до середины XV в. За это время отложилась трехметровая толща культурного слоя, четко членящаяся на десять ярусов сменяющих друг друга усадебных комплексов. Соответственно берестяные грамоты лиц, живших в начале XIV в., обнаружены в ярусах этого времени, а грамоты лиц, живших в середине XV в., – тремя метрами выше.

Из-за повышенной влажности культурного слоя в нем не копали колодцев и подвалов, дома не заглубляли в землю, а пользовались наземными опорными конструкциями. Мелкие же ямы вызывали незначительные перемещения древних остатков в пределах до полустолетия. Это обстоятельство позволяет с очень большой степенью доверия относиться к стратиграфическим датировкам берестяных грамот, особенно когда они подкреплены дендрохронологическим анализом многочисленных образцов древесины, взятых из древних построек. Сочетание стратиграфического и традиционного методов датирования всякий раз дает неотличающиеся результаты.

Таким образом, массовость находок берестяных грамот в Новгороде – не следствие обнаружения в нем какого-то древнего архива. Грамоты происходят из разных стратиграфических уровней и обнаруживаются в разных районах города. Из этого не следует, однако, что они сколько-нибудь равномерно насыщают культурный слой. На одних усадьбах их много, на других нет совсем. На одной и той же усадьбе в одних стратиграфических уровнях обнаружены десятки берестяных документов, а в других они встречены в минимальном числе или вовсе отсутствовали. Такая неравномерность никоим образом не связана с физическими характеристиками культурного слоя. Она зависит исключительно от общего интеллектуального уровня населения той или иной усадьбы на протяжении существования конкретного яруса, а в конечном счете – от способа хозяйствования такой жилой ячейки.

Тем не менее сорокалетний опыт поисков берестяных документов дает возможность примерного подсчета еще не извеченных из культурного слоя Новгорода берестяных текстов. Их под асфальтом современного города хранится не менее 20 тыс. Такую цифру следует соотнести с тем обстоятельством, что она составляет лишь ничтожную долю того, что некогда существовало и сгорело в печах и в пламени многочисленных пожаров.

В середине XII в. новгородец Кирик спрашивал епископа Нифонта: "Нет ли в том греха, если по грамотам ходить ногами? Если кто-то, изрезав их, бросит, а слова могут быть прочтены?". И хотя этот вопрос имеет источником одно из правил Шестого Вселенского собора, он адекватно отражает картину Новгорода, в котором ноги прохожих топтали немало брошенных на землю грамот.

Хронология берестяного письма

Принадлежность берестяных грамот к разным хронологическим горизонтам и практическая их связь только с этими горизонтами, как уже отмечено, позволяют применить для их датировки преимущественно стратиграфический метод. Особенность Новгорода состоит в том, что городская застройка в нем возникла на материковых слоях плотной водонепроницаемой глины. Поэтому почвенные воды, паводки и осадки предельно насыщают культурный слой, лишая его аэрации и, следовательно, условий существования бактерий, вызывающих гниение. Вплоть до рубежа XVII–XVIII вв., когда в городе была сооружена разветвленная дренажная система, грунтовые воды не опускались ниже соответствующих дневных поверхностей, что требовало постоянного мощения улиц и других проездов. Упомянутый дренаж подсушил слои XVI–XVII вв., а частично и второй половины XV в., в силу чего они полностью утратили органические остатки.

Эта особенность слоя имела весьма существенное следствие. Уличные мостовые в Новгороде обновлялись не тогда, когда старые деревянные мостовые требовали замены из-за ветхости, а гораздо раньше – когда по сторонам существующей еще достаточно прочной мостовой культурный слой нарастал несколько выше ее уровня,

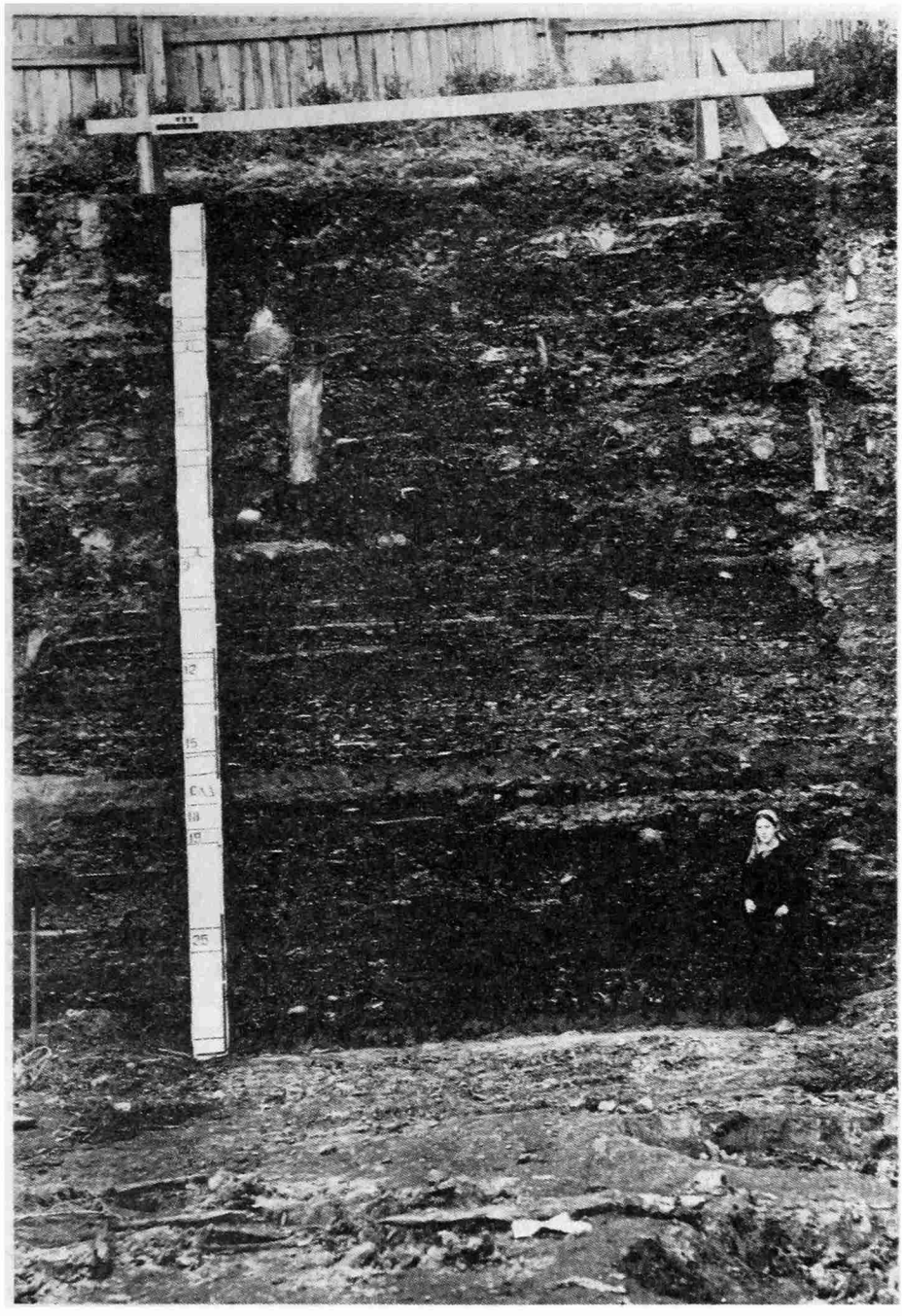


Рис. 2. Фотография дает представление о мощности культурных напластований в Новгороде. Сотрудница экспедиции стоит на горизонте, соответствующем середине X в. В 1 м от современной дневной поверхности залегают напластования середины XV в. Шестиметровая толща отложилась за 500 лет

что случалось примерно через 15–20 лет после очередного сооружения мостовой. Новый настил укладывали на предыдущий, который становился как бы частью фундамента улицы. Такой механизм действовал безостановочно. Раскопки в разных районах города установили, что с середины X в. (когда впервые начали мостить улицы) до середины XV в., т.е. на протяжении 500 лет, на мостовых улиц образовывалось примерно 30 ярусов настила; каждый из этих ярусов получает точные дендрохронологические даты (рис. 2; 3).

Определение этих дат в свою очередь создает возможность детальной хронологической привязки изобильных вещевых комплексов, в том числе и берестяных

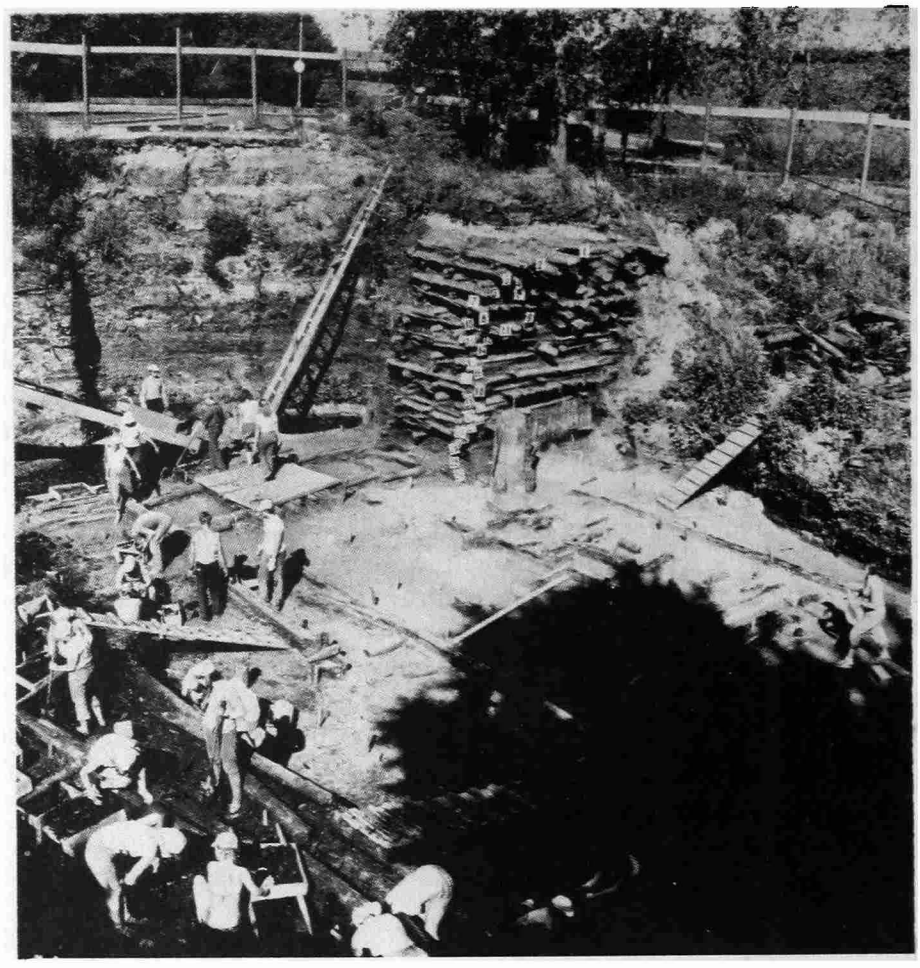


Рис. 3. Разрез одной из древних новгородских улиц, накопившей за 500 лет 30 ярусов деревянных настилов. Древнейший – 28-й – датируется 953 г. Самый поздний – 00-й – серединой XV в. Ярусы мостовой составляют шкалу времени, к которой привязываются прослойки культурного слоя с содержащимися в них древностями

документов, которые получают надежные даты в пределах стратиграфического яруса, т.е. с точностью в 15–25 лет. Легко заметить, что такая точность существенно превосходит возможности палеографических датировок, создавая и для палеографии более надежную основу датирования.

Изложенные преимущества новгородского культурного слоя позволяют высказать общие соображения о времени бытования берестяного письма, более определенные в той части, которая относится к эпохе его отмирания. Хотя древнейшие на сегодняшний день берестяные грамоты извлечены из слоев первой половины XI в., однако уже в самых ранних горизонтах культурного слоя были встречены инструменты берестяного письма (древнейший – в слоях 953–972 гг.). Замечу также, что из этих ранних слоев происходит кириллическая надпись на деревянном предмете. Поэтому имеются основания говорить о том, что кириллическая письменность в Новгороде появляется не в результате христианизации его населения в конце X в., а существует там по крайней мере в конце дохристианского периода. Не следует только преувеличивать масштаб грамотности в этот ранний период. Полевой сезон 1994 г., на протяжении которого раскопки на площади более чем в 1000 м^2 велись в слоях X – начала XI в., не дал ни одной берестяной грамоты, и это достаточно симптоматично.

Что касается позднейшей даты массового бытования берестяного письма, она в целом может быть определена второй половиной XV в. Дело, разумеется, не в том, что горизонты более позднего времени не содержат берестяных грамот; в условиях

аэрации прослоек XVI–XVII вв. береста в этих горизонтах не могла сохраниться. Косвенным указанием на то, что после второй половины XV в. берестяное письмо перестало быть массовым, является отсутствие на стенах новгородских церквей граффити этого времени, которые были обильны на протяжении XI – середины XV в. Орудием письма на штукатурке служили те же самые стилосы, какими писались тексты берестяных грамот, а исчезновение граффити, таким образом, прямо связывается с выходом из употребления стилоса.

Причиной этому было стремительное распространение на Руси дешевой бумаги именно в XV в., а вместе с ним и тотальное распространение главных орудий письма на бумаге – гусиного пера и чернил. Показательно, что обе берестяные грамоты, написанные чернилами, относятся к середине – второй половине XV в.

Найденные в Новгороде берестяные грамоты распределяются по обобщенным хронологическим горизонтам их залегания так: XI в. – 21; XII в. – 225; XIII в. – 164; XIV в. – 261; XV в. – 88.

Последняя цифра отражает насыщенность горизонтов только первой половины XV в., поскольку более поздние прослойки, как было сказано выше, уже не сохраняют органических остатков. Некоторое падение числа текстов в XIII в. соответствует общему кризисному состоянию Руси в результате разгрома в ходе татаро-монгольского нашествия.

Особо следует отметить, что до обнаружения берестяных грамот мы располагали всего лишь тремя подлинными пергаменными актами домонгольского времени (один – XII в. и два первой половины XIII в.) и ни одним более раннего времени. Уже это обстоятельство отражает особую ценность открытия берестяных текстов для истории и лингвистики.

Берестяные грамоты и некоторые вопросы палеографии

Одна из древнейших найденных в Новгороде берестяных грамот (№ 591, первая половина XI в.) содержит текст кириллической азбуки неполного состава. Она включает не 43, а только 32 буквы: отсутствуют Щ, Ы, Ь, Ю, иотованные А, Е, Я, кси, пси, фита и омега. Их отсутствие невозможно объяснить недостатком места: азбука занимает лишь середину обширного пространства берестяного листа (рис. 4).

Между тем, те же особенности имеет азбука в берестяной грамоте № 460, происходящей из слоев XII в., что исключает элемент случайности и позволяет утверждать, что оба этих документа отражают тот ранний этап формирования кириллицы, когда азбука еще не обрела тот окончательный состав, который, однако, уже хорошо известен по памятникам книжного письма середины XI в. Азбуки в берестяных грамотах XIII в (№ 199, 201, 205) и на цере первой половины XIV в. более совершенны, но остаются по-прежнему неполными. Такие азбуки облегченного состава я бы назвал "традиционными", поскольку, лишь немного пополняясь, они служили основой первоначального обучения даже в XIV в. Возникшие не на раннем этапе истории кириллического письма новации (например, почти все иотованные буквы) составляют как бы иной пласт образованности: они, естественно, хорошо известны профессиональным писцам и в XI в., но их знание не входит в круг обязательных требований начального обучения письму даже в XIV в.

Открытие в киевском Софийском соборе граффито XI в. с записью азбуки так же неполного, но иного состава, максимально приближающего ее к греческому алфавиту, указывает на вариантность употреблявшихся на Руси азбук, что позволяет с большой уверенностью высказаться в поддержку того мнения, согласно которому кириллическое письмо формируется постепенно на основе греческого алфавита, а не имеет единовременного искусственного происхождения. Иными словами, версия об изобретении св. Кириллом не кириллицы, а глаголицы представляется весьма основательной.

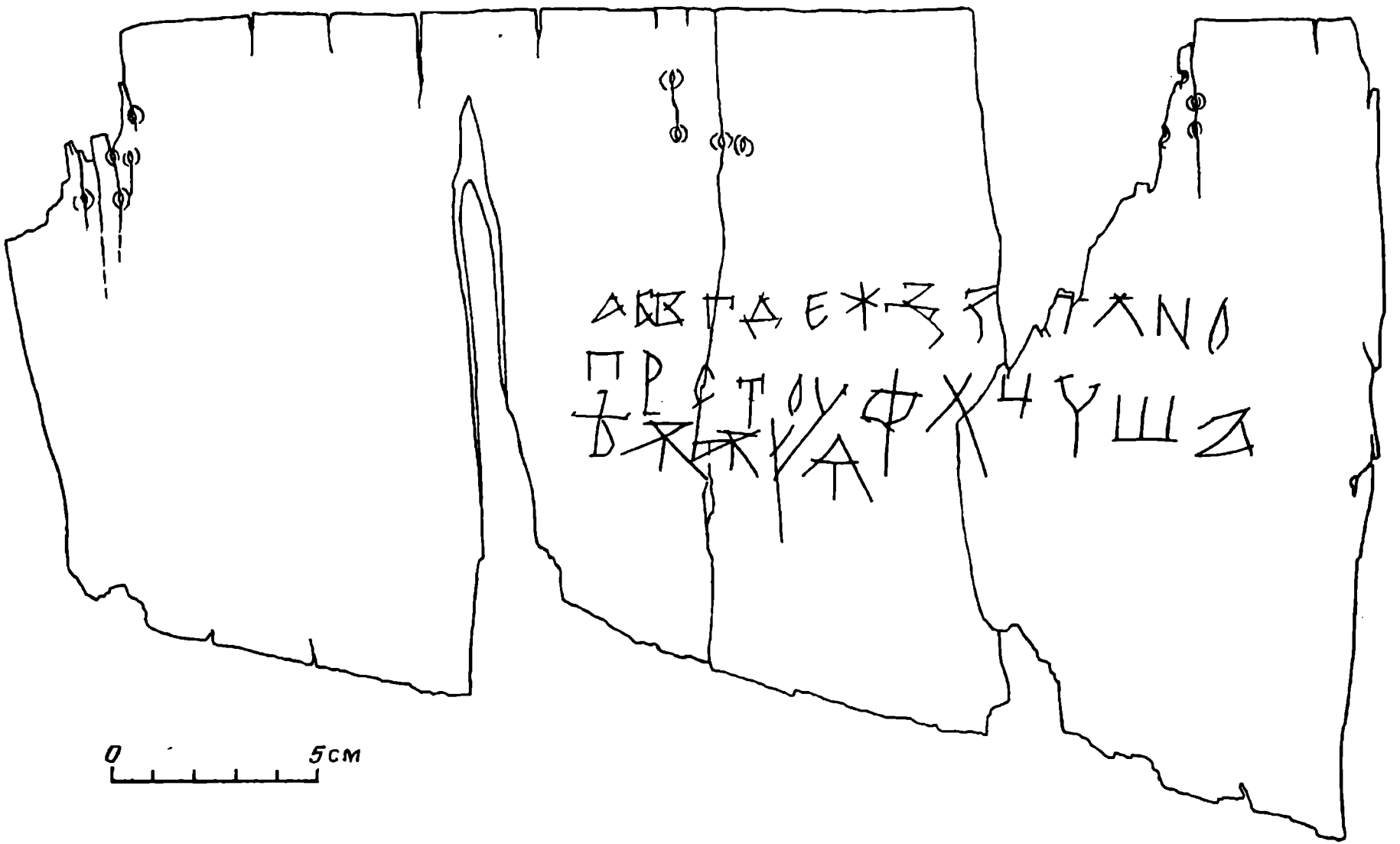


Рис. 4. Берестяная грамота № 591 – древнейший на сегодняшний день русский берестяной документ. Он содержит азбуку неполного состава, написанную в первой половине XI в.

Рис. 5. Берестяная грамота № 636 (середина XIII в.) – донесение пограничной стражи об опасности, угрожающей Новгороду

Надо полагать, что способ берестяного письма сыграл немаловажную роль в формировании как палеографических особенностей русской письменности, так и особенностей древнерусского литературного стиля. Письмо на бересте требует существенного физического усилия, а фактура берестяного листа – простоты линий. Письмо на бересте и скоропись – понятия взаимоисключающие, полярные. Между тем скоропись на Руси возникла достаточно поздно, становясь характерной лишь с середины XV в. Трудно не обратить внимание на совпадение двух важных дат – исчезновения берестяного письма и распространения скорописных почерков. Если последнее связано с массовым внедрением бумаги и гусиного пера, то вряд ли следует сомневаться в том, что популярность берестяного письма служила главной причиной, консервирующей уставные и полууставные книжные почерки XI–XV вв. Наличие в коллекции берестяных грамот значительного числа ученических упражнений лишний раз подтверждает, что формирование почерков прямо связано с берестяным письмом.

В неменьшей степени письмо на бересте формировало и литературный стиль. Вынужденная лапидарность такого письма накладывала неизбежный отпечаток на саму манеру изложения мысли, сохраняющей всю свою емкость при максимальной экономии слов.

В качестве примера можно сослаться на грамоту № 636 середины XIII в. (рис. 5). Она содержит донесение властям Новгорода о том, что на пограничный пункт прибыл из города Полоцка выкупленный из плена человек, который сообщил, что там, откуда он пришел, собирается враждебное Новгороду большое литовское войско; по этой причине гарнизону пограничной крепости, нуждающемуся на случай возможной осады в дополнительном запасе продовольствия, следует прислать необходимое количество пшеницы. Это достаточно насыщенное конкретным содержанием донесение изложено в тринадцати словах, из которых четыре являются предлогами или связками. Полагаю, что вопросы древнерусской стилистики могут быть весьма интересно исследованы в связи с изучением литературного стиля берестяных текстов.

Рассматриваемый аспект проблемы, по-видимому, немаловажен и для обсуждения вопроса о возможных поисках и открытии берестяных грамот в археологических комплексах Центральной и Западной Европы. Находки орудий берестяного письма известны на польских городищах. Существуют сведения о применении бересты как писчего материала в средневековой Скандинавии. Известны шведская и немецкая берестяные грамоты XV–XVI вв., написанные чернилами. Однако Олаус Магнус в XVI в. недвусмысленно писал о шведских процарапанных грамотах: "Применяли бересту тем охотнее, что письма не повреждались и не портились ни дождем, ни снегом". В поисках западноевропейских берестяных грамот, таким образом, существует обнадеживающая перспектива. Однако надо полагать, западноевропейское берестяное письмо в целом исчезает раньше русского. И бумага, и беглые курсивные почерки появляются в большинстве стран западной Европы еще в XIII в.

Тем не менее первые процарапанные берестяные грамоты западно-европейского происхождения были найдены в Новгороде. Одна из них (№ 488) обнаружена на территории ганзейской фактории в слоях рубежа XIV–XV вв. (рис. 6). Она написана немцем на латинском языке и содержит текст первых строк 94 псалма Давида. Ее нетипичность подчеркивается применением готического курсива, т.е. почерка, сформировавшегося на бумаге, и местом находки – там, где береста в указанное время сохраняла все качества преимущественно употреблявшегося писчего материала.

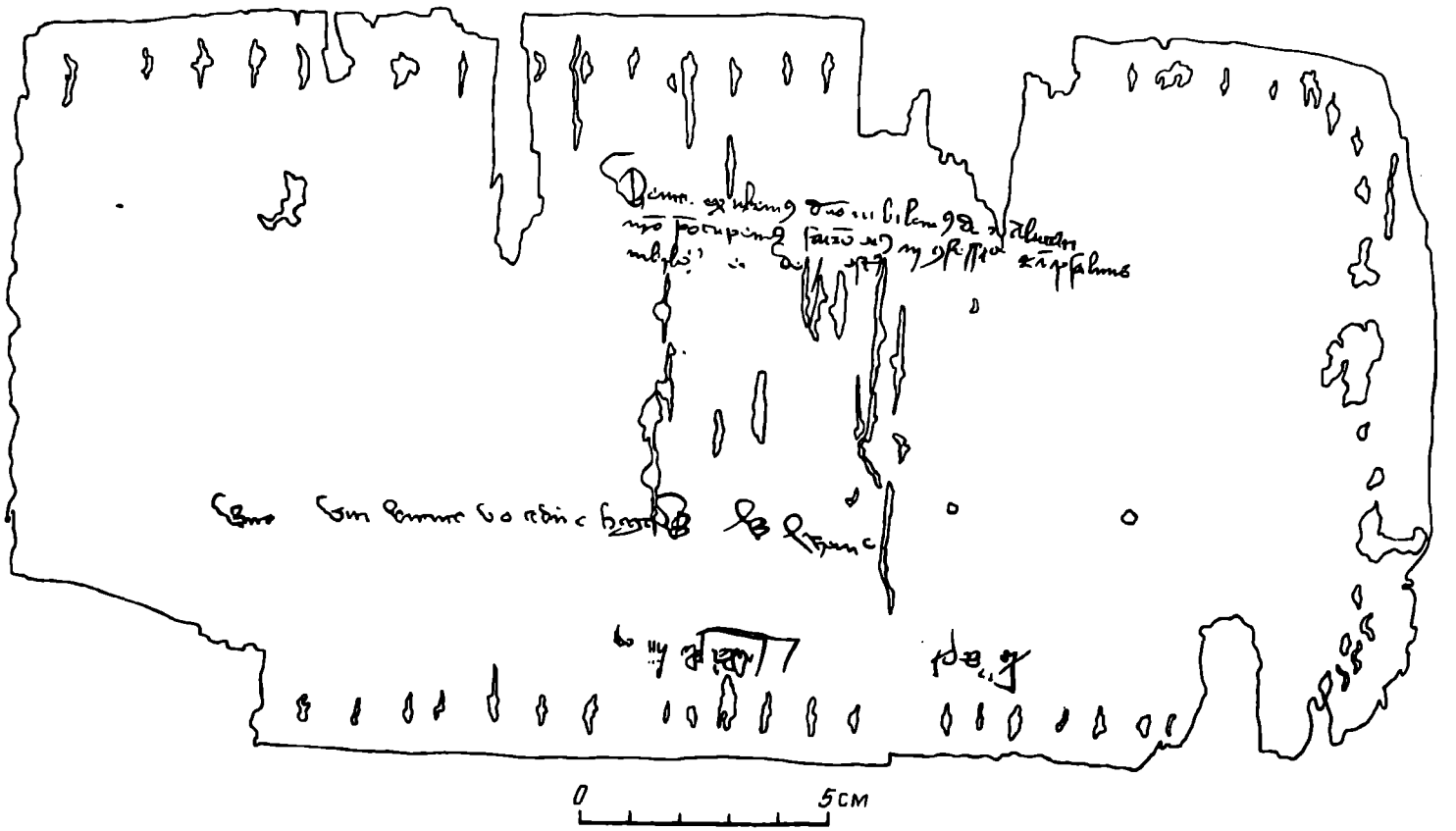


Рис. 6. Берестяная грамота № 488, найденная на территории ганзейской фактории Новгорода. Она написана немцем на латинском языке в конце XIV или начале XV в. и содержит начальные строки 94-го псалма Давида

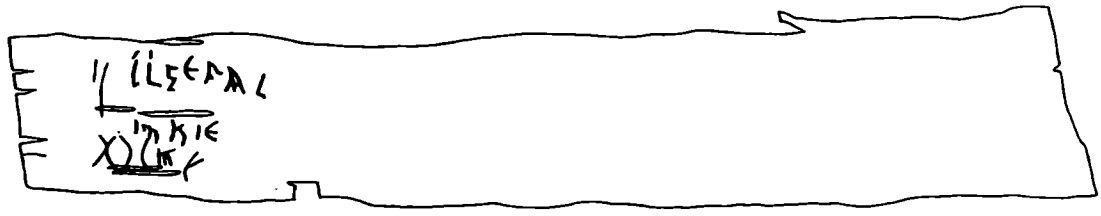


Рис. 7. Берестяная грамота № 753. Древнейший берестяной документ Новгорода (20-е годы XI в.) с надписью на древнегерманском языке

Другая немецкая грамота стала одной из сенсаций полевого сезона 1993 г. Найденная в слое 20-х годов XI в., она на сегодняшний день является древнейшим берестяным документом в новгородской коллекции (рис. 7). Текст ее предельно краток и в предварительном чтении выглядит так: "Pil gefal im kie" ("Копье, не порази его").

Берестяные грамоты как часть археологического комплекса

Первооткрыватель берестяных грамот А.В. Арциховский писал в 1951 г.: "Смею думать, что эти грамоты станут такими же источниками для истории Новгорода, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы". Эти надежды блестяще подтвердились в последующие годы. Однако та же мысль получила и не вполне правомерное развитие в стремлении многих исследователей максимально сблизить характеристики папирусов и берестяных грамот, провозгласив даже возникновение новой дисциплины – берестологии, подобно папирологии. В самом деле, между папирусами и берестой много общего. И папирусы и берестяные грамоты являются новыми категориями источников, резко отличающимися от традиционных видов письменных документов. Их сближают бесконечное разнообразие сюжетов и поводов написания, бытовое содержание, отражение в них преходящей, сиюминутной злободневности, предельная конкретность причин самого возникновения текста.

И вместе с тем берестяные грамоты отличаются драгоценным качеством, препятствующим обособлению их исследования в самостоятельную дисциплину. Если папирусы в большинстве случаев дошли до нас вырванными из первоначально породившего их бытового комплекса и существуют по преимуществу как письменные источники, то берестяные грамоты, обладая всеми свойствами письменного документа, не утратили связи с археологическим комплексом, являясь его существенной частью.

Берестяные грамоты обнаруживаются в процессе раскопок на территории вполне конкретных усадеб, обладающих узкими хронологическими характеристиками. Их находят в обязательном сопровождении широчайшего репертуара древних предметов, не просто синхронных им, но и входящих в единый с ними бытовой комплекс. Их возможно изучать и вне этого комплекса, анализируя лишь детали их содержания, но такое изучение резко сокращает информационные возможности берестяного документа. Сочетая в себе качества письменного и вещественного источника, берестяные грамоты постоянно порождают в их анализе неизбежные обратные связи. Рассмотрим этот аспект их изучения.

Не зная берестяных грамот, археологи, естественно, не умели определять конкретную принадлежность раскапываемых ими усадеб. В лучшем случае они пользовались дефинициями типа «дом купца», «усадьба богатого горожанина» и т.п. Сейчас мы получили возможность иных определений: «усадьба посадника Юрия Онцифоровича», «дом священника Олисея», «мастерская ювелира на усадьбе боярина Луки» и т.д. Археологический комплекс обретает историческую индивидуальность и персонификацию. Однако и принадлежность грамот к такому комплексу оказывается существенно важной для истолкования их самих. Очевидно, что если грамота несет на себе имя известного по другим источникам автора или адресата, она может быть

истолкована и сама по себе. Но более типичны случаи, когда грамота сохранилась фрагментарно, утратив нужное для ее осмысления имя. В таком случае ее принадлежность может быть определена только анализом цельного комплекса усадьбы.

Ее связь с комплексом существует не только в виде хронологической горизонтали. В пределах одной усадьбы, принадлежавшей многим поколениям одной семьи, берестяные грамоты выстраиваются в систему взаимосвязей длительного периода, подчиняясь семейной генеалогии и в ряде случаев определяясь только через принадлежность к этой системе, что порождает выводы, значительно более широкие, нежели те, что получаются анализом лишь берестяных текстов. Воспользуюсь несколькими примерами.

В ходе раскопок 1951–1962 гг. на исследуемом участке было открыто несколько больших усадеб, каждая из которых имела величину от 1200 до 1800 м^2. Принадлежность этих усадеб богатым владельцам уже в силу их размеров не вызывала сомнений. Находки здесь берестяных грамот, адресованных боярам Мишиничам и датируемых XIV – первой половиной XV в., давали возможность говорить о нахождении на раскапываемой территории и усадьбы этих бояр. Представители семьи Мишиничей из поколения в поколение занимали пост посадника, т.е. бывали главами государства, превосходящего по площади любое королевство Западной Европы. Между тем все усадьбы были практически равновелики и обладали сходным набором построек и близким по составу ассортиментом бытового инвентаря, что порождало сомнительную мысль о необъяснимой в условиях средневековья нивелировке богатейшей и влиятельнейшей семьи с семьями ее ничем не примечательных соседей.

Топографический анализ берестяных грамот Мишиничей, однако, установил, что в отличие от соседей эта семья владела не одной, а несколькими большими усадьбами. Из числа раскопанных в 1950-е годы собственностью этой семьи были три усадьбы. Однако привлечение летописных данных о строительстве окрестных церквей членами этого боярского рода привело к предположению, что раскопкам подверглась только окраинная часть их городских владений, которые в действительности образовывали единый массив примерно в 10–15 усадеб. Это предположение в 1969 г. было проверено новыми раскопками в пределах предположенного массива на значительном удалении от изученных ранее усадеб, и новые раскопки опять обнаружили берестяные грамоты и другие материалы, связанные с боярской семьей Мишиничей.

Другой пример. В 1973 г. начались продолжающиеся и сейчас раскопки большого участка вблизи новгородского кремля. Здесь одна из усадеб была достоверно определена как принадлежавшая на рубеже XII–XIII вв. священнику Олисею-Гречину. Среди многочисленных берестяных документов этой усадьбы имелась серия примерно из двадцати грамот, содержащих только имена в канонической православной форме, т.е. не мирские, а крестильные, какие фигурируют в церковных календарях. Поначалу эти тексты были истолкованы как поминальные записи, т.е. как списки лиц, о здоровье которых, если они были живы, или, наоборот, о вечном блаженстве которых, если они уже умерли, надлежало молиться в церкви. Однако странным казалось то, что в таких списках наблюдается разнобой падежных окончаний. Вот, к примеру, грамота № 506: «Петр – Иоанна; Мариамна, Анна – Георгия; Феодор – Прокопия и т.д.». Между тем на той же усадьбе и в тех же слоях были обнаружены многочисленные свидетельства существования здесь иконописной мастерской, а затем были найдены и берестяные письма, адресованные владельцу усадьбы священнику Олисею-Гречину не как иерею, а как художнику. Вот одно из них (грамота № 549): «Поклон от попа к Гречину. Напиши мне двух шестикрылых ангелов на две иконы для верха иконостаса. Целую тебя, а Бог вознаградит или договоримся». Стало очевидным, что и загадочные списки являются заказами на изготовление икон; например, в цитированной грамоте № 506 Петр заказывает икону с изображением св. Иоанна, Мариамна и Анна – икону с изображением св. Георгия; Феодор – икону с изображением св. Прокопия и т.д.

Художник Гречин упомянут в летописи под 1196 г. как человек, расписавший фресками только что построенную церковь в кремле, что свидетельствует о его владении не только приемами иконописи, но и техникой фресковой живописи. Тщательное изучение индивидуальных особенностей его орфографии привело к обнаружению таких же особенностей в надписях при фресках самого замечательного ансамбля русской средневековой живописи – комплекса фресок Спас-Нередицы, написанных в 1199 г. Той же рукой выполнены и наиболее значительные части этого ансамбля (в работе над которым принимала участие целая артель мастеров), что позволяет установить имя его главного художника, каковым и оказывается Олисей-Гречин.

Подтверждение такому выводу было обнаружено на усадьбе Гречина, где была найдена древняя свинцовая печать XI в. с изображением редкой композиции Богоматери Халкопратийской и виртуозно выполненного процветшего креста. Соответствующие изображения в фресках Спас-Нередицы, несомненно, восходят к этой печати, использованной Олисеем-Гречином как образец. Выдающееся значение такого открытия очевидно. В отличие от западноевропейской шедевры русской средневековой живописи почти всегда анонимны. Еще совсем недавно выдающийся русский художник и исследователь древней живописи Игорь Грабарь писал: «Памятники древнейших эпох почти всегда безымянны, и нет никакой надежды установить когда-либо имена безвестных мастеров, расписавших фресками русские храмы XI, XII и XIII веков». Берестяные грамоты опровергли это утверждение, внушив оптимизм и уверенность в успех дальнейших поисков такого рода.

Еще один пример показывает, как проблема идентификации владельца конкретной усадьбы становится доступной решению только при обращении к целому комплексу документов, который собирается на протяжении многих лет раскопок. После находки в 1980 г. грамоты № 586 и в 1985 г. грамоты № 633, содержание которых связано с военными действиями первой половины XII в., а руководителем военного похода в них назван некий Иван, было высказано предположение о тождестве этого Ивана с посадником Иванкой Павловичем. Обе грамоты были обнаружены при раскопках именно в том районе Новгорода, где, по свидетельству источников, жил посадник Иванко. Иванко Павлович стал посадником в 1134 г., а 25 января 1135 г. погиб в битве с суздальцами. Известен этот человек не только по летописному рассказу, но и по надписи на каменном кресте, который был поставлен в 1133 г. на озере Стерж в верховьях Волги. Надпись возвещала о проведенных им ирригационных работах: «В год 1133 месяца июля в 14 день начал рыть эту реку я Иванко Павлович».

Идентификационные предположения подтвердились новыми находками 1992 г. Одна из них – грамота № 736 – необычна тем, что содержит не одно письмо, а переписку двух лиц. На одной ее стороне – послание Ивана некоему Дристиву с поручением собрать для Павла проценты с отданных им в долг денежных сумм: «Если ты взял Павловы проценты, то надо взять и с Прокопьи. Если же ты уже взял, то возьми и для Завида. Если же и это взял, то пришли об это весть сюда, пока я сам не отдал все проценты». На обратной стороне берестяного листа – ответ Дристива Ивану: «Я не взял даже самой малой суммы и даже не видел его. Я взял только долг Прокопьи». Соединение в одном тексте имен Ивана и Павла, где Иван выступает заботником о денежных интересах Павла, хронологическое соответствие документа, найденного в слоях 10-х–30-х годов XII в., – времени, когда действовал Иванко Павлович, отношение которого к раскапываемому участку уже заподозрено, – эти обстоятельства укрепляют уверенность в правильности отождествления Ивана грамоты № 736 с Иванкой Павловичем.

Окончательно убеждает в этом грамота № 745, обнаруженная в слоях конца XI – первой четверти XII в.: «От Павла (письмо) из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина уже прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было дурной славы ни тебе, ни Павлу». Поскольку автор письма Павел назван в конце текста в третьем лице, можно предполагать, что он писал его не сам. Мы встретились здесь снова с уже

знакомым нам Павлом – отцом Иванки: само содержание письма, говорящего о высоком ранге его автора, который находится в непосредственном контакте с князем (имеется в виду, несомненно, сын Владимира Мономаха Мстислав Великий, княживший в Новгороде в 1095–1117 гг.), соответствует личности Павла. Летописное известие подтверждает его принадлежность к высшей администрации Новгорода: в 1116 г. Павел был новгородским посадником в Ладоге и в этой должности построил там каменную крепость.

Берестяные грамоты и грамотность

Разумеется, вопрос о степени развития грамотности в Новгороде неотделим от общей оценки самого открытия берестяных грамот, которые самым решительным образом изменили сложившееся в прошлом представление о культурном уровне средневекового новгородского общества. И дело здесь заключается не в числе берестяных документов, а в социальном составе круга людей, обращавшихся к берестяному письму. Анализ содержания грамот, а также состава их авторов и адресатов говорит о несомненной широте круга грамотных новгородцев. Среди них – бояре и крупные замелевладельцы неаристократического происхождения, торговцы и священнослужители разных иерархических рангов, ремесленники и крестьяне, мужчины и женщины. Вряд ли есть необходимость особым образом разъяснять, что проникновение грамотности в среду женщин, особенно женщин из непривилегированных сословий, – наиболее чуткий индикатор высокого уровня общекультурного общественного развития.

Вполне возможны и уместны сомнения в грамотности некоторой части авторов и адресатов берестяных писем. Можно предположить наличие в Новгороде института писцов-профессионалов, которые за определенную плату писали и читали письма людей, не способных сделать это без их помощи. В частности, палеографический анализ некоторых документов, исходящих от одних и тех же авторов, обнаруживает, что они написаны разными почерками, т.е. под диктовку или же по поручению автора. Имеется и противоположный пример: грамоты № 664 и 710 написаны одним почерком, однако их авторами названы разные люди.

Между тем существует вполне объективный источник, говорящий о том, что характерным было собственноручное писание берестяных писем их авторами. Имею в виду массовость находок в исследованных слоях орудий письма на бересте. Их найдено уже больше сотни. Они встречаются почти в каждом сколько-нибудь значительном комплексе единовременных находок, позволяя утверждать, что грамотные люди имелись в Новгороде в заметном числе. В то же время число подобных находок достаточно ограниченно, чтобы не стремиться к преувеличенным представлениям о степени развития грамотности, которая, очевидно, была далеко не всеобщей.

В этой связи возникает достаточно сложный и важный вопрос: был ли сравнительно высокий уровень грамотности специфичен для Новгорода или же новгородские находки отражают более широкую, общерусскую картину? Для обсуждения этого вопроса, по-видимому, не имеет существенного значения то обстоятельство, что именно в Новгороде найдены сотни берестяных грамот, а в других городах – только единицы. Несоизмерим сам масштаб археологических исследований в Новгороде и в других городах. И все же мне представляется, что Новгород всегда будет отличаться повышенным числом берестяных документов, иными словами, – более высоким уровнем грамотности.

Две специфические для Новгорода особенности утверждают в такой уверенности. Во-первых, очевидную роль в общекультурном развитии этого города играли своеобразные черты его политического строя. В отличие от большинства русских земель, имевших авторитарное устройство, Новгород на протяжении многих столетий, вплоть до его поглощения Москвой в 1478 г., имел республиканское устройство. И хотя республика была боярской, сосредоточившей всю полноту власти в руках крупнейших

землевладельцев, гласность ее политической жизни, открыто развивавшейся в форме вечевых собраний, способствовала пробуждению и развитию не только политической, но и культурной инициативы всех частей общества.

Не менее существенна и вторая особенность новгородского строя. В отличие от княжеств центральной и южной Руси, где существовало множество небольших городов, Новгородская земля почти лишена городов. Новгород один стоит посреди обширной территории. Только Руса и Ладога нарушают однообразие его округи, имеющей исключительно деревенский характер.

На мой взгляд, эта особенность самым прямым образом связана с условиями, присущими политической организации Новгородского государства. Для боярина, жившего в пределах авторитарной княжеской власти, главным способом утвердить свою самостоятельность было осуществление центробежной тенденции. Самостоятельность княжеского боярина на юге Руси увеличивалась по мере удаления от князя и достигала вершины в боярском городке с его иммунитетными правами, где боярин сам становился как бы монархом по отношению к зависимому от него населению.

Способ самоутверждения новгородского боярина был совершенно противоположным. Его политическое могущество зависело от степени участия в управлении республикой, от приобщения к власти, организованной в Новгороде на основах пропорционального федеративного представительства от самоуправляющихся районов («концов»). Центробежная тенденция превратила бы любого придерживающегося ее боярина в анахорета, вырванного из системы сложившихся и развивающихся политических взаимосвязей. Поэтому боярин в Новгородской земле был центростремителен. Владея громадными латифундиями, он жил в городе. Все известные за пределами Новгорода боярские городки-замки вовсе лишены культурного слоя. Это значит, что они не были местами постоянного пребывания землевладельца, а служили лишь для его временных остановок при объезде владений. Центростремительная тенденция создала в Новгороде олигархическую систему приобщения к власти всего боярского сословия, когда в начале XV в. Совет Господ включил в себя десятки лиц, представлявших все боярские семьи Новгорода.

Но если это так, то важнейшей особенностью Новгорода была концентрация всех крупных землевладельцев в самом городе, что подтверждают кадастровые списки XV в., и необходимость отыскания действенных форм связи владельцев со своими владениями, отстоящими от Новгорода порой на десятки и даже на сотни километров, а порой разбросанных в разных районах Новгородской земли. Такой связи могла способствовать только письменность.

Не случайно поэтому в собрании берестяных грамот мы почти не найдем писем, которые, будучи написаны в Новгороде, в Новгород же и были адресованы. Любые сношения между самими горожанами могли обойтись без переписки. Известные нам сейчас письма (именно письма, а не памятные записки) демонстрируют способ преодоления большого расстояния. Многие из них написаны в других городах (в их числе письма, полученные из Смоленска, Ярославля, Ростова), но подавляющее большинство происходит из сельских местностей самой Новгородской земли. Это отчеты и донесения сельских старост своим жившим в Новгороде господам, жалобы крестьян на действия старост. Имеются в заметном числе и письма, написанные в Новгороде, но адресованные сельским жителям с распоряжениями по хозяйству (такие письма, по-видимому, привозились обратно их адресатами при отчете о выполнении господских распоряжений). Поскольку другие русские земли не знали столь разительного отдаления землевладельца от его земельного владения, надо полагать, в них и объем переписки, а также связанный с ним уровень грамотности не достигали такой высоты, как в Новгороде.

В коллекции новгородских берестяных документов имеется немало ученических упражнений в письме и счете; наиболее известен целый комплекс упражнений мальчика Онфима, обнаруженный в слоях XIII в. Однако бытовая заурядность

обучения грамоте нагляднее всего демонстрируется берестяной грамотой № 687 конца XIV в. В этом письме, адресованном мужем своей жене, содержится ряд хозяйственных распоряжений: о необходимости купить масла, приобрести детям одежду, присмотреть за лошадьми и т.д. Поручение отдать детей обучить грамоте содержится среди этих распоряжений как вполне заурядное, а не экстраординарное дело.

Историческое значение берестяных грамот

И все же, если поставить вопрос о главном достоинстве берестяных грамот как нового источника средневековой истории, на первом месте следует назвать их потенциальное значение, широкую возможность быть таким источником. Это значение не раскрыто до конца сегодня. Не будет оно до конца раскрыто и в будущем, так как собрание грамот никогда не утратит возможностей постоянного пополнения.

Можно и иначе назвать это достоинство берестяных документов – их противоположностью традиционным письменным источникам. Любой жанр традиционного письменного источника тенденциозно односторонен. Это хорошо видно на примере самого емкого из таких источников – летописи. При многоплановости летописного рассказа он тяготеет к необычному. Летописец фиксирует факты и обстоятельства, чем-либо поражающие его воображение. Он охотно рассказывает о военных действиях и заключении мирных договоров, о явлениях комет и затмениях, о переменах на княжеском столе и на епископской кафедре, о строительстве новых церквей, о засухах, наводнениях и эпидемиях. Но медлительные исторические процессы, хорошо видимые на удалении, ускользают от его внимания. Он пренебрегает рассказом о вещах, хорошо известных не только ему самому и его современникам, но и его отцу и его деду. Он не сообщит о том, что к его времени сложилось в традицию; для него достаточно упомянуть «старину и пошлину» (т.е. «как сложилось издавна»), чтобы современнику стало ясным, о чем идет речь.

В еще большей степени такая односторонность свойственна другим традиционным жанрам. Акт пишется по сложившемуся формуляру, укладывающему в свое прокрустово ложе даже динамику явления и фиксирующему новое, когда оно перестало быть новым. Житийный рассказ, как правило, шаблонен в своей бытовой части, наиболее важной для современного историка.

Всех этих ограничений лишены берестяные грамоты, вызванные к жизни изменчивым и всегда непосредственным поводом. Они, каждая в отдельности, оказываются как бы крохотным кусочком разбитого зеркала, навсегда запечатлевшего такой же крохотный кусочек современной ему действительности, и задачей историка становится намерение собрать из этих обломков цельную картину былой жизни, не восстановимую иным способом.

Можно только завидовать будущим исследователям, которые смогут оперировать не сотнями, а тысячами берестяных документов, отыскивая в них все новые и новые ответы на вопросы, которые сегодня мы не в силах даже предусмотреть.

Однако одну из сторон этой будущей работы можно хорошо разглядеть и сейчас. До открытия берестяных грамот мир русского средневековья был несколько пустынным. Его населяли князья и епископы, посадники и тысяцкие, противостоящие безымянной массе производителей материальных благ, и историк оценивал как бы «среднестатистические» усилия этой массы, толкавшей общество по дороге прогресса. Теперь каждый год открывает новые имена людей, казалось бы, навсегда канувших в забвение. История наполняется не только именами, но и мыслями и голосами этих людей. Пройдут десятилетия, и мы узнаем этих людей в их неповторимом множестве и индивидуальном разнообразии, сделавшись их новыми адресатами, а история средневековья обретет живую конкретность, присущую пока больше истории нового времени.

В качестве иллюстрации к бесконечному разнообразию сюжетов берестяных грамот здесь приводится несколько текстов (рис. 8–11).

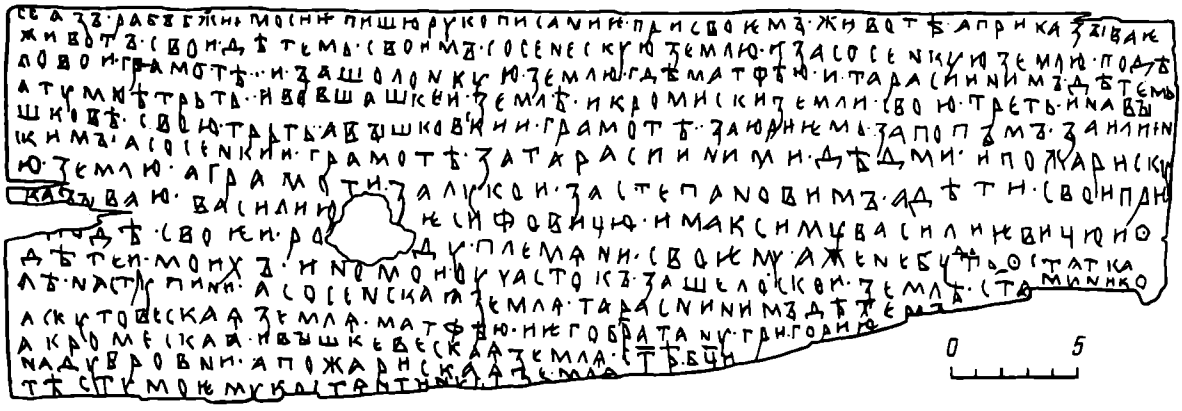


Рис. 8. Берестяная грамота № 519 (рубеж XIV–XV вв.). Черновик завещания Моисея, оставляющего свои земельные владения своим родственникам, а в случае и их смерти монастырям и церквам, которые находились вблизи этих владений, расположенных на реке Шелонь, к юго-западу от Новгорода. Воспроизводимый здесь лист – первый из трех, составляющих это завещание и найденных в виде целого свертка

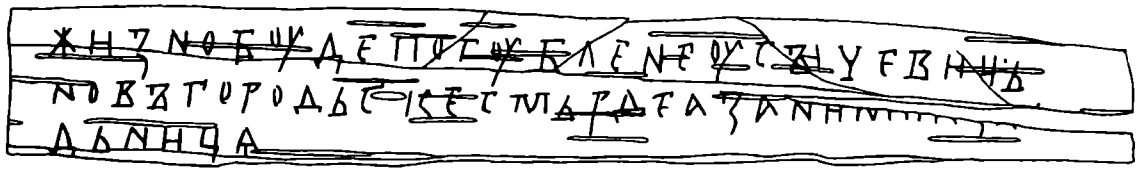


Рис. 9. Берестяная грамота № 562/607. Нижняя часть этой грамоты XI в. была найдена в 1977 г., а верхняя – в 1982 г. Мысль о том, что это части одного и того же документа, возникла и была подтверждена в начале 90-х гг. Текст грамоты: "Жизнобуд, новгородский крестьянин, убит Сычевичами. Они же присвоили и его имущество"

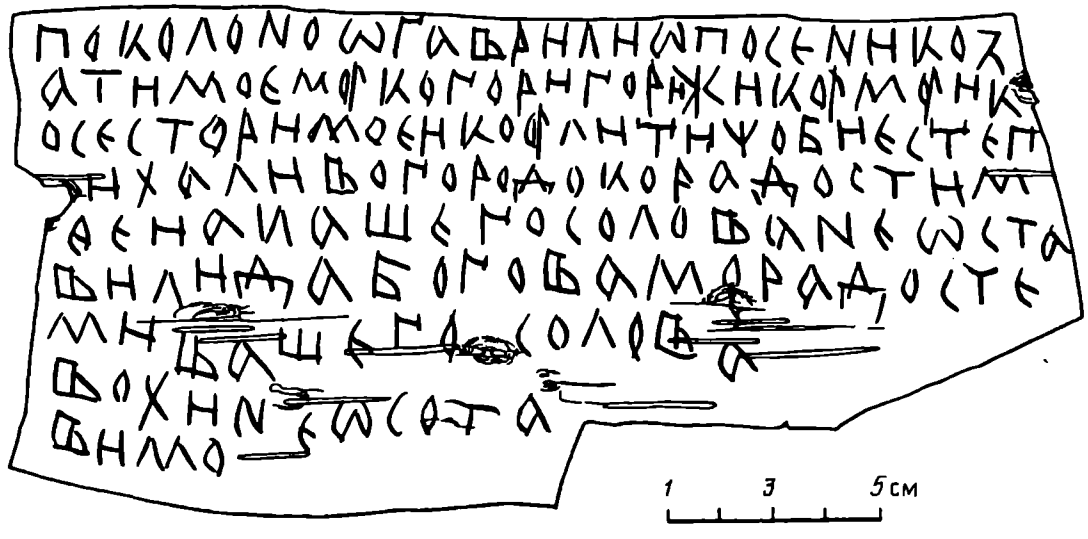


Рис. 10. Берестяная грамота № 497 (вторая половина XIV в.). Некий Гаврила Посеня приглашает своих родственников в гости, напоминая им, что они обещали приехать к нему

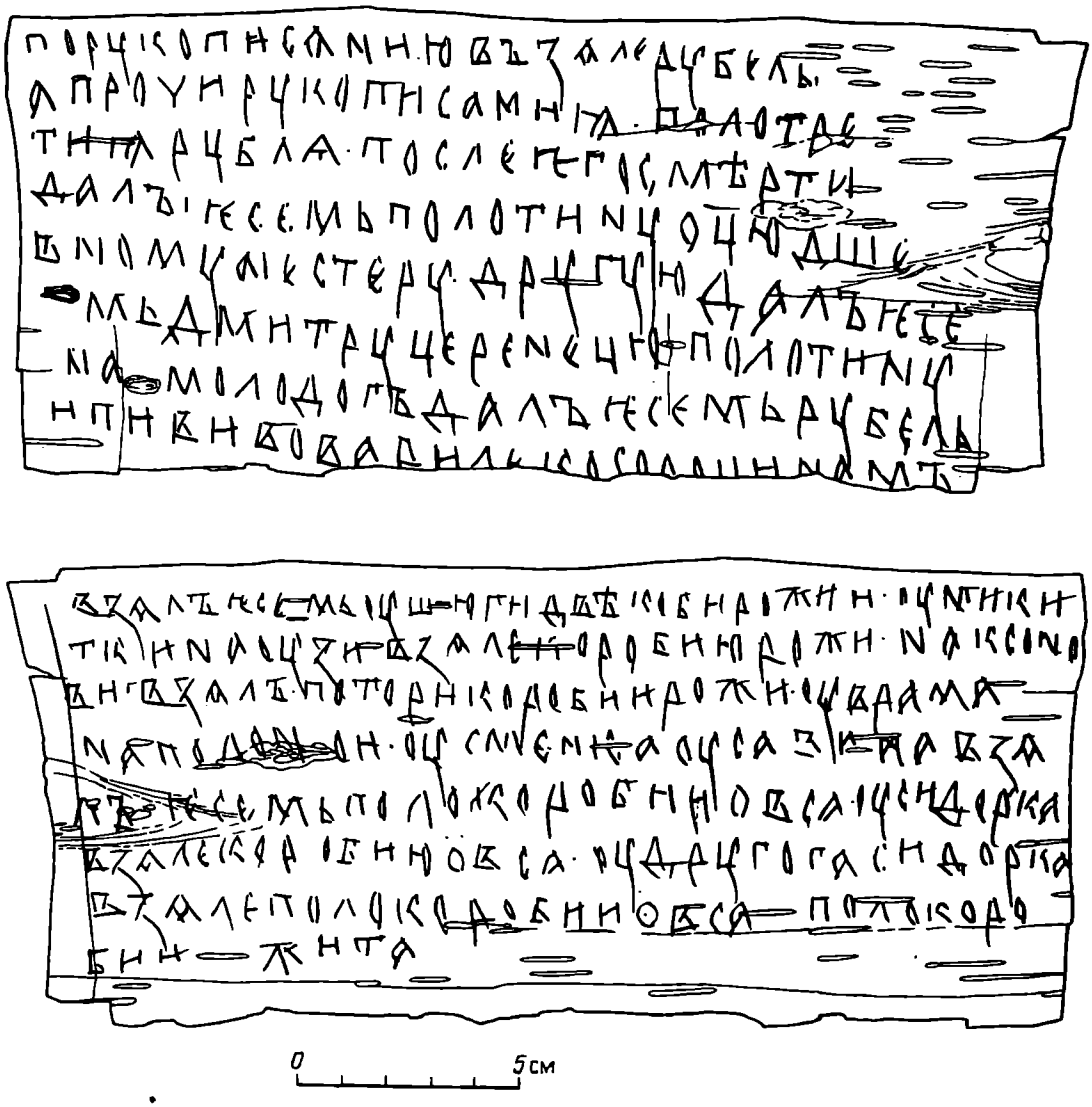


Рис. 11. Берестяная грамота № 689. Она датируется максимально точно августом 1352 г., поскольку содержит отчет об организации похорон, снабжении траурного шествия от устья р. Узы до Новгорода и расходах на поминание знатного лица на сороковой день после его смерти. Грамота найдена в слоях середины XIV в., а летопись сообщает, что 3 июля 1352 г. в устье Узы умер возвращавшийся из Пскова новгородский архиепископ Василий

Берестяные грамоты и проблема славянского заселения русского Северо-Запада

В ходе изучения берестяных грамот получены важнейшие материалы по проблеме формирования восточнославянского единства. Нет сомнений в существовании изначального единства всех славян, их генетического восхождения к общей праславянской основе. Однако на протяжении всей второй половины I тыс. н.э. славянство переживало динамический процесс расселения в Европе, в ходе которого отдельные группы славян оказывались в разной природной среде, вступали в сложные контакты с иными этническими группами, смешивались друг с другом и снова расходились, приобретая с течением времени локальные черты. Важнейшей поэтому представляется оценка того состояния, в котором находилось славянство Восточной Европы в IX–X вв., т.е. в эпоху складывания Древнерусского государства.

Много десятилетий тому назад в исторической и лингвистической науках сложилось господствующее и сегодня представление об исключительной цельности восточного

славянства. Согласно этому представлению, единым центром расселения славян в Восточной Европе было среднее Поднепровье, распространившись из которого славяне освоили всю территорию их летописной ойкумены, а на ее дальнем северном рубеже некие выходцы из Киева построили небольшую крепость для защиты от воинственных северных соседей. Эта отдаленность якобы способствовала амбициям новгородцев, сумевшим укрепиться экономически и политически, чтобы затем добиться значительной самостоятельности. Лозунгом этой идеи стали слова Олега, сказанные им о Киеве: «Это будет мать городам русским», воспринимаемые как свидетельство абсолютного старшинства Киева над всеми другими русскими городами, тогда как в действительности выражение «мать городам» является лишь калькой греческого МНТНР ПОЛІС, означающего столицу, метрополию. Придя в Киев из Новгорода, Олег заявил о своем намерении сделать Киев новой столицей своего государства.

В соответствии с изложенным взглядом строились и представления о ходе других общественных процессов. Если расселение шло из одного центра, значит и язык был абсолютно единым, а диалекты, характерные для разных восточноевропейских славянских групп, появились только в период экономической и политической раздробленности XII–XIV вв. Если культурный облик всех восточных славян находится в зависимости от того его состояния, которое сложилось на днепровском Юге, значит и языческие культы не обладали местным своеобразием...

Следует подчеркнуть, что этот взгляд не явился результатом какого-либо предшествующего исследования. Он был скорее методом, исходной точкой осмысления фактов. Фактов же науке явно не хватало. Поэтому, реконструируя общую картину жизни восточных славян, исследователи, исходившие из изложенного взгляда, к киевским материалам добавляли новгородские, к новгородским – суздальские и т.д. Когда же и русских источников недоставало, то охотно и с легкостью использовались польские, чешские, сербо-хорватские и т.д., коль скоро все славяне развиваются из одного корня и, следовательно, просто обязаны демонстрировать свое культурное единство.

Открытие берестяных грамот заставило усомниться в правильности такого взгляда и такого метода. Ведь вполне очевидно, что, для того чтобы получить правильное суждение о любом широком процессе, следует прежде разобраться, какие его детали имеют значение местного, особенного, а какие могут характеризоваться как общие. Приток новых источников позволил вести исследование не от заранее заданной концепции, а от анализа количественно увеличившихся фактов.

Когда были найдены берестяные грамоты, то в первые годы их сенсационного открытия они привлекли внимание многих лингвистов, переживших период известного недоумения, так как во многих древнейших документах наблюдались такие языковые особенности, которые никак не укладывались в сложившуюся хрестоматийную схему истории русского языка. Преодолевались эти недоумения двумя способами. Одни исследователи были склонны считать авторов берестяных писем малограмотными. Другие заподозрили археологов в неумении достаточно точно датировать свои находки. Если в документе с археологической датировкой XII в., например, обнаруживались особенности, которые по упомянутой схеме считались возникшими не ранее конца XIII в., то такой документ с легкостью передатировывался, невзирая на очевидную правильность археологического определения его времени. В результате оказывалось, что берестяные грамоты не дают лингвистике ничего нового, и интерес к ним остыл.

Накопление многочисленных противоречий в древнейших берестяных письмах с хрестоматийной схемой развития языка позволило крупнейшему нашему лингвисту А.А. Зализняку, удостоверившемуся в надежности археологических дат, провести общий анализ всего корпуса открытых в Новгороде и в других русских городах берестяных документов. Результаты анализа заставили отказаться от привычных представлений. Выяснилось, что именно в древнейший период, т.е. в XI–XII вв., в наиболее очевидном виде существовал особый древненовгородский диалект, который

более чем двадцатью признаками отличался от диалекта южной группы восточного славянства. Заметная часть этих признаков находит аналоги в языках славян, живших у южных берегов Балтийского моря (прежде всего, в северолехитских языках).

Однако наиболее значительный признак этого диалекта оказался таким, аналогии которому в славянских языках – и живых, и известных только по средневековым текстам – отсутствуют. Речь идет о «второй палатализации задненебных согласных» (она проявляется в переходе К в Ц, а Г в З в определенных случаях; например, вместо первоначального «келый» – «целый», вместо «в Боге» – «в Бозе», вместо «гвезда» – «звезда» и т.д.). Все славянские языки пережили этот процесс, и только древненовгородского диалекта (в область которого входит и Псковская земля) он не коснулся. Это значит, что в своем движении на земли русского Северо-Запада группа славян (носителей этого диалекта) оказалась в условиях изоляции от остальных славян. Славяне, жившие в среднем Поднепровье, такой процесс пережили, и, следовательно, не от них идет указанная особенность. Найти в Европе место временной остановки прановгородской группы славян, в котором они оказались в изоляции от процесса «второй палатализации», – задача будущих археологических поисков. Впрочем, не исключено, что изолирована эта группа была уже на русском Северо-Западе, отделенном в раннюю эпоху от всего остального славянского мира широким поясом расселения балтских племен. Как бы то ни было, но уже отмеченные аналогии указывают, что в Псковскую и Новгородскую землю, по крайней мере, основной массив славянского населения, получивший имя «кривичей», пришел не из Поднепровья, а с южного побережья Балтики.

Западные корни псковских и новгородских первонасельников подтверждаются данными курганной археологии и антропологии; они ощущаются при сравнении наименований новгородских и польских деревень, новгородских и польских личных имен, восходящих к дохристианскому периоду. Изучение истории весовых единиц и денежных систем также показывает наличие в древней Руси двух областей с разной экономической и внешнеторговой направленностью. Показательно, что южнорусская денежно-весовая система ориентирована на византийскую литру, а северорусская – на западноевропейскую марку.

Иными словами, мы получили право утверждать, что две главные области древней Руси обладали различающимися традициями, а это в конечном счете способствовало и созданию на Руси двух форм средневековой государственности: в южной Руси возникли княжения, которым свойственна автократическая форма власти; в Новгороде и Пскове получил развитие вечевой строй, в системе которого князь занимал подчиненное положение по отношению к власти бояр, т.е. родо-племенной аристократии.

Пока эти тенденции не окрепли и не приобрели законченную форму, процесс взаимного влияния и взаимного обогащения различающихся восточнославянских традиций привел к возникновению Древнерусского государства с центром в Киеве, пережившего свой расцвет в XI – первой четверти XII в.

Главная сенсация полевого сезона 1993 г.

Главная сенсация раскопок 1993 г. оказалась неожиданной. Дело в том, что исследования тогда велись в напластовании XI в., а это столетие не дает особой надежды на обнаружение берестяных текстов: ведь это был начальный период распространения грамотности на Руси. Следующие цифры говорят сами за себя. Из 753 найденных к тому дню в Новгороде грамот только 27 датируются XI – началом XII в. Из 201 грамоты Троицкого раскопа, на котором ныне продолжаются начатые в 1973 г. работы, к указанному времени до 1993 г. относилось лишь 6 документов, а последний из них был обнаружен в 1983 г. На протяжении следующих десяти лет берестяные грамоты XI в. в руки археологов не попадали. Слабым утешением было твердо сложившееся мнение о сугубой сухости и прагматической деловитости ранних

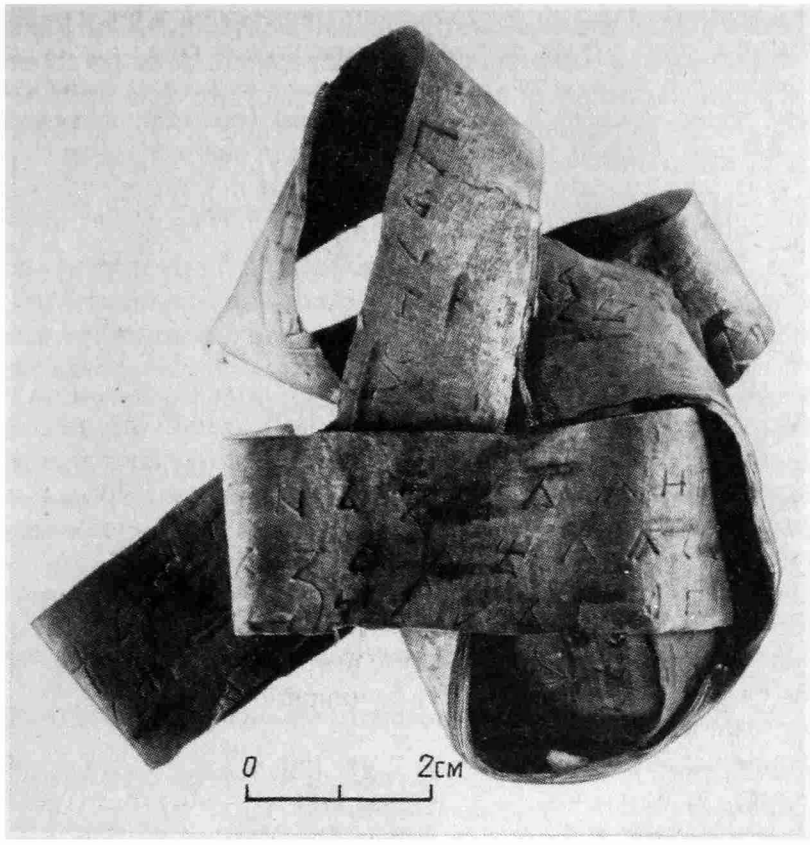


Рис. 12. В таком виде была найдена сенсационная грамота № 752

берестяных текстов, посвященных денежным расчетам, записям долгов, исчислению процентов и т.п.

Тем сильнее оказался эмоциональный удар, испытанный участниками раскопок, когда в слое рубежа XI–XII вв. была обнаружена берестяная грамота № 752 (рис. 12). Получивший ее человек разорвал ее на продольные полосы (ее длина около 46 см) и выбросил. К сожалению, среди найденных полос отсутствуют начало первой строки (но оно восстанавливается по смыслу) и средняя полоса. Фрагментарность документа, однако, не препятствует восприятию его смысла, совершенно исключительного.

В первой строке читается конец начальной фразы: «...к тебе трижды». Длина утраченной части фразы такова, что дает возможность уверенно говорить об отсутствии в письме адресной формулы – ни автор письма, ни его адресат не были названы, а фраза, исходя из дальнейшего контекста, восстанавливается однозначно: «Я посылала к тебе трижды». Любопытно следующее обстоятельство. Очень часто найденные в земле берестяные грамоты бывают фрагментированы, как и здесь, в начале первой строки: получатель письма отрывал начало, не желая, чтобы поднявший грамоту человек узнал, от кого и кому написано это письмо. Во вновь найденном документе адресной формулы нет, но получатель письма машинально оторвал его начало, сделав это по привычке.

Далее следует текст: «Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил? А я к тебе относилась, как к брату! Неужели я тебя обидела тем, что посылала к тебе? Я вижу, что тебе это не угодно. Если бы тебе было угодно, то ты вырвался бы из-под (людских) глаз и пришел...».

Этот всплеск страсти воплощен в аккуратные строки, написанные красивейшим почерком, однако нервная эмоциональность прорывается в исправлениях (а в ряде случаев и в неисправлениях) описок, искажающих смысл упреков. Далее следовала отсутствующая часть, после которой на втором уцелевшем фрагменте сначала читаются обрывки фраз: «...теперь где-нибудь в другом месте. Ответь мне

письмом...»; «...тебя отвергаю» (может быть: «Не думай, что я тебя отвергаю»). И наконец, заключительная часть письма: «Если даже я тебя по своему неразумию обидела, а ты начнешь насмехаться надо мной, пусть судит тебя Бог и моя слабость!».

Письмо написано молодой женщиной, обладающей достаточно высоким социальным положением и, несомненно, знакомой с литературным языком. Можно только поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI в. возлюбленному, не пришедшему на свидание.

И сколько же потрясений предстоит пережить и нам, и тем исследователям, которые будут приходить нам на смену. Ведь еще не извлечена из земли первая тысяча берестяных грамот из многих тысяч, ожидающих своих получателей!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В., 1953. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). [грамоты № 1–10], М.

Арциховский А.В., 1954. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). [грамоты № 11–83], М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). [грамоты № 84–136]. М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). [грамоты № 137–194], М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). [грамоты № 195–318], М.

Арциховский А.В., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). [грамоты № 319–405], М.

Арциховский А.В., Янин В.Л., 1978. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). [новгородские грамоты № 406–539; старорусские грамоты № 1–13], М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.) [новгородские грамоты № 540–614; старорусская грамота № 141], М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) [новгородские грамоты № 615–710; старорусские грамоты № 15–231], М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1994. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // Вопр. языкознания.№ 3 [новгородские грамоты № 710, 713, 715, 717, 718, 722–725, 727, 731, 734–736, 739, 745, 748–750, 752].

Зализняк А.А., 1995. Древненовгородский диалект. М.

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

V.L. JANIN

NOVGOROD BIRCH-BARK LETTERS

Summary

Forty-five years ha ve passed since the first birch-bark letter was found in Novgorod on July 25th, 1951. In the following years 759 birch-bark letters have been found. Fifty three more letters were found during excavations in other towns. They were in chronologically different cultural layers. Birch-bark letters form one of the mass categories demonstrating the intellectual level of an epoch, town and farmstead. The assumption that these letters were part of an archive has subsequently been disproven. The birch-bark letters are dated in the following order: 21 from the 11th century; 225 from the 12th century; 164 from the 13th century; 261 from the 14th century; 88 mostly from the first third of the 15th century. The number of letters reflects the development of literacy in the 11th century. The dying out of birch-bark writing occurred when the use of paper became widespread. The results of such excavations make it possible to suggest that there are about 20,000 more birch-bark letters that haven't yet been found in the Novgorod cultural layers. They differ in their subjects and belong to different genres. The contents of the letters make it possible to solve many nontraditional problems in archaeology. The study of palaeography allows us to see the gradual development of the Cyrillic alphabet which supports the hypothesis that Cyril and Mephodius were the inventors of the Glagolitic script but not Cyrillic. It became evident that the birch-bark writing conserved ustav and half-ustav hand-

writing. Italic hand-writing appreared and began to spread only after paper had benn introduced in Russia. Birch-bark letters made it possible to break away from the tradition of anonymous archaeological complexes. In many cases; the names of the addresses helped us to find the name of a farmstead's owner, as well as the system of inheritance for a period of several generations within the same family. They also provide information regarding ties with neighbouring farmsteads, which were sometimes owned by relatives. In particular, these studies made it possible to isolate an original social cell of medieval Novgorod, a boyar clan, consisting of relatives who lived in 10–12 estates and who had the same ancestor. A great nimber of the birch-bark leters found in Novgorod testify to the high cultural level of its population. About half of the letters found in Novgorod dealt with the correspondence between landlords who lived in Novgorod and their family lands. The peculiarities of the Novgorod political system were such that the boyars who owned lands hundreds of kilometres away from Novgorod lived permanently in the town. The development of literacy was engendered by the need for permanent communication between the feudal lords and their estates. Linguistic study of the birch-bark letters provides the most important data for the reconstruction of the historical process. Despite more traditional points of view, it was discovered that the peculiarities in the ancient Novgorod dialect were quite typical for the 11th–12th centuries. There are analogies in the dialects of the Slavs who lived in the South Baltic region – the region from where the migration of Slavonic tribes to the North-West of Rus began.

В.И. ПОВЕТКИН

ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

После того как в 1951 г. в Новгороде археологами были впервые открыты древние берестяные грамоты, возникла необходимость в разработке способов их хранения и реставрации. Считалось, что береста, пролежавшая несколько сотен лет под слоем влажной земли, превратилась в неведомый и, вероятнее всего, разрушающийся материал. Поэтому поначалу были учтены, казалось, все меры предосторожности в обращении с грамотами; их пытались хранить в громоздких гипсовых упаковках (ГИМ). Позднее приспособились зажимать каждую грамоту между двумя стеклами и окантовывать края стекол полосками проклеенной плотной ткани. Так грамоты меньше коробились, их стало удобнее хранить и рассматривать.

Некоторые извлеченные из земли грамоты полностью уцелели: их береста, со временем приобретшая изнутри голубовато-серый оттенок, не утратила своей природной эластичности, а тексты, выдавленные острым писалом, видны так же, как в древности. Но чаще это все же документы поврежденные, иногда до крайности: изорванные, изрезанные, с коробящимися и трудно соединимыми между собой обрывками или частицами. На долю М.Н. Кислова – первого реставратора и исполнителя научных прорисей берестяных грамот – выпало немало трудностей, сопряженных с поиском специальных клеящих веществ и способов скрепления распадающихся на части документов.

М.Н. Кислов опробовал доступные ему в 1950–1960 гг. клеи. Как правило, необратимые. С их помощью возможно было привести к экспозиционному виду лишь некоторые, не слишком поврежденные грамоты. Тексты остальных грамот приходилось изучать, бегая взглядом с обрывка на обрывок и рискуя, таким образом, ошибиться. Требовался быстросохнущий обратимый клей. Без него невозможно было состыковать, например, усыхающие прямо на глазах хрупкие кусочки бересты. Коварна и расслоившаяся береста: ее нежнейшие лепестки, иной раз донельзя узкие и неподвластные никакому пинцету, даже при наличии специального клея норовят заплестись в непоправимый ком.

Разумеется, задача собрать воедино разрозненные куски грамот ставилась не только ради удобства их хранения и экспонирования. Главное – это работа по их расшифровке. Ею занимались известные ученые – А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и др. Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот осуществляли Р.И. Аванесов и В.И. Борковский. Это был начальный период в истории реставрации и прочтения берестяных посланий. Последующие работы по расшифровке грамот, проводившиеся В.Л. Яниным и А.А. Зализняком, привели к замечательным результатам, в частности к открытию древненовгородского диалекта (Янин В.А., Зализняк А.А., 1993; Зализняк А.А., 1995). Помимо новых грамот, найденных в последние полтора десятилетия, были заново изучены все прежде изданные берестяные документы, в первую очередь те, в которых имелись разного рода повреждения. Особый дар А.А. Зализняка, его умение языковедчески обоснованно реконструировать текст грамот в местах утрат, способствовал точному определению букв, знаков по их иногда еле приметным остаткам в местах обрывов или

© В.И. Поветкин, 1996 г.

иных повреждений бересты. Качественно новый уровень изучения свидетельств древней письменности выдвинул и высокие требования к их реставрации, а значит, и к научным прорисям.

Процесс восстановления грамоты, причем не только ее формы, но и содержания, начинается фактически с момента ее извлечения из влажного культурного слоя. Найденная грамота – это, как правило, свиток, внутри которого, согласно природным свойствам березовой коры, оказывается ее наружная белая сторона. Наружные слои сильнее усыхают и являются причиной скручивания бересты, они сравнительно хрупки и потому редко использовались для письма. Обычно тексты писались на эластичной коричневатого оттенка внутренней стороне березовой коры.

Итак, доставленный с места археологических раскопок берестяной свиток, целый или поврежденный, помещают в ванночку и заливают кипятком, размягчая таким образом бересту. Затем аккуратно разворачивают и одновременно промывают, удаляют грязь, для чего желательно иметь средней жесткости кисточку и деревянную лопаточку с притупленными гранями и углами. Тут же, насколько позволяют возможности, делаются первые попытки чтения открывающегося текста. Развернутую грамоту накрывают стеклом и, не вынимая из воды, держат некоторое время под гнетом, т.е. сразу же готовят ее к последующему пригодному для экспонирования виду. Повторив несколько раз процедуру с кипятком, грамоту и принадлежащие ей обрывки извлекают из ванночки и, промакнув сухой тканью, помещают между двух стекол и вновь прижимают грузом. Начальные работы окончены. Береста начинает подсыхать. И в местах трещин ее следует незамедлительно подклеивать.

В начале 1980-х годов для склеивания бересты был опробован полибутилметакрилат (ПБМА). В случае, когда хотят, чтобы ПБМА быстро отвердевал, его разбавляют ксилолом. Но пришлось неоднократно убедиться в том, что для работы с берестой более удобен ПБМА, разведенный ацетоном. Он несколько медленнее застывает, вследствие чего оставляет время, чтобы поправить или установить более точно склеиваемые обрывки. ПБМА – клей обратимый: отвердевший, он в случае надобности может быть полностью растворен и удален. Он ценен тем, что не впитывается в бересту, следовательно, не разрушает ее структуру. Соприкасаясь с берестой лишь поверхностно, он в то же время достаточно вязок, чтобы удержать в целостности обрывки грамоты. Важно и то, что он не пристает к стеклам, между которыми хранится склеенная грамота. Наконец, он нерастворим в воде – это его свойство оказалось незаменимым при восстановлении некоторых самых пострадавших грамот. Токсичен ли ПБМА? Разрушителен ли, хотя бы в далеком будущем, для такого материала, как береста? На этот вопрос отвечать рано. Можно отметить лишь одно: склеенные им около 15 лет назад берестяные грамоты визуально ни в чем не изменились.

Девизом реставратора берестяных грамот должно быть – все во имя прочтения текста! Вот почему иной раз в ущерб внешним художественным свойствам документа приходится подыскивать наиболее выразительную связь начертанных на нем знаков. И вот почему на той стороне, на которой написан текст, может не быть видно следов клея, зато с изнанки грамота вся будет в клеевых подтеках. Кстати, подтеки, точнее, излишки клея в местах трещин способствуют лучшему скреплению берестяных обрывков; они необходимы при профилактике угрожающих выпадением "чечевичек" – этих столь характерных для берестяной коры темно-коричневых пробкообразных по составу полосок.

Прежде чем приступить к склейке пострадавшей грамоты, желательно привести все составляющие ее части к одинаковой толщине. Свилеватые, бородавчатые и прочие наросты, если на них не приходятся знаки текста, лучше срезать, иначе они не позволяют зажать грамоту между стекол. Грамоту, написанную на толстой, не расслоенной в древности бересте, полезно бывает расслоить. Это нужно, во-первых, хотя бы для выявления изначального ее контура. В противном случае слои, подверженные сильной усушке, не совпадая по длине со слоями эластичными, будут созда-

вать излишнее нагромождение контуров. Во-вторых, это нужно для лучшей сохранности и удобочитаемости документа, ибо опять-таки все те же усыхающие слои могут тянуть за собой и собирать в гармошку ту сторону грамоты, на которой написан текст. В-третьих, удачно отслоенная нижняя часть грамоты, так называемая "подложка", в некоторых случаях сама является важнейшим документом. Если, к примеру, на лицевой стороне грамоты текст как-либо поврежден и не читается, то может статься, что, оттиснутый на подложке, он остался невредим.

После проведения указанных операций, а иногда и одновременно с ними, при помощи тонкой металлической спицы на места, нуждающиеся в склейке, наносится ПБМА. Излишки клея, проступившие на лицевую сторону грамоты, удаляются лишь после того, как он затвердел. Для этого используется закрепленный на кончике пинцета маленький ватный тампон. Окуная его время от времени в ацетон, протирают грамоту и смывают с нее излишки клея.

Бывает, что полузастывший клей требуется в отдельных местах грамоты расправить, уплотнить и ускорить тем самым его высыхание. Удобнее всего это сделать увлажненными пальцами: к увлажненным не пристает клей, кроме того, пальцы ощущают бересту как живой материал. Вообще чувствительным пальцам доверяется едва ли не основная часть работы. Так, не пинцетом, а влажным кончиком пальца доставляются к соответствующим местам в грамоте легчайшие кусочки бересты. С участием пальцев осуществляется аккуратное расслоение бересты. Ни один инструмент не в состоянии определить, до какого предела возможно растягивать бересту. Задачи такого рода возникают, если, к примеру, еще в древности куски разорванной и разбросанной грамоты оказались в культурном слое в неодинаковых деформирующих условиях; позже, не прилегающие один к другому, они будут нуждаться в правке. То же произойдет, если полоски разорванной бересты были в древности превращены в тугой узел, через столетия высвобожденные из такого узла берестяные полоски на разных их участках будут неравномерно потянуты, а кое-где, наоборот, скомканы, сжаты. Исправление их – дело необычайно ответственное: малейшая потеря бдительности – и береста разорвется поперек волокон. Разумеется, не простыми усилиями пальцев осуществляется исправление подобных грамот.

Впервые поучительный опыт работы с сильно деформированными берестяными грамотами состоялся в середине 1980-х годов. Одну грамоту из числа ранних находок, хранящуюся в Новгородском музее-заповеднике, потребовалось проверить на предмет правильности прежде опубликованного варианта ее прочтения. Она долгое время покоилась в упаковке из стекол в виде разрозненных двух основных и нескольких мелких кусков бересты. Мелкие куски к большим были подклеены без особых затруднений. Когда же началась склейка больших кусков, – а это делается с ориентацией на точное совпадение разорванных знаков текста, – то соприкосновения пришлись лишь на некоторые короткие участки грамоты. Промежутки между ними поочередно то справа, то слева вдоль линии склейки возвышались волнами до 1,5 см высотой. Ни о каком дальнейшем хранении грамоты в стеклянной упаковке, казалось, не могло быть речи. Попытки размягчить бересту в кипящей воде мало что изменили. Правда, они позволили оценить достоинства ПБМА, который хотя и не в полную меру, но продолжал скреплять смазанные им участки грамоты. Последней попыткой повлиять на бересту – причем уже без надежды на успех – была обработка ее струей горячего водяного пара. Не тотчас и едва ли не случайно был уловлен момент, когда береста становится способной до некоторого предела растягиваться. Это именно то положение, когда береста находится под горячей струей. Рискуя обжечь пальцы, оказалось возможным слегка растянуть бересту на ее небольшом участке. Чтобы закрепить полученный результат, необходимо было, удерживая бересту в натянутом положении, удалить ее от пара и дать остыть; она как бы закалилась в новом для нее состоянии. Тем же способом, но организуя усилия пальцев в противоположном направлении, удалось и ужать грамоту на ее слишком растянутых в древности участках. Так, сантиметр за сантиметром обрабатывая паром и тут же подклеивая

новые стыкующиеся участки, стало возможным полностью выровнять грамоту. Это было похоже на чудесное превращение.

Позднее указанным способом были выправлены все самые пострадавшие берестяные документы из новгородской коллекции. В частности, теперь не составляет особых усилий выравнивать неестественно изогнутые, как коромысло, грамоты. Что важно и для их художественного облика, и для работы с написанным на них текстом.

Трудности могут возникать при реставрации грамот, у которых береста структурно деградировала. Извлеченная из слоя земли, она, кажется, никогда не высохнет и вдруг, подсыхая, растрескивается на множество хрупких ракушек. Ее отщепленные вдоль волокон полоски стремительно ответвляются, круто заворачиваются в стороны от общего направления. Она, как правило, теряет способность расслаиваться. Столь неприятного процесса не избежать. Но ослабить его возможно. Необходимо все места с намечающимися трещинами закрепить с помощью ПБМА. И нельзя допускать ответвления бересты: замешкавшись, не спасешь положения ни кипятком, ни паром, ни химикатами. Если же ответвления состоялись раньше, чем грамота попала в руки реставратора, в этом случае остается одно: искусственно сделать трещины в тех местах берестяного листа, в которых они не мешают письменным знакам, и придать полоскам их изначальное положение.

Особую категорию грамот составляют и те, на которых текст написан с обеих сторон. Их обычно не удается расслоить. А потому склейка берестяных обрывков должна быть ювелирной – крепкой и не мешающей чтению текста. Излишки затвердевшего ПБМА необходимо с помощью ацетона убрать как с одной, так и другой стороны документа.

Также с большим трудом восстанавливаются грамоты, изъятые из земли в виде разрозненных мелких кусочков, и тем более если кусочков недостаточно, чтобы собрать грамоту целиком. Из числа таковых – грамота № 754, открывая в Новгороде в сезон археологических раскопок 1995 г. Ее многочисленные хрупкие кусочки пришлось приращивать один к другому в режиме напряженной, иногда круглосуточной работы в течение месяца с лишним. Когда работа подошла к концу, вдруг осенило: не будь столь удобного клея, как ПБМА, содержание этого берестяного послания XIV в. так бы и осталось загадкой. Впрочем, загадкой оно не осталось и по другой причине. В его восстановлении, как и вообще в подобных случаях, решающее значение имели совместные усилия разных специалистов – историка, палеографа, лингвиста[1]. И чем явственнее оконтуривались берестяные обрывы с утраченным на них текстом, тем в большие права в работе над грамотой вступал языковед. Только он способен предложить обоснованный вариант прочтения грамоты целиком, а значит, и всего того, что в ней усилиями реставратора уже не восстановить.

Описанные способы обработки поврежденных берестяных грамот являются основными. В большей или меньшей мере они могут использоваться при восстановлении грамот с самыми разнообразными повреждениями. В то же время реставратор должен быть готовым к любым неожиданностям: тот или иной не встречавшийся ранее дефект, один или в комплексе с другими, может потребовать для его устранения новых, непредвиденных средств.

Сложившиеся в Новгороде способы реставрации написанных на бересте грамот были успешно применены и при восстановлении берестяных грамот, обнаруженных археологами в других городах – Старой Руссе, Пскове, Смоленске, Торжке, Москве.

В сентябре 1995 г. автором был прочитан доклад на представленную тему, на научной конференции, посвященной 130-летию Новгородского музея. Один из слушателей задал вопрос, суть которого в следующем: представленный опыт реставрации берестяных грамот почему-то не включает в себя ни исследований о многочисленных березовых породах, ни химического анализа изъятых из слоя земли

[1] Поздравляя Е.А. Рыбину, В.Л. Янина и А.А. Зализняка с успешным восстановлением грамоты № 754, выражаю им свою искреннюю признательность за все совместные работы, способствовавшие накоплению опыта реставрации древних берестяных посланий.

образцов бересты, как это соответствовало бы принятым нормам публикации различных технологий.

В самом деле, стремясь к идеальной разработке методики реставрации берестяных грамот, следовало бы изучить березовые породы и провести различные лабораторные анализы их древних образцов. Не исключено, что все это когда-то осуществится и, представим, даже состоится открытие секрета восстановления здоровой структуры в деградированной бересте. Но если такое открытие и грядет, – что кажется почти невероятным, – то его еще не поздно будет присовокупить к имеющемуся опыту. В последнем предусмотрена возможность удаления клея с берестяных грамот и возвращения их в исходное состояние, хотя, к сожалению, и не абсолютное. Абсолютным можно назвать то состояние, когда береста, изъятая из влажного культурного слоя, не подвергалась усушке. Однако приходится делать выбор: или, храня в воде разрозненные обрывки бересты, ожидать открытия химиками секрета восстановления деградированной бересты, или же, подвергая берестяную грамоту усушке, подклеивая один к другому ее кусочки, все же получить возможность ее прочтения. Выбор сделан в пользу прочтения текста, ибо он является предметом главного научного интереса. Кроме того, если бы, к примеру, и удалось сохранить внешнее благообразие некоторых грамот в большей степени, чем нынче, то ни качество, ни количество написанного на бересте текста по сути не изменилось бы. Следует помнить также и о том, что именно представленный опыт реставрации позволил вернуть целому ряду "тяжелых" грамот одновременно с их прочтением и внешний, пусть в известной мере не идеальный, но все же экспозиционный облик, чего не удавалось прежде.

Вообще, начало едва ли не всякому опыту или методике дают пробы, ведущие в неизвестность. Тогда ошибки и успехи равно поучительны. И, естественно, те же признаки содержит в себе накапливавшийся десятилетиями опыт восстановления древних грамот. Очевидно, что берестяная грамота – объект сложный: это и свидетельство, требующее особых форм хранения, это и экспонат, у которого должны быть выявлены присущие ему художественные достоинства, это предмет, нуждающийся в реставрации, но одновременно это и такой документ, в котором, если он с утратами, желательно реконструировать текст. Можно назвать счастливым стечением обстоятельств тот факт, что в последние примерно 15 лет над расшифровкой грамот, объединив усилия, успешно трудятся крупнейшие специалисты в области древней русской истории, языка, письменности. Но этот же факт с неменьшей убежденностью можно признать закономерным, подготовленным всеми предшествовавшими ему удачами и недочетами первых исследователей, их поисками, быть может, самыми трудными, рискованными и необходимыми. Каково бы происхождение этого факта ни было, но в начале 1980-х годов он предстал столь явным, что не способствовать ему средствами реставрации и подготовкой выверенных научных прорисей грамот стало невозможно. Стечения обстоятельств такого рода крайне редки, упускать их нельзя. Недосуг было в ту пору заниматься анализом различных степеней деградации березовых пород или ожидать того же, причем не известно как долго, от специалистов химиков. Таков последний довод в пользу сложившегося опыта реставрации древних берестяных грамот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зализняк А.А., 1995. Древненовгородский диалект. М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.

Новгородский центр музыкальных древностей

V.I. POVETKIN

RECONSTRUCTION OF BIRCH-BARK DOCUMENTS FROM NOVGOROD

Summary

The article summarizes the Novgorod archaeological expeditions in the areas of restoration and conservation of birch-bark documents from 1951 to the present time. The methods of restoration devised by the author of the article are described very precisely. The reconstruction of birch-barks started in the 1950s and made it possible to read them and to exibit them. However, the methods used not perfect. The glue used in the process of restoration was permanent and it was therefore almost impossible to straighten out deformed pieces. In the ealy 1980s the author started working out methods of restoration of birch-barks with a new glue-polybutilmethacrilat, while simultaneously treating them with boiling water and steam. The results of these experiments were a great success. Historians, palaeographers and linguists now have the opportunity to better analyze and interpret texts written on burch-barks. These reconstructed documents have become some one of the most important examples of medieval Russian written sources.

Т.И. АЛЕКСЕЕВА, А.П. БУЖИЛОВА

НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ*

В.П. Алексеев (1990, с. 70–76) в статье об исторической урбоэкологии выделил четыре канала, по которым осуществляется влияние формирующегося города в сложившейся системе природа – общество. Это влияние затрагивает четыре сферы и отражается как в биологических, так и психологических характеристиках человеческих популяций: 1) характер пищевой обеспеченности людей в условиях города и влияние диеты на ростовые процессы и уровень физического развития; 2) расширение круга брачных связей, начало панмиксии и связанное с этим изменение генетической структуры городских популяций; 3) резкое изменение медико-географических условий и вытекающая отсюда дестабилизация эпидемиологической обстановки; 4) модификация визуально фиксируемых форм окружающего мира, его пространственной организации, характера градостроительства, и т.п., влияющая на психическое состояние человека. Все эти факторы выражены в современных городах.

Современная городская популяция испытывает неблагоприятное воздействие такого антропогенного фактора, как повышенная загрязненность атмосферы города отходами производства, приводящего к ослаблению физического здоровья детей в зоне влияния загрязнения, а нередко и к врожденным порокам развития. Загрязняющие вещества, в том числе и микроэлементы, накапливаются в биосубстратах (волосах, крови, слюне, моче, зубах, ногтях) и нередко превышают фоновые значения в десятки раз (Ревич Б.А., Сает Ю.Е., 1990, с. 186–197).

Высокая плотность городского населения также является одним из неблагоприятных факторов, способствующих распространению инфекционных заболеваний. Повышенная плотность может рассматриваться как одна из причин сердечно-сосудистых заболеваний и заболеваний нервной системы, а также как одна из причин, способствующих действию естественного отбора в условиях быстрого распространения эпидемий.

Достаточно показательна и динамика смертности городского населения. Так, например, смертность в европейских городах XIX в. значительно превышала смертность в сельской местности. Для большинства городов Европы XX в. характерно, напротив, снижение ее. В то же время высказывается мнение, что в некоторых европейских странах к 2000 г. смертность населения повысится за счет дальнейшего увеличения в демографической структуре городского населения удельного веса пожилых возрастов (Апостолов Е., Мичков Х., 1977).

Специфичен город и в отношении генетической структуры. Это центр панмиксии разнородного населения обширной территории при непрерывном росте урбанизации и расширении круга брачных связей во времени (Курбатова О.Л., 1975, с. 20). Кроме того, по сравнению с сельским населением как популяцией малого объема городское

* Работа выполнена в рамках научных проектов: «Историческая экология человека. Методика биологических исследований» (№ 96-06-80278, РФФИ); «Исторические реконструкции в палеоантропологических исследованиях» (№ 96-01-00493, РГНФ).

© Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, 1996 г.

Таблица 1

Материалы антропологического исследования

Памятник, датировка	Место раскопок	Автор, время раскопки	Краниостеометрия	Палеопатология
			черепа/кости	
Витичев, первая половина XI в.	Южное городище	Б.А. Рыбаков, Т.И. Макарова, 1961	32/20*	35/6
Киев, XI–XIII вв.	Древние кладбища Киева (Лукьяновская ул., Кирилловская ул., Десятинная церковь)	Т.В. Кибальчич, 1878–1879; В.Б. Антонович, 1876, 1879; Д.Я. Самоквасов, 1878, 1908	57/36*	–
Любеч, XI–XII вв.	Кладбище на «Замковой горе»	Б.А. Рыбаков, Т.И. Макарова, 1958, 1960	33/17*	36/18
Новгород, XII–XVI вв.	Городское кладбище	А.В. Арциховский, 1962, 1963, 1966	7**/11	30/20
Смоленск, XII–XIII вв.	Раскопки неизвестной церкви на Рачевке и церкви Петра и Павла	Н.Н. Воронин, 1962, 1963, 1966	13/11*	17/14
Старая Рязань, XII–XIII вв.	Городище	А.В. Селиванов, 1988 В.А. Городцов, 1926 А.Л. Монгайт, 1945–1950 В. П. Даркевич, 1977, 1978	75/35*	59/46
Чернигов, XI–XIII вв.	Кладбище у церкви Бориса и Глеба; из пещер при Свято-Троицком монастыре	Т.В. Кибальчич, 1878–1879, Д.Я. Самоквасов, 1878–1879	83/39*	–

* Данные Б.П. Хатунцева (дипломная работа, 1979, кафедра антропологии МГУ).
** Данные Н.Н. Чебоксарова (1947).

население испытывает более интенсивное давление мутационного процесса (Бочков Н.П., 1974).

Укажем еще на одну особенность городского населения. Это высокая профессиональная дифференциация, которая накладывает отпечаток на черты строения тела и конституциональной габитус. Так, например, высокие физические нагрузки способствуют увеличению костно-мускульного компонента тела. Среди служащих преобладают астенические и пикнические типы телосложения. Высокая степень наследуемости типа конституции создает в городском населении значительную дифференциацию и по строению тела, и по некоторым психофизиологическим характеристикам, и, следовательно, по характеру восприимчивости к неблагоприятным воздействиям урбанизированной среды. Однако городская среда вызывает и такие изменения, которые не могут быть истолкованы как негативные.

Например, акселерация, т.е. ускорение процессов роста и развития. Будучи панойкуменным процессом, акселерация захватывает и сельское население, но интенсивность этого процесса в селе значительно слабее (см., например: Миклашевская Н.Н. и др., 1988). Несмотря на неоднозначность трактовки этого явления с точки зрения его полезности или вредности, в качестве его причин называются повы-

шение калорийности питания, снижение физических нагрузок, усиление психоэмоционального напряжения, расширение круга брачных связей. Есть основание думать, что это микроэволюционный процесс, в интенсивность которого вносят свою лепту антропогенные факторы среды.

Все эти замечания относятся к современному городу. Каково же было воздействие городских условий на человека в начале основания городов? Без ответа на этот вопрос вряд ли удастся понять всю меру интенсивности воздействия антропогенных факторов на человеческие популяции, прогнозировать их состояние в дальнейшем.

Привлекая антропологические материалы, происходящие с кладбищ древнерусских городов, сопоставляя их с сельским, попытаемся осветить некоторые черты антропогенного воздействия на популяции человека на ранних стадиях формирования города.

Антропологические материалы из древнерусских городов представлены коллекцией более чем из 300 индивидов. Сохранность материала позволила провести краниометрические измерения практически на всех черепах взрослых (программа осуществлена Алексеевой Т.И.), оценить патологические проявления более чем на 177 черепах взрослых и детей и 104 скелетных останках половозрелых индивидов (программа осуществлена Бужиловой А.П.) (табл. 1).

Сравнительно небольшое количество черепов, относящееся к населению каждого города, естественно, не может претендовать на исчерпывающую полноту характеристики антропологического состава всего городского населения. Тем не менее, особенно при появлении одних и тех же закономерностей в распределении морфологических признаков на мужской и женской сериях, даже не очень многочисленные материалы могут дать более или менее общее представление о типе населения.

По тем расово-диагностическим признакам, которые позволяют дифференцировать расы первого порядка на краниологических материалах, т.е. по углу выступления носа и углам горизонтальной профилировки, исследованные черепа относятся к кругу европеоидных форм. Это суббрахикефальное население с сильно- или среднепрофилированным лицом, со средне- или сильновыступающим носом. Различия между жителями отдельных городов проявляются, как и вообще в восточнославянских группах, преимущественно по двум признакам: черепному указателю и ширине лица, причем последний признак обнаруживает наиболее четкую локализацию. Население городов, расположенных непосредственно на Днепре, характеризуется более широким лицом, нежели в городах, лежащих к востоку от Днепра. Подобная картина наблюдается и в исследованных сельских группах – ширина лица убывает с запада на восток (Алексеева Т.И., 1973, с. 330).

Некоторые городские серии отличаются и по углу выступания носа, однако в отличие от сельских распределение этого признака у них не обнаруживает закономерного характера.

Наиболее существенно в характеристике антропологического состава древнерусских городов закономерное его отличие от антропологического состава сельского населения, относящегося к той же локальной группе, что и население соответствующих городов. В качестве аналогов городскому населению были использованы краниологические серии из сельских славянских могильников[1]. Смоленские кривичи соответствуют населению г. Смоленска, вятичи – Старой Рязани, северяне – Любеча, черниговские поляне – Чернигова, поляне переяславские – Витичева. Объединенная серия черепов из Княжей горы, Сагуновки, Николаевского и Хутор-Половецкого могильников соответствует населению Киева (данные по этим могильникам см. Зиневич Г.П., 1967). Следует отметить, что наименее удачной в отношении поисков аналогий является увязка населения летописного Витичева с группой полян переяславских, так как последняя включает не только сельское, но и население г. Переяславля. Независимо от местоположения и племенной принадлежности городские

[1] Материалы по сельским могильникам подробно обсуждаются в главе II монографии Т.И. Алексеевой (1973).

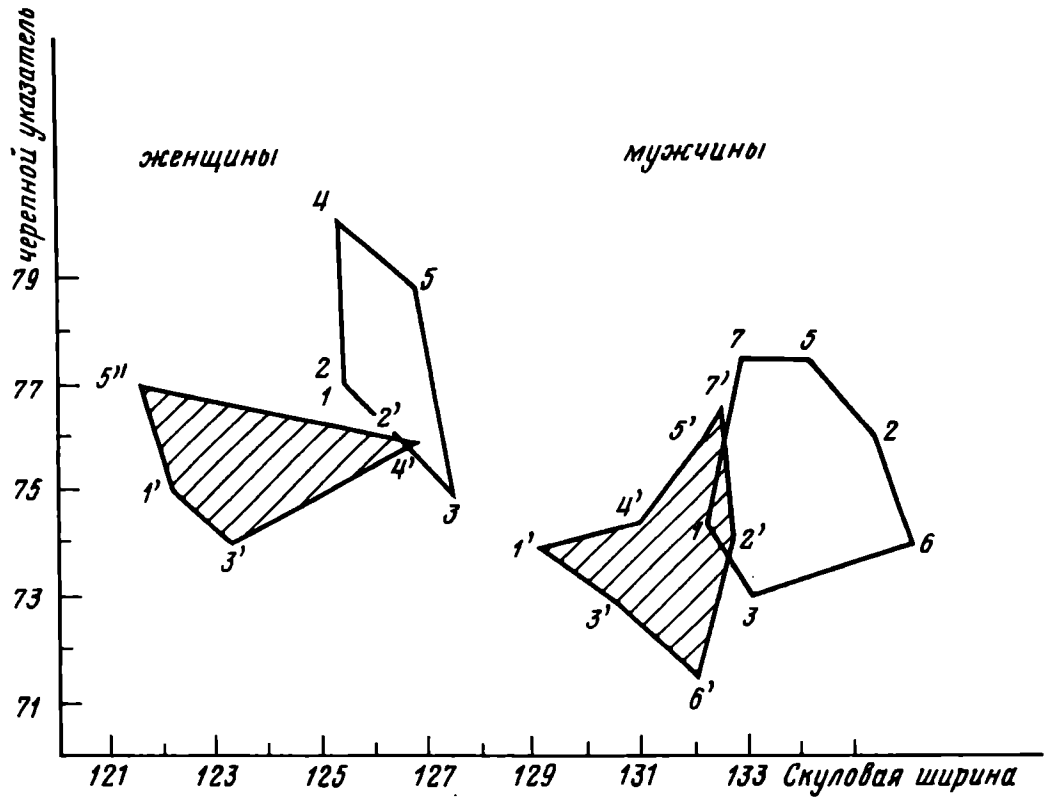


Рис. 1. Сопоставление городского и сельского населения по черепному указателю и скуловой ширине

жители характеризуются увеличением черепного указателя и скуловой ширины. Однородность городского и сельского населения в хронологическом отношении не допускает трактовки этих различий с точки зрения эпохальных изменений, широко известных на территории бывшего СССР и зарубежных стран, тем более что в этом случае увеличение черепного указателя, как правило, сопровождается уменьшением скулового диаметра (Дебец Г.Ф., 1948).

Для объяснения имеющихся различий в антропологическом составе городского и сельского населения может быть привлечено несколько гипотез. Различия в городском и сельском славянском населении могут являться результатом: во-первых, различного генетического состава тех и других; во-вторых, смешения городского населения с инородным вследствие усиливающихся торговых связей и притока населения в качестве военной силы; в-третьих, изменения условий социальной среды в связи с переходом к городскому образу жизни.

Разберем каждую гипотезу. Первая сводится к тому, что различия в физическом облике городского и сельского населения – результат различных генетических истоков того и другого. Эта гипотеза не имела бы под собой реальной почвы, если бы она не подкреплялась историческими источниками о заселении южнорусских городов, из которых многие имели военное назначение, «лучшими мужьями от славян, то есть новгородцев, кривичей, чуди и вятичей» (Соловьев С.М., 1959, с. 199). В эти города стекалось наиболее удалое население из бедных северных областей.

Как уже отмечалось, жители городов и сел обнаруживают закономерные различия только по двум признакам – черепному указателю и скуловой ширине. Эта закономерность проявляет себя независимо от племенной принадлежности группы и местоположения города. Для подтверждения гипотезы о различном составе населения сел и городов необходимо допустить, что либо города были заселены одной какой-нибудь группой, которая отличалась бóльшим черепным указателем по сравнению со всеми славянскими группами, на территории которых возникли города, либо населением, не-

родственным сельскому, но всегда отличающимся от последнего этими признаками. Последнее допущение в силу своей невероятности отпадает сразу же.

Разберем первое допущение. Обратимся к рис. 1. Оказывается, все городские группы размещаются в той стороне графика, которая характеризуется большими величинами черепного указателя и скулового диаметра, сохраняя при этом такое же взаиморасположение, какое наблюдается и в сельском населении. Исключение составляет население Чернигова, которое, отличаясь от сельского в том же направлении, что и жители других городов, занимает место, отличное от того, какое занимает сельское население черниговской группы полян по отношению в своим сельским соседям из других племенных объединений. Однако это различие не столь велико, чтобы нарушить общую картину взаимоотношений антропологических типов на территории восточных славян – она едина, и сельское и городское население одного и того же племени обнаруживает один и тот же антропологический тип, т.е. одни и те же генетические истоки, но в городах он трансформирован в определенном направлении. Так, отпадает предположение о том, что все города заселялись из одного источника, тем более что размах межгрупповой изменчивости по черепному указателю и скуловой ширине в пределах городского населения превышает эту величину у сельского. В противном случае размах межгрупповой изменчивости был бы значительно меньше.

В свете изложенных соображений вторая гипотеза о смешении городского населения с инородным представляется несостоятельной. Однако не исключено, что возникновение сходных антропологических комплексов может быть вызвано различными причинами. Говоря о смешении городского населения с пришлым, мы не затрагиваем вообще фактора смешения при формировании антропологического состава восточных славян, имея в виду лишь засвидетельствованные историей, конкретные указания на прилив инородного населения, с которым могло смешиваться и местное. Если подобного рода смешение имело место, то гораздо более вероятно, что в нем принимала участие дружина, нежели лица, связанные с торговлей, пребывание которых в городах носило кратковременный характер. Судя по указаниям исторических источников (Насонов А.Н., 1951; Соловьев С.М., 1959, т. 1), в качестве наемных воинов на «русской земле» выступали варяги, но значителен был и удельный вес новгородцев в дружине князя; не исключено также, что в число служилых людей входили и выходцы из южнорусских степей (Плетнева С.А., 1964).

Судя по антропологическим данным, новгородцы отличаются от большинства восточнославянских племен бóльшим черепным указателем и более широким лицом, т.е. как раз теми признаками, которые и отличают городское население от сельского. Антропологическая характеристика словен новгородских хорошо известна по материалам В.В. Седова (1952), показавшего, что в курганах со славянским инвентарем на территории северо-западных земель Великого Новгорода бытует антропологический тип, отличный от того, который найден в курганах с «чудским инвентарем». Разница – в увеличении ширины лица и черепного указателя, а также в степени горизонтальной профилировки лица и выступания носа, которая свидетельствует о большей уплощенности лица как в нижнем отделе, так и на уровне носовых костей у неславянских групп. Независимо от того, каким образом возникли такие черты словен новгородских, как относительно широкий череп и более широкое лицо: в результате ли влияния со стороны «чудского» населения либо как специфическая особенность этой славянской группы, – удельный вес антропологического типа словен в составе городских жителей Поднепровья и бассейна Оки, вероятно, невелик[2].

Варяги, входившие в состав дружин русских князей, в антропологическом отношении известны чрезвычайно плохо. Приведем для сравнения небольшую серию черепов из городского кладбища XI–XII вв. в Старой Ладоге, измеренную В.В. Седовым[3].

---

[2] В свете последних исследований антропологических особенностей словен новгородских, проведенных Н.Н. Гончаровой (1995), есть основание считать эти черты специфическими для словенской группы.

[3] Пользуемся случаем принести глубокую благодарность В.В. Седову, предоставившему в наше распоряжение неопубликованные материалы.

Старая Ладога служила воротами на пути «из Варяг в Греки» (Насонов А.Н., 1951) или «из Грек в Варяги» (Рыбаков Б.А., 1965). По свидетельству свода древних скандинавских саг «Fagrskinna» варяги охраняли путь с Ладожского озера в Волхов и путь по Волхову от каких-то «язычников» (Рыдзевская Е.А., 1945). К середине XI в. Старая Ладога исчезает со страниц этих саг в связи с переходом ее к новгородцам. Кладбище, относящееся к XI в., вполне может быть связано с варягами, тем более что по всему комплексу антропологических признаков варяжские черепа обнаруживают сходство с германскими черепами средневековья. Черепа из городских кладбищ XI–XII вв. в Старой Ладоге отличаются от всех восточнославянских краниологических серий гораздо более резкой горизонтальной профилировкой, более низким сводом черепа, более высоким лицом. От собственно городских славянских групп помимо названных особенностей варяги отличаются еще и меньшим скуловым диаметром. Таким образом, влияние варяжского компонента в антропологическом типе восточных славян в целом и в городском населении в частности не прослеживается. К подобному выводу пришел и Г.Ф. Дебец (Debetz G., 1961). Судя по антропологическим данным, варяги в количественном отношении представляли весьма незначительную группу, в противном случае мы вправе были бы ожидать определенной доли участия их в сложении физического облика восточных славян.

Остается оценить удельный вес элементов степного происхождения. В целом в физическом облике восточных славян не заметно влияние антропологического типа степных племен, антропологические особенности которых достаточно разнообразны. Одни группы выделяются крупными широтными размерами головы и лица, значительной уплощенностью лицевого скелета, другие – типично европеоидные (табл. 2).

Известно, что в группах монголоидного происхождения уплощенность лица связана корреляцией исторического порядка с ослабленным выступанием носа. Судя по групповым характеристикам, среди славян это сочетание наблюдается лишь в группах кривичей ярославского и костромского Поволжья и во владимиро-рязанской группе, где влияние монголоидного компонента, вероятно, увязывается с "чудским" населением северо-западной части Восточной Европы.

У славян бассейнов Оки и Днепра нередко с наибольшим выступанием носа коррелирует более уплощенное лицо, правда, в пределах величин, характерных для европеоидов. Особенно это заметно у горожан. Однако здесь следует обратить внимание на одно обстоятельство, которое касается городского населения полянской территории. При определении связи между углом выступания носа и степенью уплощенности лица с другими признаками во внутригрупповом отношении выяснилось, что с уплощенным лицевым отделом сочетаются выраженная брахикефалия, широкое и высокое лицо, т.е. признаки, в значительной мере типичные для кочевников. Таким образом, связи жителей древнеславянских городов юга восточной Европы со степняками не исключены.

Остается разобрать третью гипотезу, объясняющую различия между городским и сельским населением изменениями условий социальной жизни. Правомерен ли такой аспект решения подобной задачи? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Многолетние исследования физического типа населения различных эпох принесли огромное количество фактов, говоривших о таких изменениях скелета, которые нельзя объяснить миграциями и смешением носителей различных антропологических типов. На протяжении сравнительно короткого отрезка времени (начиная с мезолита на юге и с энеолита – в северных областях) параллельно идут два процесса: брахикефализации и грацилизации черепа (Дебец Г.Ф., 1948; 1961; Бунак В.В., 1959; Абдушелишвили М.Г., 1960).

До сих пор вопрос о причинах этих изменений остается открытым. В объяснении этого явления намечаются две тенденции. Первая сводится к роли природной или социальной среды в процессе эпохальных изменений скелета (связь брахикефилизации с геохимической средой (Vassal P., 1957) и грацилизации с развитием земледелия (Дебец Г.Ф., 1961)); вторая – к роли внутренних закономерностей морфологического

Таблица 2

Население древнерусских городов по краниологическим данным и сравнительные материалы

№ по Мартину	Признак	Древнерусские города, XI–XIII вв.	Скандинавские страны, X–XI вв.	Старая Ладога, XI–XII вв.	Кочевники	
					монголоидный тип	европеоидный тип
1	Продольный диаметр	181,5–189,3	187,6–190,8	188,2(34)	177,8	178,7
8	Поперечный диаметр	138,5–141,4	139,6–145,3	140,0(34)	147,8	146,1
8 : 1	Черепной указатель	73,8–77,5	73,2–76,9	74,3(34)	83,0	82,3
17	Высотный диаметр	134,1–138,9	127,7–136,6	132,1(24)	136,0	129,4
5	Длина основания черепа	100,9–105,7	102,7–104,4	101,7(23)	102,3	100,4
9	Наименьшая ширина лба	95,5–98,1	96,0–98,5	97,0(33)	95,6	99,0
40	Длина основания лица	96,4–100,8	96,8–100,1	98,2(19)	97,5	98,8
45	Скуловая ширина	132,1–136,1	130,8–135,9	133,1(21)	137,3	135,6
48	Верхняя высота лица	67,0–71,2	68,3–73,6	71,3(21)	72,1	72,4
51	Ширина орбиты от mf (лев.)	40,9–43,2	39,3–42,6	42,0(21)	43,5	41,6
52	Высота орбиты	310–33,3	31,0–34,1	32,4(23)	32,5	32,0
54	Ширина носа	24,7–26,2	22,8–24,2	24,2(23)	27,0	24,9
55	Высота носа	49,6–51,6	49,6–53,3	51,7(24)	53,3	52,1
DC	Дакриальная хорда	21,1–22,6	–	20,7(21)	22,5	22,4
DS	Дакриальная высота	11,5–12,4	–	13,1(21)	12,6	12,7
DS : DC	Дакриальный указатель	54,9–61,2	–	63,3(21)	58,5	56,7
SC	Симотическая хорда	8,6–9,4	–	9,1(19)	8,9	8,8
SS	Симотическая высота	3,8–4,4	–	6,3(19)	4,8	4,6
SS : SC	Симотический указатель	42,7–50,9	–	69,2(19)	52,6	52,3
72	Угол профиля лица общий	83,6–85,1	–	84,7(20)	88,0	84,7
75(1)	Угол носовых костей к линии носа	26,8–35,0	–	33,5(19)	24,9	27,4
	Назомолярный угол (fmo–n-fmo)	135,7–139,4	–	135,6(20)	140,0	137,3
	Зигомаксилярный угол (zm–ss–zm)	126,0–129,6	–	123,3(20)	132,8	128,7

характера (причина брахикефализации кроется либо в тенденции современного человека развиваться в одном и том же направлении (Weidenreich F., 1954), либо в ускорении роста опять-таки под влиянием изменения социальной жизни, в частности расширения круга брачных связей (Бунак В.В., 1951). Вполне вероятно, что в процессе эпохальных изменений черепа причины внешнего и внутреннего характера выступали во взаимодействии.

Можно ли переносить закономерности, присущие изменениям структуры черепа на протяжении длительного времени, на изменения подобного типа, но имевшие место в пределах одной и той же эпохи в группах с различным уровнем социальной жизни? По-видимому, да. Как на протяжении ряда эпох мы наблюдаем одни и те же изменения черепа независимо от этнической принадлежности и географической локализации группы, так и в определенную эпоху (средневековье) обнаруживаются одни и те же изменения физического облика городского населения по сравнению с сельским независимо от того, где и на территории какого племени находился город. Однако в средневековье брахикефализация идет параллельно с увеличением скулового диаметра и никаких признаков грацилизации не наблюдается. Скорее наоборот, горожане отличаются более массивным, во всяком случае в широтном направлении, лицевым скелетом.

Закономерное отличие городского населения от сельского фиксируется и по некоторым особенностям распределения генетически наследуемых признаков (анализировалась общая частота встречаемости лобного шва, родничковых костей – брегматической и верхушечной, шовных костей в лямдовидном шве, в сосцевидно-затылочном, в области астериона, в чешуйчатом, саггитальном и венечном швах) (Бужилова А.П., 1995, с. 22, 23). При сходных средних величинах интервал разброса изменчивости признаков в городских сериях значительно расширяется (рис. 2). Возможно, это связано с увеличением разнообразия фенотипов в городской среде и может объясняться в первую очередь расширением круга брачных связей.

Разноплановые медико-антропологические исследования, проведенные в последние десятилетия и охватывающие практически все экологические ниши и исторические эпохи, позволяют говорить о значительном влиянии антропогенного фактора на особенности физического развития человека. Как указывалось выше, урбанизированная среда – это пик новых факторов антропогенной природы. Какие из них оказывали существенное влияние на развитие патологических особенностей у средневекового городского населения?

Данные сравнительного палеопатологического анализа, проведенного Р. Янкаускасом (1993) на материале средневековых городских и сельских групп, тесно коррелируют с историческими свидетельствами об условиях жизни в средневековых городах Литвы. Большая скученность населения, плохие гигиенические условия, грязь, массовая зараженность паразитами, инфекции, плохое качество пищи и малодоступность медицинской помощи не могли не оказать кумулятивного воздействия на морфологию скелета. Отмечены явная грацилизация и понижение полового диморфизма в группе из Вильнюса по сравнению с сельскими группами и населением из маленького города Алитус. В вильнюсской серии показатель неспецифических инфекций (периостит большеберцовых костей) достигает наибольших значений по сравнению с показателями в сельских группах. При интерпретации полученных различий в характере поражений автор указывает, что население Вильнюса, по-видимому, испытывало не только больше стрессов, но и было менее резистентно к ним.

У средневекового населения древнерусских городов не фиксируется значительных отличий по распространению инфекций в городской и сельской среде. Однако наблюдается повышение частоты встречаемости зубных патологий у горожан (рис. 2). По данным некоторых авторов, увеличение частоты зубочелюстных патологий отмечается у более обеспеченных слоев общества и у населения, ведущего оседлый образ жизни (Гашимова У.Ф., 1979). Очевидно, что с этой точки зрения кариес можно

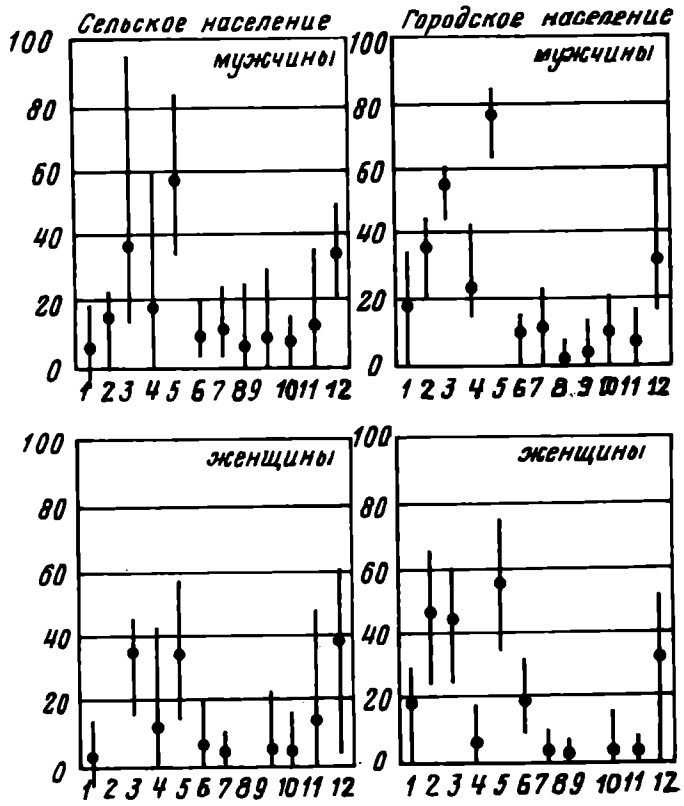


Рис. 2. Диапазон разброса значений некоторых показателей стресса в древнерусских группах: *1, 2* – гипоплазия на верхней и нижней челюстях; *3* – кариес; *4* – хронический абсцесс (одонтогенный остеомиелит); *5* – прижизненное выпадение зубов; *6* – Cribra orbitalia; *7, 8, 9* – признаки воспалительного процесса на черепе; *10* – черепные травмы; *11* – доброкачественные опухоли; *12* – генетически наследуемые признаки

рассматривать как показатель несбалансированного питания с излишками каких-либо кариесогенных веществ.

С другой стороны, по данным В.Р. Окушко (1971), увеличение частоты встречаемости кариеса идет параллельно с процессами акселерации. Анализируя распространенность этой патологии у разных социальных групп, он констатирует увеличение показателей в группах с признаками ускоренного развития. Таким образом, увеличение частоты встречаемости кариеса в исследуемых городских сериях можно рассматривать как результат процесса, идущего параллельно с акселерацией и связанного в первую очередь с факторами урбанизации.

Как указывалось выше, на краниологическом материале городских средневековых серий были зафиксированы признаки брахикефализации. В данном контексте брахикефализацию городского населения, видимо, можно объяснить вслед за В.В. Бунаком (1951) как "частный случай общей проблемы ускорения роста", причины которого лежат в изменении условий социальной среды. Вескими причинами такого явления помимо расширения круга брачных связей можно считать характер пищевой обеспеченности людей в условиях города и влияние диеты на ростовые процессы и физическое развитие (Алексеев В.П., 1990). По данным М.Г. Рабиновича (1988), в питании горожан преобладали разного рода мучные и крупяные продукты. В целом пища горожан была бедна мясом, хотя и несколько обильнее, чем крестьянская. На раннем этапе развития русских городов (IX–XIII вв.) главнейшие черты пищевого рациона и сам порядок питания зависели от крестьянского хозяйства ближайших окрестностей. Население города на этом этапе занималось сельским хозяйством, используя для этого как общественные городские земли, так и свои усадьбы. В целом в питании русских горожан и крестьян было много общего, но существовали и известные различия (Рабинович М.Г., 1988). При прочих равных условиях разно-

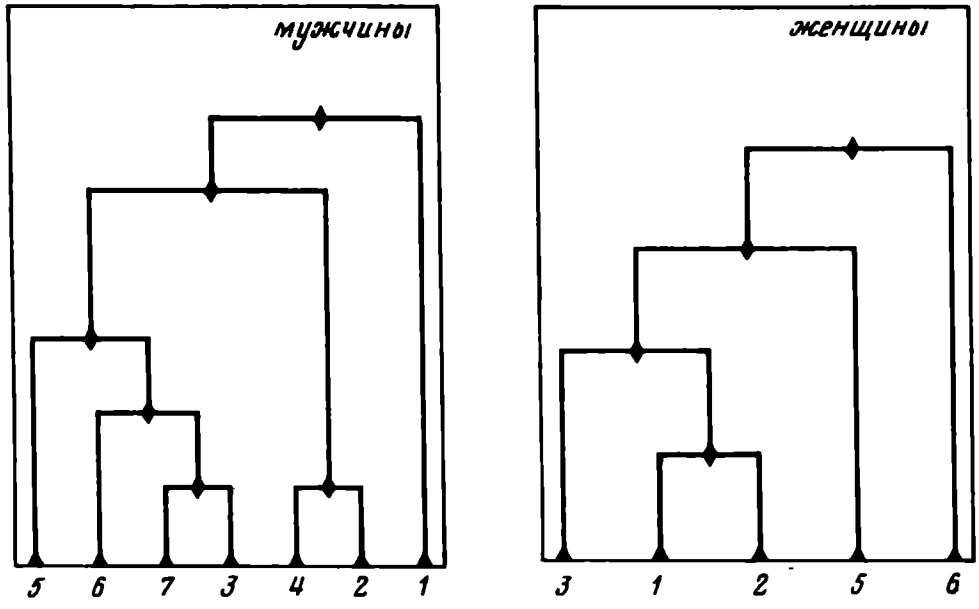


Рис. 3. Результаты кластерного анализа некоторых морфометрических признаков в мужских и женских древнерусских группах: *1* – Хрепле; *2* – вятичи московские; *3* – Витичев; *4* – Любеч; *5* – Новгород; *6* – Старая Рязань; *7* – Смоленск

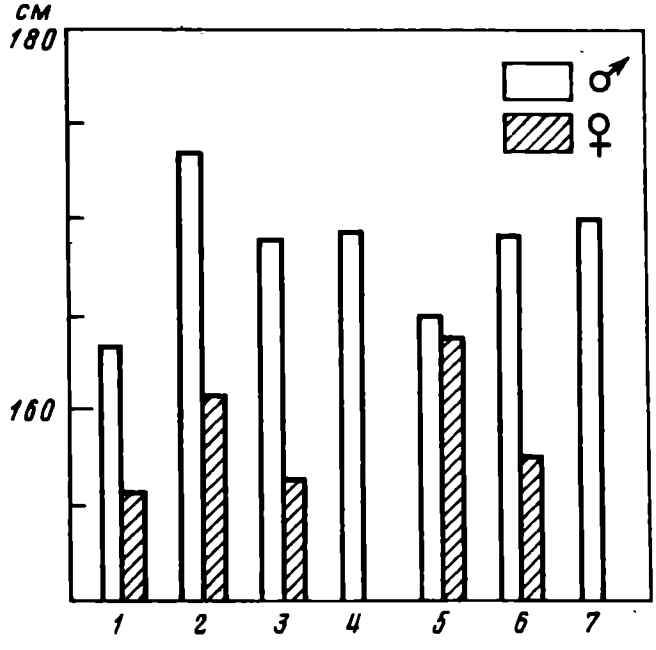


Рис. 4. Длина тела у городского и сельского древнерусского населения: *1* – Хрепле; *2* – вятичи московские; *3* – Витичев; *4* – Любеч; *5* – Новгород; *6* – Старая Рязань; *7* – Смоленск

образное питание, возможно, более витамизированное в городах, должно было бы вызывать более интенсивный рост и матуризацию костяка в городских группах (Алексеева Т.И., 1973, с. 130; Алексеев В.П., 1990).

Остеометрический анализ продольных размеров и периметров длинных костей позволил сгруппировать городские и сельские серии следующим образом: у мужчин отдельным кластером выделилась сельская группа словен новгородских (Хрепле), в следующий кластер объединились выборки вятичей московских и группы из Витичева, и последний кластер объединил серии из Любеча, Смоленска, Старой Рязани и

Новгорода; у женщин отдельными кластерами выделились серии из Старой Рязани и Новгорода, а последний кластер объединил группы словен новгородских, вятичей московских и группу из Любеча (рис. 3). Показательно, что такое распределение указывает на некоторую социальную зависимость – и в мужских, и в женских группах выделились кластеры, разделяющие сельское и городское население.

Сравним длину тела в исследованных группах, реконструированную двумя способами (по Мануврие и Троттер-Глезер) (рис. 4). Очевидной разницы между городскими и сельскими группами не наблюдается. Наибольшие значения отмечены в мужской подгруппе московских вятичей и Смоленска, наименьшие – у населения Хрепле и Новгорода. Длина тела в женских подгруппах очень мало варьирует, и показатели примерно одинаковы в городских и сельских сериях. Следует обратить внимание на одну маленькую подробность в женских выборках: наибольшие значения отмечаются у женщин из Новгорода, а наименьшие – у представительниц словен новгородских (Хрепле). Таким образом, процесс маторизации и увеличения продольных размеров в городских условиях наблюдается только на примере словен новгородских в женских подгруппах, в остальных же сериях такой закономерности не отмечено.

По данным С.П. Сегеды и П.М. Покаса (1985), длина тела жителей древнерусских городов Левобережья (Путивль, Лубны) в мужских группах была примерно 170,6, в женских – 160,5 см, а сельское население этого региона было более низкорослым: мужчины – 165,3, женщины – 157,4 см (реконструкция по населению из Каменного). На примере населения этого региона демонстрируется очевидная разница между городским и сельским населением.

Возможно, что расширение набора пищевых продуктов в городских условиях – фактор достаточно общий, действовавший в городах любого типа и на всех хронологических этапах. Тогда становится очевидным, что при благоприятных условиях действие этого фактора носило перманентный характер, при неблагоприятных – затушевывалось противодействующими тенденциями (Алексеев В.П., 1990, с. 73).

Еще несколько показателей – биологических индикаторов стресса могут позволить выделить неблагоприятные условия жизни древнего населения. Один из них – дефект зубной эмали – эмалевая гипоплазия свидетельствует о резком стрессовом воздействии, испытанном индивидом в детском возрасте (как правило, в интервале от 6 мес до 7 лет). Эмалевая гипоплазия маркирует целый спектр негативных факторов: от пищевого стресса до специфических инфекционных заболеваний. Другой индикатор физиологического стресса, показатель анемии – Cribra orbitalia, также выбран не случайно. Следует оговориться, что за термином "анемия" скрывается очень пестрый спектр причин, влияющих на появление этой патологии. Снижение содержания гемоглобина может быть обусловлено как наследственными, так и приобретенными факторами. Они могут возникать при острых и хронических кровопотерях (язва желудка, геморрой, болезни женской половой сферы), при временной функциональной недостаточности кроветворных органов, являться следствием влияния хронических инфекций (сепсиса) и разнообразных интоксикаций. Таким образом, Cribra orbitalia может быть использована как показатель состояния здоровья в широком смысле слова без учета каких-либо конкретных диагнозов.

Увеличение частоты встречаемости эмалевой гипоплазии и Cribra orbitalia в городских древнерусских группах происходит, по-видимому, за счет негативных воздействий урбанизации – увеличения численности и плотности населения по сравнению с сельскими регионами, расширения биологических контактов за счет мигрантного контингента (рис. 2). Изменение социальных условий жизни по сравнению с сельским населением способствует появлению и распространению инфекционных заболеваний в городской среде. Кроме того, формирование новых бытовых условий, возможно, происходит на фоне изменения традиций в питании, что в свою очередь провоцирует различные заболевания пищеварительной системы, сопровождающиеся, как правило, синдромом анемии, признаки которой и фиксируются на костных останках средневековых горожан.

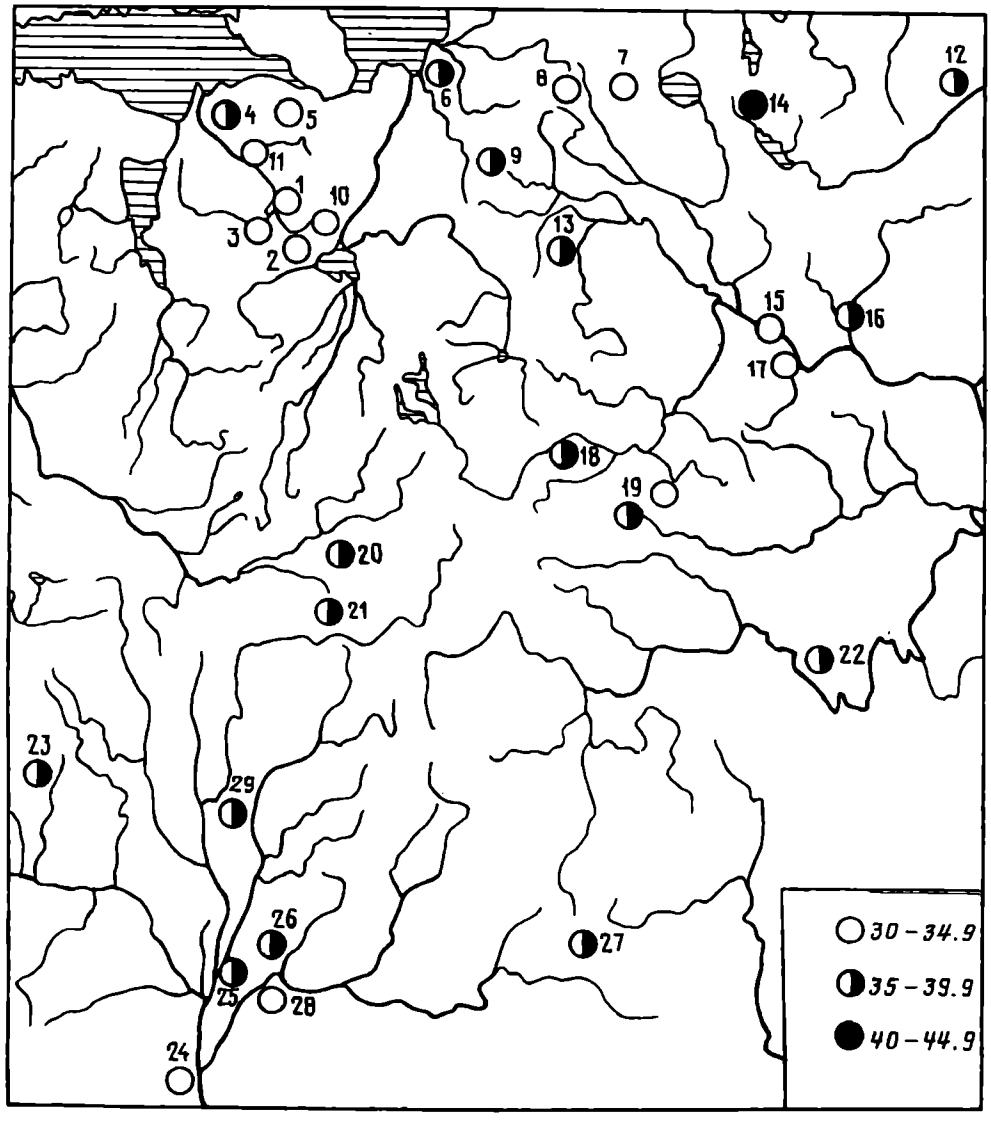


Рис. 5. Распределения показателя среднего возраста смерти на территории средневековой Руси. *1* – Хрепле, XI–XII вв.; *2* – курганы северо-западного Приильменья, X–XIV вв; *3* – жальники Шелонской пятины, XII–XIII вв.; *4* – Войносолово, XII–XV вв.; *5* – курганы Петербургской губернии, XI–XIV вв.; *6* – могильники Юго-Восточного Приладожья, XI–XIII вв.; *7* – Новинки, XI–XIII вв.; *8* – Володино, XI–XIII вв.; *9* – курганы у д. Плоское, Степаново; *10* – Раглицы, XIV–XV вв.; *11* – Б. Сабск, XV–XVI вв.; *12* – Ст. Тотьма, XIII–XV вв.; *13* – могильники юго-востока Новгородской земли, XII–XIII вв. (данные Гончаровой Н.Н.). Авторы приносят благодарность Н.Н. Гончаровой, предоставившей в наше распоряжение неопубликованные данные, *14* – Нефедьево-Шуйгино, XI–XII вв.; *15* – кривичи ярославские, XIV–XVI вв.; *16* – кривичи костромские, XI–XIII вв.; *17* – Ростов Великий, XIV–XVI вв.; *18* – кривичи тверские, XI–XIII вв.; *19* – вятичи московские, XI–XIII вв.; *20* – кривичи смоленские, XI–XIII вв.; *21* – Смоленск, XII–XIII вв.; *22* – Старая Рязань, XII –XIII вв.; *23* – дреговичи, XI–XIII вв.; *24* – Киев, XI–XIII вв.; *25* – Любеч, X–XII вв.; *26* – Чернигов, XI–XIII вв.; *27* – северяне, XI–XIII вв.; *28* – поляне черниговские, X–XIII вв.; *29* – радимичи, XI–XIII вв.

И все же следует оговориться, что частота встречаемости как первого, так и второго индикаторов стресса не превышает средних значений, характерных для других средневековых, как городских, так и сельских, групп. Частота распространения Cribra orbitalia на территории средневековой Руси колеблется в пределах от 0 до 25%. При более подробном анализе обнаруживается географическая дифференциация этого признака – наиболее низкие значения встречаются на севере территории, наиболее высокие – на юге, а именно в областях распространения северян, полян и в Любече. Максимальные значения Cribra orbitalia в выделенном регионе не превышают 20–25%

интервала, но в сочетании с заниженным показателем смертности в этих сериях могут свидетельствовать о неблагополучной стрессовой обстановке в этой географической зоне (рис. 5).

По мнению Р. Янкаускаса (1993), очевидное занижение показателей Cribra orbitalia в городских группах можно объяснить, например, селективной смертностью – анемизированные горожане чаще умирали в молодом возрасте, что не позволяет в полной мере восстановить у взрослого населения истинный процент переболевших в детском возрасте.

Тем не менее общее состояние демографической структуры группы позволяет оценить возможность такой ситуации. Обратимся к демографическим показателям в городских и сельских древнерусских группах.

Средний возраст смерти на территории средневековой Руси характеризуется интервалом от 32,3 до 43,8 лет. Наименьшие показатели (30–34,9 лет) были зафиксированы в трех географических точках: на территории словен новгородских (в том числе и в Новгороде), в зоне распространения кривичей ярославских (в том числе и у жителей Ростова Великого) и на юге – в области распространения черниговских полян и у жителей Киева. На остальных территориях средний возраст смерти колеблется, как правило, в пределах 35–39,9 лет (рис. 5).

Средний возраст смерти на протяжении эволюции человечества имел незначительную динамику роста: у мужчин эта величина менялась с неолита до средневековья от 31,5 до 35,3 лет, у женщин – от 28,3 до 31,3 лет соответственно (Brothwell D.R., 1972).

На территории Западной Европы в синхронное время средний возраст смерти колеблется в пределах возрастного интервала 30–34,9 лет, хотя наблюдаются и исключения. Например, по данным Goldsteim M.S. (1953), у английской популяции XI–XII вв. этот показатель равен 35,3 годам; по данным Deevey E.S. (1960), на территории Англии в XIII–XV вв. средний возраст смерти колеблется в пределах 38–48 лет. Однако, следует подчеркнуть, что многие исследователи отмечают снижение показателей среднего возраста смерти в Западной Европе в период средневековья вплоть до XVIII в. (см. обзор Федосова В.Н., 1994, с. 78).

Очевидно, для населения средневековой Руси характерны достаточно "благополучные" демографические показатели. Правда, средний возраст смерти, соответствующий аналогичным показателям в группах Западной Европы, отмечается на "русской" территории, и главным образом в социально- и экономически развитых областях. К сожалению, малочисленность и фрагментарность наблюдений не позволяют в полной мере объяснить этот феномен. Тем не менее в свете вышеизложенных данных можно рассматривать полученные результаты как иллюстрацию к моделированию антропогенных последствий у древнего населения. Очевидно, что в древнерусских городах антропогенное воздействие не было столь значительным, как в городах Западной Европы.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы общего характера. Во-первых, горожане по своему физическому облику в целом относятся к тому же антропологическому типу, что и жители сел (в пределах территориальных границ одного племени). Зафиксированное историческими источниками присутствие инородных элементов среди городского населения, по-видимому, не оказало существенного влияния на его антропологический состав. Судя по антропологическим данным, в создании торгово-ремесленных и политических центров Руси огромная роль принадлежала местным этническим группам.

Во-вторых, некоторые особенности в антропологическом облике городского населения по сравнению с сельским, обнаруживающие одну и ту же закономерность, независимо от территории и этнической группы объясняются, вероятно, изменением условий социальной среды в связи с урбанизацией. Брахикефализация городских жителей, по-видимому, является частным выражением общего процесса ускорения роста под влиянием изменений в социальной среде, например за счет увеличения круга брачных связей, а расширение лица – частным выражением общего процесса укруп-

нения костяка в условиях города опять-таки в связи с изменением уровня социальной жизни. Расширение круга брачных связей в городской среде провоцирует и увеличение разнообразия фенотипов, фиксирующихся на краниологическом материале по генетически детеминированным признакам. Акселерация – увеличение роста, матуризации костяка и одно из проявлений ускоренного развития – зубочелюстные патологии – наблюдаются в виде закономерных тенденций именно у городского населения и, что очень любопытно, фиксируются только у представителей древнерусских городов. Для синхронных же, городских западноевропейских групп отмечаются главным образом стрессовые проявления, связанные с последствиями негативных факторов урбанизации. Незначительные негативные палеопатологические изменения в популяциях древнерусского населения могут интерпретироваться скорее всего как показатели адаптивного синдрома в условиях среды, отличной от сельской.

Выявленные различия между городскими и сельскими древнерусскими группами определяют общие закономерные тенденции, описанные В.П. Алексеевым (1990) в статье об исторической урбоэкологии. И характер пищевой обеспеченности людей в условиях города, и влияние диеты на ростовые процессы, и физическое развитие населения, и расширение круга брачных связей, и изменение генетической структуры в городских популяциях находят отражение в антропологических характеристиках древнерусских городских популяций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдушелишвили М.Г., 1960. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков // КСИЭ. Вып. 33.

Алексеев В.П., 1990. Об исторической урбоэкологии // Урбоэкология. М.

Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.

Апостолов Е., Мичков Х., 1977. Урбанизация. Тенденции и гигиенические проблемы. М.

Бочков Н.П., 1974. Мутационный процесс у человека // Лекции по медицинской генетике. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.

Бунак В.В., 1951. Структурные изменения черепа в процессе брахиекефализации // Тр. Всесоюз. съезда анат., гистол., эмбриол. Л.

Бунак В.В., 1959. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // ТИЭ. Нов. сер. Т. XIX.

Гашимова У.Ф., 1979. Антропологические аспекты исследования эпохальной динамики зубо-челюстной патологии // ВА. Вып. 61.

Гончарова Н.Н., 1995. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. сер. Т. IV.

Дебец Г.Ф., 1961. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида // СЭ. № 2.

Зиневич Г.П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. Киев.

Курбатова О.Л., 1975. Опыт генодемографического исследования больших панмиксных популяций. Генетическая структура двух последовательных поколений жителей Москвы // ВА. Вып. 50.

Миклашевская Н.Н., Година Е.З., Соловьева В.С., 1988. Ростовые процессы у детей и подростков. М.

Насонов А.Н., 1951. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М.

Окушко В.Р., 1971. Антропологические аспекты проблемы кариеса зубов и парадонтоза. Автореф. дис. ... докт. мед. наук. Кишинев.

Плетнева С.А., 1964. О юго-восточной окраине Русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 39.

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Ревич Б.А., Сает Ю.Е., 1990. Эколого-геохимическая оценка окружающей среды промышленных городов // Урбоэкология. М.

Рыбаков Б.А., 1965. Любеч и Витичев – ворота "Внутренней Руси" // Тез. докл. сов. делегации на Междунар. конгр. слав. археологии. М.

Рыдзевская Е.А., 1945. Старая Ладога в древнесеверной литературе // КСИИМК. Вып. 11.

Сегеда С.П., Покас П.М., 1985. Антропологический состав средневекового городского населения левобережного поднепровья // Тез. докл. сов. делегации на V Международ. конгр. слав. археологии. М.

Седов В.В., 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. № 15.

Соловьев С.М., 1959. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М.

Федосова В.Н., 1994. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) // РА. Вып. 3.
Чебоксаров Н.Н., 1947. Ильменские поозеры // ТИЭ. Нов. сер. Т. 1.
Янкаускас Р.П., 1993. К антропологии средневекового города (по литовским материалам) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения восточной Европы. М.
Brothwell D.R., 1972. Digging up bones. L.
Debetz G., 1961. Paleoanthropologie de l'Eurasie Septenrionale, VI. M.
Deevey E.S., 1960. The Human Population // Scient. Am. № 203.
Godlstein M.S., 1953. Some vital Statistics Based on Skeletal Material // Human biology. № 25.
Vassal P., 1957. Brachycephalie, doitre et terrain granitique // Rev. pathol. gentique et physiol. clinigue. T. 57. № 688.
Weidenreich F., 1954. The brachicephalisation of modern mankind // Southwestern J. anthropol. V. 1.

Институт археологии РАН,
Москва

T.I. ALEKSEEVA, A.P. BUZHILOVA

MEDIEVAL URBAN RUSSIANS ACCORDING TO ANTHROPOLOGICAL DATA: ORIGINS, PALAEODEMOGRAPHY, PALAEOECOLOGY

Summary

This article discusses with the results of the anthropological analysis of more than 300 skeletons from the medieval cemeteries of the old Russian towns of Vititchev, Kiev, Lubetch, Novgorod, Smolensk, Staraya Ryazan and Tchernigov. The authors used kraniometric and non-metric methods, morphological analysis and analysis of indicators of physical stress as well as some demographic parametres. All the data were compared with the results of a study of a rural series from the same Russian territories. Kraniometric analysis makes it possible to suggest that on the whole the urban population belonged to the same anthoropological type as the rural population (within the territory of the same tribe). The influence of non-natives didnt alter the craniological type of the ancient urban Russians. According to anthropological data, local ethnic groups played a great part in the formation of trade, handycraft and political centres of Rus. However, there were some features found only in the urban series and not in the rural ones – regardless of the geographical area. This fact probably testifies to the influence of urban factors on environmental conditions. The brachicephalisation of the skulls in the urban series was probably one in the features in the general process of acceleration that went on under the social pressures of the environment (for exapmle, the widening of the marrige circle). Round faces became a sign of the maturation process in skeletons under the urban conditions resulting from the social and economic levels of life. The widening of the marriage circle in the towns led to a greater variety of phenotypes fixed on genetic traits. Other results of acceleration such as the enlargement of bone, early maturation and dental pathology were found only in the urban Russian series. Comparative analysis of pathologies shows that, in contrast with the Russian series, the influence of the urban environment on the western medieval urban series was negative. Such negative things as the decline in the average life expectancy in Kiev and Novgorod and the increase of enamel hypoplasia that were not clearly marked could be gradual adaptations to a new environment. The difference that was found between urban and rural ancient Russian groups determines the common natural tendencies that were described by V.P. Alekseev (1990) in his article about historical urban ecology. The anthropological materials of the ancient Russian urban population reflect the peculiarities in food of urban population, the influence of diet on its development, the widening of the marriage circle and the changes in the genetic structure of the urban population.

И.Л. КЫЗЛАСОВ

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКОВ. I. ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ АРМИИ

Приступить к публикации материалов по этой теме меня побуждают два обстоятельства. Во-первых, ныне резко возрос интерес к проблемам своего происхождения и ранней истории среди народов Евразии, в том числе тюркоязычных народов (коих на территории СССР проживало более 50 млн. человек). В то же время этот интерес сегодня удовлетворяется в значительной мере не трудами историков, а работами представителей самых разных групп творческой интеллигенции, в которых много того, что можно было бы назвать «розовыми национальными мечтаниями о прошлом» и что по большей части не имеет отношения к подлинным процессам и событиям этого прошлого. Во-вторых, на исследования специалистов всех гуманитарных дисциплин все более заметные ограничения накладывают исходные позиции, согласно которым раннесредневековое и древнее тюркоязычное население по своему жизненному укладу расценивается как кочевники. Само это понятие порождает заранее заданное и, как выясняется при непредвзятом анализе, очень узкое и чрезвычайно условное восприятие как археологических, так и исторических источников.

Первое из отмеченных общественных явлений порождено, с одной стороны, явной нехваткой во всех отраслях тюркологии квалифицированных специалистов, с другой – осознанием ограниченности тех подходов к постижению названных проблем, которые предлагает сегодня сама наука. Вместе с тем искренне стремящаяся к восполнению имеющихся пробелов национальная творческая интеллигенция, как легко заметить, глубоко впитала в себя схематизм академического кочевниковедения и неизбежно отразила мифы современной науки в своих попытках осмысления этногенетических и историко-культурных вопросов. Поэтому в ныне многочисленных изданиях, посвященных обсуждаемой тематике, в том числе и тех, которые подготовлены некоторыми университетами и научно-исследовательскими институтами, можно уже встретить утверждения о тюркоязычности и саков, и скифов, и многих более древних и совершенно неведомых нам народов (таких, как носители ямной археологической культуры). Основанием же служат лишь факты присущего им подвижного способа скотоводства, доения кобылиц и употребления кумыса, применения в бою воинов-конников и т.п. черты быта, никак не связанные ни с этнической, ни с языковой природой общества.

И поиски специалистов, и разыскания дилетантов (в первоначальном и необидном смысле – «любителей») охотно ведутся лишь в заранее избранной сфере так называемых кочевнических древностей. Легко понять, что уже в силу такого сужения поля зрения эти исследования не могут отвечать всем требованиям науки. Нельзя забывать важнейшую особенность работы с историческими источниками любого рода: при их осмыслении можно почерпнуть лишь то, что нами отыскивается, точнее то, что мы готовы воспринять. Если при анализе любого древнего общества мы предпочтем методу внешних сравнений способ реконструкции присущих ему внутренних особенностей, то полученные результаты во многом изменят привычные нам представления. Продемонстрировать сказанное в отношении наиболее существенных черт ранней истории тюркоязычных народов и вследствие этого изменить ее восприятие – и входит в мою задачу.

© И.Л. Кызласов, 1996 г.

Автор этих строк заинтересован в том, чтобы представляемые им материалы и выводы стали достоянием широкого круга специалистов и поэтому планирует поэтапно публиковать их на страницах центрального научного издания – журнала «Российская археология».

Прежде чем начать изложение основных материалов, следует оговорить одно существенное обстоятельство. На протяжении истории имя тюрок изменяло свое значение. Ныне (исключая известные случаи самоназвания türk) оно имеет сугубо лингвистический смысл и обозначает все народы, говорящие на близких друг другу и исторически родственных языках так называемой тюркской семьи. Понятие «тюрки» в этом смысле подобно другим терминам лингвистической систематики, таким, как «славяне», «балты», «иранцы» и т.д. Среди современных тюркских народов нет ни физического, ни культурного, ни мировоззренческого сходства – их объединяет только язык. Так было и в раннем средневековье. По-видимому, этот лингвистический смысл имя тюрок приобрело уже в устах средневековой арабской науки и было затем воспринято европейским языкознанием.

По крайней мере до VIII в. дело обстояло иначе. Тюрками (türk) назывался только один из уже многочисленных тогда тюркоязычных народов – а именно, создатель I и II Тюркских каганатов. Другие близкие по языку народы носили иные имена (карлуки, уйгуры, кыргызы, азы, чики и т.д.).

Разбору этой ситуации и связанному с ней взгляду на прошлое совершенно необходимо посвятить отдельную статью. Здесь же отмечу, что понятие «тюрки» будет применяться мною только в отношении конкретного раннесредневекового народа, а в обобщающем смысле определение «тюркский» будет иметь лишь лингвистический смысл. Некоторую возможность разграничения предоставляет богатство форм русского склонения. От слова «тюрки» как в родительном, так и в винительном падежах может быть образовано по две внешне различных формы. Первая из них («тюрок») традиционно указывает на отдельный народ, а вторая («тюрков») – на всех носителей языковой семьи. Последнее обстоятельство использовано в названии этой работы.

Опуская спорные случаи, когда речь в восточных письменных источниках идет о народах, которых те или иные исследователи считают прямыми предками тюрок (равно как и упоминания римскими авторами I в. этнонимов, сходных по звучанию с türk), необходимо признать, что само имя тюрок обнаруживается на арене истории, когда их представители впервые появились на китайской границе в конце династии Северная Вэй (386–534 гг.), т.е. до 534 г. Наиболее ранние свидетельства о народе по имени türk (t'u-küe) содержат летописи «Чжоу-шу» (завершена в 629 г.), «Суй-шу» (окончена частями в 629–636 и 641–656 гг.) и «Бэй-ши» (дописана в 659 г.) (Liu Mau-tsai, 1958. S. 1). Уже в это время стало известно, что тюрки «из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши ... искусно стреляют из лука с лошади» («Чжоу-шу») (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229), что «сила тюрок заключается в конной стрельбе из луков» (слова императора Гао-цзу, сказанные между 615 и 617 гг.) (Liu Mau-tsai, 1958, S. 430). И на страницах всех последующих источников (китайских, арабских, иранских, греческих, славянских и др.) вооруженные силы тюрок обычно предстают в виде конницы. Поэтому многие полагают, что именно всадники являются исконным родом войск тюркоязычных народов. Однако выясняется, что эти свидетельства не следует распространять за пределы средневековья. Берусь показать здесь, что первоначальной армией древних тюрков была пехота.

Древнейшими историческими источниками по нашей теме являются не свидетельства хроник соседних для тюркоязычных народов древних цивилизаций Азии и Европы, а данные древнетюркского языка, которые предоставляют нам наиболее ранние известные письменные памятники тюрков – их знаменитые рунические надписи. Опорой в поиске послужат две известные особенности семантического развития слова – его движение от конкретности лексических значений к их все

возрастающей обобщенности и расширение числа предметов, явлений и действий, обозначаемых одним словом, на основе усматриваемого между ними разнообразного сходства (так называемые переносные значения слов) (Щербак А.М., 1994, с. 125–129). Вполне понятно, что направление изысканий будет ретроспективным: необходимо проследить архаичный или утраченный смысл лексики.

1. О пехоте древних тюрков

Одним из основных терминов, собирающих вокруг себя различные лексические выражения войны и военного дела, является краткое слово sü. В раннем средневековье оно было общетюркским, поскольку обозначало войско во всех надписях II Восточнотюркского и Уйгурского каганатов VIII в[1]. (КТб, 2: sü süläpän tört buluŋdaqy bodunyγ qop almys «выступив с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам (света)», 12; qanym qaγan süsi böri teg ermis «войско моего отца кагана было подобно волкам», другие примеры – строки 28, 32, 34, 37, 39, 45, 46, 47, 48 (дважды); БК, 25 (дважды), 26 (дважды), 27, 30 (дважды), 31 (дважды), 32 (пять раз), 34, 39, Ха 1 (трижды), 8 (дважды), X II; Тон, 14, 18, 25, 28, 29, 30, 31 (дважды), 32, 33 (дважды), 35 (дважды), 36, 43; КЧ, 10 (дважды), 20, 22; Оа, 1; МЧ, 6, 7, 17, 23, 26, 31, 33, 49; Т, 5 (строка дефектна) и ХТ, II, III (обе строки дефектны), V) (Малов С.Е., 1951, с. 423; 1959, с. 102; Tekin T., 1968, p. 370, 371; Кляшторный С.Г., 1980, с. 89, 90, 92). Известно оно и в енисейских древнехакасских надписях IX–X вв. – Е 26,8 и Е 43,3 (Малов С.Е., 1952, с. 49, 79), – и в орхонской рунической книге Yrq bitig первой трети X в. В X–XI вв. слово sü встречается также в рукописях уйгурского и арабского письма (Древнетюркский словарь, 1969, с. 516; Clauson G., 1972, p. 781).

На глубокую архаичность слова sü указывает его более узкое значение «военный отряд», сохранившееся в надписи БК (строка 32: ilki sü tašyqmyš erti «передовой отряд выступил (в поход)» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 516) (ср. перевод С.Е. Маловым МЧ, 26: čik bodunyγ byŋym sürä kelti «народ чиков был пригнан моим тысячным отрядом»: Малов С.Е., 1959, с. 36, 41). Очевидно, что этот смысл первичен по отношению к обобщающему понятию «войско», а, значит, само слово возникло еще в эпоху, не знавшую не только регулярной, но и многочисленной армии, и первоначально именовало любую группу воинов (ср. один из переводов этого слова, даваемый в словаре Махмуда Кашгарского 1072–1074 гг.: al-ʿaskar «воины») (Clauson G., 1972, p. 781).

Об исконности слова говорит и значение известных устойчивых сочетаний sü с глаголами, выражающих самые общие понятия: sü jory- «отправляться в поход» (Тон, 29: sü jorylym timis «отправимся в поход, говорит он», то же – строка 35; строка 29: jorymasar «если мы не пойдем в поход»; Бк, X II: sü joryp tünli künli jiti ödüškä «идя с войском день и ночь в течение семи суток»; Тон, 25, 35: sü jorytdym «я приказал двинуться войску»; МЧ, 6: sü jorydy «пошел с войсками», 17: sü joryjyn «я пойду войной», 23: sü jorydym «я отправился в поход»), а также sü aq- «двигаться войском», sü bük- «собрать войско», sü bašla- «возглавить войско» (последние отмечены словарем Махмуда Кашгарского) (Древнетюркский словарь, 1969, с. 516). С этим словом связано и понятие «военачальник» – sü bašy (Тон, 31; sü bašy inäl qaγan tarduš šad barzun «военачальником пусть будет шад тардушей – Инель-каган»; МЧ, 49: sü bašy ben «я – военачальник») (Tekin T., 1968, p. 370; Clauson G., 1972, p. 781) – один из немногочисленных известных титулов собственно тюркского происхождения (Шервашидзе И.Н., 1990, с. 83). Согласно прочтению С.Е. Малова, в Е 10,8 сочетание sü с глаголом bol- (точнее с деепричастием bolup) означает «во время войны» (Малов С.Е., 1952, с. 26).

---

[1] Сокращенные обозначения письменных памятников: КТ – Кюль-тегина, Тон – Тоньюкука (по изданию: Малов С.Е., 1951); БК – Бильге-кагана (Могиляна), КЧ – Кули-чура, О – Онгинского, МЧ – Моюн-чура, ХТ – Хойто-Тамира (по изданию: Малов С.Е., 1959); Т – Терхинской (по изданию: Кляшторный С.Г., 1980); Е – енисейских (с порядковым номером). Цифра указывает строку текста.

Весьма общий смысл передают и слова, образованные от sü: глагольные формы sülä-, sülät- и прилагательное sülüg. Sülä- означает «воевать, ходить войною, отправляться в поход» (КТм, 3: šantuŋ jazyqa tegi sülädim... toquz ersänkä tegi sülädim «я ходил войною вплоть до Шантунгской равнины... я ходил войною вплоть до (народа) девяти эрсенов», то же – строки 3–4,4 (дважды); БК, 24, 25 (дважды), 26 (дважды), 28, 32, 38, 39, 41, Xa 2 (дважды); иные грамматические формы: КТб, 2,8 (дважды), 12, 15, 17 (дважды), 18, 31, 35, 39; БК, 40; Тон, 20 (дважды), 21, 23, 44; О, 7; ХТ, X, 3, 4). Смысл sülät- – «вести в поход» (Тон, 18, 43: sülätdim «я повел в поход войско», 53: qaγanymyn sülätdimiz «с моим каганом мы водили войска в походы» (Малов С.Е., 1951, с. 423; 1959, с. 102; Древнетюркский словарь, 1969, с. 517; Tekin T., 1968, p. 371, 372; Clauson G., 1972, p. 825). Обе глагольные формы встречены и в самой ранней надписи уйгурского письма – эпитафии из Уланкома (Щербак А.М., 1961, с. 24, 25). Слово sülüg «военный, обладающий войском» до сих пор, насколько известно, не встречалось в рунике, но применено в сочинении Altun jaruq X в., выполненном уйгурским письмом (Древнетюркский словарь, 1969, с. 517).

Полагаю, приведенных материалов достаточно для заключения о том, что слово sü является очень древним и входило в ряд основной общетюркской лексики, связанной с военным делом (в этом качестве находим sü и в перечне древнейшей лексики, составленном А.М. Щербаком (Щербак А.М., 1994, с. 112)). Теперь предстоит уяснить, какого рода войско оно обозначало. Уже сам факт передачи при его помощи наиболее общих понятий исключает какое-либо специальное значение этого слова. Никакие оттенки его смысла не указывают на то, что древнейшие боевые отряды тюрков были конницей. Скорее напротив, в приведенной лексической группе есть явные свидетельства того, что первоначальное древнетюркское войско-sü было пехотой. Такова суть уже упоминавшегося словосочетания sü jorγ- «отправляться в поход», поскольку jorγ- буквально означает не просто «передвигаться», а «идти, ходить» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 274) и с этим значением (в более древней форме ðor- /ðör-) реконструируется как общетюркская основа (Щербак А.М., 1994, с. 114).

У многих народов, в том числе и несомненно оседлых, конное войско обозначается каким-либо специальным термином – именем существительным. Для примера укажем на исконно русское слово «конница» или заимствованное «кавалерия». В памятниках рунического письма ничего подобного обнаружить не удается. В единственном случае, когда автору эпитафии потребовалось подчеркнуть, что речь идет не просто о войске, а о коннице (БК, Xa1), это понятие передано описательно, словосочетанием atlyγ sü (Малов С.Е., 1959, с. 90; Древнетюркский словарь, 1969, с. 68) – буквально «войско, имеющее лошадей, конное войско» (слово atlyγ, образованное от at «конь» при помощи аффикса обладания -lyγ и означающее «имеющий коня», в рунических памятниках несет смысл «конный, на коне, всадник» (Тон, 4, 24) (Малов С.Е., 1951, с. 361; Древнетюркский словарь, 1969, с. 67, 68)). Дела не меняет то обстоятельство, что в этом же отрывке, когда далее речь идет о пехоте, автор применяет сочетание jadaγsü «пешее войско», так как именно это последнее выражение, отвечая особенностям принятого в художественной тюркской речи принципа параллелизма, по построению уподоблено предыдущему, а не наоборот. Вот полный контекст: tabγač atlyγ süsi bir tümän artuqy jeti biŋ süg ilki kün ölürtim jadaγ süsin ekinti kün qop (ölürtim) «конницу табгачей, отряд из семнадцати тысяч человек, я поразил в первый день, пехоту я на второй день (тоже) много поразил» (Малов С.Е., 1959, с. 15, 18, 22).

В рунических памятниках (а также текстах иного тюркского письма домонгольского времени) существует и другая лексическая группа, принадлежащая к основному военному словарю. Облик составляющих ее слов указывает на их происхождение от одной глагольной формы, настолько древней, что уже самые ранние известные нам памятники тюркской речи не застают ее самостоятельного употребления. Эта основа восстанавливается как *süŋ- (Clauson G., 1972, p. 834). Происходящее от нее слово süŋüš означает «сражение, война» (КТ, 15: jegirmi süŋüš süŋüšmis «он дал двадцать

сражений», подобное – строка 40; БК, 34; КЧ, 11, 16, 17; КТ, 42; (kül) tegin ol süŋüšdä otuz jašajyr erti «в этом сражении (Кюль)-тегин был тридцати лет», та же форма – МЧ, 16; КЧ, 9; süŋüš bolsar čerig itär erti «когда было сражение, он направлял войско», 20: ebinä süŋüš kigürti «он до своего дома довел войну» (Малов С.Е., 1959, с. 28, 29); МЧ, 9: ikinti süŋüš... t(oqydym) «второе сражение я дал»). Süŋüš «сражение» причисляется к древней общетюркской лексике (Щербак А.М., 1994, с. 112).

Другим производным является глагол süŋüš- «сражаться» (КТ, 41: qušu tutuq birlä süŋüšmis «он сразился с Кушу-тутуком», 18: üč jegirmi süŋüšdimiz «мы сразились тринадцать раз», подобное – строки 32, 35, 37, 41, 43, 44 (дважды), 45, 46 (дважды), 47; БК, 28; Тон, 16, 28, 40, 41, БК, 25: yduq bašda süŋüšdim «при Ыдук-баше я сразился», то же – строка 26 (дважды), 27, 28, 29, 30 (четырежды), 31, 34, 37; МЧ, 13, 15, 16, 18, 29; Т, 25, 27; другие грамматические формы – БК, 32; Тон, 16, 49 (трижды); КЧ, 10, 12, 15, 18; примеры сочетания с существительным süŋüš показаны выше (Малов С.Е., 1951, с. 423; 1959, с. 102; Древнетюркский словарь, 1969, с. 517; Tekin T., 1968, p. 372, 373; Clauson G., 1972, p. 842; Кононов А.Н., 1980, с. 88, 92).

Особого нашего внимания заслуживает тот факт, что вместе со словами «битва» и «сражаться» от той же основы происходит название только одного оружия. Несомненно, что именно это оружие в древнетюркском обществе некогда было основным боевым средством – поэтому оно прямо соотносилось в сознании людей с самим военным делом. В рунических надписях это оружие названо süŋüg (КТ, 35; БК, 26; Тон, 28), а в более поздних памятниках уйгурского и арабского письма – süŋü (Древнетюркский словарь, 1969, с. 517; Clauson G., 1972, p. 834, 835, 838), именно последнюю форму А.М. Щербак считает общетюркской (Щербак А.М., 1994, с. 112). Это не лук, не стрела, не сабля и не аркан, которые мы готовы увидеть внутренним взором, когда речь заходит о воине-кочевнике. Этим словом обозначалось копье. Глубинная смысловая связь слов «копье» и «войско» предстанет еще ярче, если мы примем предположение А.Н. Кононова о том, что производящей основой для süŋüg явилась форма *sün, в свою очередь происходящая от sü (Кононов А.Н., 1980, с. 88). Хотя это мнение не кажется достаточно аргументированным (ср. и третью гипотезу: Tekin T., 1968, p. 111, 116).

Итак, при историческом взгляде на две основные лексические группы, связанные с военным делом, древнетюркское войско (sü) предстает перед нами отрядом копейщиков (süŋüglüg). Это впечатление усилится, если учтем, что для слова süŋüš «сражение, война» у Махмуда Кашгарского отмечено и значение «драка на копьях» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 517) или «пронзание копьем» (Clauson G., 1972, p. 842: al-tirād wa'l-muṭā'ana wa'l-ḥarb «battle, spearing one another, war»), а для совпадающего по звучанию глагола süŋüš- –«пронзать копьем» (Clauson G., 1972, p. 842: spear one another). Ясно, что здесь сохранился древний и изначальный смысл слов. Если для наглядности сравнить нашу лексику с соответствующей древнерусской, то по аналогии со словом сеча «бой, сражение», этимология которого указывает на рубящий удар как на основу древнего славянского боя (основным оружием, вероятно, являлся топор, а не меч), для перевода древнетюркского понятия «сражение» пришлось бы сконструировать слово колота / колотьё, ибо совершенно очевидно, что главным средством боя у древнейших тюрков был удар колющий.

Из этих данных со всей очевидностью следует, что слово sü изначально обозначало только пешее войско и древнетюркская армия представляла собою отряды копьеносцев-пехотинцев.

По-видимому, необходимо дополнить приведенные лексические материалы глаголом sanč-, постоянно отмечаемым в рунических памятниках в значении «побеждать, поражать, громить»: süsin sančdymyz «их войско мы разгромили» (КТ, 46), süsin sančdym «их войско я разбил» (БК, 26, 30, 37; КЧ, 22 (süsin sančdy «его войско он разбил»; МЧ, 31), süsin anta sančdym «их войско я там разбил» (БК, 31), anta sančdym «тогда я победил» (МЧ, 13, 14, 16 (дважды), 18, 29, 33, 45; Т, 25, 27) süŋüšdimiz

sančdymyz «мы сразились и победили» (Тон, 28), süŋüšdim sančdym «я сразился и победил» (МЧ, 15; Т, 25, 27), sančyp ölürip «победил и убил» (КЧ, 5) (см. еще sančdym «я победил» в дефектных строках Мч, 12, 29, 32, 36 и sančduq в МЧ, 46).

Прямой смысл этого глагола – «колоть, вонзать, втыкать». С этим значением он реконструируется и для древнейшего пласта общетюркской лексики (Щербак А.М., 1994, с. 114), и известен самим руническим текстам (Малов С.Е., 1951, с. 419; 1959, с. 102). В последних он, как можно думать, всюду применен для описания действий кавалерийской пикой (перевод его С.Е. Маловым и А.Н. Кононовым «прокалывать копьем», «пронзать копьем». Малов С.Е., 1951, с. 419; Кононов А.Н., 1980, с. 85). Так, Кюль-тегин в двух сражениях одинаково «двух мужей заколол (копьем) одного за другим» (КТ, строки 36 и 42; eki erig udyšru sančdy), в третьем «шесть мужей он заколол» (строка 45: alty erig sančdy) и в дальнейшем «заколол одного мужа» (строка 45: bir erig sančdy), «произвел атаку и переколол (несколько врагов)» (строка 46: tegdi sančdy), «двух мужей он заколол» (строка 48: eki erig sančdy), «заколол девять мужей» (строка 49: toquz erig sančdy). И всякий раз перед этим сказано, что он сражался конным, приведены клички его скакунов. То же находим и в памятнике Кули-чура: «на собственную (лошадь) севши, он бросился в атаку, пронзил трех мужей» (строка 15: özlüki binip oplaju tegip üč erig sančdy; еще один случай употребления глагола встречаем в дефектной строке 10).

Казалось бы, приведенные примеры VIII в. позволяют думать, что глагол «колоть» получил переносное значение «побеждать» в результате успешных действий ударных отрядов закованных в броню рыцарей-копейщиков, столь свойственных тюркской армии раннего средневековья. Однако, такое суждение не согласуется с обстоятельствами двоякого рода. Во-первых, в эпоху рунического письма тяжеловооруженные конные копейщики не составляли в тюркоязычных армиях большинства и, следовательно, их действия вряд ли могли привести к формированию лексики общего значения (основные силы войска – конные лучники или мечники – ведь не могли «переколоть», т.е. победить, противника). Во-вторых, известные случаи использования глагола в ранних памятниках уйгурского и арабского письма, не связанные с пикой (само слово, обозначающее это оружие, sančqaq, образовано от данной глагольной основы), позволяют полагать, что его переносное значение сформировалось задолго до времени появления рассматриваемых древнетюркских текстов. Устойчивые парные словосочетания, имеющие значение «убивать» (sanč- bič- буквально «колоть и резать», sanč- ur- буквально «колоть и бить» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 483, 484)), показывают, что некогда в глазах древних тюрков победа достигалась применением пехотного оружия.

Если не выпускать из внимания показанную связь основы sanč- с порожденной развитием копья кавалерийской пикой и результатом ее применения, то наиболее правдоподобно вновь предположить отраженную в глаголе первоначальную главенствующую роль копья («колоть») в пехотных порядках древних тюрков. Вторым компонентом, судя по привлекаемой лексике, были кинжалы или короткие мечи («колоть и резать»). К сожалению, собственно тюркский термин для меча остается неизвестным, поскольку, как полагают, был рано заменен привнесенным из индоевропейских языков словом qylyč (Щербак А.М., 1994, с. 163); от основы bič- образовано слово «нож» (bičäk). Третьим видом древнейшего оружия, по-видимому, выступает булава («колоть и бить», ur- – основной глагол, ср. его производные: urγu «орудие, которым бьют», uruγ / uryγ «удар», uruš «драка, сражение», uruš- «сражаться»: Древнетюркский словарь, 1969, с. 614–616). Представление о пехотном вооружении, отраженном в лексике древних тюрков, может быть и еще подробнее (см., например, у Махмуда Кашгарского salyŋu / salŋu «праща», образованное от глагола sal- в значении «бросать, кидать, отбрасывать», но приобретшим смысл «бить, ударять»: Древнетюркский словарь, 1969, с. 482, 483). Однако источником этой работы служит лишь словарь памятников рунического письма, связанный с древнейшим состоянием тюркской армии.

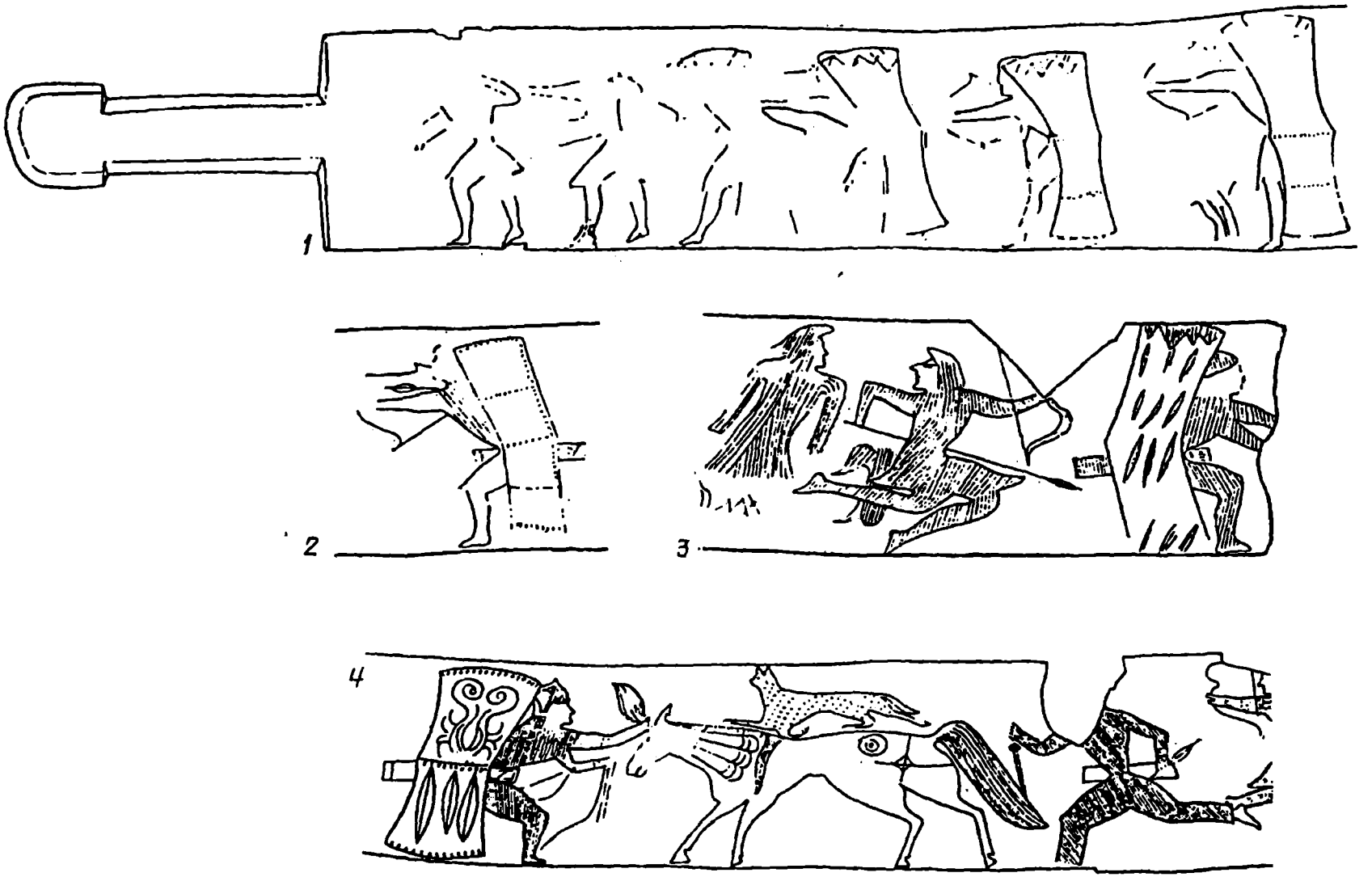


Рис. 1. Изображения пехотинцев. Таштыкская культура, I в. до н. э. Резьба по дереву. Хакасско-Минусинская котловина, Тепсей, склеп 1 (по М.П. Грязнову)

Сегодня у нас нет данных, чтобы сказать, к какому времени относится та эпоха, когда древнетюркские воины были подобны древнегреческим дорифорам. До некоторой степени можно опираться на косвенные свидетельства. Так, наиболее ранние археологические культуры, среди носителей которых определенно было и тюркоязычное население, – таштыкская (I в. до н. э. – V в. н. э.) и шурмакская (II в. до н. э. – V в. н. э.) в Южной Сибири – не предоставляют никаких прямых свидетельств выявленного по языковым данным состояния древнетюркской армии. Весомым аргументом в пользу изложенного, очевидно, служит факт преобладания среди многочисленных таштыкских изображений пехотинцев. Они нередко имеют и специальное вооружение в виде щитов в полный рост, тяжелого доспеха, длинных мечей – рис. 1, 2). Но среди них есть только одно воспроизведение воина с копьем (рис. 1, 3), по большей же части все это лучники.

Можно предполагать, что свидетельства языка в нашем случае позволяют проникнуть в историю тюрков значительно глубже, чем имеющиеся письменные и археологические источники и раскрывают эпоху никак не позднее раннего железного века, а, скорее, гораздо более глубокой первобытности. Показанную этимологию слова süŋüg «копье» (как и первоначальный прямой смысл глагола sanč- «победить»), проясняющую его определяющую роль в вооружении древнейшей поры, следует сопоставить с фактом отнесения филологами к пласту общетюркской лексики и слов oq «стрела», keš «колчан», ϑa «лук» (Щербак А.М., 1994, с. 112), ни одно из которых не связано в своем происхождении с главными лексическими основами, характеризующими военное дело. Достаточно знать общую периодизацию истории вооружения, чтобы почувствовать, что общетюркский лексический материал, выделяемый сегодня языковедами, не однороден в хронологическом отношении. Пожалуй, рассмотренная мною выше группа слов восходит к древнейшему этапу пратюркской истории[2].

Теперь от разбора слов и словосочетаний перейдем к разбору некоторых выражений, принятых в памятниках рунической письменности. В двух орхонских эпитафиях крайнее напряжение готовой уступить врагу армии передано одной и той же фразой: türk bodun adaq qamaštdy jablaq boltačy erti «тюркское войско довело до изнеможения (свои) ноги, так что (дело) могло быть скверным» (БК, 30, 31; КТ, 46, 47). При переводах этого устойчивого выражения тюркологи связывают его смысл с предшествующими бою переходами, совершенными тюркской армией (Малов С.Е., 1951, с. 42; 1959, с. 21; Древнетюркский словарь, 1969, с. 414; qamašt-). Если принять это допущение, то следует признать существование древнетюркской пехоты не только в глубокой древности, но еще и в 30-е годы VIII в., когда были созданы оба письменных памятника. Этот вывод также может быть доказан.

Строки руничесих памятников прямо свидетельствуют о том, что еще в последней четверти VII – середине VIII в., во времена II Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, действительно, существовали пехотные полки, набранные из собственно тюрок. Так, в эпитафии Тоньюкука сказано, что войска Кутлуг-шада (будущего Эльтерес-кагана) в 681–682 гг. составляли 700 человек и «две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой» (строка 4: eki ülügi atlyγ erti, bir ülügi

---

[2] Нельзя не обратить внимания на то, что для отмеченных словарем Махмуда Кашгарского словосочетаний, связанных с военным делом тюрков, характерна особая образность. Она, без сомнения, указывает на главные черты общественного быта, в котором формировалась. В выражении sü aq-, означающем «отправляться в поход», буквальный смысл глагольной основы aq- – «течь, истекать», а в sü bük- «собрать войско» точное содержание глагола bük- «запруживать, перекрывать». (Древнетюркский словарь, 1969, с. 48, 117, 132; Clauson G., 1972, p. 77, 324, bög-: «армейская масса постоянно уподобляется воде»). Очевидно, что перенос на военные действия понятий, отразивших не только знакомство с мощью водной стихии, но и знания по ее накоплению и использованию, не мог произойти в засушливых степях с кочевым ведением хозяйства, он совершился в условиях оседлой жизни, основанной на орошаемом земледелии. Произошло ли это позднее эпохи рунического письма, или материалы XI в. выявляют более древнюю ситуацию?

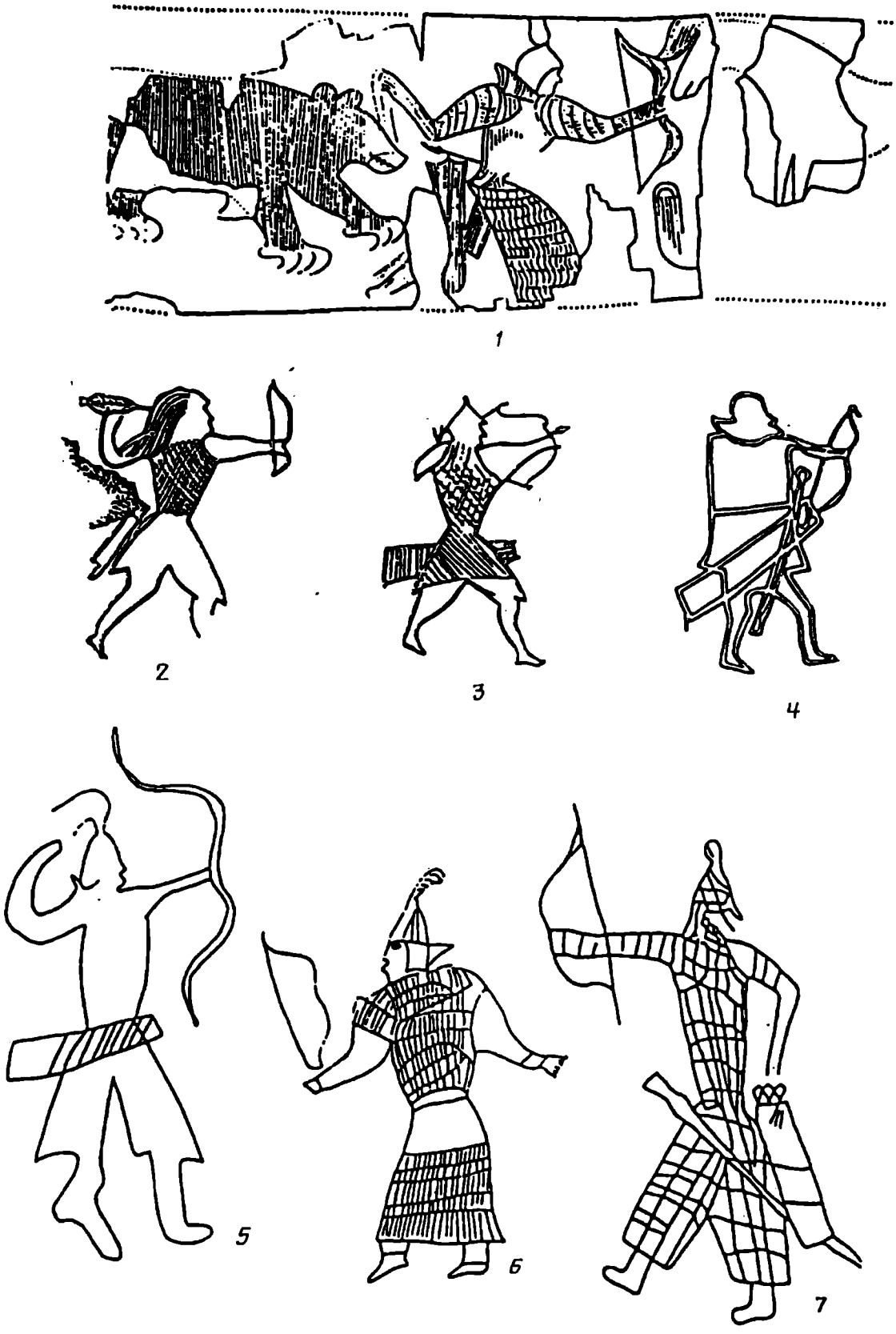


Рис. 2. Изображения пехотинцев. Таштыкская культура, I в. до н. э. – V в. н. э. Резьба по дереву (*1*) и камню (*2–7*). Хакасско-Минусинская котловина: *1* – Тепсей, склеп 1 (по М.П. Грязнову); *2–4* – Подкаменъ (прорисовки Л.Р. Кызласова); *5, 6* – Салбык (прорисовки автора); *7* – Чалпан (прорисовка А.И. Готлиба)

jadaγ erti). При описании более поздних событий (724 г.?) в эпитафии Бильге-кагана мы вновь встречаем подобные сведения (строка 32): üč oγuz süsi basa kelti jadaγ(y) jabyz bolty tip alγaly kelti «войско уч-огузов пришло, чтобы нас поразить, думая, что мы пешие слабы в бою». Для рассматриваемой темы особенно важно то обстоятельство, что армия одного тюркоязычного народа (уч-огузов) построила план своего похода против другого тюркоязычного народа (тюрок) в расчете на встречу с пехотой. Нет сомнений, что огузы прекрасно знали особенности военных сил неприятеля. И наконец, в эпитафии Моюн-чура (758 г.) о врагах древних уйгуров сказано (строка 33): bis jüz kedimlig jadaγ bir eki šašyp kelti «пятьсот пехотинцев в полном вооружении раза два перепугались». Хотя текст ущербен, речь в нем, по-видимому, идет о тюркоязычном противнике, так как перед этим говорится об огузах и татарах, о бегах, а ниже о том, что «тогда народ покорился мне».

Эти указания рунических текстов на пешее войско обычно объяснялись историками то общим упадком общества и бедностью некоторых его членов (Кляшторный С.Г., 1964, с. 27; ср. с. 32: речь уже просто идет о 700 всадниках), то нехваткой лошадей из-за бескормицы (Кляшторный С.Г., 1964, с. 41; хотя Бильге-каган сам начал поход) или войны на два фронта (Гумилев Л.Н., 1967, с. 314; ср. об отсутствии пехоты: с. 68, 276, 277). Между тем лучше заменить домысливания прямым указанием еще одного источника. Так, в "Тан-шу" описывается поход в 641 г. предводителя сеяньто (части телé) Инаня, при котором было "каждому солдату велено иметь четыре лошади". Несмотря на это, при встрече с армией тюрок полководцы, "спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди дрались". Летопись приводит и причину выбранной тактики: "Прежде сего сйеяньтосцы в войне с Шаболо и Ашиною Шежы (предводители тюрок. – *И.К.*) одерживали победы пехотою", поэтому и на этот раз они прибегли ко всегда оправдывавшему себя традиционному виду боя. В результате "при открытии сражения тукюеское войско было потеснено" (Бичурин Н.Я., 1950, с. 340, 341).

Приведенные данные о древнетюркской пехоте позволяют внимательнее отнестись к описанию первого для 16-летнего Кюль-тегина боя, во время которого он "в пешем строю бросился в атаку" (строка 32: kül tigin jadaγyn oplaju tegdi). Вполне вероятно, что этот военачальник в начале своей карьеры мог возглавлять пешие порядки тюркской армии. Случайно ли и в следующем описанном в эпитафии сражении – строки 32, 33 – он трижды (в том числе "в самом начале") устремляется в схватку не на своей собственной лошади, а на скакунах, принадлежавших другим витязям? В тех случаях, когда позднее он ведет бой на собственной лошади, это всякий раз оговаривается – строки 35, 40, 42, 43, 45, 46, 49, – как, впрочем, и то, что он теряет в сражениях своего коня: строки 36, 37, 43, 44. Здесь уместно привести назидание Юсуфа Баласагунского, адресованное предводителю пехоты: jadaγ oqčy tüšrüp sen öŋdin jügür "поставив пеших стрелков, сам беги впереди" (Qutadγu bilig, 1069–1070 гг.) (Древнетюркский словарь, 1969, с. 222: jadaγ).

Как бы то ни было, но факт остается фактом: даже тюркские аристократы VIII в., основное свое предназначение видевшие в военном деле, не всегда предстают перед нами в памятниках рунического письма в виде всадников.

2. О характере древнетюркской армии

Лексика рунических текстов позволяет выяснить, и из кого состояла древнетюркская армия. Мы не встречаем здесь слов, этимология которых была бы подобна русским "война – воин", "рать – ратник", "бой – боец". Применяются слова более архаичной природы и более широкого значения.

Во всех рунических памятниках VIII–X вв. – и орхонских, и енисейских – воины называются словом er (по подсчетам Т. Текина только в пяти эпитафиях II Восточнотюркского каганата слово отмечено 33 раза (Tekin T., 1968, p. 325, 326)). Став эром, юноша может участвовать в сражениях: "в десять лет ... Кюль-тегин получил имя эра

(er at bulty), шестнадцати лет он вот что сделал...: мы пошли войною" (КТ, 30–31). В боях древнетюркский герой сам все время побеждает эров противника. Примеры подобного использования слова мы уже видели, разбирая глагол sanč-, дополняя их здесь, отмечу, что er именует в текстах едва ли не только тех воинов (равно своих или вражеских), число которых известно точно и которые воспринимаются по одному, индивидуально или обобщенно в качестве войскового подразделения: bir erig oqun urty eki erig udyšru sančdy "одного воина он поразил стрелою, двух воинов заколол одного за другим" (36), alty erig sančdy sü tegisintä jitinč erig qylyčlady "шесть воинов он заколол, в свалке он зарубил мечом седьмого" (45), toquz erig egirä toqydy "девять воинов он, окружив, разбил" (46), on erig... egirip ölürtimiz "окружив, десять воинов мы убили" (47); ср.: jeti jüz er bolmys jeti jüz er bolyp "(их) стало семьсот воинов, когда их стало семьсот воинов..." (КТ, 13); beš byŋ er bašy "начальник над пятью тысячами воинов" (Т, 7); toquz jüz er bašy "начальник над девятью сотнями воинов" (Т, 8).

Когда речь идет о группе воинов, число которых неопределенно, в надписи употребляется слово er n (Clauson G., 1972, p. 232) (часть тюркологов толкует данные написания как eren – форму инструментального падежа для слова er (Кононов А.Н., 1980, с. 159): uluγ irkin az-qyja eren tezip bardy "великий иркин бежал с небольшим количеством воинов" (34), kül tiginig az eren irtürü ytymyz "мы отослали Кюль-тегина в сопровождении немногих мужей" (40), jüzčä eren "приблизительно сто воинов" (БК, 37) (есть случаи применения eren и с указаниями точного числа: 7 (0,5), 9 (КТ, 49), 17 (КТ, 11), 500 (БК, Ха 11). Для нас важно, что eren является архаичной формой множественного числа от слова er, устаревшей уже в эпоху рунического письма – она известна только по трем словам: bodun, oγlan, eren (и возможно, özen) (Clauson G., 1972, p. XLII) (ср. разбор мнений: Щербак А.М., 1977, с. 88, 89). Быть может, не случайно, что все они имеют прямое отношение к нашей теме.

Во всех енисейских эпитафиях отмечается имя умершего. И всегда особо подчеркивается, что это имя эра – обычная формула: er atym N... "мое имя эра Имярек". Ее нередко переводят как "мое мужское имя", в западной тюркологии – "мое взрослое (adult) имя" (Clauson G., 1972, p. 192). Для подобных переводов имеются основания. У раннесредневековых тюрков, действительно, существовал обычай смены имени при достижении юношей взрослого состояния (мальчиковое, детское имя – Е 45,1: oγlan atym – тоже изредка упоминается в надписях). Однако приведенное восприятие нашей формулы все же нельзя признать точным. При наречении нового имени учитывалось не биологическое возмужание, а социальная зрелость (er erdämi atym tabdym erdämi(m) (üčün) "(ради моей) доблести я снискал доблестное мужское имя" – Е 5,1). И поскольку она наступала у каждого в разное время, нередко, как в случае с Кюль-тегином, указывается и возраст, при котором юноша удостаивался нового имени. Исходя из надписи на донышке одного из найденных на Среднем Енисее серебряных сосудов (atlyγ bol inlig boluŋ "будь(те) имеющим имя, будьте имеющим тамгу" (Кызласов И.Л., 1994, с. 202, рис. 34)), одновременно с этим человек получал право на личный гербовый знак и собственную пиршественную чашу, т.е. допускался в мужской круг со всеми его особыми сначала общинными, а позднее дружинными обычаями.

Несомненно, что рунические надписи сохранили воспоминание о древнем тюркском обряде мужской инициации (см. об этом: Кляшторный С.Г., 1984, с. 148, 149). По свершению его подростки признавались полноправными членами общества, становились не просто взрослыми (как это понимается современными людьми), а тем, что и сегодня зовется "настоящими мужчинами" (ср. наблюдения над этимологией слова er: "мужчина", первоначально просто "человеческий самец", позднее в таких ограниченных значениях как "мужчина (не женщина); воин (a fighting man); супруг" (Clauson G., 1972, p. 192). Согласно енисейским эпитафиям, главным признаком мужчины-эра была доблесть (erdäm; особо показательно сочетание er erdäm "мужская доблесть, доблесть эра"). Поэтому перевод именной формулы эпитафий как "мое геройское имя", избранный вслед за В.В. Радловым (Radloff W., 1895, S. 352) и С.Е. Маловым (Малов С.Е., 1952), представляется более верным. Быть может, еще точнее было бы в этом случае

оставлять er без перевода и, подчеркивая его особый социальный статус, передавать разбираемую формулу словами "мое имя эра".

Полагаю, сказанного достаточно, чтобы почувствовать неправильность перевода фразы bir erig sančdy (KT, 45) как "он заколол одного мужчину" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 175: er). На поле сражения сходились древнетюркские мужи (в русском летописном смысле, вспомним: "бе мужъ бодръ и дерзокъ", "лепшие мужи", "с мужи своими", "аще убьет муж мужа" и т.п.). Из таких мужей и состояло древнейшее тюркоязычное войско – армия эпохи "вооруженного народа". В наследство от того времени досталось более поздней поре рунических надписей употребление слова er в значении "воин". Так (или древнерусским "муж") его и следует переводить в соответствующем контексте (ср. необходимое дополнение, даваемое при переводах Дж. Клосоном: "(fighting) man" (Clauson G., 1972, p. 192), и при исторических изысканиях С.Г. Кляшторным: "муж-воин" (Кляшторный С.Г., 1984, с. 148)).

Енисейские эпитафии дополняют словесный ряд, связанный с понятием "воин", и проливают свет на древнейшую градацию войска.

Так, иногда воины обозначаются там словом oγlan: sü teŋi jeti biŋ oγlan erti "количество войска составляло семь тысяч воинов" (E 26,8). Само слово, являясь древним множественным числом от oγul, уже забытым в этом качестве к эпохе рунических памятников, означает в них "ребенок, мальчик" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 363). Такое значение вполне обычно и для енисейских текстов: on aj iltdi ögüm oγlan toγdym erin ulγatym "десять (лунных) месяцев меня носила моя мать, я родился мальчиком, вырос эром" (E 29,5); oγlan atym šubuš ynal "мое детское имя Шубуш Ынал" (E 45,1). Еще чаще слово oγlan имеет здесь смысл "сын" (qujda qunčujym eki oγlanyma esizim-ä januš qyzyma ... bökmedim "(жизнью) с моей супругой в тереме, с двумя моими сыновьями, о горе, с моей единственной дочерью ... я не насладился" – E 16,1; подобное: E 1,1, E 9,1, E 32,6, а также – E 18,5, E 26,2, E 42,8, E 47,9).

Примечательно, что это слово подчас употребляется в нескольких разных значениях ("мальчик", "сын" и "воин") даже в одних и тех же надписях (E 26, E 32, E 45). Отсюда очевидна не только производность для него понятия "воин", но и сохранение в эпоху рунического письма основного смысла термина. Следовательно, ясно, что, называя воинов огланами, герой надписи имеет в виду не все войско, а ту его часть, которая состоит из витязей младшего, последующего поколения. Нет сомнения, что подобное обозначение восходит к весьма удаленному прошлому, в котором основным разделением общества было возрастное и представители разных поколений, обращаясь друг к другу, использовали семейно-родственную терминологию (ср. употребление русского "сынок"). Памятники древнетюркской письменности демонстрируют и уже обозначившийся отход от первоначального лексического состояния. Так, в E 3,6 и E 32,10 для обозначения молодых воинов встречаем словосочетания er oγlan (так сказать, "молодшие мужи"). По-видимому, для осмысления слова oγlan в военном контексте более всего подходит значение древнерусского "отрок". Возможно, есть основание для сравнения части древнетюркских огланов с "сынами боярскими" – по чтению С.Г. Кляшторного на Терхинской стеле (строка 7) среди военачальников уйгуров названы tölis begler oγly byŋ bašy "тысячник над сыновьями бегов тёлисов" и tarduš begler oγly byŋ bašy "тысячник над сыновьями бегов тардушей" (Кляшторный С.Г., 1980, с. 89, 91, 93).

Былое членение древнетюркской армии (и мужского общества – эров) по поколениям подтверждается и употреблением другой характерной лексики. В енисейских эпитафиях при перечислении тех людей, с кем безвременно расстался умерший, обычно, кроме родни и владыки, называются и товарищи. В древнехакасских надписях они обозначаются словом qadaš или (в единичных случаях) adaš и eš, в эпитафиях Тувы обычен термин eš (он встречается и в орхонских надписях, в последних иногда обозначает союзников – МЧ, 23, 24 (Малов С.Е., 1959, с. 94)). С тем же значением употребляются и парные словосочетания adaš eš и eš qadaš. Приведем примеры: antlyγ

adašyma anta esizim-ä ädgü ešimä adyryldym "от моих верных товарищей, там, о горе, от моих добрых товарищей я отделился" (E 11,8 (Малов С.Е., 1952, с. 31, 32; Древнетюркский словарь, 1969, с. 46: antlyγ; Clauson G., 1972, p. 177: andlyγ), другие случаи см.: E 3,6, E 42,6, E 43,2); ädgü qadašym adyryldym "с моими добрыми товарищами я разлучился" (E 13,4, см. также: E 21,1, E 22,2, E 25,6, E 42,5, E 48,4, E 50,3, E 51,1); altmys er adašynyz ilig er ädgü ešiniz... "шестьдесят мужей – ваших товарищей, пятьдесят мужей – ваших добрых товарищей..." (E 26,10).

Что же представляют собой эти многочисленные "добрые товарищи"? (К этимологии слов adaš и eš см.: Clauson G., 1972, p. 72, 253, 254; Севортян Э.В., 1974, с. 203, 204, 313–315.) Они бывают славными (külüg qadašym – E 3,6) и знатными (ujar qadašym – E 17,3), они рядом в сражении (jüz er qadašym ujaryn üčün jüz eren elig öküzin tekdük učün adyryldym "так как я имел силу ста моих товарищей-эров и так как я сражался со ста героями, то удалился (т.е. умер)" – E 10,2 (Малов С.Е., 1952, с. 26)), но и сами товарищи требуют большого внимания: верность в служении им отмечается наравне со служением хану (qanym elimkä tapdym bilgä ögäm tapdym qadašym tapdym "я служил моему хану (и) моему владению, я служил моему мудрому огя (наставнику), я служил моим товарищам" – E 13,2). Для понимания сути термина eš важно показать и его, по-видимому, уже производное значение в орхонских надписях – КЧ, 7: (b)ilgä ešin üčün alpyn erdämin "благодаря тому, что он был мудрым в товариществе, богатырстве и доблести" (ср.: С.Е. Малов, 1959, с. 27, 28); Тон, 48–49; ilteris qaγan bilig ešin üčün alpyn učün... süŋüšdi "благодаря тому, что Эльтерес-каган был мудрым в товариществе и богатырстве... он сражался", ср.: (Малов С.Е., 1951, с. 64, 69). Последние прочтения следует сопоставить с переводами сходных фраз, вносящими новые оттенки смысла в слово eš: bilig eši čab eši ben-ök ertim (Тон, 7); küli čur antaq bilgä ĕsi čab eši erti (КЧ, 17) – "обладателем мудрости, обладателем славы был именно я" и "Кюли-чур был таким обладателем мудрости и славы" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 135: čab). Характерно, что эти фразы указывают на "товарищество" с сугубо мужскими, воинскими качествами.

Первоначальное содержание слова qadaš – "родич, родственник, родной" (слово образовано от заимствованного от китайского qa "семья" и его исконное этимологически точное значение "член одной семьи") (Clauson G., 1972, p. 578, 607; Шервашидзе И.Н., 1989, с. 66). Второй, производный смысл слова – "брат" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 401, 402). В первом значении оно также употребляется в рунических эпитафиях. Это особенно ясно из отмечаемых парных сочетаний qa γadašym ("(моя) семья и мои родственники" или просто "родственники" – E 41,3), künim qadašym ("мои родственницы и родственники" – E 3,1, E 11,5, E 45,7) и qadašym künim ("мои родственники и родственницы" – E 44,5) (Древнетюркский словарь, 1969, с. 326, 399, 402, 405: qaγadaš), а также qunčujym qadašym ("моя супруга и мои родственники" – E 25,1, а также E 29,3).

Однако воспринимать его здесь только в этом значении (Древнетюркский словарь, 1969, с. 401, 402; Clauson G., 1972, p. 607: O. Kir. IX ff.) неверно. Против единообразного узкого смысла свидетельствуют парные употребления ešim qadašym ("мои друзья-товарищи" – E 18,4; ešim qadašlarym – E 16,2) (ср.: (Древнетюркский словарь, 1969, с. 9, 14), а также сочетания слова со столь крупными числительными, которые трудно соотнести с количеством реальных родственников (jüz er qadašym "сто моих мужей-товарищей" – E 10,2; E 42,2; jüz qadašym "сто моих товарищей" – E 49,1), но просто сопоставить с приводившимися выше указаниями на число товарищей (E 26,10). Совершенно верно поступал С.Е. Малов, переводя это слово и как "родственники", и как "товарищи" или "герои" (продолжая в последнем традицию В.В. Радлова: der Genosse, der Gefährtin (Radloff W., 1895, S. 361)) – иногда различно даже для разных строк одной надписи: E 3,1,6 (см. также E 10, E 13, E 16 и др.) (Малов С.Е., 1952). Согласуется с этим и дополнение Дж. Клосона, сделанное к основному значению

слова: «иногда использовалось более неопределенно, как "сосед, товарищ, друг"» (Clauson G., 1972, p. 607). Другое дело, что не всегда понятно, какой из двух смыслов несет тот или иной случай употребления слова qadaš в конкретной надписи (что распространяется и на словосочетания: см. например, ičim qadašym "мои старшие братья и кадаши" – E 23,4). Но это лишь показывает, что всякий раз задачу надо решать отдельно.

Здесь для нас важно другое – новый пример использования семейной лексики для обозначения воинов. Выходит, в древнетюркском обществе соратники именовали друг друга сородичами. В этом нет ничего необычного. Вспомним древнерусское обращение "братие", применявшееся в подобной же среде ("Не лепо ли ны бяшет, братие..." и другие примеры из зачина и текста "Слова о полку Игореве"), сохранение его до сего дня в военном и особенно в морском лексиконе ("братцы", "братва"). Понятно, что и это выявленное здесь в отношении раннесредневековых тюрков обстоятельство восходит к глубокой древности, к эпохе, когда представители одного поколения воспринимались кровными родственниками.

Все изложенное не оставляет сомнения, что разбираемая группа древнетюркских слов обозначала воинов – сотоварищей по ратному делу, соратников в прямом и изначальном смысле этого русского слова. Еще ближе к ней в семантическом и этимологическом отношении стоит древнерусское "дружина". Совершенно очевидно, что мы вновь встречаем здесь память о древнейшем (далеком от письменного периода) состоянии тюркоязычного общества. Слово "друг, товарищ, сподвижник" могло быть распространено на воинов лишь в ту далекую эпоху, когда царили представления о погодках – товарищах во всех коллективных делах, присущих их возрасту. У взрослых мужчин среди таких общих дел, естественно, была и война. Понятно, что если огланами ("сынами"), называли воинов, принадлежавших к младшему поколению, то эшами, адашами ("друзьями") и кадашами ("сородичами") именовали своих сверстников. Таким образом, внутреннее членение древнейшего тюркского войска было двойным и основывалось на различии поколений (ср. древнерусское подразделение дружины на старшую и младшую).

Сказанное позволяет ощутить и еще одну особенность употребления разбираемых слов. Можно полагать, что понятие "товарищ" в рунических памятниках распространяется на воинов вне зависимости от их социального уровня или по крайней мере сохранило воспоминания о таком былом равенстве. С одной стороны, многочисленность товарищей, указываемая, как мы видели, в некоторых енисейских эпитафиях, вероятно, свидетельствует об их принадлежности к широким кругам воинского общества. С другой стороны, в приведенных выше строках орхонских текстов (Тон, 7,48; КЧ, 7,17) уцелела память о том, что в их число попадали и сами высокие князья, и даже каганы (опять вспомним здесь известное для раннесредневековой Европы уже пережиточное, ритуальное родство вождя и его войска). Былое единство мужского коллектива сохранено и общим обозначением всех его членов (и кагана, и простолюдина) одним словом er, что уже отмечалось в литературе (Кляшторный С.Г., 1984, с. 148). Следовательно, в ранней истории тюркоязычных народов реально существовала эпоха, когда правитель (beg) был первым среди равных.

Мне остается рассмотреть историко-культурное значение одного слова, позволяющее восстановить общий характер войска в древнейшую эпоху. Это слово bodun (другая транскрипция – budun). Оно весьма многозначно, что наиболее подробно показано материалами "Древнетюркского словаря" (1969, с. 108, 109): "1. население, подданные; народ; 2. народные массы, простой народ; 3. народ (как этническая общность); 4. люди". Здесь нет необходимости разбирать эти и другие смысловые оттенки слова, чрезвычайно употребимого в рунических надписях (в указателе Т. Текина только случаев его применения в основном падеже, без всяких грамматических показателей отмечено 114 (Tekin T., 1968, p. 317)). Куда как важнее в связи с избранной темой показать еще одно, никем, насколько известно, не учитываемое значение, проливающее свет и на общую его семантику.

В памятниках рунического письма словом bodun нередко обозначается войско. Говоря о древнетюркской пехоте, уже довелось показать это для фразы türk bodun adaq qamašty "тюркское войско (не народ!) утомило ноги" (БК, 33). В этом же письменном памятнике находим и другие ясные примеры, позволяющие понять, что речь идет только об армии, а не обо всем народе: alty čub soγdaq tapa sülädim bodunyγ anta buzdym "на шесть чубов согдаков я ходил в поход, их войско я там победил" (строки 24, 25); qyrqyz bodunyγ uda basdym "я поразил войско кыргызов, когда они спали" (27, здесь же теми же словами – об армии тюргешей); qarluq bodunyγ ölürtim "я уничтожил войско карлуков" (29); oγuz bodun toquz tatar birlä tirilip kelti "войско огузов, объединившись с (армией) токуз-татар, подступило (к нам)" (34).

Подобное употребление слова bodun не является особенностью одного текста и не присуще только тюркам. Это общее явление. Подтверждение тому встречаем в древнеуйгурской эпитафии Моюн-чура. Вот контекст, хотя и попорченных, но достаточно понятных строк 7–8: qan süsi (birlä) qatyltym ... irtim qara qum ašmys kögürdä kömür taγda jar ügüzdä üč tuγlyγ türk bodun... "я столкнулся с ханским войском... я погнался за ними. Мы перешли Кара-Кум у Кёгюра и у горы Кёмюр на реке Яр трехзнаменное тюркское войско...". Тюркский bodun, имеющий три знамени, упомянут и в избитых строках 46–47. Полное текстуальное совпадение встречаем в строке 22 Терхинской стелы. Поскольку у тюркоязычных народов, как и всюду в средневековье, знамя отличало полководца, понятно, что в тексте таким образом указывается количество вражеской армии. Совершенно очевидно, что в обоих этих случаях повествуется не о народе, а о конкретном войске. Сюда же, вероятно, следует отнести и уцелевшую часть строки 9 Терхинской надписи – речь в ней идет не об "отрядах племени" (Кляшторный С.Г., 1980, с. 93), а о войсковых соединениях: ... boduny byŋa qaγas(?) atačuq boduny byŋa "тысячный отряд войска..., тысячный отряд войска доблестного (?) Атачука" (десятиричная по форме система военно-административного деления тюркоязычных народов – черта, прослеживаемая историками уже для гунно-сарматского времени (Кызласов Л.Р., 1984, с. 25, 26)). Никак иначе не может быть понято слово bodun и в окончании строки 10: qan aruq oγuz bodun alty jüz seŋüt (? seŋün?) bir tümän bodun qazγanty "хан захватил истомленную огузскую армию – с шестьюстами ... (полководцами?) десятитысячное (однотуменное) войско".

Согласно Дж. Клосону (Clauson G., 1962, p. 11; 1972, p. 296, 297, 306), слово bodun является архаичным множественным числом от bod и, буквально означая "кланы, рода", должно пониматься как "организованное племенное общество, народ" "в смысле общества, управляемого особым правителем". Надо заметить, что такое истолкование не является строго этимологическим и не использует всего многообразия смысла, придаваемого термину контекстом надписей. Корень bod, по тому же исследователю, «вероятно, первоначально "стан, величина человека", но в древнейший период он также ясно означает "род" (a clan)... значение, основное позднее, – вероятно, "происхождение (родословная – lineage)", то есть величина рода как числа семей одной крови». "Древнетюркский словарь" (1969, с. 106–108) разделяет эти понятия между двумя одинаково звучащими словами: I. 1. тело, туловище; стан, фигура; 2. рост; II. племя; род (?); народ одного племени, рода (?); скопление людей. Все это так – опираясь на известное (сибирские тюрки и сегодня подразделяют род на "кости" и "колена"), можно полагать, что коллектив кровных родственников некогда действительно воспринимался как единое тело. Но что же в действительности представлял собою древнейший тюркоязычный "народ" (bodun)?

Мы сейчас видели, что этим словом назывался не только народ, но и войско. Такое совмещение понятий могло произойти при единственном условии – "народом" первоначально величали у древнейших тюрков только мужскую часть рода-племени. Bodun состоял лишь из полноправных свободных мужчин. Ими были, как показано выше, эры (er). Когда в текстах рунических памятников речь ведется об обществе целиком, то оно всегда называется или просто bodun, или begler bodun ("беги и бодун") (например: БК, 1,2, Xa, 15, Xb, 13). Из этого, по-видимому, следует, что каждый древний bodun

возглавлял свой beg (E 45,4: bodun bašladym "я управлял бодуном"). В этом кроется природа княжеских высказываний надписей "мой бодун" (bodunym). На этой основе формируется для bodun значение "подданный". Поздно приобретает слово и производный этнический смысл. Все эти особенности следует учитывать при восприятии и переводе слова bodun в рунической письменности.

Итак, в результате проведенных историко-лексических разысканий следует заключить, что первоначальной формой войска, известной древнейшему тюркоязычному обществу, была пехота, вооруженная копьями. Она состояла из всех полноправных мужчин коллектива, разделявшихся по поколениям. Пережитки такого былого состояния "вооруженного народа", а точнее говоря, общинного строя, эпохи малых коллективов, единство которых выражалось представлениями о кровном родстве, сохранились до средневековья и нашли отражение в памятниках рунической письменности. Начатое в связи с изучением древнейшей истории военного дела исследование неизбежно привело к раскрытию и важнейших черт общественного устройства. Возможности дальнейшей подобной работы весьма велики.

"Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется". Любой думающий человек сочтет эти тютчевские слова за истину. Но абсолютных истин нет. Историку известна способность слов отзываться на настойчивое стремление понять прошлое. До сих пор лексикология едва ли привлекалась для изучения ранней истории тюрков. Пора начинать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.

Гумилев Л.Н., 1967. Древние тюрки. М.

Древнетюркский словарь, 1969 / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.

Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.

Кляшторный С.Г., 1980. Терхинская надпись. Предварительная публикация // Сов. тюркология. № 3.

Кляшторный С.Г., 1984. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. 9 (Ученые записки ЛГУ, № 412; серия востоковедческих наук, вып. 25). Л.

Кононов А.Н., 1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.

Кызласов Л.Р., 1984. История Южной Сибири в средние века. М.

Малов С.Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.

Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.

Малов С.Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.

Севортян Э.В., 1974. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.

Шервашидзе И.Н., 1989. Фрагмент древнетюркской лексики. Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. № 2.

Шервашидзе И.Н., 1990. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. № 3.

Щербак А.М., 1961. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // Эпиграфика Востока. Вып. XIV.

Щербак А.М., 1977. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.

Щербак А.М., 1994. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.

Clauson G., 1962. Turkish and Mongolian Studies. L.

Clauson G., 1972. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford.

Lui Mao-tsai, 1958. Die Chinesischen Nachrichte zur Geschichte der Ost-Türken) (T'u-küe). B. I. Texte. Wiesbaden.

Radloff W., 1895. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. SPb. Dritte Lief.

Tekin T., 1968. A Grammar of Orkhoh Turkic. Bloomington (Indiana Univ. Publications. Uralic and Altaic Series. V. 69).

Институт археологии РАН,
Москва

I.L. KYZLASOV

DATA ON THE EARLY TURKIC HISTORY. I. THE MOST ANCIENT EVIDENCIES ON THE ARMY

Summary

The inscriptions on the Orkhon and Yenisei provide a way of reconstructing the ancient army of the Turkic speaking peoples. The Etymology of basic vocabulary words and a detailed analysis of descriptions that mentioned military operations testify to the following. The common word for army was "sü". Its first meaning is "a military detachment, a group of fighters". Such common words as those meaning "to take the field, to go to war", "to go with army", "to gather army", "to head army", "military leader: are also related to it. The verbs "to fight, to go to war", "to head an army" and the adjective "military" were formed from the stem "sü". Hence, the word "sü" couldn't have had a special meaning but only a very general and primordial one. First it was the name for an infantry and connected to the verb "joru" – "to go, to walk". It is not by chance that there in no special term for "cavalry" in the runic inscriptions. It is described by the word combination "atlyγ sü" – "army that has horses". A weakened army is called "the one that tires its feet out". The very ancient stem "süŋ" which hadn't been used in the 8th century was used to form words with general meanings: "battle, war", "to fight", and the name for one particular type of arms – "spear". Battle was duel with spears, to fight meant to spear. The first meaning of the verb "canč" – "to win" is "to cut, to spear". The data of linguistics testifies to the fact that the first army of the Turkic speaking peoples consisted of foot soldiers with spears. The historical depth of these data exceeds all known written and archaeological evidence about the Turks. The data obviously deals with the pre-Turkic society. But the Turkic infantry was mentioned also in texts on the events took place in the mid-7th – mid-8th centuries. Even such aristocrats as Kül-tegin were foot soldiers. There is only one word, "er", for soldiers – both kagans and common people. The most ancient army consisted of full rights (and equal rights) men who had gone through initiation. It consisted of two groups: the eldest one ("er") and the youngest one ("oγlan" – "boys, sons"). Family terminology was used for soldiers of the same age: "qadaš" – "friend" (originally "relative"). Members of different tribes were called "eš" – "friend". All these facts support the notion that the society's archaic system (here: its male part) was divided into generations of equal people within them (relatives or friends). The army was also called "bodun" – "people". Hence, only the males of a community or tribe were called "people". Every ancient Turkic bodun consisted of free ers and was headed by a beg. The other meanings of this word are derivative.

В.И. МАРКОВИН

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К сожалению, чтобы понять ситуацию, складывающуюся в наши дни в историко-археологическом изучении Северного Кавказа, невозможно хотя бы бегло не остановиться на некоторых сторонах современной политической ситуации. Сейчас население Северного Кавказа переживает не самое легкое время. Далеко еще не закончились споры, естественные для переходного периода, о государственном устройстве местных республик и краев. Многие граждане не определили личное отношение к советскому прошлому и к настоящему времени. Этому способствуют не прекращающиеся военные действия в Чечне, в которой наиболее остро всколыхнулись обиды, порожденные репрессиями прошлого. 179 человек из чеченцев и ингушей (список их опубликован), которые якобы создавали антисоветские группы в годы минувшей войны (Кавказские орлы, 1993, с. 7 и сл.), послужили поводом для выселения 496 тыс. человек за пределы Кавказа. Тогда же участь вайнахов разделили карачаевцы и балкарцы (Спецпереселенцы..., 1993, с. 102). Может быть, поэтому однофамилец известного генерала философ А. Дудаев писал еще в 1992 г.: "Я абсолютно убежден в том, что русскому народу необходимо как можно скорее и решительнее отказаться от ложного и кровавого "идеала величия" России как империи и переориентироваться на идеал духовно-нравственного и интеллигентного возвышения отечества". И в такой "гуманистической миссии... Чечня и Россия сошлись бы навечно". В этом автор не сомневается (Дудаев А., 1992).

В связи со стремлением обрести полноценный суверенитет в республиканских газетах стал подниматься вопрос об исторически сложившихся территориях отдельных народов. Так, в Чечне с болью писали о расселении на отдельных участках вайнахских предгорий казачьего населения и горских соседей. В этом усматривались "негативные последствия не только сталинского времени, но и царского, имперского периода". Более всего обвинялись в этом казаки, оседавшие здесь с XVI в. (Ахмадов Я., Хожаев Д., 1992). Однако не все так просто. Сам генерал Дж. Дудаев пытался убедить своих граждан в том, что казаки являются горским народом и при случае, наряду с ингушами, могут быть даже мобилизованы (Симакин В., 1994). А в противовес Дж. Дудаеву казачий атаман Ставрополья Петр Федосов заявил, что "казачество как никакая другая среда наиболее сильно сохранило в себе ген «русскости»" (Федосов П., 1992).

Не менее остро разворачиваются события в отношениях между ингушами и осетинами. В их центре стоит Пригородный район (округ) Владикавказа. Чей этот город – осетинский или ингушский? Ведь в 20-х годах он был одновременно центром Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, а затем, с 1933 г., стал столицей Северной Осетии (Ахмадов Я., Хожаев Д., 1992). Здравый подход к вопросу показывает, что "попытки «вывести» Владикавказ из какого-то ингушского, осетинского или кабардинского поселения лишены научного основания". Возникший как русская крепость, он сразу же стал многонациональным, и каждый, живущий в нем, "считает его «своим»" (Дзидзоев Р.М., 1994). И невозможно сказать, кто же прав в этом противостоянии (Глебова Е., 1992).

© В.И. Марковин, 1996 г.

К сожалению, под покровом внешней тишины бурлят страсти и в других регионах Северного Кавказа. Так, в Дагестане лезгины говорят о необходимости создания республики Лезгистан; ногайцы, расселившиеся по разным частям Кавказа, – о Ногайской республике. Особенно сильно движение кумыков под названием "Тенглик". В нем идут дебаты о землях, которые в 1950–1970-е годы были заняты переселенцами с гор (Глезер О., Шевелев М., 1992). Подобные трудности можно было бы отметить и в таких республиках, как Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия (Анохин П., 1992; Батчаев Б. и др., 1992; Лайпанов К., Костинский Ю., 1992). Однако не только стремление к сепаратизму характерно для народов Северного Кавказа. Речь идет о единении их в духовном и даже в территориальном плане в Лигу – Горскую республику, Республику Северного Кавказа, Ассамблею горских народов Кавказа и т.д. При этом имеется в виду союз не только вероисповедно единых мусульманских народов, но и включение в их среду Северной Осетии и Абхазии с основным христианским населением (Сергеева О., 1991; Лакоба С., 1991). Известны и более локальные мнения – на Северном Кавказе должны быть объединены народы "под единым знаменем и верой". О России в таких случаях не вспоминают (Хачилаев М., 1994, с. 3). Но далеко не все так просто и в этом случае. "Говоря об исламе, ... надо учесть, что для арабских народов исламская религия является не только религиозным, но и сугубо национальным фактом... Для тюркских, иранских и других ислам на самом деле – чисто религиозное понятие", что не гарантирует от внутренних столкновений (Херисчи Г., 1991, с. 10), как и от попрания, я бы дополнил, некоторых исторически сложившихся обычаев. Палочные наказания по шариату в современной Чечне – тому яркий пример. Конечно же, у кавказского населения России "должен быть и свой путь внутреннего развития с учетом и применением мирового опыта, и свой подход к мусульманскому миру" (Васильев А., 1993).

Будем надеяться, что многое из сказанного здесь будет преодолено. Наступит умиротворение и в Чечне. Совершенно справедливо замечание А. Аслаханова о событиях в этой Республике: "Чеченский кризис надо решать мирным путем. Нельзя допустить, чтобы погибал народ – невинная жертва обмана и грязной политики. И самое главное – нельзя следующим поколениям оставлять в наследство семена национальной вражды" (Аслаханов А., 1995). Думаю, что призыв участников Первого Международного Конгресса горцев (Нальчик, 3 августа 1994 г.) сделает свое благородное дело – "нынешние поколения горцев Кавказа сохранят достоинства своих великих предков и станут добрым примером мудрости и добрососедства для всего человечества" (Обращение..., 1994, с. 11).

К сожалению, вступительная часть этой статьи несколько затянулась. Но без нее, пусть не покажется это странным, многое в современном историко-археологическом изучении Северного Кавказа не понять. Вместе со сложностями политической обстановки на Кавказе и естественным желанием людей самоопределиться, вздохнуть вольной грудью, появилось стремление вернуть былую, сказочно обширную территорию, веру и культуру далеких предков, даже если это полумифические персонажи. Подобные версии, приобретшие не только характер чистой беллетристики, но и политическую заостренность, нашли отражение в специальных статьях и получили тщательную интерпретацию (Чеченов И.М., 1990, с. 144–151; Марковин В.И., 1994а, с. 52–63). О том, что затронутые в них вопросы оказались важными не только для узкого круга историков и археологов-кавказоведов, свидетельствует хотя бы тот факт, что перепечатки их появились в местных газетах (Чеченов И.М., 1995а; Марковин В.И., 1995а; Всегда ли нужны..., 1995). Этому же вопросу была посвящена специальная беседа известного археолога И.М. Чеченова с корреспондентом "Кабардино-Балкарской правды" (Гоплачев З., 1995) и его же статья в "Российской газете" (Чеченов И.М., 1995б). Обозначившаяся "вольница" в интерпретации исторических и археологических фактов привела и к несколько небрежному изучению кавказских древностей в среде специалистов, к поспешности их выводов (Марковин В.И., 1994б., с. 24–40).

Наибольшие сложности выпали на долю ученых Чечни. Здесь уже с 1992 г. прекратились археологические полевые исследования. Бурные разговоры о создании особой и самостоятельной Чеченской академии наук (Алироев И.Ю., 1992) остались только разговорами. Кадры ученых стали исчезать. Хорошее начало, положенное Всесоюзной конференцией 1991 г., посвященной происхождению нахов (Мужухоев М.Б., 1991), к сожалению, оказалось мимолетным явлением. Проходившая параллельно ей конференция в г. Кизляре по исследованиям на новостройках (Нарожный Е., 1991), также не имела своего эффективного продолжения. Если на первой конференции были заслушаны в основном доклады обобщающего характера (Проблемы происхождения..., 1991), то на второй – введены в научный оборот кое-какие новые материалы: Большой Ассиновский курган с повозкой, некоторые находки переходного времени от эпохи бронзы к железу и проч. (Археология на новостройках..., 1991).

Среди чисто научных и серьезных книг, изданных перед "закрытием" науки в Чечне, можно назвать два очерка С.Л. Дударева. Они будут полезны специалистам, изучающим каякентско-харачоевскую культуру эпохи поздней бронзы, киммерийскую проблему и вопросы скифо-сарматской археологии (Дударев С.Л., 1991 а, б). Увы, на этом приходится поставить точку – научная археология в Чечне стала не у дел. Об этом свидетельствуют труды, как и ранее, рассчитанные на широкого читателя. Несомненно, такой книгой является издание "Нахские языки – ключ к этрусским тайнам" (Плиев Р.С., 1992). Возможно, в этом сочинении имеются рациональные зерна, но ведь культуры надо сопоставлять комплексно (бытовые предметы, архитектура, искусство, духовное наследие), а не на уровне одних созвучий, как это уже делал Ю. Хадзиев (Хадзиев Ю., 1991; см. также Марковин В.И., 1994а, с. 55), иначе может получиться так, как об этом пишет И.М. Чеченов: "Как вы думаете, на скольких языках можно прочитать один и тот же текст? На одном, на котором он написан, скажете вы. И ошибетесь". И далее упоминает Зеленчукскую надпись XI в., которую "прочитали" на осетинском, кабардинском, балкарском и чеченском языках (Чеченов И.М., 1995б). Хорошо хоть то, что подобные "прочтения", кажется, не проникли еще в школьные учебники, издаваемые в Республиках.

Описанная научная ситуация, однако, не дает права думать, что в современном кавказоведении все плохо, хотя глубокие трещины ощущаются в нем весьма часто.

Наиболее активно работают сейчас арехологи Дагестана (Институт истории, археологии и этнографии Научного центра РАН и Дагестанский гос. ун-т), исследующие памятники эпохи бронзы – позднего средневековья Республики (Тезисы докладов..., 1994, с. 3–21). Широкий диапазон полевых работ, развернувшийся в Дагестане за последние годы, позволил существенно пополнить список местных памятников. Если в книге М.И. Исакова насчитывалось 1133 памятника (Исаков М.И., 1966), то в новой археологической карте Дагестана, созданной трудами А.И. Абакарова и О.М. Давудова, описано 1622 объекта. Это солидный труд. В нем, помимо обзора археологического изучения Дагестана, имеются особые вводные главы о тех эпохах и культурах, памятники которых представлены среди местных древностей начиная от каменного века и до позднего средневековья (Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993). В этой работе, написанной лаконичным языком, читатель не найдет особой полемики в связи с этнокультурными интерпретациями тех или иных местонахождений. Может быть, в данном случае это и верно – археологическая карта прежде всего справочник, и ученый читатель должен сам оценивать интересные для него памятники.

Аналогичный труд издан Карачаево-Черкесским НИИ. Автором его является ныне покойная Евгения Павловна Алексеева. Обзор памятников сделан ею не по административным районам, как в предыдущей работе, а по рекам, балкам и другим конкретным геоморфологическим особенностям Республики. Ее работа завершается итоговой главой, в которой указана предполагаемая этнокультурная принадлежность памятников по хронологическим группам, а на основе изучения самых поздних памят-

ников делается даже реконструкция хозяйственных занятий в средние века у адыгов, абазин, карачаевцев (они уже жили оседло) и ногайцев, наибольшая часть которых стала переходить к оседлости в XVII в. (Алексеева Е.П., 1992).

Нет сомнения, что подобные работы крайне нужны. Они позволяют ориентироваться в ходе исторического процесса в конкретном регионе. Увы, кроме давно опубликованной работы близкого профиля для территории тогда еще Чечено-Ингушской АССР (Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966), других подобных изданий на Северном Кавказе я назвать не могу.

Перейдем к обзору работ, вышедших из печати и показательных для самого последнего времени. Лучше вести его с востока на запад.

Огромное значение для изучения северо-восточной части Кавказа имеет труд М.Г. Гаджиева, посвященный раннеземледельской культуре местных племен. Неторопливый исследователь, тщательно обдумывающий каждое положение своих работ, и на этот раз детально проработал многие вопросы, связанные с местными памятниками энеолита – бронзы. Еще недавно они упирались в глухую стену отдельных предположений, порожденных случайными находками с территории Северо-Восточного Кавказа. Это прежде всего вопрос о раннем этапе в становлении производящего хозяйства Дагестана. М.Г. Гаджиеву удалось доказать, что на рубеже VII–VI тыс. до н.э. во всем бытовом укладе древних дагестанцев "произошли важные качественные сдвиги, выразившиеся в переходе от присваивающего хозяйства к производящему... Новые формы хозяйственной деятельности изменили образ жизни и быт прежних охотников и собирателей. В горном Дагестане складывается прочная оседлость, возникают постоянные поселения с каменными жилищами". Таким выводом грани неолита были отодвинуты далеко назад (Гаджиев М.Г., 1991, с. 122–124). Это удалось сделать после открытия Чохского, Гинчинского поселений и целого ряда других памятников.

Поселение у Чоха в горном Дагестане первоначально изучалось В.Г. Котовичем. Он наметил в нем пять последовательных слоев, датировав три самых нижних слоя "заключительным этапом верхнего палеолита", а два верхних – позднемезолитическим временем (Котович В.Г., 1964, с. 160, 161). Затем раскопки этого поселения были продолжены Х.А. Амирхановым, которым ранее предложенные датировки были уточнены как мезолитические для нижних горизонтов и неолитические для горизонта, скрытого под самым верхним слоем эпохи бронзы (Амирханов Х.А., 1987, с. 29–35). Интересно, что, по наблюдениям исследователя, чохская культура, а именно так определяется им комплекс памятника, "и на неолитическом этапе сохраняет специфические черты, унаследованные от предшествующего (мезолитического. – *В.М.*) времени". Вместе с тем, здесь, на уровне неолитического слоя, пишет автор, фиксируются уже "хотя и примитивные, но долговременные искусственные жилища, сосуды из обожженной глины, зернотерки, редкие и очень архаичные земледельческие орудия" (Амирханов Х.А., 1987, с. 207). Вот это поселение, как и поселение у хут. Гинчи в Гидатлинской долине Дагестана, исследованное самим М.Г. Гаджиевым, как и некоторые другие памятники (Галгалатли, Чиркей и проч.), дали ему возможность сделать обобщение, о котором сказано выше.

Довольно аморфному понятию "энеолит" М.Г. Гаджиев противопоставляет свое представление об этом времени. Он считает, что в каждом отдельном регионе энеолит в культурном отношении – это "достаточно своеобразное, локальное явление", зависящее от "этнокультурных традиций", уходящих в глубины каменного века. Определенное сходство между памятниками энеолита горного Дагестана, Центрального Предкавказья и Кахетии автор объясняет "существованием между их носителями тесных контактов, наличием близких и общих культурных подоснов". Памятники энеолита в целом датируются им V–IV тыс. до н.э. с более дробными членениями для разных регионов (Гаджиев М.Г, 1991, с. 108).

Значительная часть монографии М.Г. Гаджиева посвящена куро-аракской культуре эпохи ранней бронзы. Здесь автор оперирует большим количеством памятников,

давших самые разнообразные материалы, что и позволило ему тщательно изучить характер древних поселений и заглянуть в такую сферу, как идеологические представления. Свой материал М.Г. Гаджиев, приведя стратиграфические наблюдения, датирует концом IV–III тыс. до н.э. (Гаджиев М.Г., 1991, с. 127–214, 243).

В новейшей работе о куро-аракской культуре, автором которой является Р.М. Мунчаев, несколько уточняются отдельные вопросы. Так, Р.М. Мунчаев считает, что наиболее показательные памятники культуры следует датировать временем "от начала III до рубежа III–II тысячелетий до н.э. и в пределах XXIX–XXIII вв. до н.э.". Однако для древностей Северо-Восточного Кавказа, где, как мы знаем, рано начался переход к земледелию, он считает возможным, солидаризуясь с М.Г. Гаджиевым, говорить о двух больших периодах, относя их к последней четверти IV – третьей четверти III тыс. до н.э. (Мунчаев Р.М., 1994а, с. 16, 17). В это время в Дагестане уже появились первые земледельческие террасы, на поселениях можно видеть постройки округлого плана, а в керамическом производстве возникает посуда с грубообмазанной поверхностью (Гаджиев М.Г., 1991, с. 146–148, 151–168, 178; Мунчаев Р.М., 1994а, с. 23, 33, 56).

В заключительной части рассматриваемой монографии М.Г. Гаджиев для эпохи развитой бронзы предлагает выделить одну культуру и три группы памятников. Это гинчинская культура, охватывающая горные районы Дагестана и Чечни (могильники Гинчи, Гатын-Кале, поселение Верхний Гуниб и другие памятники); группа в районе Среднего Сулака до Приморской низменности, содержащая многие черты, свойственные степным культурам; манасская группа (южнее Махачкалы) и великентская, характерная для южной части Приморской низменности и района Дербента (Гаджиев М.Г., 1991, с. 236–238, рис. 66).

Более полно эпоха развитой бронзы Северо-Восточного Кавказа разработана в кандидатской диссертации Р.Г. Магомедовым (Магомедов Р.Г., 1992). Его исследование, как и М.Г. Гаджиева, подано на широком общекавказском – ближневосточном фоне, что придает соответствующим разработкам убедительность и ясность. В особой главе им рассматриваются материалы, происходящие из 20 поселений, из которых 14 приходится на Дагестан (среди них широко известное Верхнегунибское поселение, исследованное В.М. Котович) и только четыре на Чечню (Гатынкалинское – Хал-Килой и др.). Расположенные по скалистым склонам гор и по террасам речных долин, они содержали остатки жилищ уже прямоугольных очертаний (смена округлых построек на прямоугольные, по мнению Р.Г. Магомедова, произошла в последней четверти III тыс. до н.э.). Среди изученных погребальных сооружений 40% составляют склепы. Среди них довольно много круглоплановых построек. Особенно они характерны для могильника Гинчи в Дагестане – это своеобразная дань древним традициям в домостроительстве. Наоборот, могильники Гатын-Кале и Бельты в Чечне содержали только прямоугольные слепы. Здесь не место вдаваться в характеристику погребального инвентаря, но следует отметить, что в Гинчи обнаружена круглодонная посуда, не характерная для других регионов. Р.Г. Магомедов объясняет это близостью горного Дагестана к Грузии и влиянием алазано-беденской культуры. В итоге исследования автор предлагает выделить для северо-восточной части Кавказа особую "*восточнокавказскую метакультурную общность*", "которая включает в себя в основном присулакскую, манасскую, великентскую локальные группы памятников и *гинчинскую культуру*". В самой культуре намечены два локальных варианта: северо-западный (ичкеринский) и юго-восточный (койсугский, от названия Койсу – рек в горном Дагестане). В свою очередь для чеченских (ичкеринских) памятников – "узколокальные группы": могильники Малый Харсеной, Саади-Котар и Бачи-Юрт. Общая дата культуры, по Р.Г. Магомедову, XXIII–XV вв. до н.э., с двумя фазами внутри этого периода (Магомедов Р.Г., 1992, с. 15, 16).

Соглашаясь со многими оценками Р.Г. Магомедова, я все же должен заметить, что название "гинчинская культура" несколько суживает представление о всем

многообразии памятников Дагестана и Чечни. Было бы вернее называть данную культуру "гинчинско-гатынкалинской", по наименованиям двух известных могильников (Марковин В.И., 1994в, с. 327), тем более что подобное название уже было предложено В.Г. Котовичем, правда, не для культуры, а для соответствующего хронологического этапа (Котович В.Г., 1978, с. 74). Такое название соответствовало бы и содержимому Малохарсенойского могильника, где были обнаружены только захоронения в ямах (Марковин В.И., 1995б). Подобные ямы встречались и в Гатын-Кале. Некоторое возражение вызывает и наименование общности с приставкой "мета", что придает ей несколько надмирный, отвлеченный характер (вспоминаются труды Д. Андреева, В. Соловьева, А. Меня и других философов и богословов).

Среди научно-популярных книг, вышедших в последнее время, хотелось бы отметить работу Валентины Михайловны Котович "Путешествие в тысячелетия". Написанная живым, легким языком, она вводит читателя в круг повседневных занятий археологов. Особенно ярко написаны страницы, посвященные исследованию Верхнегунибского поселения. Реконструкции мотивов древней наскальной живописи, приведенные здесь в виде своеобразных раздумий, будут весьма полезны для специалистов (Котович В.М., 1994). Жаль только, что В.М. Котович совершенно не использовала в своей работе материалы, добытые Х.А. Амирхановым на упоминавшемся Чохском поселении.

Однако вернемся к эпохе ранней бронзы. Речь пойдет о майкопской культуре. Ею занимались многие специалисты. Среди них можно вспомнить имена А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, А.А. Формозова, А.Д. Столяра. Огромный раздел посвящен ей в монографии Р.М. Мунчаева (Мунчаев Р.М., 1975, с. 197–335). Культура эта настолько оригинальна, что и после специально посвященного ей симпозиума (Майкопский феномен..., 1991) интерес к ней не затух, а скорее усилился. Можно вспомнить также дискуссию на страницах журнала "Советская археология", № 4 за 1990 г., с появлением версий о ее происхождении благодаря миграции библейских семитов на Кубань и о связи ее с шумерами, прямыми потомками которых якобы являются современные балкарцы и карачаевцы. Первое мнение, кажется, естественным образом отпало, так как Библия и изучающая ее библеистика наконец-то стали достоянием нашего общества. А вот второе мнение, что "балкарец легко понял бы шумера" (Мизиев И.М., 1991; 1995) пока еще живо и получает дальнейшее развитие. Так, К.С. Кадыраджиев, как и И.М. Мизиев, пользуясь языковыми сопоставлениями, утверждает, что в X–V тыс. до н.э (т.е. в эпоху камня и энеолита – *В.М.*) "территория от Малой Азии до Средней Азии (Анатолия, Месопотамия, Кавказ, Иран, Средняя Азия) была заселена различными урало-алтайскими племенами. Протюрки (в том числе и протокумыки) обитали в этот период на юго-западной окраине этого исторического региона" (Кадыраджиев К.С., 1992, с. 51). Автор этой брошюры в основном пишет о происхождении кумыков, живущих сейчас в северной части Дагестана. Судя по приложенным картам, "протокумыки" в X–VI тыс. до н.э., по его мнению, занимали огромную территорию – от Персидского залива, охватывая всю южную часть Каспия, вплоть до Кизлярского залива, и только ко II тыс. до н.э. эта территория значительно уменьшилась (Кадыраджиев К.С., 1992, с. 61–64). Он, как и И.М. Мизиев, уделил некоторое внимание и шумерам, но, как видим, пошел намного дальше своего предшественника. Однако ученые Кабардино-Балкарии уже дали отрицательную оценку трудам И.М. Мизиева, ибо в них с глубокой древности на Кавказе не остается места для проживания не тюркоязычному населению. Отмечается, что "подобного рода исследования могут спровоцировать обострение межнациональных отношений в республике" (Калмыков Ж., 1995), я бы добавил, – и по всему Северному Кавказу.

Р.М. Мунчаев недавно заново обобщил материалы о майкопской культуре. Действительно, и ее вещевой комплекс, включая первоклассные художественные изделия, и ее духовный мир, судя по погребальным памятникам, настолько богаты, что только недостаток темпов социально-экономического развития по сравнению с

"долиной Нила и Двуречья" не привел здесь к "созданию ранних форм государственности, как в Египте и Месопотамии" (Мунчаев Р.М., 1944б, с. 225). Напомню, что здесь говорится о конце IV – третьей четверти III тыс. до н.э. Разброс мнений о том, кто же были носители майкопской культуры, столь велик, что Р.М. Мунчаев вынужден заметить: "получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской" (Мунчаев Р.М., 1994б, с. 165). Однако Р.Ж. Бетрозов, посвятив многие страницы своей новейшей монографии майкопской культуре и ее носителям, пишет, что эту культуру создали абхазо-адыгские древние племена, близкие "протохеттскому (хаттскому) этническому миру Малой Азии" (Бетрозов Р.Ж., 1991, с. 53, 70). Подобного мнения придерживается и Н.Г. Ловпаче (1991, с. 35).

Не меньшее внимание в археологической литературе уделяется дольменным памятникам. Р.Ж. Бетрозов и Н.Г. Ловпаче, как и многие другие специалисты (Л.И. Лавров, Ш.Д. Инал-Ипа, В.И. Марковин, Ю.Н. Воронов, И.М. Чеченов и др.), говорят о них в связи с абхазо-адыгским этносом. К сожалению, кроме сводки дольменных построек, давно уже составленной Л.И. Лавровым, отдельных обмеров О.М. Джапаридзе, Л.Н. Соловьева, Ю.Н. Воронова и моей монографии, снабженной выборочно взятыми чертежами и зарисовками, публикаций с дольменами в строго научной литературе практически нет, хотя упоминаний о них множество. Новейшие исследователи почему-то менее всего видят в них памятники архитектуры, требующие профессионально грамотной фиксации. Я уже не говорю о мастерстве раскопщика как такового. С болью читаешь статью археолога и художника Н.Г. Ловпаче о том, как велись раскопки портальных построек и как было загублено основание известного многогранного дольмена у ст. Новосвободной (работы А.Д. Резепкина; см. Ловпаче Н.Г., 1994). В итоге теорий и мнений о дольменах много, имеются математические выкладки, а хорошо зафиксированного материала до сих пор издано мало. Пусть не покажется странным, но это так, – статья об уникальном кургане Псынако I с дольменом, заключенным в толос (открыт М.К. Тешевым), оказалась незамедлительно опубликованной в Германии (Markovin V.I., 1993, S. 249–272), а у нас о нем знают только по отдельным тезисам и «опробациям».

Да, действительно, дольмены дают много материала для раздумий, для поисков истоков их архитектуры. И более всего специалисты склоняются, – повторю это, – соотносить их с абхазо-адыгским этносом, носители которого имели пока еще не очень ясные связи с миром Средиземноморья (Марковин В.И., 1994 г, с. 226–253; Бетрозов Р.Ж., 1991, с. 70–81, см. там же библиографию). Однако не надо думать, что все так просто. Как-то читал я хорошо иллюстрированную статью в журнале «Техника молодежи», в которой горячо доказывалось, что дольмены – это хитроумные приспособления для охоты на крупных животных. Пишут также, что дольмены – это обсерватории, а вот совсем еще свежее мнение: «дольмены – это не только памятники времени, а... само время. Невероятно, но факт: каменные сооружения имеют астрономически значимые ориентировки и являются, по сути, древнейшими календарями человечества» (Львов Ю., 1994). Обряд захоронений в дольменах этот автор считает характерным для кельтов, хотя речь идет о дольменах Кавказа. Увы, кельты никакого отношения не могут иметь к западнокавказским дольменам хотя бы потому, что они жили в эпоху железа (латенская культура для археологов; см.: Филип Я., 1961).

Очевидно, кельты не имели ничего общего и с культурой дагестанских народов. Но вот в научном заключении Л.Г. Серостановой, приложенном к ее исторической повести «Амазонки» с любовно-трагедийным сюжетом, сказано, что «скифы и сарматы пустили глубокие корни в кельтские племена», обитавшие по Тереку, Кубани, Большой и Малой Лиахви, и здесь «из сплава этих двух этносов... родилась высочайшая культура, названная археологами Кобанской». Затем, в Дагестане в середине I тыс. до н.э. «албано-кельтский язык, подорванный сарматским, уступил место тюркскому».

Его носители стали кумыками, а «племена, жившие высоко в горах, сохранили свои первородные кельтские языки» (Серостанова Л., 1993, с. 185, 186).

Я не стал бы писать об этих газетно-литературных фактах, но боюсь, что найдутся «исследователи», ухватившиеся за «кельтскую плодотворную идею», и начнут создавать новые труды, используя сомнительные созвучия, сходные аффиксы, префиксы и т.д.

Итак, мы почти завершили обзор некоторых научных работ и идей, связанных с первобытностью. Здесь почти ничего не говорилось о северокавказской культурно-исторической общности, о каякентско-харачоевской культуре. Все основные научные данные, связанные с ними, упоминаются в главах «Археологии» (Эпоха бронзы Кавказа..., 1994). Куда важнее разобраться с некоторыми вопросами скифо-сарматской археологии, древностями алан и немного поговорить об изучении культуры тюрок Северного Кавказа. К сожалению, здесь придется опустить обзор сармато-меотских и адыгских материалов, требующих особого очерка. Благо, что в западной части Кавказа научные страсти не так сильны.

Известный археолог Б.В. Техов, многие годы плодотворно изучавший кобанскую культуру, выступил с новаторскими для местной истории мыслями. Он утверждает, что в центральной части Кавказа в III тыс. до н.э. жили индоевропейцы – хетты, которые затем передвинулись в Переднюю Азию. Однако некоторая часть их осталась на Кавказе – между Эльбрусом и Казбеком – «в теснине Терека». Индоевропейцами являлись также племена катакомбной и срубной культур (автор не упоминает, что они шли к Кавказу со стороны степей, далеко в горы не заходили и что апробация их языка пока еще очень сомнительна). Затем здесь появились скифы, сарматы и т.д., – ираноязычие налагалось на ираноязычие. Правда, Б.В. Техов полностью не отрицает проживания здесь и «кавказского этноса». Так мельком, без особой аргументации доказывается бытование в горах Центрального Кавказа ираноязычного населения с III тыс. до н.э. (Техов Б.В., 1993а, с. 24; 1993б, с. 4, 5).

Прежде всего остановимся на вопросе о хеттах. Да, лингвист В.В. Иванов действительно предполагает, что во II тыс. до н.э. хетты могли пройти через Кавказ в Малую Азию и следовали они по причерноморским и прикаспийским степям (Иванов В.В., 1962, с. 186). Замечу, что на этих путях пока не найдены памятники, которые можно было бы отнести к хеттам[1].

Более аргументированно об этом же говорится в монографии О.Р. Герни, специально посвященной хеттам. Автор осторожен в своих построениях и избегает неточностей. Им ни разу не упоминается Кавказ, но сказано, что во II тыс. до н.э. здесь, на севере Малой Азии «индоевропейский хеттский язык народа-завоевателя наложился на неиндоевропейский язык хаттов», и только с 1900 г. до н.э. можно говорить об истории хеттов (Герни О.Р., 1987, с. 19, 20). Он же замечает, что не исключена связь языка хаттов с языками народов Кавказа (Герни О.Р., 1987, с. 113). Как видно, ограничивая себя системой доказательств, как это сделал Б.В. Техов, нельзя решить вопрос об исконном, извечном индоевропеизме осетин. Подобное, кстати, не удалось доказать и предшественникам Б.В. Техова, когда те оперировали предположением о приходе в предгорья Центрального Кавказа носителей культур шаровидных амфор и шнуровой керамики эпохи бронзы, предположительно тоже индоевропейцев.

Уже давно обсуждается вопрос о «двуприродности» происхождения осетин. В.И. Абаев об этом говорит так: «Признание участия кавказского субстрата в этногенезе осетин не противоречит аланской теории. Оно лишь дополняет ее на новом уровне наших научных знаний» (Абаев В.И., 1967, с. 18). Привлекая археологические и исторические факты, Е.И. Крупнов в свое время пришел к выводу, что «можно признать лишь усиливающуюся инфильтрацию в кавказскую этническую среду

[1] Вопрос о происхождении хеттов и их движении в Анатолию через Каспийский проход, с учетом противоречий, обстоятельно рассмотрен Л.А. Гиндиным (см. Гиндин Л.А., 1993, с. 163–177, 206, 207, карты 1; 2). Это не исключает чисто археологических разработок.

сначала скифов, затем сарматов и, наконец, алан и связанное с их проникновением появление иных элементов языка и культуры» (Крупнов Е.И., 1967, с. 33). Подобных взглядов о происхождении осетин сейчас придерживаются многие археологи (Р.М. Мунчаев, В.А. Кузнецов, В.И. Козенкова и др.). Но вот послышался окрик в виде огромной газетной статьи «Что написано в истории» (Исаенко А., Кучиев В., 1994). Ее авторы считают, что пресловутая «идея интернационализма», присущая Е.И. Крупнову и его последователям, мешает правильно подойти к изучению проблемы, и тут же сами себе противоречат. То они соглашаются, что «скифы, сарматы и аланы пришли на Кавказ не только со своим языком, но и со своим этносом и оказывали большое влияние на аборигенов», что история, действительно, не знает «чистых» народов и «чистых» языков, то иронизируют по поводу высказывания В.А. Кузнецова, что «осетины не тождественны ираноязычным аланам, осетинский язык не тождествен аланскому, потому что в формировании осетинского народа и языка, его культурнобытовых особенностей активную роль сыграла аборигенная кавказская этническая среда»[2]. Подобные высказывания, пишут А.В. Исаенко и В.Д. Кучиев, «не имеют под собой, на наш взгляд, никакой методологической базы, да и фактический материал не подтверждает их верность». В своем споре авторы часто опираются на высказывания В.И. Абаева. Приведу только одно из них. В.И. Абаев пишет: «...осетинский язык, имея бесспорную иранскую основу, в то же время носит глубокие следы влияния кавказских языков в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе, которые не могут рассматриваться как внешние заимствования, а представляют органический вклад из кавказского субстрата, т.е. из тех языков, которые были на данной территории до появления здесь североиранских племен» (Абаев В.И., 1967, с. 19, 20). С какой же целью написали свою статью А.В. Исаенко и В.Д. Кучиев?

Тема «осетины – это аланы» настолько завладела мыслями многих людей, что возникла своеобразная дискуссия по этому поводу. В итоге ее «вместо Северной Осетии предлагается Северная Алания... Вместо осетинский язык следует закрепить термин аланский язык» (Гуриев Т., 1994). И теперь Северная Осетия стала уже официально именоваться Аланией, хотя это, как считает В.А. Кузнецов, мало оправдано (Баскаев В., 1995).

Тем временем, пока шли дебаты, как понимать и решать вопросы осетиноведения, наука не стояла на месте. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский в своем общем, очень обдуманном труде уделили большое внимание эволюции самих понятий «киммерийцы» и «скифы». Особенно интересен их взгляд на изменения культурно-исторического содержимого, вкладываемого в термин «скифы». Авторы выделяют «древнейших скифов» (VIII–VII вв. до н.э.), «ранних скифов» – жителей Предкавказья (VI–III вв. до н.э., это они совершали походы в Переднюю Азию; часть их, живших в понтийских степях, можно именовать «Геродотовыми скифами»); «поздних скифов» (III–II вв. до н.э. – III в. н.э., только для Нижнего Приднепровья и Крыма) (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 223). Авторами создан также прекрасный этюд, посвященный звериному стилю, с привлечением произведений искусства Ирана, Луристана и других стран, намечена программа его дальнейшего изучения (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 74–162). Вот бы подобным образом изучить графику кобанских бронз, не отделяя ее от искусства колхидской культуры, тем более что есть основания объединять обе культуры в единое явление, как это делал покойный Юрий Николаевич Воронов. В связи со сказанным важно также отметить выход в свет монографии (своеобразного каталога) с публикацией скифских изваяний VII–III вв. до н.э. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994). Говоря об изваяниях Предкавказья, авторы подчеркивают его «особую роль... в процессе формирования антропоморфного облика скифской скульптуры». Они пишут, что «именно Предкавказье в VII–VI вв. до н.э. явилось основным регионом, откуда традиция нового для скифов антропоморфного

[2] В этой цитате авторами статьи была нарушена ее гармония. Здесь она приведена полностью (см. Кузнецов В.А., 1984, с. 280).

монументализма выплеснулась вместе с ее носителями в причерноморские степи». К этой же тематике примыкает и новый свод, созданный В.И. Козенковой, о вооружении, воинском снаряжении и конской упряжи, употреблявшимися носителями западного варианта кобанской культуры (Козенкова В.И., 1995).

Среди работ по сарматской тематике необходимо отметить обстоятельную монографию М.П. Абрамовой (1993), охватывающую III в. до н.э. – IV в. н.э. Кроме публикации очень богатого материала по хронологическим вехам (III–I вв. до н.э. и I–IV вв. н.э.) и категориям вещей, автор большую главу посвящает вопросам иранизации населения Центрального Предкавказья. Здесь речь идет о природе двуязычия в среде алан, о его роли в развитии культуры, о племенных названиях «ирон», «дигор» и «туал», о более архаичном строе языка дигорцев. Много внимания уделено той чисто кавказской, субстратной подоснове, с которой «двумя волнами» происходило схождение ираноязычных племен. В заключение М.П. Абрамова пишет, что «рассматривать кочевые аланские племена в качесте прямых предков осетин нет никаких оснований. Этноним «аланы», встречающийся у античных авторов, с одной стороны, и в раннесредневековых источниках (сирийских, армянских, византийских и др.) – с другой, обозначает разные этнические группы. В первом случае это кочевые племена сарматского круга, а во втором – носители иранского языка, победившего в результате сложных, длительных этнических процессов... Наличие языкового субстрата предполагает наличие субстрата этнического» (Абрамова М.П., 1993, с. 201).

Работе М.П. Абрамовой довольно близко исследование О.М. Давудова, ставшее его докторской диссертацией. В нем речь идет о Дагестане в албанское время. Обычно, говоря о Кавказской Албании, подразумевают территорию Азербайджана, здесь же он упоминается только попутно. Автором обобщен материал по 40 бытовым памятникам и 29 могильникам. Это позволило О.М. Давудову утверждать, что сарматское внедрение не заходило за пределы дагестанских предгорий, поэтому он предпочитает говорить о «дагестанской археологической культуре албанского времени», выделяя в ней два периода – с III по I в. до н.э. и с I по IV в. н.э. Такое членение подтверждается анализом материала. Варианты культуры характеризуют отличия в среде чисто дагестанского многонационального населения (Давудов О.М., 1990).

Последующее время, IV–VIII вв. – эпоха Великого переселения народов для приморской части Дагестана – изучалось Л.Б. Гмырей. Этому достаточно темному периоду в местной истории ею посвящены две книги. Первая книга является в основном публикацией погребальных материалов, включая тщательное описание инвентаря. Значительное место уделено 87 курганным комплексам Паласа-сыртского могильника, расположенного близ Дербента. Сопоставление его с другими памятниками (курганы у Джемикента, Утамыша, Манаса, Мамай-кутана и др.), как и привлечение письменных источников, позволило автору утверждать, что население каспийского приморья, состоявшее из мелких этнических группировок, было объединено двумя крупными этносами – гуннами и маскутами (сармато-аланами). Это и дало основу для сложения синкретической раннесредневековой культуры – «страны гуннов» (Гмыря Л.Б., 1993). Вторая книга органически связана с первой. Она представляет собою очерк о «стране гуннов». Анализ письменных источников вместе с археологическим материалом позволил Л.Б. Гмыре реконструировать экономику страны, остановиться на чертах быта всех слоев местного населения и на целом ряде других вопросов, включая верования (язычество, переход к христианству, иудаизму и исламу) (Гмыря Л.Б., 1995).

Сармато-аланская тематика особенно ярко звучит в новейших работах исследователей Северной Осетии. Таковы «Алано-осетинские этюды» В.А. Кузнецова и его же «Очерки истории алан», вышедшие во втором издании. В «Этюдах» автор останавливается на вопросах, связанных с Великим Шелковым путем. Он указывает не только на отдельные уникальные находки, но и намечает некоторые участки

древних маршрутов (Кузнецов В.А., 1993, с. 10–70). Совершенно специфический характер имеет очерк об аланах в Венгрии. Для кавказоведения более важны наблюдения В.А. Кузнецова о древних элементах в повседневном быту осетин (Кузнецов В.А., 1992, с. 155–179). Новое издание «Очерков» значительно дополнено. Это произошло за счет новых глав, существенно обогащающих обычные представления о роли алан в местной истории. Таковы главы «Алания и Византия», «Распространение христианства» и др. Я не стану даже кратко пересказывать содержание этой довольно объемистой книги. Автор с уважением повествует о всех перипетиях, выпавших на долю аланского народа, а хорошее знание христианского культа и архитектуры порой придает его рассказам эпическую выразительность (Кузнецов В.А., 1992).

Не только аланам, но и средневековой истории осетин, уже сложившихся как особый народ, посвящена небольшая книга Ф.Х. Гутнова. Хороший знаток генеалогии местных родов и социально-зависимых отношений, построенных часто на так называемом «предании», автор создал нужную и добротную работу (Гутнов Ф.Х., 1993). Примерно близок к ней по тематике и небольшой очерк об осетинах Р. Бзарова (1994).

Если предыдущие работы отличались монолитностью и последовательностью в изложении, то три тома «Alanica» содержат отдельные статьи, объединенные только определенной тематикой. В первом томе речь идет о связи алан с Западной Европой и Византией. Этой темой еще в молодые годы усиленно занимались В.К. Пудовин и В.А. Кузнецов, а затем и В.Б. Виноградов. Теперь в этом сборнике читатель снова найдет статьи об аланах в Западной Европе и Африке (В.А. Кузнецов, В.Б. Ковалевская, А.Н. Карсанов, Э. Харгоши), две статьи, связанные с христианством алан (С.Н. Малахов, Л.А. Перфильева) и некоторые другие (Alanica I, 1992).

Во втором томе этого же издания «Аланы и Кавказ» помещены очень важные статьи для понимания культуры и истории алан, касающиеся первого упоминания алан на Кавказе (Ю.С. Гаглойты), алано-армянских и алано-византийских отношений (М.К. Джиоев, К.Г. Догузов), чисто археологические статьи (В.Б. Ковалевская, Г.Е. Афанасьев, В.М. Батчаев) и ряд других. Здесь же помещен доклад Ю. Клапрота, прочитанный им еще в 1822 г., в котором «доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан» (Alanica II, 1992).

В третьем томе – «История и культура» преобладает археологическая тематика с публикацией материалов из могильников у селений Чми, Кобан, Тарское и ст. Змейской (А. Хайнрих, Р.Г. Дзаттиаты, Э.С. Кантемиров, В.А. Кузнецов, В.Н. Каминский и др.), а также ряд статей исторического содержания (Alanica III, 1995).

Весь этот довольно большой список работ можно завершить упоминанием докторской диссертации В.Х. Тменова, посвященной зодчеству средневековой Осетии (1994). Написанная хорошим знатоком архитектуры народов Северного Кавказа и Закавказья, она знакомит с малоизученной архитектоникой оборонительных стен, устройством галуанов – замков и традиционно украшающих страну жилых и боевых башен. Особое место в работе уделено архитектуре погребальных, склеповых построек, среди которых выделено шесть типов с подтипами, и святилищам (склепообразной и столпообразной формы). В.Х. Тменов уделил также внимание архитектурному декору всех изученных построек, относимых к XII–XVIII вв.

Во многих из перечисленных изданий неоднократно упоминаются аланы и не случайными людьми, а учеными-медиевистами в процессе обсуждения сармато-аланских проблем, в связи с историей осетинского народа и становлением его культуры. Но вот послышался еще один окрик в виде громкого вопроса: «после работ последних лет сторонникам ираноязычия алан давно пора ответить: кто, когда, на каком материале доказал эту псевдонаучную теорию?» (Мизиев И.М., 1994). В данном случае он направлен не против тех алановедов, труды которых упоминались чуть выше, хотя он касается и их, этот окрик адресован Х.Х. Биджиеву – автору книги «Тюрки Северного Кавказа». И.М. Мизиев упрекает его во многих грехах,

включая историографические неточности (естественно, забывая о своих), но главное преступление Х.Х. Биджиева состоит в том, что он примкнул к сторонникам ираноязычной теории алан. К сожалению, действительно, сейчас имеются издания, в которых археологически слабо обоснованное мнение И.М. Мизиева о тюркоязычии не только алан, но даже скифов (Мизиев И.М., 1986, с. 35–57) принимается как безапелляционная истина. Такое, к примеру, имеет место в книге М.Ч. Джуртубаева, насыщенной интереснейшими сведениями (1991, с. 160). Но, не веря в построения И.М. Мизиева, начинаешь сомневаться в кое-каких фактах, приводимых М.Ч. Джуртубаевым.

В недавно вышедшей газетной статье К.Т. Лайпанова (1995) еще раз поднят вопрос об аланском происхождении карачаевцев и балкарцев. При прочтении ее возникает вопрос, а не имело ли место в средние века близкое, бок о бок проживание алан и тюрок. В таких случаях языки соседствующих народов пестрят заимствованиями. Ведь во всех статьях, какие мне довелось читать, речь идет «по верхушкам», а не по корневому строю языков. Но вернемся к книге Х.Х. Биджиева.

Книга Х.Х. Биджиева "Тюрки Северного Кавказа", как и автореферат его докторской диссертации (Биджиев Х.Х., 1993; 1994), появилась в период, когда стало перечеркиваться многое из того, что было сделано видными учеными – алановедами, тюркологами и медиевистами. В силу этого трезвый и ясный подход в освещении сложных вопросов средневековой истории вселяет надежду, что не все потеряно в археологическом изучении наследия, оставленного тюркскими народами Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют хотя бы интересные материалы XIII–X вв. Хумаринского городища, добытые и интерпретированные Х.Х. Биджиевым. Именно это городище позволило подойти к решению вопроса о переходе тюрок-кочевников к оседлости. Здесь, на Хумаре, Х.Х. Биджиеву удалось найти следы смены полуземлянок к четко оформленным каменным постройкам. На этом же городище были найдены тюркские рунические надписи. В исследовании Х.Х. Биджиева много внимания уделено тюркско-аланским и тюркско-адыгским связям, привлечен большой этнографический материал.

Работа Г.С. Федорова, посвященная проблеме происхождения кумыков, несколько близка предыдущему исследованию. В ней нет «высоких воспарений» к шумерам, киммерийцам и скифам, а имеет место кропотливый труд, работа с кажущимся малоинтересным материалом (Федоров Г.С., 1995).

Завершая несколько затянувшийся обзор, я бы еще хотел обратить внимание на книги Мурада Аджиева «Мы – из рода половецкого» и «Полынь Половецкого поля» (Аджиев М., 1992; 1994). Это хорошо написанное эссе. С автором во многом можно не соглашаться, хотя бы с его казачьими и христианскими теориями, но сила его убежденности в своей правоте такова, что невольно прислушиваешься к его голосу. Вот бы нашим археологам так: не плестись за своим, порой блестящим, материалом мутным словесным пятном, а обыгрывать его ярко и весомо!

Итак, обзор далеко не всей научной литературы и некоторых газетных заметок окончен. Вывод напрашивается сам собой – там где специалисты тщательно работают над материалом, повинуются этому материалу, а не подгоняют его под заранее придуманные грандиозные теории, там создаются не однодневки, а фундаментальные работы. Сейчас для кавказоведов это особенно важно. К сожалению, получается так: чрезмерно возвышая свой народ, да еще подыскивая ему «достойных уважения» предков, невольно унижаешь соседние народы. Разве не подобным веет от всех опусов И.М. Мизиева? Разыскивая в изломах гранитных и песчаниковых глыб намеки на клинопись, приноравливая каждое движение линий древних и средневековых петроглифов к заранее придуманной исторической ситуации, вряд ли можно создать подлинную историю какой-либо страны или народа. Но это же делается!

Историкам, включая археологов, и другим специалистам, причастным к изучению давно прошедшего времени, надо уметь прислушиваться к событиям современности, уметь улавливать в них нюансы, ведущие к беззастенчивым псевдонаучным

спекуляциям и противостоять им хотя бы в своих трудах. Это предполагает и уважительное отношение к критике, честной и даже самой строгой, тем более, если она требует дальнейших проработок и улучшений. В свое время мне пришлось услышать много горьких слов по поводу планируемых статей от С.В. Киселева, А.Я. Брюсова, Т.С. Пассек, Е.И. Крупнова, В.Н. Чернецова. Помню письмо А.А. Иессена о моей работе над каякентско-харачоевской культурой. Я с благодарностью вспоминаю его мнение. Эти ученые были беспощадны и в том случае, если почему-либо в обзорах литературы и даже в беглых упоминаниях был пропущен кто-нибудь из специалистов, сказавших веское слово по изучаемому вопросу.

Недавно пришлось открыть том энциклопедии «Народы России» (М., 1994) и просмотреть заметки о кавказских народах, в том числе и о чеченцах, ингушах, осетинах. Довольно трафаретно написанные, они, конечно, дают некоторое представление о культуре этих народов, их быте и традиционной архитектуре. Обратил внимание на кавказский раздел библиографической сводки. В ней я не нашел указания на работы И.П. Щеблыкина, Л.П. Семенова, В.Х. Тменова, С.Ц. Умарова и других специалистов, положивших много сил для изучения этнографических материалов и памятников народного зодчества[3]. Нам, археологам, нельзя допускать ничего похожего в своих работах.

Будем надеяться, что современный кризис, в определенной степени переживаемый историческим кавказоведением, будет все же преодолен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И., 1967. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.

Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Аджиев Мурад, 1992. Мы – из рода половецкого! М.

Аджи Мурад, 1994. Полынь Половецкого поля. М.

Alanica I, 1992. Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.

Alanica II, 1992. Аланы и Кавказ. Владикавказ – Цхинвал.

Alanica III. 1995. Аланы: история и культура. Владикавказ.

Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.

Алироев И.Ю., 1992. Академия наук Республики – дело государственное // Газета «Голос Чеченской республики», № 225 (20907) за 12 декабря. Грозный.

Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.

Анохин Павел, 1992. Кабарда остается в составе России, другое дело, в какой форме... // «Российская газета», № 70 (406), за 26 марта.

Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Тезисы Региональной научно-практической конференции, 1991. Грозный.

Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Аслаханов Алибек, 1995. Мир лучше победы // «Правда», № 2 (27420), за 6 января.

Ахмадов Явус, Хожаев Далхан, 1992. Территория и расселение вайнахов с XVI в. до наших дней // Газета «Голос Чечено-Ингушетии», № 8, 9 (20492, 20493) за 14, 15 января, Грозный.

Баскаев В., 1995. История не воспринимает амбициозности. (Беседа с В. Кузнецовым) // Газета «Отчизна» № 5 (36). Владикавказ.

Батчаев Б., Кечеруков А., Лайпанов К., Караев А., 1992. Карачаево-Черкесия определяется // «Российская газета», № 71 (407) за 27 марта.

Бетрозов Р.Ж., 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.

Бзаров Р., 1994. Осетины // Журн. «Эхо Кавказа», № 2 (5). М.

Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск.

Биджиев Х.Х., 1994. Раннесредневековые поселения Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья (вопросы истории и культуры тюрко-язычных народов). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Махачкала.

Васильев А., 1993. Трудности преодолимы. Так ли опасен исламский фундаментализм для России? // «Независимая газета», № 46 (722) за 11 марта.

---

[3] В связи с этим вспоминается факт: в статье С. Экштута (журнал «Родина») воспроизведены сделанные мною разрез чеченской башни Дёре и рисунок «Майсты» (с фотографии Б. Плечке). Они взяты из моей же книги «В стране вайнахов» (М.: Искусство, 1969), но ни в примечаниях, ни в подрисуночных надписях не указано мое авторство (Экштут С., 1994, с. 33, 35). Это не достойно журнала «Родина».

Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (Материалы к археологической карте) // Тр. Чечено-Ингушского НИИ. Т. X. Грозный.

Всегда ли нужны и полезны поиски происхождения народов? // Газета «Отчизна», № 5 (36), октябрь 1995. Владикавказ.

Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.

Герни О.Р., 1987. Хетты. М.

Гиндин Л.А., 1993. Население гомеровской Трои (историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии). М.

Глебова Е., 1992. Кто прав – не скажу // «Московские новости», № 49 (644) за 6 декабря.

Глезер О., Шевелев М., 1992. Дагестан – Россия в миниатюре // «Московские новости», № 2 (598) за 12 января.

Гмыря Л.Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.

Гоплачев З., 1995. Как ученые Иуду «отсекли» // Газета «Кабардино-Балкарская правда», № 138 за 29 августа. Нальчик.

Гуриев Т., 1994. Решение вопроса откладывать нельзя // Газета «Северная Осетия» № 157 (21712) за 24 августа, Владикавказ.

Гутнов Ф.Х., 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ.

Давудов О.М., 1990. Дагестан в III в. до н.э. – IV в. н.э. (Опыт этнокультурной и социально-экономической характеристики). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси.

Джуртубаев М.Ч., 1991. Древние верования балкарцев и карачаевцев (краткий очерк). Нальчик.

Дзидзоев Р.М., 1994. К вопросу о национальной территории // Газета «Отчизна». № 3 за апрель. Владикавказ.

Дудаев А., 1992. Философия чеченского суверенитета // Газета «Голос Чеченской республики», № 221 (20903) за 5 декабря. Грозный.

Дударев С.Л., 1991а. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии (конец II – первая половина I тысячелетия до н.э.). Грозный.

Дударев С.Л., 1991б. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Иванов В.В., 1962. Очерк истории и культуры хеттов // Послесловие к кн.: К. Керам. «Узкое ущелье и черная гора». М.

Исаенко А., Кучиев В., 1994. Что записано в истории... // Газета «Северная Осетия», №№ 58–60 (21613–21615) за 29–31 марта. Владикавказ.

Искаков М.И., 1966. Археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Кавказские орлы, 1993 // Библиотека альманаха «Шпион», № 1. М.: Мистикос (перепечатка «Обзора материалов о банддвижении на территории бывшей Чечено-Инг. АССР». Алма-Ата, 1945).

Кадыраджиев К.С., 1992. Загадки кумыкской и тюркской истории от Эгейского до Каспийского морей. Махачкала.

Калмыков Ж., 1995. Истина дороже всего // Газета «Советская молодежь», № 48 за 1 декабря. Нальчик.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.

Котович В.Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.

Котович В.Г., 1978. К определению исторического места каякентско-харачоевской культуры // МАД. Т. 8. Махачкала.

Котович В.М., 1994. Путешествие в тысячелетия (Записки дагестанского археолога). Махачкала.

Крупнов Е.И., 1967. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А., 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.

Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. 2-е. изд. Владикавказ.

Кузнецов В.А., 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.

Лайпанов К.Т., 1995. Об аланском происхождении карачаево-балкарцев // Газета «Карачаево-балкарский мир», № 7 (15), за август. Карачаевск.

Лайпанов Кази, Костинский Юлий, 1992. Бессрочный митинг Карачая // «Российская газета», № 53 (389) за 5 марта.

Лакоба Станислав, 1991. За кавказское единство // Газета «Маджлис». № 8 за 8 февраля. Махачкала.

Ловпаче Н.Г., 1991. Истоки майкопской культуры, связь ее с природой и народами Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Межд. симпоз. Л.

Ловпаче Н.Г., 1994. Из-под корня лжи сочится кровь // Газета «Нарт» № 1, за январь. Черкесск.

Львов Юрий, 1994. Кому понадобился календарь в гробнице? // «Комсомольская правда» за 22 сентября.

Магомедов Р.Г., 1992. Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы (гинчинская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Межд. симпоз. 1991. Л.

Марковин В.И., 1994а. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. № 1.

Марковин В.И., 1994б. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // РА. № 4.
Марковин В.И., 1994в. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
Марковин В.И., 1994г. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя бронза Кавказа. М.
Марковин В.И., 1995а. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Газета «Хасэ». №№ 31, 32 за 5 и 12 августа. Нальчик.
Марковин В.И., 1995б. Могильник эпохи бронзы у сел. Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Армавир – Москва.
Мизиев И.М., 1986. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.
Мизиев И.М., 1991. Балкарец легко понял бы шумера // Газета «Альтернатива», № 25 за 20 июня. Нальчик.
Мизиев И.М., 1994. В плену угасшей теории (О книге Х.Х. Биджиева «Тюрки Северного Кавказа») // Газета «Кабардино-Балкарская правда», № 82 за 5 мая. Нальчик.
Мизиев И.М., 1995. Народы Кабардино-Балкарии в XIII–XVIII вв. Нальчик.
Мужухоев М.Б., 1991. Нахские народы. Их происхождение // Газета «Голос Чечено-Ингушетии», № 187 (20418) за 25 сентября. Грозный.
Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
Мунчаев Р.М., 1994а. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
Мунчаев Р.М., 1994б. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
Нарожный Е., 1991. «Археология на новостройках». Научно-практическая конференция в г. Кизляре // Газета «Кизлярская правда» за 22 октября. Кизляр.
Обращение участников Первого Международного Конгресса горцев «Этнос и среда обитания. Традиции и развитие». – Горцы Кавказа! Остановите вражду! // Журн. «Эхо Кавказа». № 3 (6). М.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
Плиев Р.С., 1992. Нахские языки – ключ к этрусским тайнам. Грозный.
Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. М.
Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конфер. Тез. докл. и сообщ. 1991. Шатой.
Сергеева Ольга, 1991. Прощай оружие?! Беседа с председателем Ассамблеи горских народов Юрием Шанибовым // «Независимая газета», № 14 за 31 января.
Серостанова Людмила, 1993. Амазонки. Махачкала.
Симакин В., 1994. Политические игры вокруг казачества // Газета «Отчизна» № 3, за апрель. Владикавказ.
Спецпереселенцы в СССР в 1944 г. или год большого переселения, 1993 // Отечественные архивы. № 5. М.
Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. 1994. Махачкала.
Техов Б.В., 1993а. Тайны Кобани // Журн. «Эхо Кавказа», № 1. М.
Техов Б.В., 1993б. Осетины – древний народ Кавказа (Истоки, культура, этнос). Цхинвал.
Тменов В.Х., 1994. Традиционное каменное зодчество средневековой Осетии (археологический аспект). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
Федоров Г.С., 1995. Этническая история Северо-Восточного Дагестана: проблема происхождения кумыков. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Махачкала.
Федосов П., 1992. ... В лице казачества здоровая часть народа противится своей погибели... // «Московские новости», № 42 (637) за 18 октября.
Филип Ян, 1961. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага.
Хадзиев Ю., 1991. Италия (древние этруски и римляне) // Газета «Республика» за 5 сентября. Грозный.
Хачилаев М., 1994. Самое страшное не то, что нас мало, самое страшное, что велико предательство внутри нас! // Журн. «Наш Дагестан», № 169–170, апрель – июнь. Махачкала.
Херисчи Гамид, 1991. «Настала эра внутренних войн» (о будущем исламского мира) // Век XX и мир. № 1. М.
Чеченов И.М., 1990. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. № 4.
Чеченов И.М., 1995а. Проблемы изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Газета «Хасэ», № 35 (97) за 2 сентября. Нальчик.
Чеченов И.М., 1995б. Пятый пункт апостола Павла (Почему ученые способствуют идее возвратить «утраченные» земли малочисленным народам) // «Российская газета» от 11 марта («Земство»).
Экштут Семен, 1994. Алексей Ермолов // «Родина», № 3–4. М.
Markovin V.I., 1993. Der Kurgan Psynako I, Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Z. Archäol. Heft. 27. Berlin.

Институт археологии РАН,
Москва

V.I. MARKOVIN

THE NORTHERN CAUCASUS: HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES AND CONTEMPORANEITY

Summary

Nowadays the population of the Caucasus is undergoing hard times. The disputes over the state system of the republics and territories haven't stopped. There is no peace in Chechnya. Historical and archaeological studies of the region reflect the difficult political situation. This author reviews the main scientific works and several newspaper articles that have been published in the last five years. The archaeologists of Dagestan (M.G. Gadzhijev, O.M. Davudov, R.G. Magomedov, L.B. Gmyrja and the others) are the most active in this area. Their works encompass the scientific problems from the Eneolithic to the Late Middle Ages. The archaeologists from Osetia (V.A. Kuznetsov, V. Kh. Tmenov, J.S. Gagloity, M.K. Jiojev and the others) and the specialists studying the problems related to Scythian, Sarmatian and Alan archaeology (M. N. Pogrebova, D.S. Rajevsky, M.P. Abramova, V.S. Olkhovsky, G.L. Jevdokimov, V.I. Kozenkova and the others) also work very productivly. Their studies are based on profound analysis of excavated materials. Nevertheless, unconvincing ideas are infiltrating the science. Such ideas deal mostly with the origin and culture of the Ossets and the Turkic speaking peoples living in the Northern Caucasus: the Karatchais, Balkars, and Kumyks. These works include those by B.V. Tekhov, I.M. Mizijev, K.S. Kadyradzhijev, K.T. Laipanov and others. Such works are done counter to the well-grounded opinions on the Ossetic problem that have been already expressed be such scientists as V. I. Abajev, E.I. Krupnov, V.A. Kuznetsov. They are also connected with new studies concerning the origin of the culture of the Caucasus Turkic peoples (works by Kh. Kh. Bidjijev, G.S. Fedorov).

К 850-летию города Москвы

Л.А. БЕЛЯЕВ, А.Г. ВЕКСЛЕР

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ
(Итоги исследований 1980–1990-х годов)

В сентябре 1997 г. Москва празднует 850-летие первого летописного упоминания. Для археологии, которая теснее многих исторических наук связана с современной жизнью города, настало время подводить итоги.

Полвека назад, когда в честь 800-летия Москвы Академия наук готовила первую многотомную историю столицы, археологическим материалам уделили лишь крохотную главку, объединявшую древности от каменного века до раннефеодального периода (История Москвы, 1952, с. 9–14).

За истекшие 50 лет благодаря раскопкам, лабораторным и кабинетным исследованиям наука о древностях накопила достаточно материалов для создания собственной версии исторической жизни города. Конечно, эти десятилетия заслуживают подробного историографического очерка. Однако в статье мы ограничимся результатами работ последних 15 лет, что совсем не случайно. Именно в период, начавшийся на рубеже 1970–1980-х годов, в археологии города начали происходить резкие и в общем неожиданные изменения. Процесс еще далеко не завершен, он в самом разгаре, однако его характерные черты определяются прямо на глазах. Они должны быть осмыслены как научным, так и городским сообществом. Ни взаимопонимание, ни дискуссия невозможны без объективной информации. Цель статьи – предложить коллегам (и всем москвичам) предварительную информационную сводку о работах в Москве[1] (рис. 1).

Оглянемся немного назад. Начатое в 1930-х годах под руководством классика археологии Артемия Владимировича Арциховского научное исследование культурного слоя города происходило очень неровно. Периоды "героических штурмов" сменялись долгими годами затишья, когда московские материалы не интересовали ровным счетом никого, кроме краеведов да немногих ученых (По трассе..., 1934; МИА, 1947; 1949).

Не будем останавливаться на многочисленных причинах такой аритмии. Отметим только, что археологическое исследование Москвы всегда было неразрывно связано с активным развитием города – с прокладкой новых улиц, сносом старых и строительством новых объектов.

Археология постоянно была заложницей городского хозяйства. Это неотъемлемое свойство археологии любой из мировых столиц. Но в Москве эффект усиливался своеобразием политической и социальной жизни нашего суперполиса. Из всех крупных древнерусских городов быстро растущая под неустанным надзором власти Москва была наименее "приспособлена" к ведению здесь археологических работ, требующих спокойной обстановки и протяженности во времени.

---

[1] Условной границей сводки принята административная граница современной Москвы (см. карту: Рабинович М.Г., Векслер А.Г., 1980).

© Л.А. Беляев, А.Г. Векслер, 1996 г.

Рис. 1. Участки основных археологических работ в Москве. 1980–1995 гг. *А* – Кремль; *1* – Красная площадь (Разинский спуск); *2* – Воскресенский (Исторический) проезд; Казанский собор; *3* – Печатный двор на Никольской улице; *4* – Богоявленский монастырь; *5* – улица Ильинка; *6* – Гостиный двор; *7* – Старопанский переулок; *8* – Большой Черкасский переулок; *9* – Манежная площадь; *10* – Театральная площадь; *11* – "Дом Пашкова"; *12* – улица Арбат; *13* – Малый Знаменский переулок; *14* – Кремлевская набережная; *15* – Большой Афанасьевский переулок; *16* – Арбатская площадь; *17* – Большая Никитская улица; *18* – улица Волхонка (Колымажный переулок); *19* – Большой Чернышевский переулок; *20* – улица Пречистенка; *21* – Рахмановский переулок; *22* – Церковь Федора Студита у Никитских ворот; *23* – улица Остоженка; *24* – Савельевский переулок; *25* – Средний Кисловский переулок; *26* – Георгиевский монастырь на Большой Дмитровке; *27* – Высокопетровский монастырь у Петровских ворот; *28* – Тверской бульвар; *29* – Всехсвятский проезд; *30* – Трубная площадь; *31* – Трубная улица; *32* – Большой Головин переулок; *33* – Цветной бульвар; *34* – улица Большая Полянка; *35* – улица Сретенка; *36* – улица Варварка (палаты в Зарядье); *37* – улица Большая Ордынка; *38* – Малый Толмачевский переулок; *39* – Шлюзовая набережная; *40* – Погорельский переулок; *41* – 1-й Казачий переулок; *42* – Щетинский переулок; *43* – улица Большая Якиманка (Бродников переулок); *44* – Гончарная набережная; *45* – Воронцовская улица; *46* – Тишинская площадь; *47* – Кудринская площадь; *48* – Большая Грузинская улица; *49* – Серебрянический переулок; *50* – Андроников монастырь; *51* – Данилов монастырь; *52* – улица Покровка; *53* – Кузнецкий мост; *54* – Пречистенская набережная; *55* – Подкопаевский переулок; *56* – Старый Английский двор (улица Варварка); *57* – Большой Гнездниковский переулок

Конечно, не бывает худа без добра. Например, грубое вскрытие слоев сразу на многие километры при прокладке метро позволило быстро установить общие характеристики культурного слоя. Строительство высотных зданий принесло возможность тщательных исследований на Яузе, а безумный снос Зарядья – наиболее широких раскопок из всех проводившихся в конце 1940–1950-х годов. "Хирургическая" операция по строительству Дворца Съездов в Кремле (прежде почти закрытом для археологов) вкупе с реставрационными работами (конец 1950-х – 1960-е годы) дала первые серьезные сведения о раннем периоде жизни города (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963; Рабинович М.Г., 1964; 1978; Древности Московского кремля, 1971).

Однако к концу 1960-х – началу 1970-х годов темп даже таких строго ограниченных "дозволенными сроками" работ начал спадать. В археологии города наступило затишье. Перенесла работы в область Московская археологическая экспедиция, так и не опубликовав в полном объеме прекрасный материал Зарядья. Сделался более трудным надзор на все менее доступных исследованию стройках.

При таких крупных вскрытиях, как прокладка Нового Арбата, археологам уже не удалось проявить себя. Усилился "естественный отток" ученых в более свободные и перспективные области, а продолжавшие исследования обратились к составлению сводов (Розенфельдт Р.Л., 1968; Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988; Veksler A.G., Melnikova A.S., 1993).

Небольшие по объему, но важные исследования велись в те годы при реставрации Кремля. За его стенами продолжал работы Музей истории и реконструкции Москвы (Векслер А.Г., 1982). Особое значение приобрели раскопки и разведки вокруг города, в пределах Московской области (Векслер А.Г., Недошивина Н.Г., Розенфельдт Р.Л., Смирнов К.А., Успенская А.В., Юшко А.А. и др. См.: Археологическая карта России..., 1994).

Некоторое оживление началось в городе на рубеже 1970–1980-х годов. В связи с подготовкой к Олимпиаде и приближавшемуся 1000-летию крещения Руси реставрировали ряд первостепенных в археологическом отношении объектов. Их удалось исследовать. Раскопки в Коломенском и в древних монастырях привлекли внимание не только историков, но и многих москвичей, а в какой-то степени и администрации города. Однако процесс шел медленно и держался, по сути дела, только на энтузиазме специалистов. Завершающий и наиболее эффектный этап "служебной" археологии пришелся на вторую половину 1980-х годов. Этот момент характеризует совпадение целого ряда благоприятных факторов.

Прежде всего, в корне менялась социальная обстановка в стране. Власть была вынуждена прислушиваться к мнению жителей города, общественных организаций, в том числе в вопросах городской археологии, охраны памятников и культурного слоя. Тогда же стала очевидной потребность, а лучше сказать, неизбежность срочной капитальной реконструкции столицы. Следовало охватить все стороны жизни, прежде всего архитектуру, строительство, "подземную часть" городского хозяйства.

Реконструкция без участия археологов, как в 1960-х годах, нанесла бы непоправимый ущерб культуре Москвы. Своеобразным сигналом тревоги стало случайное открытие строителями в 1987 г. белокаменных опор Кузнецкого моста, едва не приведшее к разрушению интересной постройки Дм. Ухтомского. Это вызвало массу нареканий в печати и оживленную полемику, активный протест москвичей (Расчистка и фиксация МИРМ. Векслер А.Г., 1986).

Нельзя сказать, что ученые не чувствовали перемен. В середине 1980-х годов велась активная подготовка к созданию специальных археологических центров по изучению Москвы. Первой была восстановлена Московская археологическая экспедиция (МАЭ) и создан специальный сектор в ИА РАН (далее – Сектор). Чуть позже оформилось специальное археологическое подразделение УГК ОИП, вскоре развившееся в Центр археологических исследований (ЦАИ).

Начало нового периода ознаменовалось чрезвычайно результативными, хотя и совершенно внезапными экспресс-раскопками МАЭ в 1988 г. на участке Воскресенского (тогда Исторического) проезда Красной площади. Острый конфликт, возникший между строителями и охранными организациями, привлек внимание прессы, а затем и всего города. Удача работ довершила дело. Тонкая методика раскопок, прекрасные находки (в их числе первая в Москве берестяная грамота), строгие и неожиданные выводы воочию доказали всем, какими научными и культурными ценностями обладает земля столицы и как необходим профессиональный подход к ее изучению.

Как и в случае с Кузнецким мостом, строителям пришлось существенно скорректировать уже принятые к исполнению проекты, предусмотреть возможность последующей музеефикации остатков.

С этого момента пренебрегать археологией при сколько-нибудь серьезных вторжениях в городской культурный слой стало гораздо сложнее. Нарушение сохранности памятников грозило внезапными затяжками сроков строительства и дорогостоящими изменениями планов работ.

Понимание этого было отражено в специальном постановлении городских властей, где признавались и формулировались права двух основных археологических организаций Москвы в области охраны и исследования ее культурного слоя, позже подкрепленное новыми документами[2].

Такое признание (как бывало не раз) могло стать простым клочком бумаги. Однако на его основе, хотя и со многими трудностями, формируется система отношений, в которой определенную роль призваны играть не только правительство города, строительные организации и их заказчики, но также и археологи. В создании этого сложного и реально, практически действующего механизма особую роль играет организация ЦАИ, стремящегося добиться хотя бы неустойчивого баланса между интересами всех упомянутых выше групп – интересами чрезвычайно различными, а часто и противоположными. Скажем о нем несколько слов.

Находящийся в составе государственных органов охраны памятников ЦАИ видит свою основную функцию в разработке юридической базы охраны культурного слоя (что в известной степени уже осуществлено) и в практическом применении существующего законодательства, в координации и налаживании охранных раскопок в Москве (рис. 2).

В этой деятельности очень важным является предварительный этап – переработка накопленной ранее историко-археологической информации в проектно-охранную форму (рассмотрение заявок организаций, желающих вести работы в культурном слое города; составление археологических заключений и проектов охранных археологических работ – ПОАР).

ПОАР указывает меры, которые могут воспрепятствовать утрате информации, содержащейся в культурном слое. В нем определяются сроки работ, форма участия археологов (от стационарных раскопок всей площади до наблюдений за работами), ответственный подрядчик и исполнитель работ, объем финансирования, необходимая техника и иные виды обеспечения. Картографически ПОАР опирается на специально разрабатываемые историко-археологические опорные планы.

ЦАИ сохраняет за собой право контроля на строительстве и после согласования заявок, иногда прекращая работы в случае нарушения условий ПОАР. (И наоборот – строгое следование указаниям ПОАР обеспечивает предельную рационализацию археологических исследований, сохранение утвержденных сроков строительства, экономию средств, выделяемых на работы.) ПОАР включает также пункт, предусматривающий изменение режима работ в случае обнаружения более сложной или ценной в историко-культурном отношении археологической ситуации.

С целью обеспечения предельно полной предварительной информации ЦАИ стремится развивать методы недеструктивной разведки (геофизические и др.), составляет компьютерный банк данных. В период практического осуществления ПОАР археологические отряды ЦАИ ведут работы, стремясь следовать принятой методике раскопок и наблюдений, не отказываясь от разумного использования имеющейся в их распоряжении техники (в пластах техногенного балласта XIX–XX вв.). По завершении работ ЦАИ осуществляет обычную обработку собранных материалов, передачу их музеям и подготовку отчета (все это также закладывается в ПОАР), а при возможности и разработку предложений по музеефикации.

---

[2] В принятом 27.12.1988 г. решении исполкома Моссовета № 2854 "Об обеспечении сохранности памятников археологии и упорядочении археологического надзора" было указано: "Обязать заказчиков, производящих работы по строительству, реконструкции и реставрации на территории г. Москвы передавать проектно-сметную документацию на производство земляных работ подрядным организациям только после археологического согласования. При подготовке заданий на проектирование предусмотреть натурные археологические работы на стадии предпроектных изысканий".

Рис. 2. Охранные раскопки в Москве. *А* – раскоп на Арбатской площади, 1995 г.; уровень XVII в. вид с востока; *Б* – раскопки на Манежной площади, 1993 г., деревянная мостовая по трассе Лоскутного переулка

В соответствии с этим ЦАИ имеет не только отряды, работающие "в поле", но и крупный отдел камеральной обработки и реставрации, архивно-историческую, архитектурно-проектную и компьютерную группу.

По мере укрепления позиций ЦАИ структуры Академии наук – Сектор и МАЭ – передали ему значительную часть ответственности за практическое осуществление охранных работ в городе, сохранив за собой фундаментальные историко-археологические и комплексные научные направления.

Безусловно, важной задачей Сектора остается помощь ЦАИ в интерпретации, обсуждении и приведении в известность результатов полевых работ. Сотрудниками Сектора формируется общая концепция позднесредневековой, а частью и постсредневековой археологии; разрабатывается методика сотрудничества с естественными науками; формулируются проблемы изучения материальной культуры России эпохи Московского государства, и прежде всего самого города Москвы как сложнейшего историко-культурного явления.

Рис. 2*Б*

Сектор активно ведет экспериментальные полевые работы, при которых на сравнительно небольших участках вскрытий изучаются возможности кооперации специалистов исторических, естественных и точных наук.

Хорошие результаты в становлении методики экспресс-работ и научного надзора дали целенаправленные опыты, начатые МАЭ (1988–1991 гг.) и в значительной мере продолжаемые сейчас на базе контактов с естествоиспытателями (например, Бойцов И.А. и др., 1993). К 850-летию Москвы Сектором разработана совместная (с институтами АН, МГУ и городскими центрами) программа изучения палеогеографии столицы.

Историко-географическое направление, сочетающее использование письменных, картографических и топонимических источников с геологическими и палеогеографическими (геоморфологическими, палеопочвенными, палеофитологическими, палеозоологическими и эколого-геохимическими) данными, вообще имеет особое значение для Сектора.

Разрабатываются также источниковедческие проблемы: сочетаемость и взаимное воздействие методов получения информации в традиционной истории (анализирующей письменные источники) и в археологии; проблема комбинирования и возможностей взаимопроверки их результатов; проблема внутренней критики источников.

Наконец, специальное внимание уделяется традиционным для Москвы архитектурно-археологическим исследованиям и археологии памятников прикладного искусства, включая проблемы иконографии и связей с мировым культурным процессом. Активно изучается керамика (Чернов С.З., 1991б, в; Лихтер Ю.А., Осипов Д.О., 1995).

Важнейшую задачу Сектор видит в организации научно-дискуссионной, учебной и публикационной деятельности, что нашло отражение в ряде специальных изданий, вышедших за последние пять лет, среди которых – два новых выпуска "Материалов и исследований по археологии Москвы" (издание ведется с 1947 г.), сборники "Московская керамика: новые данные по хронологии", "Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв." и др.; в создании коллективного курса лекций по археологии Москвы. Сектор и ЦАИ стремятся концентрировать усилия других групп ученых, работающих в археологии Москвы или смежных областях. Удачно строится совместная работа с коллегами из музеев (ГИМ, МИгМ, ГМИИ, МДИАР, ГМЗК), ряда учебных и исследовательских институтов.

Каковы же реальные итоги полевых работ за последние десятилетия? Рассмотрим их в соответствии с традиционным делением средневековой Москвы: Кремль и Китай-город, Белый город, Земляной город с Замоскворечьем, Подмосковье и пригороды.

Наиболее насыщенной древними остатками и постройками частью города является, безусловно, Кремль. Новая информация о его культурном слое появляется в основном благодаря случайным находкам и выборочным наблюдениям за вскрытиями, проводимыми археологической службой Музеев Кремля.

Эта информация тем не менее чрезвычайно ценна. В Кремле один за другим (1988, 1991 гг.) были обнаружены два клада, состоявшие в основном из серебряных украшений, скрытых, возможно, в ожидании штурма города отрядом войска Бату-хана (1238 г.) (Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., 1989; Панова Т.Д., Авдусина Т.Д., 1993). Столь ценных кладов XII–XIII вв. в Москве ранее не обнаруживалось.

Особый интерес вызывает, однако, не столько богатство кладов и высокий художественный уровень отдельных предметов, а место их сокрытия – в северо-восточной части Кремля, вблизи крепостной стены конца XV в., т.е. на участке, освоение которого ранее не относили к домонгольскому времени.

Надзор за работами в Кремле, при всей фрагментарности, позволил археологам ГММК сделать ряд весьма ценных наблюдений над стратиграфией кремлевского холма и прилегающих участков, их исторической топографией (Авдусина Т.Д. и др., 1989; Панова Т.Д., 1990).

Заслуживает быть отмеченной упорная работа группы исследователей Кремля по обработке ранее собранных коллекций и приведению в известность неопубликованных материалов (Панова Т.Д., 1986; 1987; 1988; 1989; Авдусина Т.Д. и др., 1984; Шелягина Н.С. и др., 1979). Благодаря этому информация о древностях Кремля может быть вписана в общую археологическую картину города, где полевые исследования в последние десятилетия организованы более эффективно.

Остановимся подробнее на изучении прилегающей к Кремлю территории городских посадов. С конца 1980-х годов именно они были объектом особого внимания и археологов, и города в целом.

Первоначально работы велись с напольной стороны от Кремля. Сравнительно небольшие стационарные исследования МАЭ 1987 г. в пределах Монетного двора и вдоль северной стены Китай-города развернулись в 1988 г. в раскопки Воскресенского проезда. Они позволили сделать ряд открытий, благодаря которым археология Красной площади предстала в новом свете.

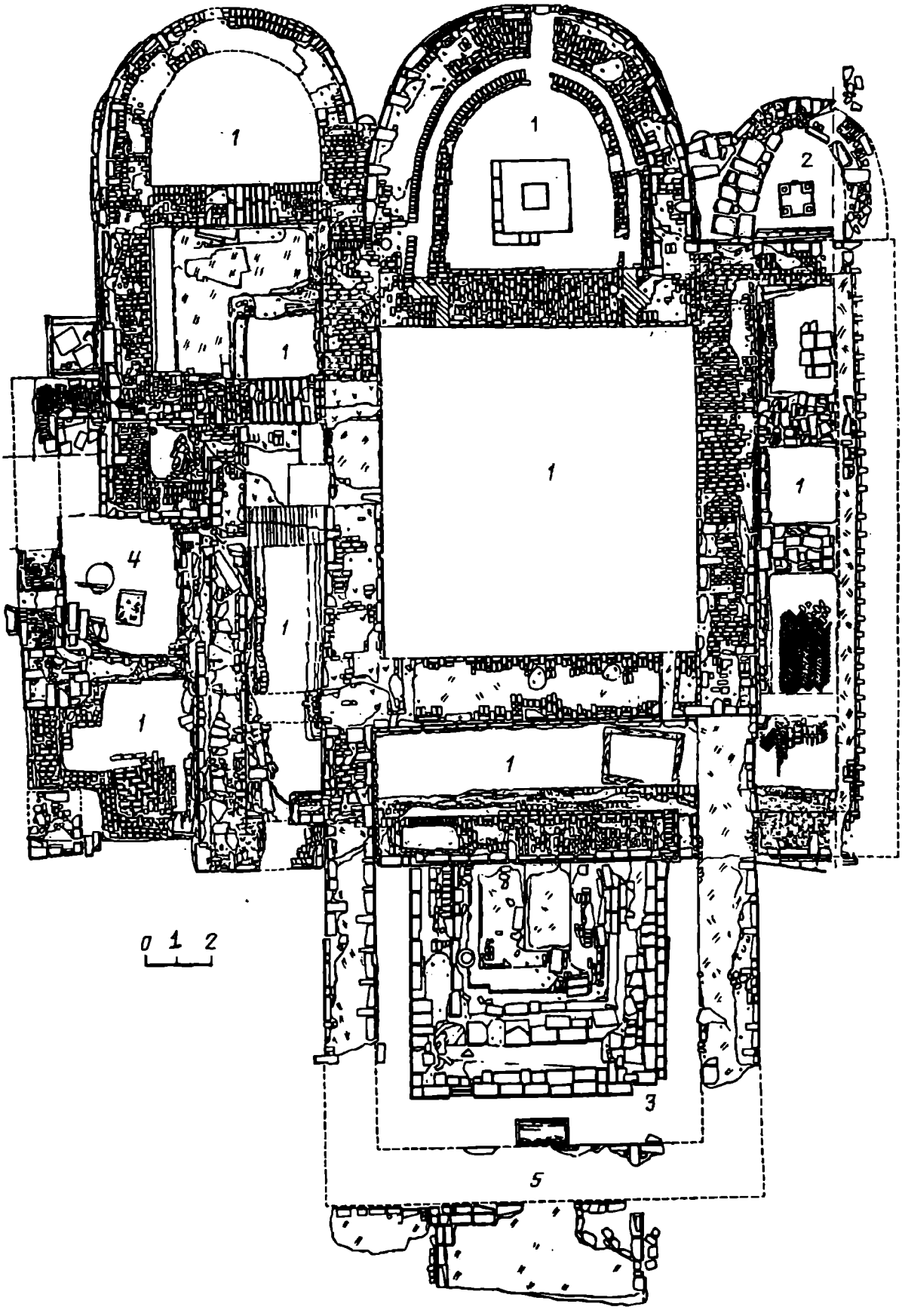


Рис. 3. Фундаменты Казанского собора XVII–XVIII вв. Сводный план кладок по раскопкам 1989–1992 гг. *1* – собор, северный придел, галерея и колокольня 1636 г.; *2* – апсида южного придела (1647 г.); *3* – крыльца XVII в.; *4* – подклет северной трапезной XVII–XVIII вв.; *5* – западная трапезная и крыльцо начала XVIII в.

Рис. 4. Раскопки на участке Казанского собора, 1991 г. Фундамент трапезной начала XVIII в. между западной стеной четверика и галереи 1636 г. с вторично использованными архитектурными деталями

Обнаружилась хорошая сохранность древнейших слоев, перекрытых уровнем пожара 1493 г. и впервые зафиксированным мощением предградья конца XV в. Этот уровень дал надежный terminus ante quem для ранних слоев, поскольку на площади более столетия не велось активного строительства. Удалось установить застройку участка срубными жилищами уже во второй половине XIII в. и благодаря этому восстановить направление улиц посада – иное, чем у сложившихся в XVI–XVII вв. Наконец, следует еще раз упомянуть о находке берестяной грамоты конца XV в. с остатком текста юридического содержания (Чернов С.З., 1989, 1991а; Чернов С.З., Бойцов И.А., 1992).

Прямым продолжением этих работ стали исследования на южной оконечности Красной площади (между началом Ильинки и Варварки, Лобным местом и храмом Покрова на Рву), где кроме слоев XIII–XV вв. была изучена нижняя часть одного из первых в истории города общественных зданий XVII в. – "Раската", давшего интересные материалы о быте горожан на пороге нового времени (1989 г., МАЭ). Тогда же начались работы на участке Казанского собора, непосредственно соединенного позднее с раскопом Воскресенского проезда (МАЭ, 1989–1992 гг.). Они имели два основных результата.

Во-первых, была установлена четкая архитектурная стратиграфия, решены бесчисленные вопросы истории памятника, в том числе его первоначальная планировка, точная дата возведения, периодичность перестроек. Благодаря этому существенно уточнился проект реставрации храма, простоявшего 300 лет и снесенного в 1930-е годы (Беляев Л.А., 1993; Беляев Л.А., Павлович Г.А., 1993) (рис. 3; 4; 5).

Во-вторых, удалось не только подтвердить стратиграфические наблюдения С.З. Чернова на Воскресенском проезде, но и обнаружить остатки домонгольской постройки, погибшей, судя по радиоуглеродной дате (к сожалению, они до сих пор в Москве крайне немногочисленны), в пожаре конца 1230-х годов. Таким образом, начало освоения участка посада вдоль Неглинной было отнесено к домонгольскому периоду и приблизилось по времени к заселению зоны Зарядья. Это подтверждалось

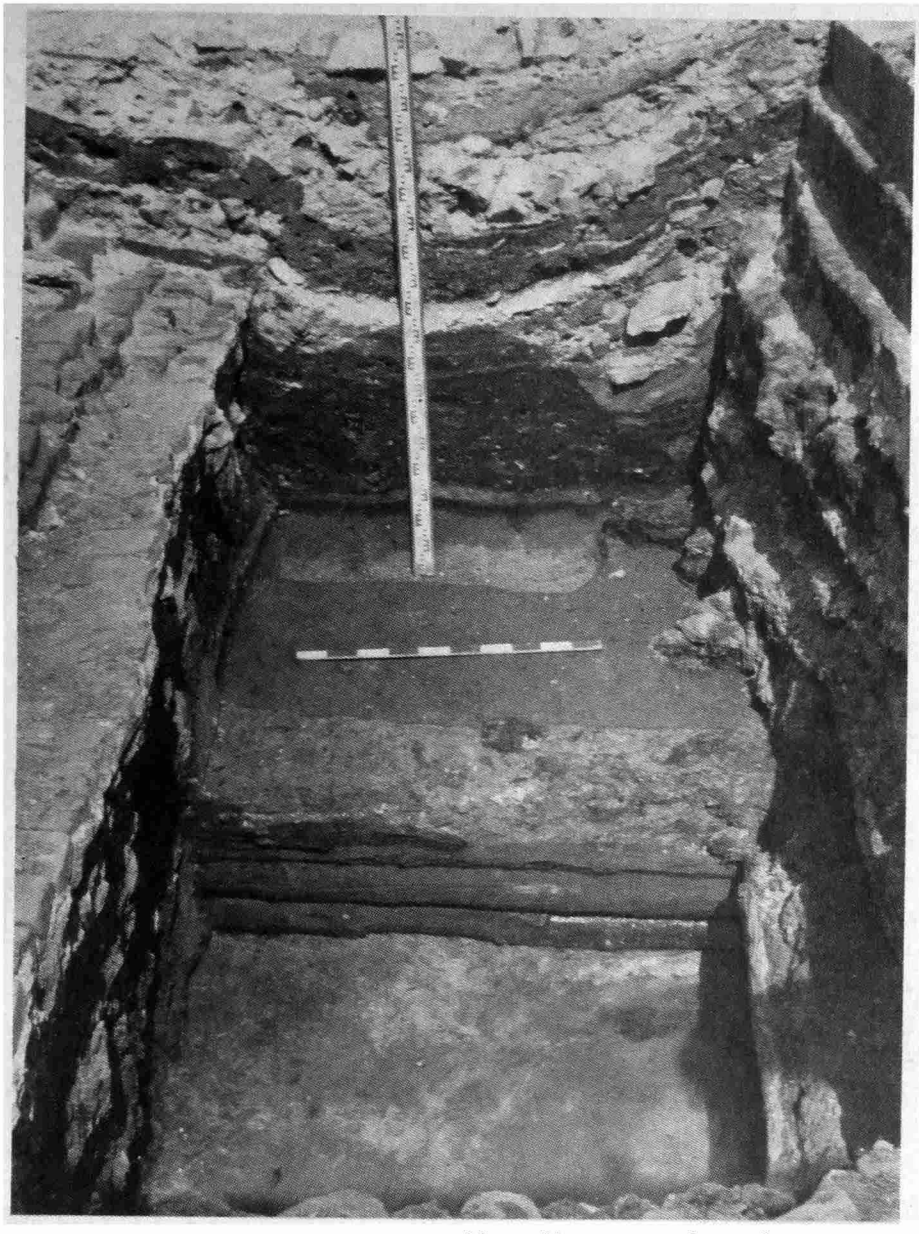


Рис. 5. Раскопки на участке Казанского собора, 1991 г. Южный профиль бровки между западными фундаментами четверика и галереи (от слоев строительства 1636 г. до уровня начала XIII в.)

значительным количеством находок стеклянных браслетов и керамики ранних типов (рис. 6; 7).

Среди находок XIV–XV вв. отметим ряд уникальных; например, паломнический эвлогий – стеклянный литик с изображением Константина и Елены. Иконка служит важным дополнением к двум найденным в Зарядье (св. Николай и Георгий), тем более что не имеет сюжетного аналога в собраниях России.

Огромное значение для исследований посада с напольной стороны от Кремля, безусловно, получат охранные раскопки по оси улицы Ильинки от Красной площади до линии Китай-города (начаты в 1995 г., ЦАИ). Они обнаружили не только трассу древней улицы, не совпадающую по направлению с современной, с деревянными настилами (до 8 ярусов) по меньшей мере XV в., но и горизонт культурного слоя, предварительно датируемый концом XII – началом XIII в., насыщенный стеклянными браслетами, шиферными пряслицами и другими характерными находками (среди редких находок – две товарные пломбы западноевропейского происхождения).

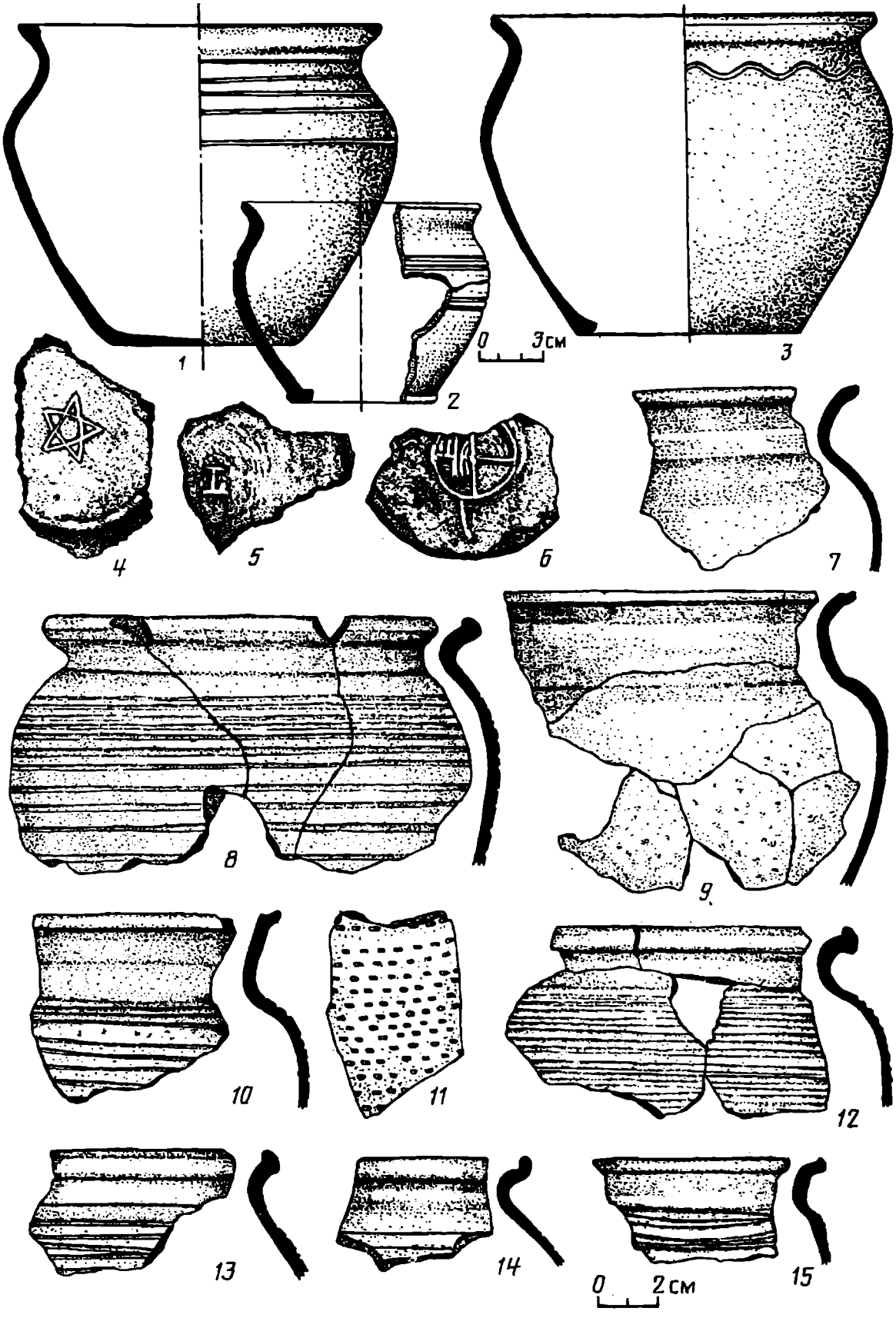


Рис. 6. Керамика из слоев на участке Казанского собора. Раскопки 1991–1992 гг. *1–6* – целые формы сосудов и клейма на днищах горшков (курганная, сероглиняная и грубая красноглиняная керамика); *7–15* – фрагменты курганной и сероглиняной керамики из постройки первой трети XIII в. (Диаметр венчиков в мм: *1* – 162; *2* – 105; *3* – 170; *7* – 170; *8* – 190; *9* – 210; *10* – 200; *12* – 200; *13* – 220; *14* – 200; *15* – 120)

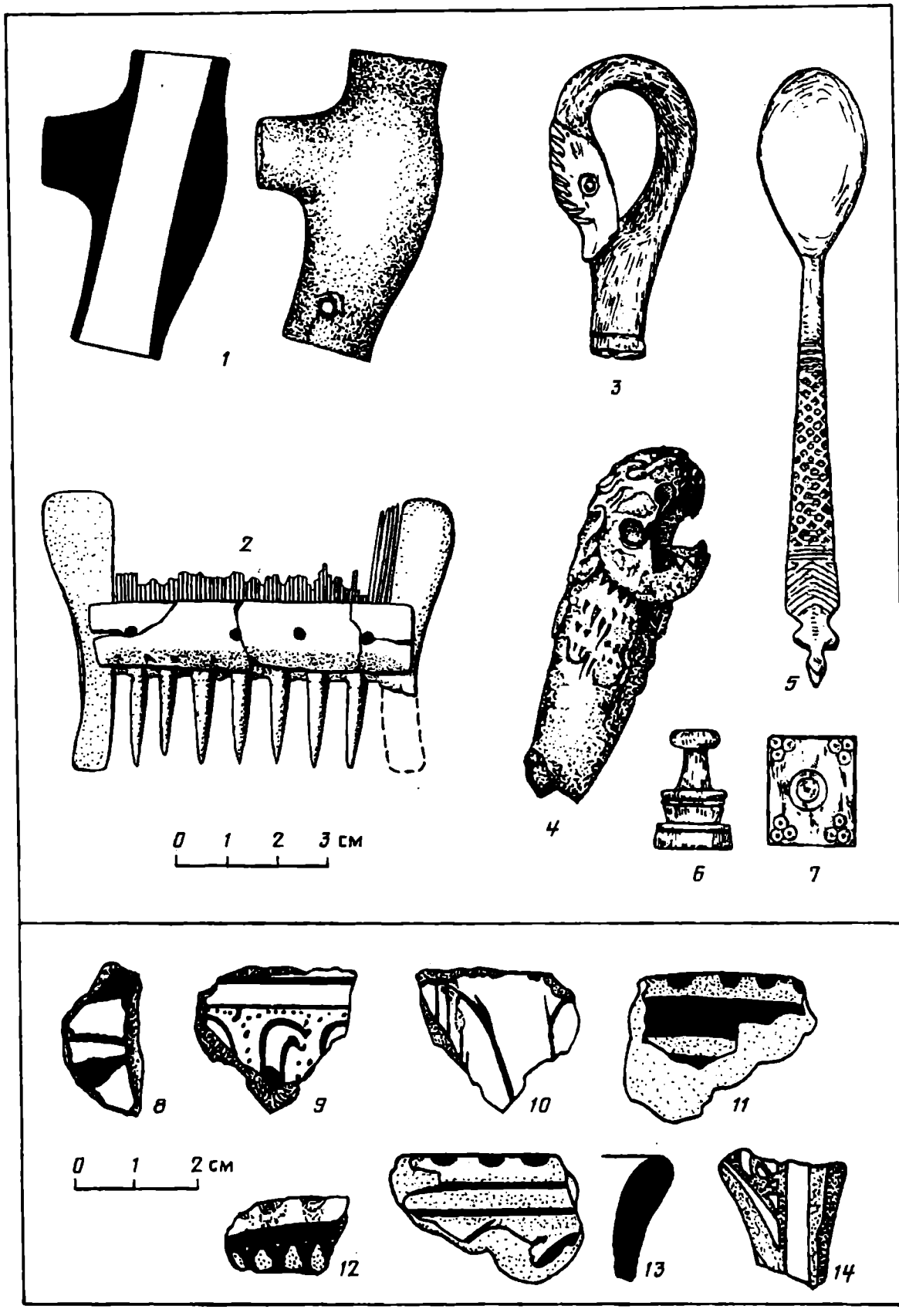


Рис. 7. Раскопки на Красной площади. Находки 1989–1992 гг. *1* – навершие плети, XIII в.; *2* – гребень комбинированный, XIII в.; *3* – навершие плети (?), XVII в.; *4* – рукоять ножа, XVI–XVII вв.; *5* – ложечка, XVI–XVII вв.; *6* – шахматная фигурка (пешка), XIV–XV вв.; *7* – игральная фишка. (3 – "Раскат", *1–2, 4–14* – Казанский собор; *1–7* – изделия из кости, *8–14* – поливная восточная керамика)

Рис. 8. Резные белокаменные детали, найденные при работах в Москве. *А* – боковая панель надгробия XVII в., вытесанная из плиты с надписью на немецком языке (рубеж XVI–XVII вв., надпись на обратной стороне); (первое кладбище иноземцев за Калужскими воротами в районе Мытной улицы; работы 1989 г.). *Б* – фрагмент декоративной архитектурной детали XVI в.; вторично использован в фундаменте Казанского собора (раскопки 1992 г.)

Этот центральный на плато между Москва-рекой и Неглинной участок может явиться ключевым в сравнительном анализе освоения двух зон – Великого Посада (т.е. Зарядья) и Загородья (древней Стретенки – Никольской).

Отдельные вскрытия или надзоры на остальной территории Большого посада и Загородья, накладываясь на сводную карту материалов Китай-города, начатую еще Д.А. Беленькой после раскопок в Зарядье, существенно обогатили и уточнили ее (Беленькая Д.А., 1972).

В результате раскопок на территории крупной средневековой усадьбы в Зарядье (1983–1985 гг., МИГМ и ГИМ), принадлежавшей с 1570-х годов воеводе Н.Р. Захарьину-Юрьеву, установлена ее древняя планировка, изучены сооружения осадного двора и неизвестный ранее некрополь при церкви Знамения конца XV – начала XVII в. (Векслер А.Г., Успенская А.В., 1987; Векслер А.Г., 1988).

Особый интерес представлял неожиданный для Зарядья комплекс конца XV – начала XVI в. – три гончарных горна, с которыми связана серия рельефных поливных "зеленых" изразцов, аналоги которым есть в печах Центральной Европы и Балкан XVI в.[3] (Векслер А.Г., 1993).

Возможно, к этому же периоду относилась постройка, остатки которой обследованы при раскопках МИГМ участка Печатного двора в связи с реставрацией здания Правильной палаты ("Теремка") (1983–1984 гг.). Рельефные терракотовые плиты, аналогичные фризу церкви Ризположения в Кремле, а также конструкция и строительные материалы позволяют видеть здесь одно из первых каменных зданий посада – церковь или трапезную палату конца XV – первой трети XVI в. (Векслер А.Г., 1995). Вообще работы в северной части плато (Загородье) дают все больше свидетельств древнего освоения этой зоны посада (рис. 8).

Очень важные результаты имели раскопки внутри собора Богоявленского монастыря в Китай-городе (Ин-т "Спецпроектреставрация", 1985–1987 гг.). На его месте отложился слой с бытовыми находками конца XII – середины XIII в., перекрытый остатками некрополя и деревянной церкви конца XIII–XIV в. (Беляев Л.А., 1991а).

Особую ценность для истории архитектуры представляет фундамент белокаменного четырехстолпного собора, возведенного на месте некрополя в период середины XIV – начала XV в., безусловно, одного из первых, если не самого первого, каменного храма вне стен Кремля. Из кладок нынешнего собора (конец XVII в.) удалось извлечь фрагменты декора раннемосковского храма – детали резных арабесковых фризов фасада, камни с фресковой росписью.

Богоявленский комплекс вообще дал много материалов по прикладному искусству (надгробные плиты XIII–XIV вв. с неизвестными ранее декоративными композициями), архитектуре (трапезная рубежа XV–XVI вв., не упомянутая письменными источниками), по истории монастыря и генеалогии (участок родового некрополя бояр Вельяминовых и Зубовых XVI–XVII вв.). Материлы этих раскопок заставили поднять ряд вопросов методического характера, связанных с комплексным источниковедением, и проблему взаимной критики письменных и археологических источников. (Беляев Л.А., 1992б; Беляев Л.А., 1994а, с. 42–100).

Параллельно работам на плато между реками в пределах Китай-городской стены разворачивались исследования вдоль берега Москвы-реки от устья Неглинной до впадения Черторыя и по ее берегам, т.е. в южной части Занеглименья и Чертолье. Хотя все раскопки здесь были охранными по характеру, они проводились в существенно отличных друг от друга условиях (рис. 9; 10; 11).

Целая серия раскопов была выполнена традиционными методами, исключительно вручную, со значительным резервом времени. Это работы в районе Волхонки (1987–1993 гг., МИГМ, ГМИИ, ЦАИ), исследования на территории Георгиевского монастыря на Большой Дмитровке (1990 г., ЦАИ) и некоторые другие. На Волхонке (в Чертолье) была вскрыта значительная площадь (800 м^2). Мощность культурного слоя достигала здесь 7 м.

К древнейшему периоду относится ряд локальных комплексов, например заглубленный в материк сруб с опечком и развалом очага, где найдены: развал раннекругового горшка, шиферное пряслице, стеклянный перстень и обугленная рукоять плети; сруб с глинобитной печью во Всехсвятском проезде (среди находок – украшения, аналогичные курганным, из металла, сердолика и янтаря). Таким образом, можно уверенно относить заселение некоторых участков Чертолья по крайней мере к XIII в. (Векслер А.Г., 1987; 1992).

Следующий по времени горизонт сохранил остатки бревенчатых построек, гибель которых можно связывать с пожарами конца XIV–XV в. Для позднесредневековой Москвы интерес представляют участки городских усадеб XVI–XVII вв. (Скуратовых,

[3] Комплекс с изразцами сохранен и музеефицирован; кроме него в подземном помещении экспонированы материалы раскопок начиная с периода XII–XIII вв.

Рис. 9. Раскопки в Чертолье (Колымажный переулок, ранее ул. Маршала Шапошникова). 1990 г. Медная панагия. XV–XVI вв.

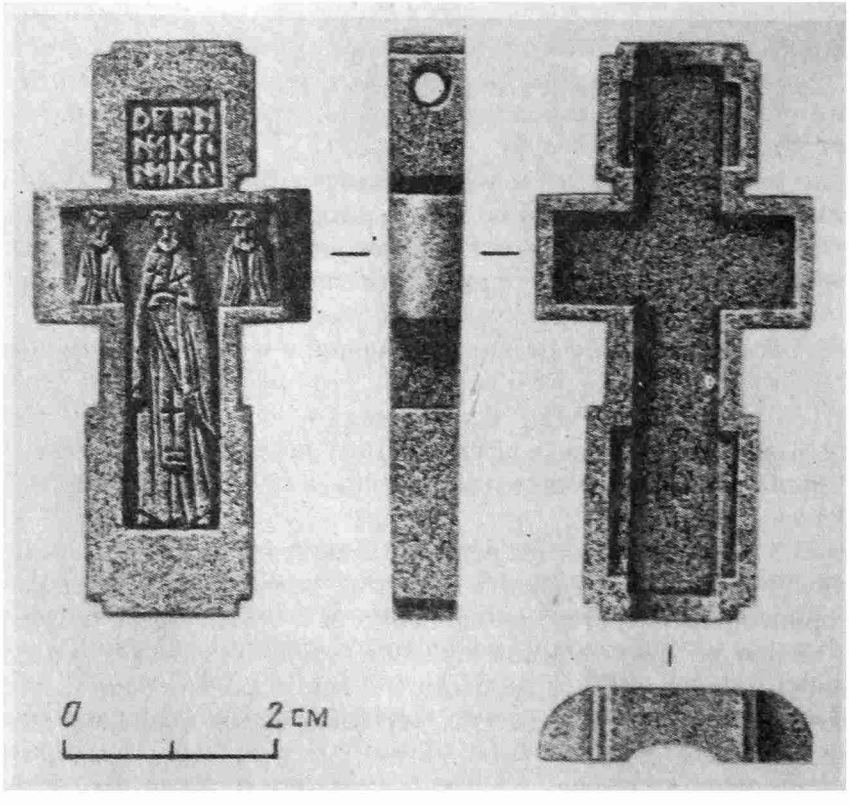


Рис. 10. Раскопки в Чертолье (Колымажный переулок, ранее ул. Маршала Шапошникова). 1990 г. Крест резной костяной. XV–XVI вв.

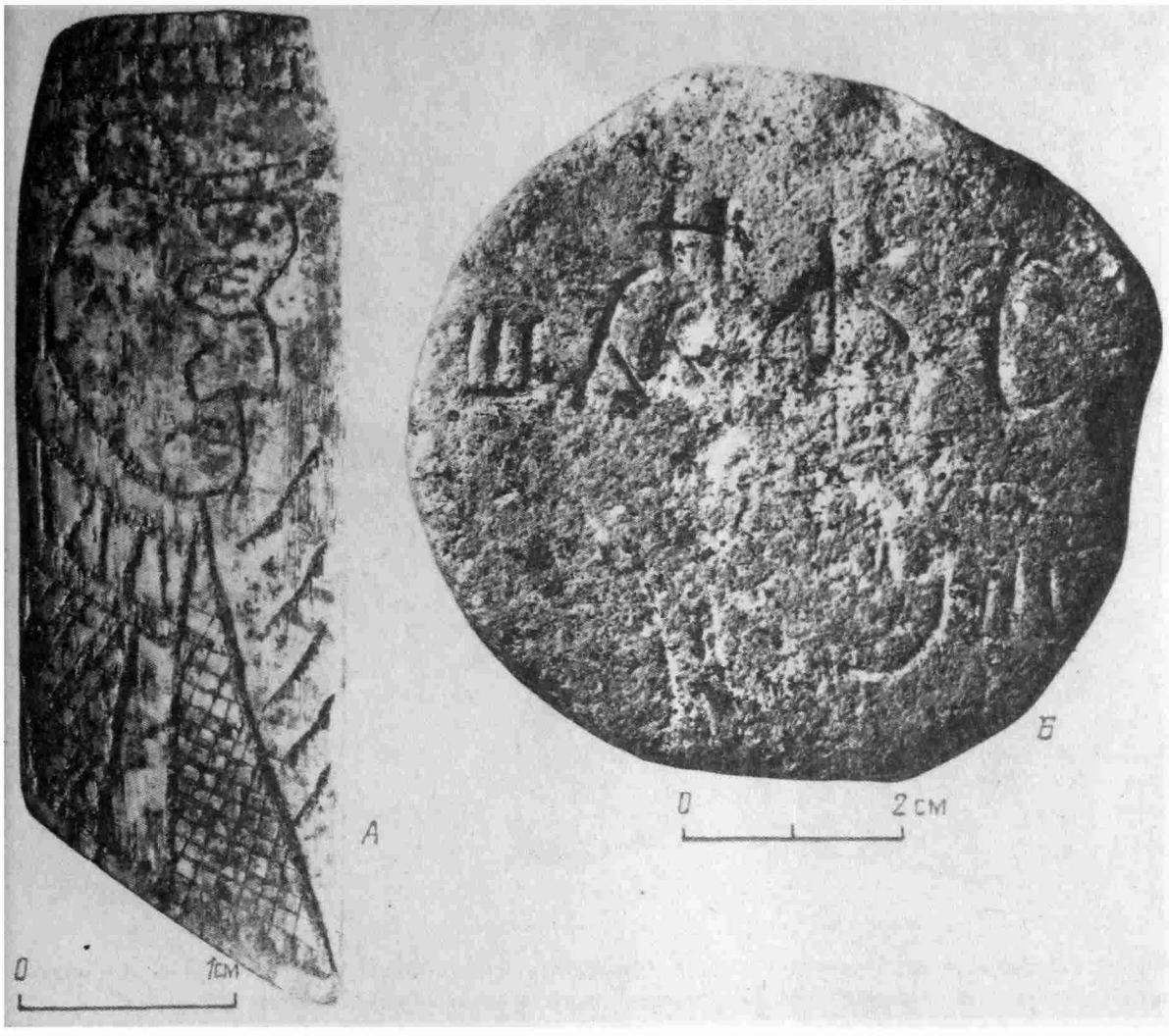


Рис. 11. Раскопки в Чертолье (Колымажный переулок, ранее ул. Маршала Шапошникова). 1990 г. *А* – костяная накладка с гравированным изображением иноземца (из слоя XVI в.); *Б* – печать-матрица из белого камня с именем владельца – "Офимш". XVI–XVII вв.

Милославских, Темкиных-Ростовских). На их дворах хорошо сохранились "варильные" печи, основания каменных построек.

Нельзя не упомянуть связанных с усадебными дворами редких находок: белокаменной конусообразной печатки для оттискивания надписи ("Офимши..."); костяной пластинки с гравированным изображением иноземца и особенно двустворчатой бронзовой панагии XV в. с изображением Богоматери Знаменье, самой маленькой среди известных, настоящего шедевра ювелирного искусства (рис. 9; 11).

Одним из центров Чертолья служила каменная церковь Антипия "на Колымажном дворе". Хотя ее участок не исследовался, близость храма сказалась – на усадьбах встречались фрагменты подгробий, резные архитектурные детали XVI–XVII вв., кровельная черепица.

При работах на Большой Дмитровке, напротив, раскопы располагались непосредственно на участке Георгиевского монастыря, к северу от его разрушенного в 1930-х годах собора. Достаточно широкие по площади раскопы обнаружили слои некрополя (в основном XVII в.) и остатки церкви XVIII в., но никаких следов освоения участка в XV – начале XVI в., что предполагалось, исходя из сведений письменных источников.

Далеко не всегда проведение длительных раскопок в живом городе оправдано. При вскрытии давно заложенных коммуникаций вплоть до обнаружения сохранных слоев

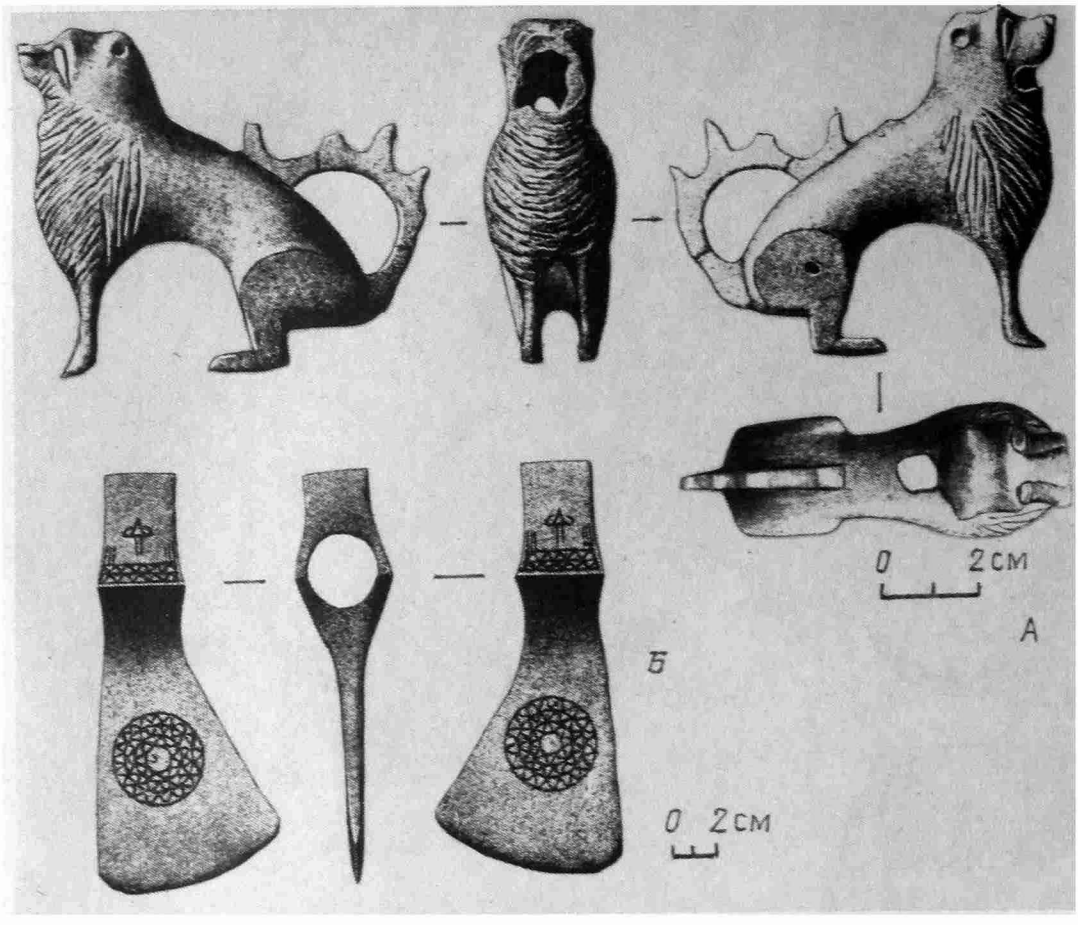


Рис. 12. Охранные исследования на Большой Никитской улице. 1990 г. Находки XV–XVI вв. *А* – медный литой подсвечник; *Б* – парадный железный топорик, инкрустированный золотой нитью

приходится ограничиваться наблюдением за работами и при необходимости – экспресс-раскопками, но и они часто преподносят сюрпризы.

Строительство в Чертолье вдоль набережной Москвы-реки открыло руины стены Белого города, внутреннюю часть которой полностью уничтожили работами начала XX в. (ЦАИ). Тщательная расчистка сохранившихся облицовок позволила проследить стену (высотой до 7 блоков) на протяжении почти 50 м, а также изучить основание массивной проездной Всехсвятской башни (шириной 23,5 м) с остатками проема, сохранившего металлические детали крепления ворот.

Небольшой участок стены Белого города прослежен на Трубной площади, где от наружного панцыря стены сохранилось 9 рядов гладкотесаных блоков (кроме того, исследовано бревенчатое крепление берега и плотины на р. Неглинной в месте пересечения ее крепостным валом).

В последнее время работы вдоль стен Белого города приобретают все бóльшую широту и регулярность. Стационарные раскопки в 1995 г. внутри стены за Тверским бульваром (МАЭ и ЦАГИ) и в начале Арбата (ЦАИ) позволили применить методы почвоведения для определения характера образования почв на разных этапах освоения участков, дали сведения по палеорельефу, постсредневековой внутриквартальной планировке. Мощный 7-метровый слой на Арбате, кроме того, позволил изучить строение Стрелецкой слободы XVI–XVII в.

В ходе наблюдений и отдельных охранных раскопок по трассе Большой Никитской улицы (в связи с сооружением магистрального коллектора, 1990–1993 гг., ЦАИ) получены сведения о целом ряде сооружений: жилых, хозяйственных и производственных,

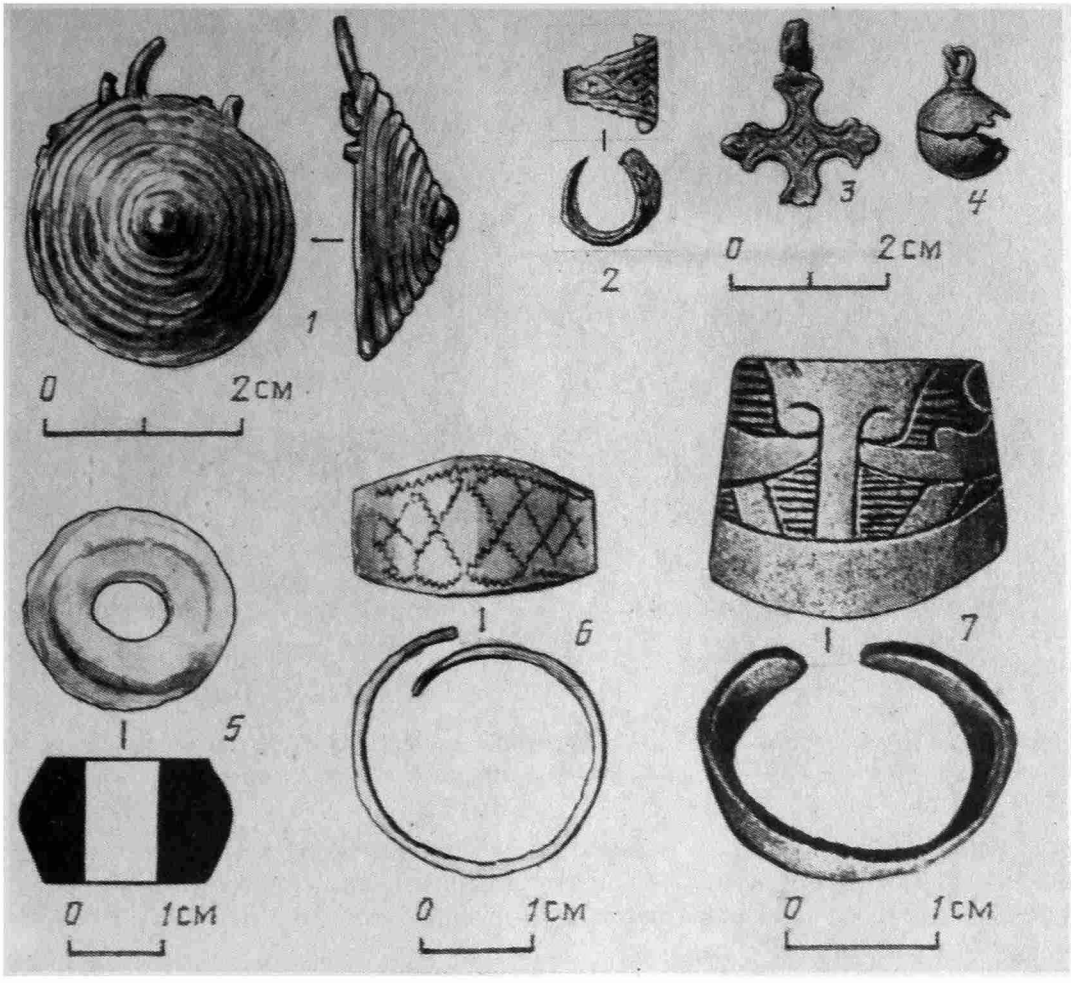


Рис. 13. Раскопки на Манежной площади. 1993–1994 гг. Находки раннего горизонта. XI–XIII вв. *1* – умбоновидная подвеска; *2, 6, 7* – пластинчатые орнаментированные перстни; *3* – крест-тельник; *4* – бубенчик; *5* – пряслице (*1–6* – бронза, *5* – шифер)

располагавшихся на протяжении 500 м в районе древней Волоцкой дороги. Среди находок в этом районе – парадный топорик XV в., инкрустированный золотой нитью; перстень с печатью, изображающей барса; металлический подсвечник XIV–XV вв. в форме льва, вероятно, европейского производства (рис. 12). При строительных работах также обнаружен клад серебряных монет XV–XVI вв. (831 экз., московская, новгородская, псковская, тверская чеканка) (Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1991; Векслер А.Г., Зайцев В.В., 1995; 1996).

Совершенно особый характер и значение имели раскопки на Манежной площади (ЦАИ, 1993–1995 гг.). Их отличал необычный масштаб (общая площадь вскрытий более 30 тыс. м^2). Кроме того, была применена принципиально новая структура взаимодействия строительных и исследовательских организаций, позволявшая при очень сжатых сроках добиться удовлетворительной полноты в изучении сохранившейся части древних слоев и сооружений[4] (Векслер А.Г., 1995б, в).

Археологические работы открыла серия из 10 раскопов общей площадью около 1300 м^2, которые служили "стратиграфическими шурфами" для всей территории. Их

[4] Работы проводились в обстановке особого внимания со стороны правительства Москвы. Ход и методы раскопок обсуждались с постоянно действовавшим Археологическим консультационным советом из специалистов ведущих научных учреждений Москвы. По вопросам методики работ А.Г. Векслером готовится специальная статья.

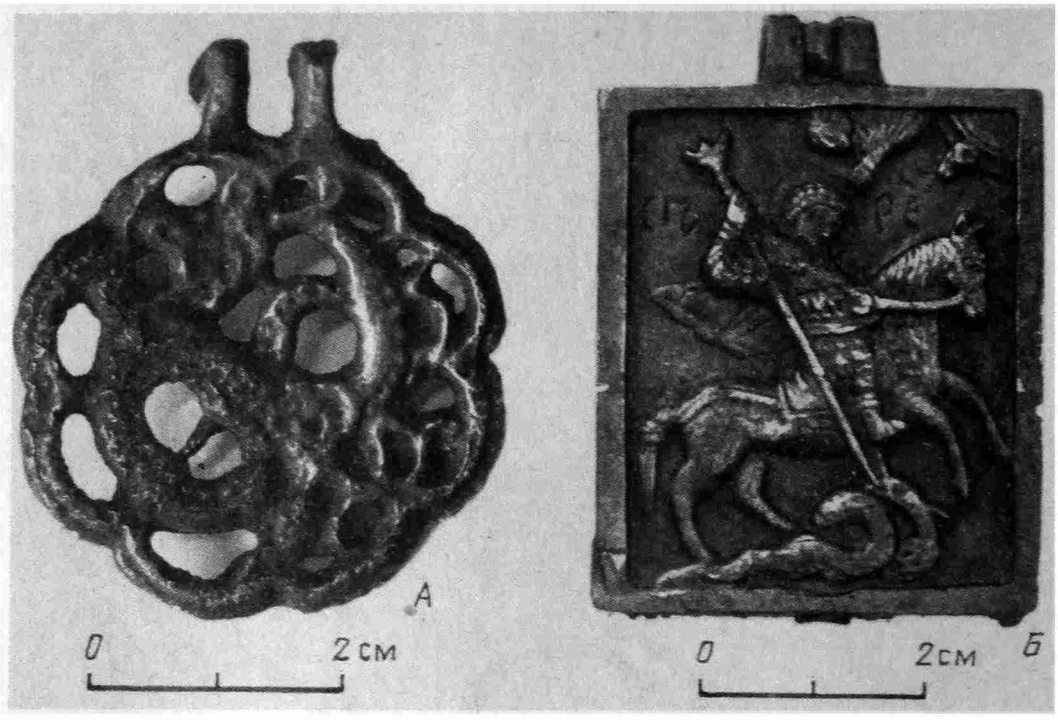


Рис. 14. Раскопки на Манежной площади. 1993–1994 гг. Литые медные изделия. *А* – накладная застежка с изображением дракона из слоя XIII–XIV вв.; *Б* – иконка с изображением св. Георгия, начало XVII в.

расположение определялось на основе ранее разработанного историко-археологического опорного плана и общего проекта организации археологических работ. Важные дополнительные сведения для них дали геобурение по всей площади и геофизическая разведка (Векслер А.Г., Зайцев А.С., 1994).

Установление участков сохранной стратиграфии позволило впоследствии избежать ручной разборки завалов домов конца XIX–XX в. и полностью разрушенных в 1930-х годах участков. Вынужденно широкое применение техники для разборки поздних техногенных уровней не наносило в этих условиях серьезного ущерба слою, лишь ускоряя работы.

Внимание было сосредоточено на сравнительно немногих хорошо сохранившихся зонах слоя, наиболее интересных архитектурных сооружениях или урочищах. Исследования собранных материалов, конечно, далеки от завершения. Однако можно сделать ряд предварительных выводов.

Сохранность культурного слоя составляла около 30% общей площади (при мощности около 8 м). В основном уцелел слой между домами конца XIX–XX в. – под улицами, тротуарами и дворами. Заселение большей части территории склона между Красной горкой и Неглинной началось не ранее рубежа XV–XVI вв. В это время откладывались слои с красной и белой грубой керамикой. Однако узкая полоса вдоль Неглинной, для которой terminus ante quem представляют перекрывающие ее илистые наносы прудов конца XV – начала XVI в., была освоена уже в домонгольское время: здесь собрано много керамики курганного типа, стеклянных браслетов и других характерных для XIII–XIV вв. бытовых вещей, найдена уникальная книжная застежка с изображением дракона (рис. 13; 14).

В значительной степени восстанавливается система позднесредневековой и постсредневековой застройки. Она совершенно ясно читается в пределах от конца XIX до XVII в. включительно, однако и для XV–XVI вв. имеются точки отсчета, например ряд бревенчатых мостовых Тверской и Моховой улиц, размещение и ориентировка отдельных построек Обжорного и Лоскутного переулков.

Интересны достаточно полно исследованные усадьбы XVII–XVIII вв., известные по письменным источникам, и вскрытые остатки давно интересовавших историков мону-

Рис. 15. Раскопки на Манежной площади. 1995 г. Некрополь Моисеевского монастыря. Шелковое шитье куколей XVII в. *А* – погребение № 362; *Б* – погребение № 70

ментальных сооружений – собора Моисеевского монастыря и Воскресенского моста через Неглинную. Удалось обмерить остатки устоев последнего – кирпично-каменных, выполненных Гейденом в 1730-х годах, белокаменных 1603 г., а также деревянных мостовых и бутовых конструкций плотины XVI–XVII вв.[5]

Другая важная зона исследований – Моисеевский монастырь. Это редкий в археологии пример кратковременно существовавшего комплекса с довольно точными верхней и нижней датами. Он известен по документам с рубежа XVI–XVII вв. К концу XVIII в. монастырь был упразднен и перестал существовать (подстилающие городские слои действительно имеют даты вплоть до начала XVII в.).

Монастырские слои представлены в основном некрополе и небольшим фрагментом кладок храма XVII в. Инвентарь более чем 600 хорошо сохранившихся позднесредневековых погребений: кресты-тельники из медного сплава, резного дерева, янтаря и кости; ткани, вышивка и кожаная обувь, погребальные сосуды-елейницы – имеет узкую стратиграфическую дату и составляет совершенно уникальную пока коллекцию, к которой не раз будут обращаться за аналогиями историки прикладного искусства и церковной археологии (рис. 15).

Вместе с раскопами Георгиевского монастыря, Старого Ваганькова и улицей Большой Никитской Манежная площадь составляет огромный участок Занеглименья, который можно считать теперь в известной мере изученным (Векслер А.Г., 1995а).

Несколько ранее (1983–1987 гг.) исследовалась территория Высоко-Петровского монастыря, что принесло решение целого ряда вопросов по истории города и монастырского строительства в целом. Удалось составить хронотопографическую шкалу развития участка от конца XIV до конца XVII в., опровергнув существовавшие мнения о более раннем его возникновении, обнаружить остатки деревянного храма XIV–XV вв., подтвердить дату собора-ротонды как памятника 1510-х годов, изучить хорошо сохранившиеся участки некрополя XVI–XVII столетий (Беляев Л.А., 1994а, с. 152–176).

Знания о Занеглименье расширяют другие, не столь выигрышные, но также заслуживающие упоминания археологические работы: наблюдения в районе Большого театра, охранные раскопки в глубине кварталов вдоль Тверской улицы (у здания Моссовета и др., 1990–1995 г., ЦАИ); специально проводившиеся с целью определения стратиграфии и древнего рельефа разведочные шурфовки, которые охватывают территорию Занеглименья вплоть до линии стены Белого города (1988–1992, 1995 гг., МАЭ).

Весьма важно отметить и «выходы» за эту линию, в ближнее предградье (например, раскопки в начале ул. Арбат, за Никитскими воротами у ц. Федора Студита, на Трубной площади и др.) (1993, 1995 гг., ЦАИ).

Говоря о Трубной, мы уже перешагиваем через Неглинную во второй участок Белого города. Необходимо признаться, что он пока изучен несколько слабее, чем Занеглименье. Очень мало затронуты раскопками территории монастырей (Рождественского, Сретенского и др.), нет примеров вскрытий широкой площадью или последовательных многолетних стационарных работ на одном участке.

Здесь следует отметить ведение регулярного надзора и периодические разведки в районе Подкопаева и Глинищ вдоль берегов реки Рачки (МАЭ), напомнить о работах в районе урочища Кулишки, где обнаружен богатейший в количественном отношении (более 9 тыс. монет) и по составу клад, сокрытый в начале XVI в. (1995 г., ЦАИ).

Уходя все дальше от центра города, мы отнюдь не расстаемся с его археологическими памятниками. Просто огромное по средневековым понятиям кольцо Земляного города пока очень мало обследовано.

Например, до сих пор не исследовались средневековые иноверческие кладбища с их уникальными надгробиями. О них можно было судить по случайным находкам. Так,

---

[5] Каменные сооружения в зоне Воскресенского моста сохранены in situ и укреплены (реставрационный археологический центр объединения "Росреставрация"). Вокруг них планируется создать первый в Москве подземный археологический музей, который войдет в комплекс Манежной площади.

при надзоре в Замоскворечье (1989 г., МАЭ) обнаружена плита Каспара Эльферфельдта – авантюриста, лиценциата права, ланддроста Петерсхагена в Вестфалии, затем ливонского пленника и советника Иоанна Грозного, одного из «героев» мемуаров Генриха Штадена. Благодаря этой находке удалось окончательно определить место древнейшего некрополя иноземцев вблизи Конской площадки (Beljaev Z.A., 1991).

На другом иноверческом кладбище – за Таганскими воротами земляного города – впервые были исследованы не плиты, а сами погребения. Интересно отметить отсутствие сколько-нибудь заметных отличий погребального обряда на этом некрополе от обычных позднесредневековых кладбищ Москвы (1995 г., ЦАИ).

Впервые стал зоной серьезных археологических работ район Заречья (Замоскворечья). В 1993–1995 гг. стационарными раскопками ЦАИ здесь было вскрыто около 3 тыс. м^2 слоя. Серьезно изучались районы, прилегающие к Большой Ордынке, 1-й Казачий и Малый Толмачевский пер., Кадашевские переулки. Здесь довольно уверенно обозначаются участки, обжитые в XVI–XVII вв. Следует отметить обилие бытовых находок, характеризующих быт военных и ремесленных слободских улиц (Векслер А.Г. и др., 1995).

Районы позднесредневековых слобод изучались также на севере города (экспресс-работы МИГМ и ЦАИ на современных Сретенке и Трубной, 1988–1995 гг., стационарные исследования МАЭ в 1994 г.).

Весьма важные результаты дали работы в давно известном «керамическом Клондайке» Москвы – в Заяузье, на усадьбах древней Гончарной слободы (Бойцов И.А., 1991). Здесь были вновь, после многолетнего перерыва, найдены горны для обжига керамики, позволившие показать раннюю стадию производства поливной керамики и обнаружить совершенно исключительные по редкости керамические плиты (1993 г., МАЭ). Широкие раскопки на границе Гончарной слободы с Земляным городом в 1993–1994 гг. (ЦАИ) позволили точнее представить развитие этого района в позднесредневековую эпоху.

Конечно, изучение археологии города не замыкается в границах средневековой Москвы. Изучаются связанные с ней пригородные села, ближние подгородние монастыри, древнейшие могильники.

На юге города наибольшее внимание привлекают древнейшие великокняжеские владения – дворцовое село Коломенское, Данилов монастырь, а на северо-западе – менее известные, но очень важные для археологии территории современного Митина (на трассе нового радиуса метрополитена). Под государственную охрану здесь принято 32 объекта[6]. Один из них – редкий по богатству находок и расположению в заливаемой пойме Спасского луга памятник XII–XIV вв. – Мякининское селище (1993–1995 гг., ЦАИ). На вскрытой стационарными раскопками площади (3800 м^2) исследованы слои с находками, имеющими аналоги в курганных и позднесредневековых древностях (стеклянные и металлические украшения, ключи и замки, монеты).

Уже около 20 лет ведутся работы в Коломенском. Здесь открыто несколько средневековых селищ, начиная с эпохи славянского проникновения (X–XI вв.) и кончая позднемосковским периодом. Изучен один из наиболее сохранных могильников раннемосковского периода (конца XIII – начала XVI в.). Архитектурно-археологические раскопки дают новую информацию о шедеврах архитектуры XVI–XVII вв. (о ц. Вознесения, дворце царя Алексея Михайловича и других, см.: Беляев Л.А., 1991б, с. 47–57; 1991в, с. 14–29; 1992а, с. 34–55; Беляев Л.А., Кренке Н.А., 1993, с. 72–113; Беляев Л.А., Фролов М.В., 1988, с. 208–222; Кренке Н.А., 1991а, с. 27–33; 1991а, с. 38–46; 1992, с. 7–14 и др.).

Серьезные результаты для источниковедения Москвы имели работы 1983–1989 гг. в древнейшем московском монастыре – Даниловом. Архитектурно-археологические

---

[6] Специальное решение правительства Москвы «Об утверждении зон охраны памятников археологии в районе Митино» (22.03.1994, № 223). Проект зон охраны был подготовлен совместно МАЭ, ЦАИ и Институтом Генерального плана г. Москвы.

исследования обнаружили остатки двух храмов (середины XVI и XVII в.), предшествовавшие и сопутствовавшие им некрополи. Дополнительный анализ письменных источников и иконографии позволил проследить историю жизни и строительства монастыря в XIII–XVII вв., решить ряд историографических проблем, возникших еще в XVIII–XIX вв.

Кроме того, на месте монастыря и вокруг него найдены отчетливые следы славянских поселений конца X–XI вв., продолжавших существовать и в XII–XIII столетиях. Этим доказывается основание монастыря начала XIV в. в хорошо обжитой, экономически развитой местности, входившей, вероятно, в состав владений московского князя Даниила (Беляев Л.А., 1994а, с. 101–151; 1994б, с. 81–99; 1995, с. 84–112).

Из других важных находок на юге и юго-востоке Москвы следует отметить два монастырских некрополя. На Красном дворе Крутицкого подворья под небольшим культурным слоем сохранилась поверхность кладбища XV–XVI вв. с лежащими на местах белокаменными надгробными плитами (1988 г., Институт «Спецпроектреставрация»).

При работах в соборе конца XIV – начала XV в. в Андрониковом монастыре были не только изучены нижние части его засыпного цоколя, но и обнаружена в материке группа погребений в деревянных колодах. Этот некрополь, безусловно, был связан с древним деревянным собором второй четверти XVI в. (Очень жаль, что сложные условия организации работ, несогласованность действий представителей общины, музея и патриархии помешали провести работы на должном уровне методики, верно интерпретировать и опубликовать их результаты.)

Архитектурно-археологические работы в храмах Москвы вообще бывают чрезвычайно информативны. Уже упомянуты исследования Казанского собора и монастырских церквей. Нельзя не сказать и об успешных раскопках, проводившихся реставрационными организациями, прежде всего ЦНРПМ (прежде «Союзреставрация»). К сожалению, из них частично опубликованы только раскопки ц. Николы в Старом Ваганькове (Хворостова Е.Л., 1995, с. 50–54; Васильев Ю.Ю., 1991), однако не менее интересны раскопки в церквях Николы «Красный Звон», «Малое Вознесение» и Федора Студита на Никитской, Козьмы и Дамиана в Старых Панех и др. Отметим также удачные реинтерпретации старых архитектурно-археологических изысканий (Подъяпольский С.С., 1994, с. 186–207; Панова Т.Д., Кавельмахер В.В., 1995, с. 66–83).

Археология Москвы начинает постепенно рисовать собственную картину развития города. Это не столько дополняет складывающуюся на основе письменных источников схему, сколько предлагает ее вариант, во многих отношениях более достоверный. Мы ни в коей мере не задаемся целью уже сейчас «переписать» историю Москвы. Для этого потребуется проработка и осмысление огромного, стремительно разрастающегося материала. Однако некоторые гипотезы, которые возникли при подведении итогов, все же хочется предложить к обсуждению.

Прежде всего, работы последних лет меняют наши представления о территории, освоенной в первое столетие существования города – с середины XII по середину XIII в.

На схеме, опубликованной в 1971 г., культурный слой этого периода не занимал всей территории Кремля и выходил за его пределы лишь узкой полосой вдоль Москвы-реки (по Зарядью), практически не распространяясь в северном направлении (Древности..., 1971, ср.: Бойцов И.А., 1992).

Теперь мы можем говорить о безусловной застроенности всей полосы напольного плато по меньшей мере до линии Богоявленского проезда и о полной освоенности всего будущего Китай-города (незастроенные участки его северо-восточной части, скорее всего, уже использовались как сады, огороды, производственные зоны).

Кроме того, возникли основания предполагать возникновение посада за Неглинной. Разумеется, социальный статус, так же, как юрисдикция этого поселения, неясны, но видеть в нем деревню, непосредственно соединяющуюся застройкой с городским посадом, отделенную от него лишь узкой речкой, совершенно необязательно.

По-видимому, Москва предмонгольских десятилетий была гораздо более обширным городом, чем предполагалось. Ее восстановление и дальнейший рост приходятся уже на середину – вторую половину XIII в. Москву окружала вполне освоенная в сельскохозяйственном отношении местность, изобилующая богатыми деревнями. Археологическая информация о них растет медленно, но селища, подобные Мякининскому, селища района Коломенское – Дьяково и ряд других подкрепляют такую точку зрения. Подчеркнем появление на карте, в непосредственной близости к городу, славянских поселений, датирующихся не позднее конца X в. (Даниловские селища). Со временем их число может возрасти.

Но дело не только в количественном росте заселенной территории и хронологических поправках. Появляются свидетельства более сложной и развитой оборонительной системы, а следовательно, и тесно связанной с ней системы расселения. Об этом говорят довольно плотная застройка XII–XIII вв. в пределах Кремля и ближней части посада и, что особенно интересно, положение кладов 1230-х годов вне центральных участков крепости. Поскольку они найдены за пределами территории, входившей, согласно распространенному мнению, в черту укреплений домонгольской Москвы, можно попытаться «увеличить» размеры древнего Кремля. Но это будет чересчур смелая гипотеза, ведь даже стены Ивана Калиты и Дмитрия Донского могли не выходить так далеко на северо-восток.

Остается предположить, что богатые клады домонгольской Москвы зарыты на дворах вне ее крепости. Это важное доказательство плотности заселения домонгольской Москвы. Более того, можно ожидать со временем открытия новых, дополнительных линий укреплений, проходивших вне Кремля и ограждавших еще незастроенную территорию, – подобно тому, как это было в древнерусской Рязани (где наиболее богатые усадьбы стояли не в детинце, а в «окольном» городе), в Белгороде Киевском и других пограничных городах-крепостях. Москва была именно таким городом, хотя, конечно, меньшего размера. Напомним, что еще до постройки Китай-города, в середине XIV в., такие монастыри, как Богоявленский и Георгиевский «на Дмитровке», именовались «в городе на посаде».

Весьма важны данные о существовании, по крайней мере в XIII в., сложившихся направлений основных дорог (улиц?) на посаде и связанной с ними устойчивой ориентировки построек, сохранявшейся до рубежа XV–XVI вв.

Завершая наш краткий обзор, необходимо суммировать материалы наблюдений над разворачивающимся на наших глазах процессом.

Прежде всего, отметим, что археологические работы в Москве ведутся на чрезвычайно широких площадях, тогда как на большинстве археологических памятников России они в той или иной мере сокращаются. Второй особенностью является необычная интенсивность работ, обусловленная не только их размахом, но и сжатостью сроков проведения. Подчеркнем, что археологи не в состоянии ни остановить этих работ, ни отменить их. В этих работах можно только участвовать, стараясь добиться наибольшей информативности и минимальных потерь слоя. Ни размеры, ни сроки вскрытий не определяются археологическими службами города. Они могут быть (и часто действительно бывают) только предметом корректировки в довольно ограниченных рамках.

Археологические службы не в состоянии пока полностью выделить какие-либо зоны культурного слоя из планов вскрытий как резервные, заповедные территории, как достояние исследователей будущих столетий. Предметом полемики является только характер работ. Конечно, размах и срочность исследований создают массу сложностей для их успешного проведения.

Однако удается достигнуть и ряда преимуществ. Впервые формируется принципиально новая и, кажется, устойчивая система взаимоотношений между городскими властями и археологическими службами. Правительство Москвы и органы охраны памятников уже требуют предварительных археологических исследований в качестве столь же необходимой части «производственного цикла», как, скажем, геологические

или геодезические. Связанные с работой в культурном слое структуры – строительные, инженерные, реставрационные и др. – поневоле начали воспринимать широкое участие археологов в их деятельности как нормальную, «штатную» ситуацию. Этого невозможно не заметить, и от этого нельзя отказываться.

Сами археологи постепенно набирают опыт охранных работ – их проектирования, полемики с проектирующими и планирующими структурами на предварительном этапе, финансирования и обеспечения исследований всем необходимым, взаимодействия со строителями, использования технических средств, выбора для раскопок наиболее сохранных участков и т. д. (например, организации работы в зимних условиях путем строительства временных защитных сооружений).

Чрезвычайно интересен опыт широкого исследования не только нижних, древнейших слоев, но всей толщи напластований, включая и строительные ярусы XVIII – начала XX в. Материалы постсредневекового периода давно стали привычной областью исследований для археологов Западной Европы, но ученые России такого опыта почти не имеют. Поздние памятники не должны безоглядно уничтожаться. Они весьма важны для истории градостроительства, архитектуры и материальной культуры, городской этнографии (да и в практическом смысле – как объекты музейного показа и элементы прошлого, включаемые в жизнь современного города).

Весьма важно отметить возросшую привлекательность Москвы как археологического объекта в глазах всех интересующихся древностями. Работы последних 5–7 лет сформировали кадры профессиональных полевых археологов, которые планируют свое будущее в науке как изучение позднесредневековой и постсредневековой археологии, Московского периода русской истории и собственно города Москвы.

Конечно, сложившихся к настоящему моменту коллективов крайне недостаточно для обеспечения даже основных необходимых исследований в городе. Кроме того, подавляющее большинство занятых непосредственно полевыми изысканиями специалистов – сравнительно молодые работники, не имеющие достаточного опыта исследований объектов других культур или глубокой научной подготовки. Напряженный ритм раскопок в городе, ведущихся как летом, так и зимой, заставляет молодых археологов учиться (что уже не раз бывало в российской науке) непосредственно в ходе исследований, на практике. Прогресс их умений и знаний несомненен, однако нельзя не пожалеть о недостатке возможностей пополнять «академический багаж».

В этом направлении чрезвычайно важным было бы сотрудничество не только с Сектором, но и с кафедрой археологии истфака МГУ. Например, взаимный обмен сотрудниками, работающими над сходными темами при раскопках Москвы, Новгорода, городов Поволжья и др.; постановка на кафедре специального курса и практического семинара по проведению раскопок в современном городе с позднесредневековым культурным слоем; общего курса археологии Московского периода.

Нет сомнения, что при устойчиво благоприятном отношении общества, дальнейшем развитии археологических структур и успешной координации усилий всех участвующих в исследованиях Москвы специалистов (историков и археологов) эти проблемы могут быть решены и наши знания о столице средневекового русского государства станут неизмеримо богаче, а главное, надежнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2.

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1989. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.) // СА. № 3.

Авдусина Т.Д.,Панова Т.Д., 1989. О находке клада на территории Московского Кремля // СА. № 4.

Археологическая карта России. Московская область, 1994. Ч. 1 и 2.

Беленькая Д.А., 1972. История заселения территории Китай-города (Москва). Конец XII – начало XVI в. // Архив ИА РАН. Р-2. В № 2108, 2108а.

Беляев Л.А., 1991а. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // Московская керамика: новые данные по хронологии. МИАМ. Т. 5.

Беляев Л.А., 1991б. Средневековый некрополь Коломенского // КМИ. Вып. 2.

Беляев Л.А., 1991в. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии.

Беляев Л.А., 1992а. Археология церкви Вознесения в Коломенском // КМИ. Вып. 3.

Беляев Л.А., 1992б. Древний этап истории Богоявленского монастыря по письменным и археологическим источникам // Тр. ГИМ. Вып. 81. Ч. 2. М.

Беляев Л.А., 1993. «Храм оставленный – все храм» // Наука в России. № 5/6. М.

Беляев Л.А., 1994а. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV вв.) по данным археологии // МИАМ. Т. 6. М.

Беляев Л.А., 1994б. Новое о древностях Данилова монастыря // Даниловский благовестник. Вып. 6.

Беляев Л.А., 1995. Древности Данилова монастыря // Культура средневековой Москвы: XIV–XVII вв. М.

Беляев Л.А., Кренке Н.А., 1993. Археологические исследования дворца Алексея Михайловича в Коломенском // КМИ. Вып. 4.

Беляев Л.А., Павлович Г.А., 1993. Казанский собор на Красной площади. М.

Беляев Л.А., Фролов М.В., 1988. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское // Архитектурное наследие и реставрация. М.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. МИАМ. Т. 5. М.

Бойцов И.А., 1992. К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестн. МГУ. Сер. 8. (История). № 2.

Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А., 1993. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палеонологические исследования // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 4.

Васильев Ю.Ю., 1991. Керамический комплекс из раскопок на Старом Ваганькове в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. МИАМ. Т. 5. М.

Векслер А.Г., 1982. Москва в Москве. История в недрах столицы. М.

Векслер А.Г., 1986. Открытие Кузнецкого моста // Городское хозяйство Москвы. № 11.

Векслер А.Г., 1987. Археологические исследования в Москве // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. Т. III. М.

Векслер А.Г., 1988. Памятники археологии Москвы // Новые исследования и проблемы музеефикации. Матер. науч. конф. Рига.

Векслер А.Г., 1992. Археологические исследования в Московском Чертолье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Векслер А.Г., 1993. О некоторых находках рельефных изразцов в Москве // КМИ. Вып. 6.

Векслер А.Г., 1995а. О возрасте «Теремка» в Москве на Никольской // Историко-краеведческий альманах. № 1. М.

Векслер А.Г., 1995б. Занеглименье // Наше наследие. № 35/36. М.

Векслер А.Г., 1995в. Раскопки на Манежной площади // Архитектура и строительство Москвы. № 6.

Векслер А.Г., Беркович В.А., Лебедева О.Р., 1995. Исследования на территории Стрелецкой слободы в Замоскворечье // АО-1994 г. М.

Векслер А.Г., Зайцев А.С., 1994. Геофизические исследования на Манежной площади // Разведка и охрана недр. № 3.

Векслер А.Г., Зайцев А.С., 1995. Находки некоторых инструментов и иного оборудования Монетного двора при археологических раскопках в Москве // Третья нумизматическая конференция. М.

Векслер А.Г., Зайцев А.С., 1996. Московский клад серебряных монет XV–XVII вв. с ул. Б. Никитская // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 13. М. (в печати).

Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1991. Новые данные по застройке Б. Никитской улицы // Реставрация и архитектурная археология. М.

Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988. Московские клады. М.

Векслер А.Г., Успенская А.В., 1987. Археологические исследования в Московском Зарядье в 1983–1985 гг. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963. Археологические работы в Кремле // СА. № 1.

Древности Московского Кремля, 1971 // МИАМ. Т. 4.

История Москвы, 1952. Т. 1. М.

Кренке Н.А., 1991а. Новое в изучении археологии Коломенского // КМИ. Вып. 1.

Кренке Н.А., 1991б. Археологическая карта заповедника «Коломенское» // КМИ. Вып. 2.

Кренке Н.А., 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // КМИ. Вып. 3.

Лихтер Ю.А., Осипов Д.О., 1995. Московская керамика и московское керамическое ремесло // РА. № 3.

МИА, 1947. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 7.
МИА, 1949. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 12.
Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2.
Панова Т.Д., 1987. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. № 4.
Панова Т.Д., 1988. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2.
Панова Т.Д., 1989. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. № 1.
Панова Т.Д., 1990. Культурный слой Московского Кремля // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. № 3.
Панова Т.Д., Авдусина Т.Д., 1993. О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // РА. № 2.
Панова Т.Д., Кавельмахер В.В., 1995. Остатки белокаменного храма XIV в. на соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы: XIV–XVII вв. М.
Подъяпольский С.С., 1994. О малоизвестном типе папертей конца XV – начала XVI века // РА. № 3.
По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1934.
Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
Рабинович М.Г., 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М.
Рабинович М.Г., Векслер А.Г., 1980. Археологическая карта Москвы // Москва (Энциклопедия). М.
Розенфельдт Р.Л. 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М.
Хворостова Е.Л., 1995. Архитектурно-археологические исследования церкви Николы в Старом Ваганькове // Реставрация и архитектурная археология. Вып. 2. М.
Чернов С.З., 1989. Раскопки в Историческом проезде и перспективы московской археологии // Вестн. АН СССР. № 3.
Чернов С.З., 1991а. Археологическая летопись Москвы // Наука и человечество. М.
Чернов С.З., 1991б. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. МИАМ. Т. 5.
Чернов С.З., 1991в. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. МИАМ. Т. 5.
Чернов С.З., Бойцов И.А., 1992. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого Посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. № 1.
Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д., 1979. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2.
Beljaev L.A., 1991. Der Grabstein Caspars von Elverfeldt und der alteste Auslanderfriedhof in Moskau // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 39. Hf. 4. Stuttgart.
Veksler A.G., Melnikova A.S., 1993. Les Tresors de Moscou. Alexandria, USA, VA.

Институт археологии РАН, Москва

Центр археологических исследований
УГКОИП, Москва

L.A. BELIAEV, A.G. VEKSLER

ARCHAEOLOGY OF THE MEDIEVAL MOSCOW: RECENT EXPLORATIONS (1980–1990s)

Summary

In September 1997 Moscow will celebrate the 850th anniversary of the first time it was mentioned in the Chronicles. This article is a brief review of the main archaeological achievements closely connected with the life of this contemporary city. The first part is devoted to a short history of Moscow archaeology during the Soviet period with special emphasis on the last fifteen years. It describes the organization of archaeological institutions in Moscow responsible for the protection and examination of archaeological monuments. The second and most important part gives brief information about the most serious and important fieldwork in the 1980–1990s: the contents of medieval and post medieval deposits, the dating of the excavated deposits, and unique artifacts. The third part summarizes the archaeological approaches in Moscow and speculates on the role of archaeology in the development of the contemporary historical sciences. Express excavations started in the 1930s during the construction of the Moscow Metro provided a unique opportunity for archaeologists to get at least a general idea of the occupation layers of Moscow. The first sources of reliable information regarding the earliest period of Moscow became available through the erecting of skyscrapers in the late 1940s and 1950s, the demolishing of the entire area by the Kremlin (Zariadie) and the construction of the Palace of Congresses inside the Kremlin walls. In the mid – 1980's the situation changed significantly. The extent of

Moscow's development bas provided opportunities for serious archaeological study. First of all, the Moscow Archaeological Expedition (MAE) of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences, which was not active for years, was restored. Also a special archaeological branch under the Institute of Archaeology was established: the Branch for Moscow Archaeology. Enormous construction and restoration works throughout the city along the public opinion on cultural problems and national heritage pressed the Moscow government to pay more attention to the protection of historical monuments. Therefore, a special archaeological institution was established by the Moscow municipality: the Centre for Archaeological Investigations (CAI) under the auspices of the Menagement for Governmental Control of Protection of Monuments. This new period started in 1988 with successful excavations of the Cathedral of Our Lady of Kazan and the Historical (now Resurrection) Passage on Red Square conducted by the MAE. The first birch-bark document known to Moscow was found there. This period was especially important for the revival of church archaeology in Russia. This revival process was similar to the development of church archaeology in Europe and has provided us with a good deal of important data. Many ancient Moscow monasteries were excavated and studied (Monastery of St. Daniil – Danilovsky, of Epiphany – Bogojavlensky, of St. Peter the Metropolitan – Vysokopetrovsky, etc.). The results were published, thereby making a significant contribution to the historical records after the 13th century. In December of 1988 conflicts between archaeologists and construction organizations forced the Moscow government to issue special legislation, which recognized the rights and responsibilities of major archaeological institutions, namely the MAE and CAI, to protect and stydey the city's occupation layers. The main task of the CAI is implementation: coordinating and organizing resque excavations in Moscow, settling numerous contradictions between various groups, and working out plans and projects for the excavations. In order to fulfill this task the CAI has several departments and groups: field archaeology, a restoration department, a historical-archive department, and architectural and computer groups. The first enormous express excavation was conducted by CAI on Manezh Square. It has attracted resources on a growing scale since 1992 making it possible to process important new data on medieval and, mainly, post-medieval levels right up to contemporary urban archaeology. With the further development of the CAI, several divisions of the Academy of Sciences – the Branch and the MAE – passed some of their responsibilities for the practical realization of resque excavations to the CAI. However, they retained responsibiblities in the fields of fundamental historical and archaeological research – the main scientific priorities. The Branch and the CAI try to bring together groups of scholars from fields closely related to Moscow archaeology. Such team-work is now established very successfully with colleagues from various museums and research institutions.

Публикации

В.И. КУЛАКОВ

ТРУСО И КАУП

(протогородские центры в земле пруссов)

Проблема возникновения и становления раннесредневековых городов в землях западных балтов и в Литве разрабатывается недавно. По этому поводу существуют две точки зрения. А.З. Таутавичюс считает, что в XI–XII вв. города в Литве отсутствовали. По мнению этого автора, низкий уровень специализации литовских ремесленников этого времени, слабая степень социального расслоения общества, остававшегося на уровне военной демократии, препятствовали до XIII в. возникновению здесь городов (Lietuvos TSR istorija, 1985, p. 27, 29). Аргументы другой концепции ранних городов Литвы, выдвинутой В.Т. Пашуто и Ю.М. Юргинисом, суммированы в работе И. Балюлите (Baliulité I., 1987, p. 105–107): 1) город является результатом отношений в раннефеодальном обществе (развитие земледелия, выделение в Литве с начала XI в. на фоне общинного хозяйства ремесла); 2) город в своей основе имеет родовое городище-убежище или княжеский замок с торгово-ремесленным посадом; 3) обязательным для города является его расположение у скрещения торговых путей и наличие в составе его населения князя и дружины, осуществлявших административные функции. Данная концепция появления городов в земле балтов в целом соответствует современной теории появления и развития протогородских центров Балтийского субрегиона в раннем средневековье. Эту теорию поэтапно И. Херрманн охарактеризовал следующим образом: VIII – первая половина IX в. – появление торгово-ремесленных поселений протогородского типа, IX–XI вв. – развитие этих поселений на фоне стабилизации торговых контактов в бассейне Балтики, с X в. – переход торгово-ремесленных пунктов под власть князей, появление феодальных городов (Herrmann J., 1982, S. 96).

Многочисленные находки скандинавских и западноевропейских «импортов» в устье р. Ногата привлекали к данному микрорегиону внимание археологов еще с конца XIX в. Наличие здесь данных находок справедливо связывалось ими с торговым пунктом Трусо, о котором в конце IX в. упоминает англосаксонский путешественник Вульфстан (Матузова В.И., 1979, с. 26). Скопление в районе г. Эльблонг могильников с упомянутыми выше «импортами», а также соответствующие отдельные находки при отсутствии бесспорных данных о конкретном местоположении торгово-ремесленного поселения на протяжении долгого времени вызывали дискуссии среди специалистов. Трусо соотносили то с поселениями Толькмицко, Мыслентин или Беляны Велке, то с территорией современного г. Эльблонг (Mielczarski St., 1963, s. 23). Однозначно вопрос был разрешен лишь в результате начатых в 1983 г. М. Ягоджиньским раскопок поселения в Януве Поморском.

Поселение. Исследованиями польского археолога было установлено, что в 7 км на юго-восток от г. Эльблонг, на пологом северо-восточном берегу озера Дружно,

© В.И. Кулаков, 1996 г.

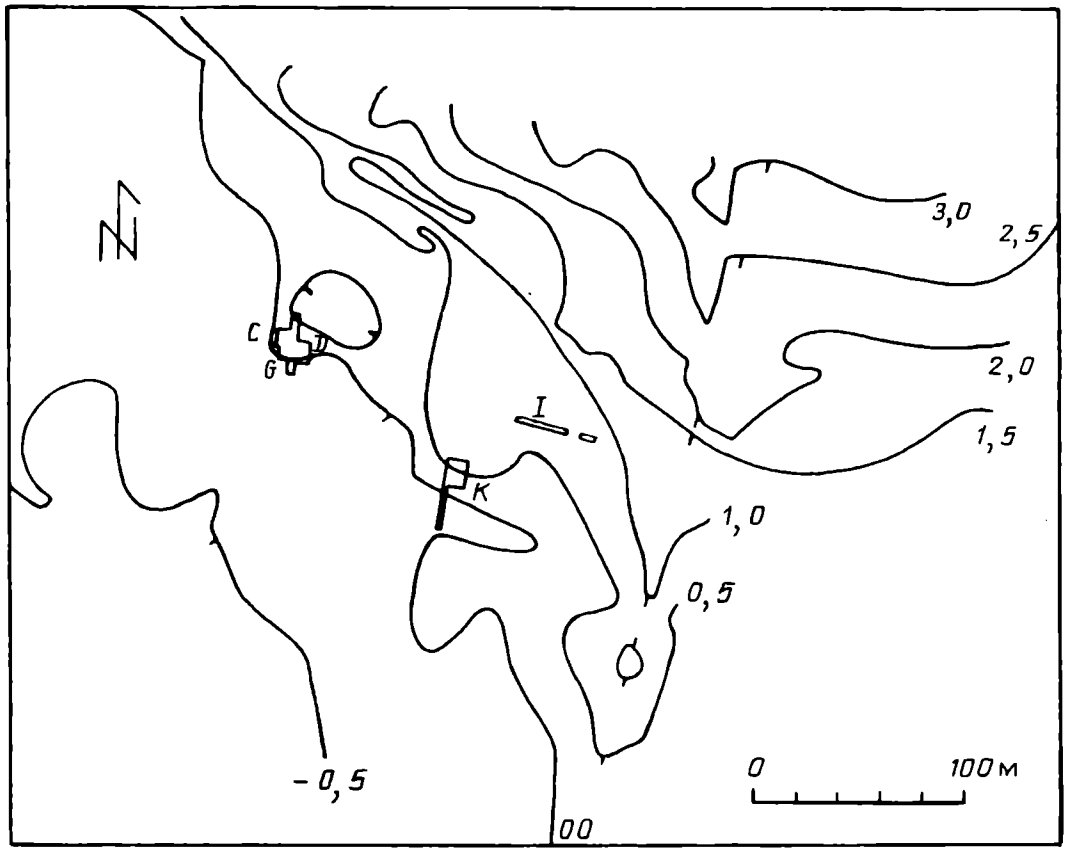


Рис. 1. План поселения Янув Поморски, Эльблонгское воеводство Польши (по М. Ягоджинскому). Буквами обозначены раскопы 1983–1988 гг.

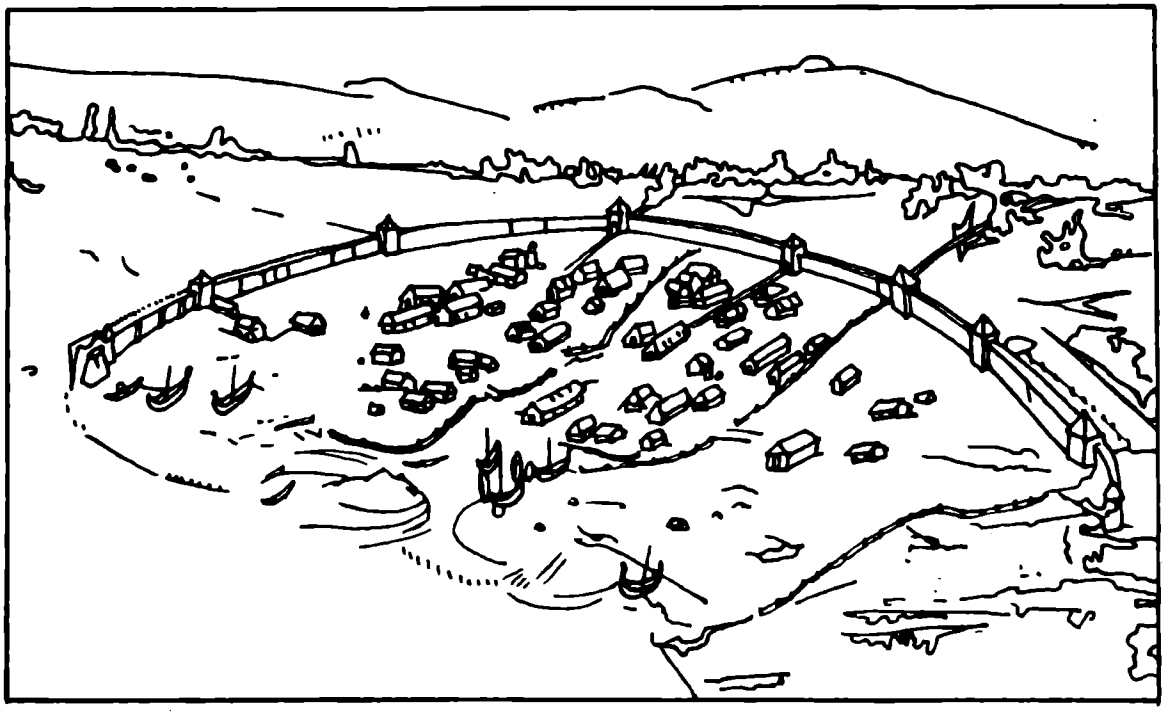
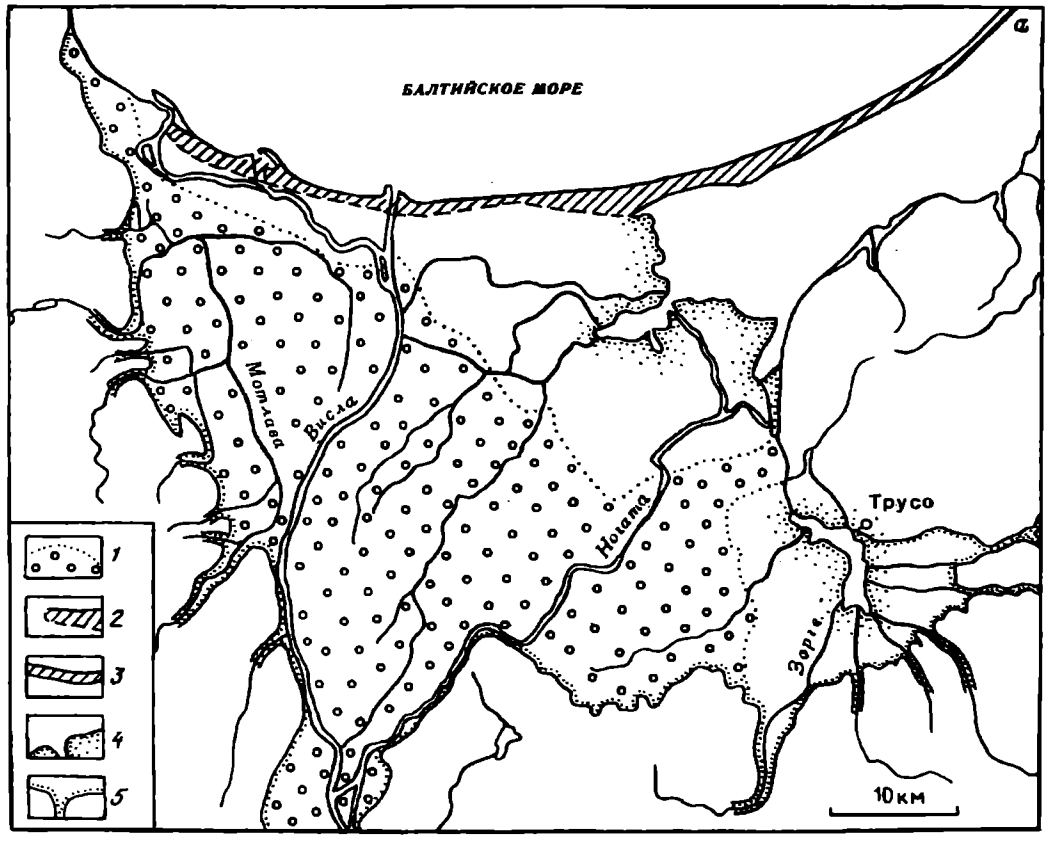
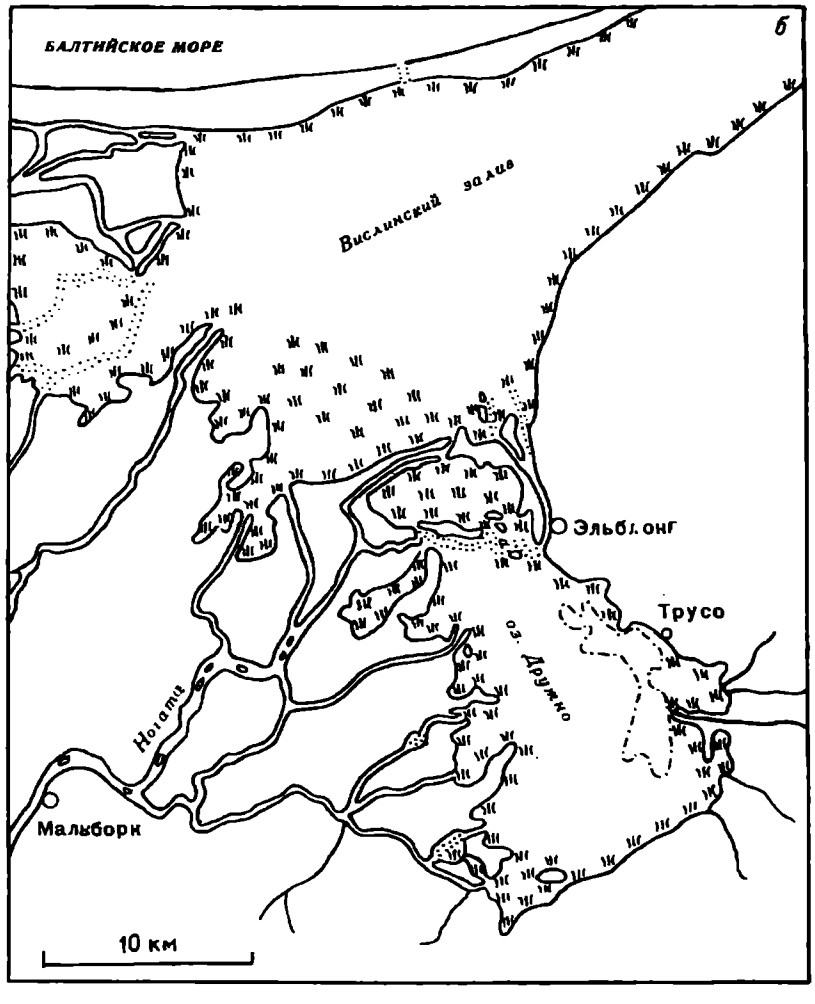


Рис. 2. Реконструкция внешнего вида поселения Янув Поморски (Трусо) незадолго до его гибели. Вид с юга (рисунок Ежи Домино, экспонируется в Музее Эльблонга)


а
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Мотлава
Висла
Ногата
Зорге
Трусо
1
2
3
4
5
10 км


б
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Вислинский залив
Эльбл.онг
Трусо
оз. Дружно
Ногата
Мальборк
10 км

в раннем средневековье являвшемся частью обширной бухты в устье р. Ногата, расположено поселение. Его размеры, судя по данным аэрофотосъемки (распространение культурного слоя в пределах окружавшего поселения невысокого вала), достигают 350 × 450 м. Вал, окружавший поселение с севера, северо-востока, востока и юго-востока, ныне полностью распахан. К концу сезона 1988 г. в пределах семи раскопов М. Ягоджиньский вскрыл на поселении не менее 350 м^2. При этом в раскопах C, D, G (юго-западная часть памятника, рис. 1; 2) обнаружены остатки пяти погибших в огне столбовых и срубных построек. Основной массив находок составляли здесь фрагменты лепной (прусской) и круговой, украшенной волнистым орнаментом (западнославянской) керамики. Кроме того, среди остатков сожженных жилых (?) и производственных помещений и в культурном слое над ними найдены многочисленные отходы косторезного и янтарного производств. Восточнее, в раскопе K, обнаружены остатки не менее восьми сожженных на месте ладей. Здесь найдены обломки глиняных рыболовных грузил, многочисленные стеклянные бусины и железные пластины, представлявшие собой сырье для металлообработки (Jagodziński M., 1991, s. 143, rys. 6–14). Особый интерес вызывает находка 49 целых диргемов и их обломков среди остатков сожженных судов, а также клада из 11 целых диргемов и пяти их обломков в раскопе 1. Дата чекана позднейших монет в данных комплексах – 814/815 гг. (Czapkiewicz M. et al., 1988, S. 165) определяет, по-видимому, время гибели поселения – около 850–880 гг. Остальные находки, сделанные в раскопках 1983–1988 гг., за исключением нескольких обломков круговых сосудов X в., подтверждают эту датировку (Jagodziński M., 1991, s. 154). Основной массив материала поселения связан в первую очередь с местными западнобалтскими древностями, восходящими на данной территории к середине V в. Однако значительные следы косторезного и янтарного производств, находки скандинавских, византийских и южнорусских украшений, восточного монетного серебра показывают ремесленный и торговый характер данного поселения. Находки в его окрестностях подчеркивают также значительную долю западной торговли в сфере деятельности жителей данной части прусского ареала (Żak J., 1981, s. 116). Результаты раскопок позволили сделать М. Ягоджиньскому справедливый вывод о соответствии поселения Янув Поморский упомянутому Вульфстаном Трусо (Jagodziński M., 1988, s. 5, 8). Связанные с транзитной торговлей янтарным сырьем и изделиями контакты местного явно полиэтничного населения со странами халифата и другими раннегосударственными образованиями континента вполне соответствуют функциям позднейших протогородских центров Поморья (Lecejewicz L., 1962, s. 51).

Гибель Трусо, явно произошедшая до посещения низовий р. Ногата Вульфстаном, не оставившим в своих записях даже минимальной информации о данном пункте, связана, видимо, с внезапным нападением врага. Жители Трусо, стараясь воспрепятствовать проникновению вражеских штурмовых ладей по ручью (его следы видны на аэрофотоснимке), в спешке предали огню в его устье несколько только что прибывших торговых ладей. Как показывают находки в раскопе K, эти суда не были даже освобождены от товара. Данное препятствие в виде своеобразных брандеров, возникшее на пути противника, могло позволить части населения Трусо спастись бегством. В уничтоженных огнем постройках, вскрытых на западной части поселения, отсутствуют следы сражения, наиболее ценные вещи были оттуда вынесены.

Причины гибели Трусо, деятельность которого в IX в. осложнялась заилением устья р. Ногата (рис. 3), окончательно не ясны. Можно лишь предполагать, что в последней трети IX в., после захвата князем Олегом Киева, оживилась торговля в бассейнах рек Припять и Висла. На это указывают результаты анализа кладов диргемов соот-

---

Рис. 3. Палеогеографическая ситуация в устье р. Ногата в эпоху раннего средневековья: *а* – по Й. Ульм на VIII–XI вв. (*1* – заболоченная часть речной дельты; *2* – древняя территория Балтийской косы; *3* – современная территория косы; *4* – современная береговая линия; *5* – древняя береговая линия); *б* – по Г. Бертрам и В. Ла Бом на 1400 г.

ветствующего периода из этого региона (Фомин А.В., 1993, с. 79). Торговая активность Трусо, население которого традиционно вело торговлю по «Восточному пути», могла временно оживиться уже в юго-восточном направлении. Возможно и то, что через Трусо, имевшего устойчивые торговые контакты, новый вариант потока серебра из Среднего Поднепровья не мог выйти на просторы Балтики. Как в одном, так и в другом варианте Трусо привлекал к себе внимание конкурентов, повлекшее за собой его гибель.

Могильники в непосредственной близости от поселения Янув Поморский пока не обнаружены. Более того, результаты раскопок, которые проводились на восточной окраине г. Эльблонг в 1936–1940 гг., позволяют предполагать, что полиэтничное население Трусо, в состав которого входили со своими семьями воины, ремесленники и торговцы, хоронило своих мертвых к северо-западу от поселения, в черте современного города.

На ул. Лотничей обнаружен грунтовой могильник, на котором раскопками Б. Эрлиха (1937 г.) вскрыто несколько десятков трупосожжений, перекрытых каменными кладками. Примерно в 10 могилах под рассеянными в остатках костра кальцинированными костями открыты останки коней (Ehrlich B., 1937, S. 80–87). Материалы вскрытых комплексов имеют массу аналогий в расположенном юго-западнее явно синхронном могильнике прусской дружины на ул. Армии Червоней (Neugebauer W., 1968, S. 222). Общие хронологические рамки могильника на ул. Лотничей показывает находка удил типа Даумен (с бронзовыми псалиями), датируемых по западномазурским аналогиям второй половины VII в. (Ehrlich B., 1937, Taf. 32, *3, 4*) и готландская фибула конца VII – начала VIII в. из погр. б/№. Если данный памятник содержит останки пруссов-дружинников, то значительное количество женских комплексов было обнаружено Б. Эрлихом в 1937–1938 гг. южнее, на ул. Монюшки. Здесь было вскрыто не менее 25 раннесредневековых трупосожжений. Условия раскопок, как и на ул. Лотничей, осложнялись присутствием на вскрываемых площадях объектов более ранних эпох. В целом ограничивая дату погребений на ул. Монюшки VII–IX вв., В. Нойгебауер считает их свидетельством сугубо скандинавского характера населения Трусо (Neugebauer W., 1975, S. 20). Правда, присутствие здесь мужских дружинных комплексов с прусским обрядом, включая конские захоронения у дна могилы (погр. 4, 21, 40а), позволяет считать данный могильник, как и остальные погребальные памятники в районе г. Эльблонг, оставленным прусской дружиной. Единственное отличие могильника на ул. Монюшки от соседних объектов – присутствие здесь совершенных по местному обряду женских погребений с готландским инвентарем. Как верно отмечал Ян Жак (Śląski K., 1963, s. 12), эти могилы могут содержать останки жен прусских воинов. Тенденция дружинников родниться с представителями иных этносов вполне логична. Хронологические рамки существования могильника на ул. Монюшки между второй половиной VIII в. (по ажурной подвеске из погр. 41 – рис. 4) и временем около 830 г. (по овальной застежке типа Бирка из погр. 22 – рис. 4) не противоречат в принципе хронологии поселения Трусо (см. выше).

Младшим современником Трусо является торгово-ремесленный центр Кауп (север полуострова Самбия).

Местоположение и название. Комплекс археологических памятников в лесном урочище Кауп у имения Вискиаутен (ныне – пос. Моховое Зеленоградского района Калининградской области) расположен на северной окраине племенного ареала раннесредневековых пруссов, в 2 км к югу от Балтийского моря, омывающего северный берег полуострова Самланд. К северо-востоку от Каупа, сразу за восточной окраиной Кранца (ныне – г. Зеленоградск), начинается Куршская коса, которую в 4 км от Каупа вплоть до XII в. прорезал пролив Брокист (Kunskas R., 1978, p. 73). Урочище Кауп занимает господствующую на местности моренную возвышенность на правом берегу ныне пересохшей р. Вой (прусск. – «устье»), являющейся правым притоком р. Браста (прусск. – «брод», «водный путь»). Воды этих рек после слияния с

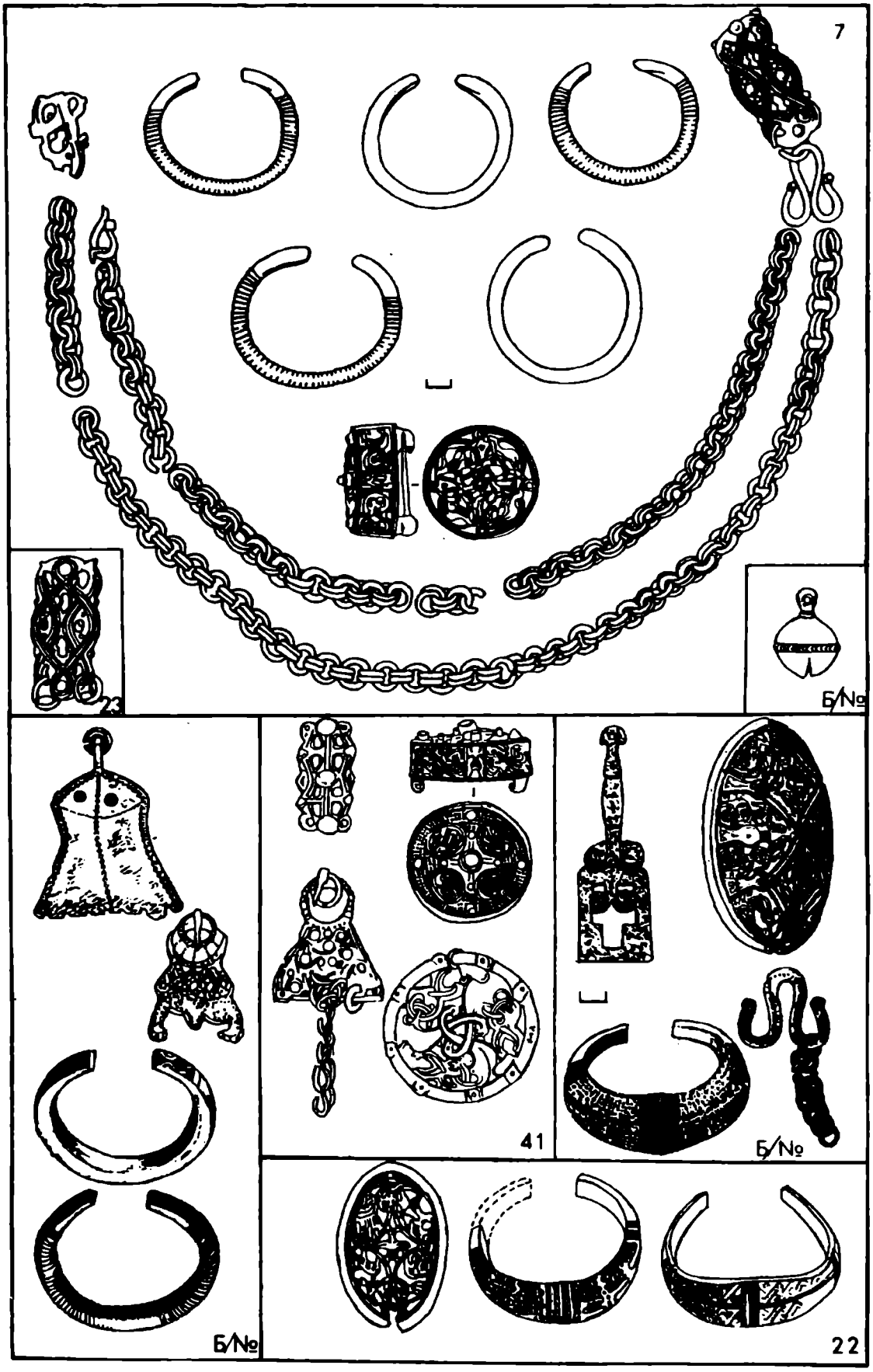


Рис. 4. Инвентарь женских комплексов конец VII–X в. из могильника в г. Эльблонг (ул. Монюшки). Номера погребений обозначены в углу каждой части рисунка (по В. Нойгебауэр)

р. Кинтава через русло Беек впадают в Куршский залив. Чрезвычайные удобства для проникновения водным путем в прусские пределы по данным рекам отражены в местной топонимике. Если само название «Кауп» по данным древнеисландского языка, основы наречий Скандинавии в эпоху викингов, можно трактовать в значении «торг», то пункты на береговых и речных подступах к Каупу являются следами скандинавских ориентиров для мореплавания. Это – своеобразная лоция эпохи викингов (Кулаков В.И., 1989, с. 97). Исходя из древнеисландской лексики, пролив Брокист можно обозначить как «понтонный мост», лес, маркирующий поворот судна из Куршского залива в устье р. Беек – Швендлунд – «лес у поворота», остров Родан – ориентир перехода ввиду близости берега на весельный ход (от др.-исл. rodder – «грести») и так далее (рис. 5).

Поселение обнаружено в 1979 г. на северо-западной окраине пос. Моховое. Оно занимает моренную возвышенность у изгиба правого берега р. Вой. Судя по данным аэрофотосъемки, массив культурного слоя, вытянутый практически по линии запад–восток, имеет размеры 630 × 150 м (рис. 6). Часть территории поселения (350 × 110 м) ограничивалась ныне распаханным валом. В восточной части поселения видны остатки округлого в плане возвышения – цитадели («борг»), включавшей неолитический курган 1. С запада и юга вал ограничивался выходящим к реке рвом, в устье которого, судя по находке каменного якоря, располагалась гавань. При шурфовке на юго-западной окраине поселения открыта часть наземной столбовой постройки шириной до 3 м с фрагментами лепной и круговой керамики и обрезками кости и рога. В западной части Каупа вскрыто частично углубленное в материковый грунт жилище размерами 7,2 × 2 м со следами столбовых стен и открытым очагом из мелких камней и ямками от шести кольев по периметру. В жилище, кроме лепной керамики и костей животных, найден развал кругового сосуда с крышкой. Предварительно данные постройки можно отнести к X в. Судя по находкам на поселении и его размещению на местности, основными занятиями жителей Каупа были ремесло (изготовление костяных гребней), транзитная и локальная торговля, военный контроль над Неманским участком пути «из варяг в греки», проходившим через пролив. Его имя – Брокист демонстрирует принцип сбора дани, применявшийся местными воинами, – блокирование пролива ладьями. Планиграфия комплекса показывает, что территория поселения часто перекрывалась курганами. Складывается впечатление, что перед актом погребения поверхность данной конкретной части Каупа подсыпалась грунтом на 0,4–0,7 м. Соответствие могильника населению Каупа не подлежит сомнению, о чем свидетельствуют керамические находки. В X в. западная часть поселения и могильник у цитадели (аналог – Бирка) сосуществовали. К этому времени Кауп становится классическим виком, приобретая следующие признаки: аморфные границы застройки, полиэтнос (скандинавские традиции – насыпь и сожжение на месте, прусские – каменные кладки и рудименты двухъярусных могил), отсутствие четких социальных градаций в ритуале, неоформленность фортификации, затухание к XI в. (Булкин В.А., Лебедев Г.С., 1974, с. 15).

Набегом на Самланд около 950 г. датчане попытались включить Кауп в сферу влияния своего королевства. С походом Канута Великого (1016 г.) связана гибель этого торгового центра в земле пруссов (Saxonis Grammatici Gesta..., 1886, CAP. 228, 343). Функции Каупа, правда с меньшим размахом, перенимают близлежащие прусские поселения Варгенава (Малиновка) и Бильден (Сосновка) (Кулаков В.И., 1990, с. 72).

Курганно-грунтовой могильник в урочище Кауп (рис. 6, 7), занятый небольшим лесом, называвшимся немецкими археологами «Wikingerhain», многократно подвергался раскопкам. Памятник исследовали: Й. Хейдек (1873, 1874, 1877, 1880, 1899), А. Бецценбергер и Й. Хейдек (1897), Й. Хейдек и Кречман (1899), В. Герте (1927), М. Эберт (1924), Б. Нерман, П. Паульсен, Йенч (1932), О. Клееманн (1935, 1937), К. Фойгтманн (1933, 1934). Единственной сводной работой по раскопкам на Каупе является книга Бернта фон цур Мюлен, собравшего данные по 86 комплексам (Mühlen B., 1975, S. 14). В послевоенное время Ф.Д. Гуревич в 1956, 1958 гг.

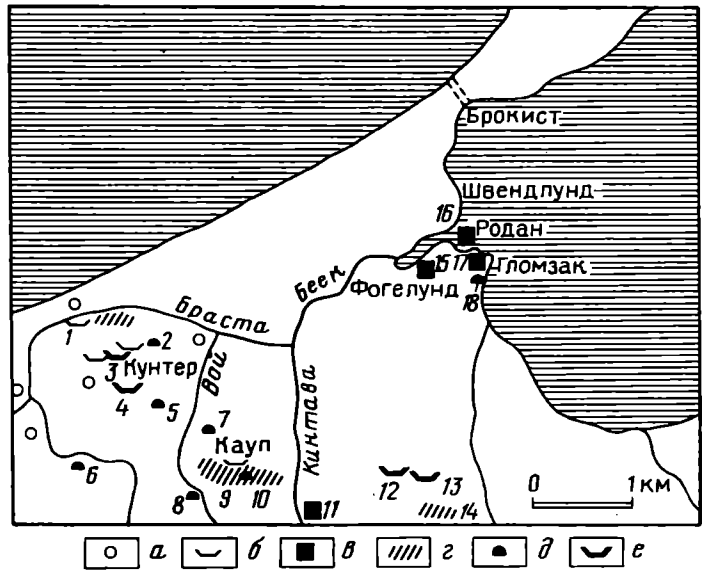


Рис. 5. Памятники археологии и топонимии эпохи викингов в северной части Самбии: *а* – селище X–XI вв.: *б* – грунтовой могильник V–VIII вв.; *в* – городище; *г* – открытое поселение крупных размеров; *д* – курганный могильник; *е* – грунтовой могильник IX–X вв. *1* – поселение и могильник Варгенава (Малиновка); *2* – курган Малиновка; *3* – могильник Ирзекапинис; *4* – могильник Клинцовка-2; *5* – курганный могильник Кунтерштраух (Клинцовка); *6* – курганный могильник Дубки; *7* – курган Вишнево-Клинцовка; *8* – святилище Клинцовка-Моховое; *9* – курганно-грунтовой могильник Кауп (Моховое); *10* – поселение Кауп; *11* – городище Гальгенпуш (Сосновка); *12, 13* – могильники 1, 2 Сосновка; *14* – поселение Бильден (Сосновка); *15* – городище Гарбик (уничтожено); *16* – городище Гломзак (Затон); *17* – городище Родан (о-в Рыбачий); *18* – курганный могильник Гломзак

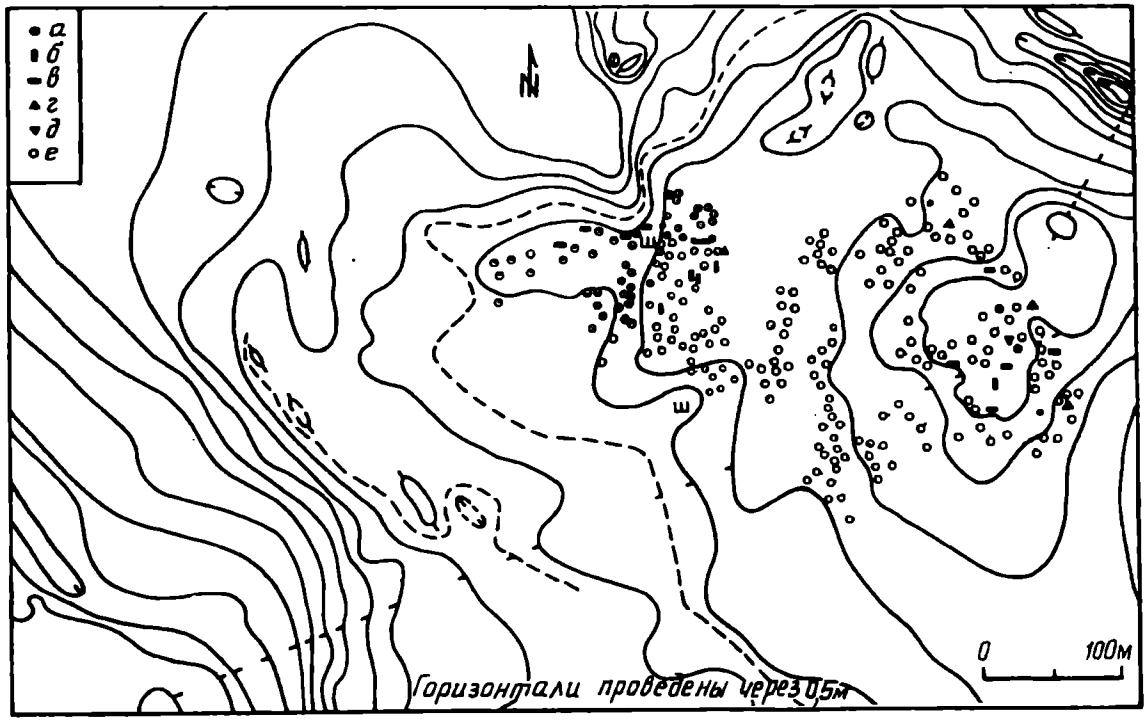
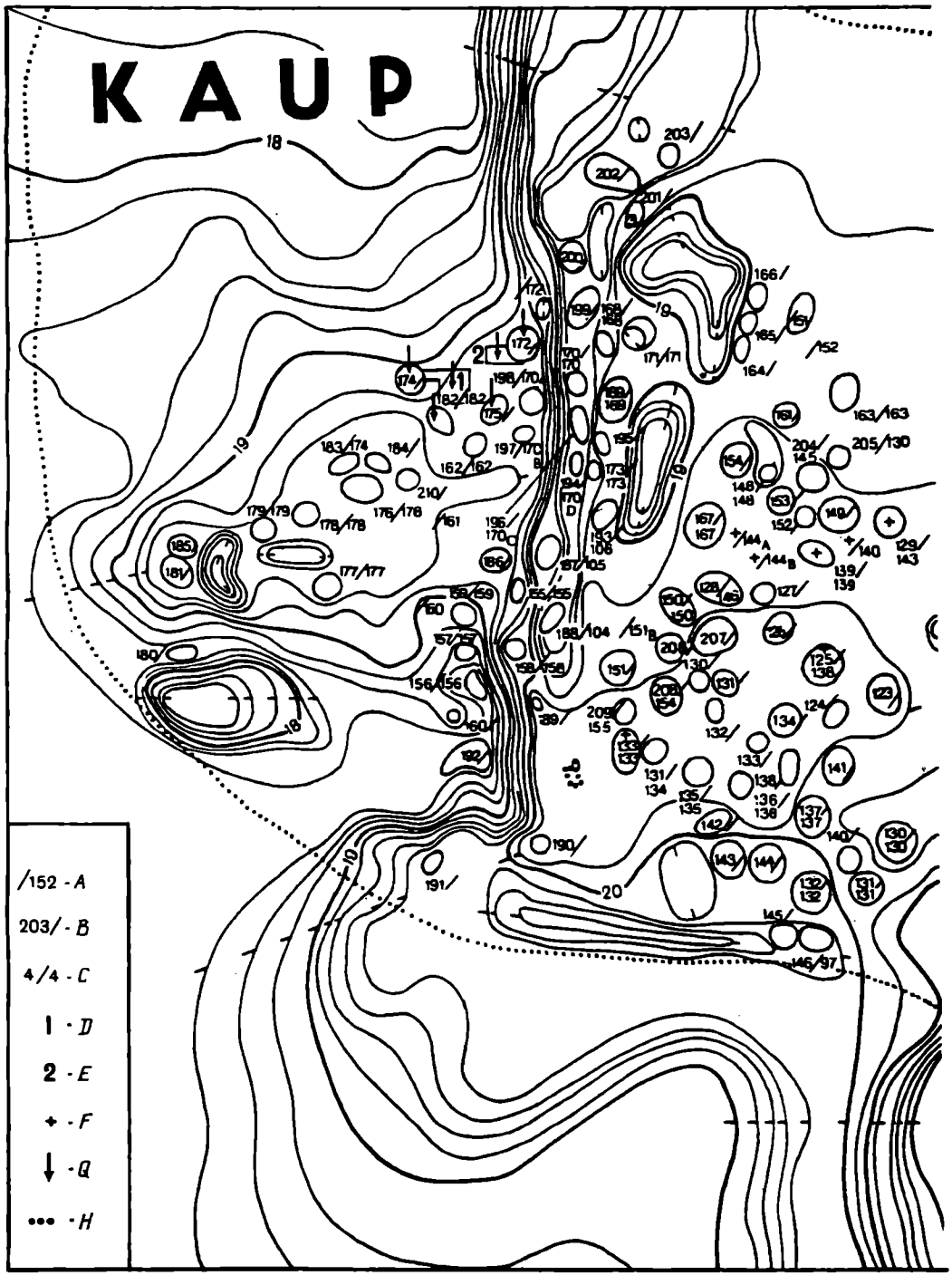


Рис. 6. Схема расположения поселения и могильника Кауп. Курганы различных хронологических периодов: *а* – 800–850 гг.; *б* – 850–900 гг.; *в* – 900–950 гг.; *г* – 950–1000 гг.; *д* – 1000–1016 (?) гг.; *е* – дата не ясна. Ш – шурф



раскопала здесь 12 курганов и 3 грунтовых могилы в восточной части могильника (Гуревич Ф.Д., 1978, с. 170, 171), В.И. Кулаков в 1980 г. – 3 кургана и сложенный из камней культовый комплекс в северной части могильника (Кулаков В.И., 1981, с. 17, 18). К осени 1992 г. на памятнике сравнительно нетронутыми сохранялось не более 120 насыпей (до 1873 г. здесь было не менее 210 курганов). Как показывают поверхностные исследования, к началу XI в. могильник распространялся на север до пос. Возегау (ныне – Вишнево) и на северо-запад до урочища Кунтерштраух (ныне – пос. Клинцовка) не менее чем на 700 м и мог включать, судя по площади, до 1500 комплексов. На месте распаханных здесь курганов были обнаружены корабельные заклепки – свидетельство сожжения в ладье. Кроме того, по краям возвышенности Кауп встречены грунтовые трупосожжения эстиев V в. н.э. с

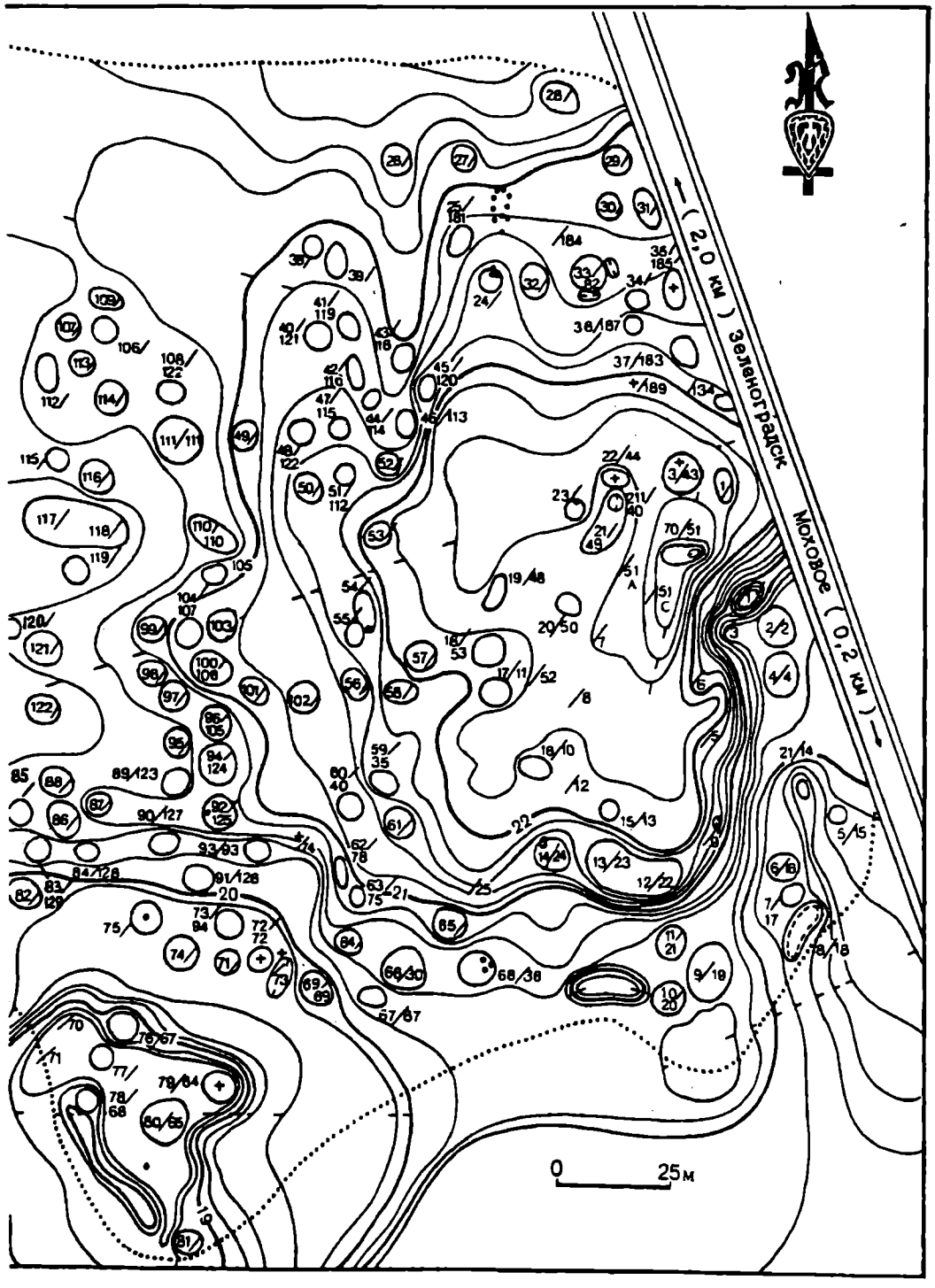


Рис. 7. План курганного могильника Кауп (съемка В.И. Кулакова, 1980). *A* – нумерация курганов к 1932 г. (по В. Мюлен); *B* – нумерация курганов по съемке 1980 г. (по В. Кулакову); *C* – курган с совпавшим номером; *D* – сооружение 1 (культовый объект); *E* – сооружение 2 (остатки жилища); *F* – курган, раскопанный в 1932 г. (Б. Нерман, П. Паульсен); *G* – курган, раскопанный в 1980 г. (В. Кулаков); *H* – граница леса Кауп к 1980 г.

арбалетовидными фибулами (Bujack G., 1884, S. 37, 38) и двухъярусные прусские трупосожжения с конями на дне могилы X и XI вв. (Engel C., 1932, S. 140). Древнейшим захоронением на Каупе являются два скорченных поздненеолитических костяка в кургане 1 на восточной окраине леса (Heydeck J., 1876/77, S. 46–60). Однако преимущественное место на Каупе занимают могилы эпохи викингов. Ведущим

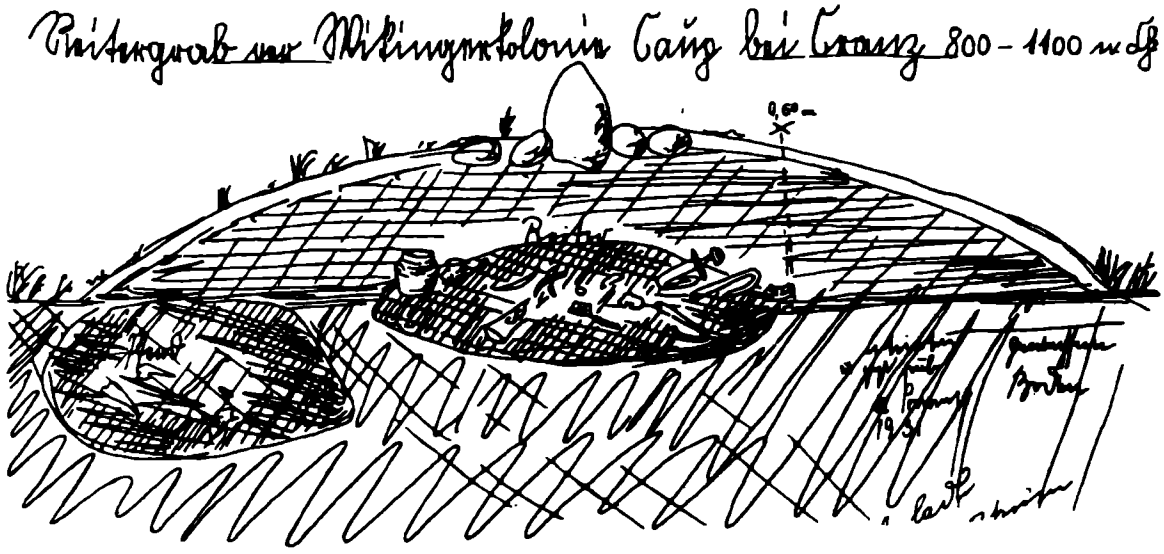


Рис. 8. Профиль редкого для Каупа кургана с парным трупосожжением и расположенным в стороне, у края кургана, захоронением части (?) коня (копия полевого чертежа Й. Хейдека (конец XIX в.), изготовленная в 1931 г. Г. Зоммером для музея в замке Лохштедт, любезно предоставлена сотрудницей Самланд-Музеум (Пиннеберг) Г. Гусфельд)

обрядом для этого времени здесь является трупосожжение с инвентарем на месте, зачастую перекрывавшееся первоначально слоем глины, а затем курганной насыпью (высотой до 1 м и диаметром от 4 до 10 м). На вершине кургана в X в. нередко вертикально водружался камень, по периметру насыпь окружало кольцо из небольших валунов. Парные захоронения или комплексы с конями, в отличие от окружающих Кауп грунтовых могильников пруссов, здесь весьма редки (рис. 8). Крайне мало число трупоположений. Среди них следует отметить кург. / 51с. с тремя костяками головами на запад под каменной кладкой (дата по готландской пряжке-цепедержателю – около 800 г.) (Kleemann O., 1937, S. 72, 73), кург. / 143 – камерное трупоположение мужчины и женщины в деревянных гробах, на ступеньке камеры – череп коня с удилами и оголовьем (по мечу J.P. V – 925–975 гг.) (Gaerte W., 1932, S. 5). Уникальным является кург. / 163, где два центральных трупосожжения окружены двумя кольцами костяков принесенных в жертву людей (некоторые погребены сидя или со связанными ногами). Комплекс по подвеске-лунуле датируется началом XI в. (Gaerte W., 1935, S. 40, 41; Engel C., 1932, S. 111), являясь тем самым позднейшим курганом на Каупе. В целом погребальный обряд курганов Каупа соответствует ритуалу населения протогородских центров Балтики IX–X вв. – безурновое трупосожжение на месте с рассеянными в остатках костра кальцинированными костями (варианты C_1–C_4 по Г.С. Лебедеву) (Лебедев Г.С., 1977, с. 145).

Хронологическими показателями для курганов Каупа являются: 800–850 гг. – застежки-цепедержатели готландского типа, круглые фибулы; 850–900 гг. – мечи J.P. M, оселки, овальные фибулы J.P. 42; 900–950 гг. – мечи J.P. V, копья с горизонтально-ступенчатым орнаментом на втулке, стремена типа III а (по Й. Антанавичюс), удила с псалиями, овальные фибулы J.P. 51; 950–1000 гг. – овальные фибулы J.P. 52 (рис. 9), ожерелья с круглыми подвесками; 1000 г. – начало XI в. – подковообразные фибулы с головками животных. Женские украшения ранней фазы существования Каупа аналогичны соответствующим находкам из позднейших захоронений округи Трусо, что указывает на возможное перемещение торгового центра в земле пруссов в начале VIII в. из низовий р. Ногата к основанию Куршской косы. Данный вывод подвергает сомнению предположение Б. Мюлена об основании Каупа в середине IX в. выходцами из разрушенного шведами Гробина-Зеебурга (Mühlen B., 1975, S. 56). Судя по находкам в курганах, в первой половине X в. Кауп переживает эпоху расцвета, связанную со стабилизацией Волжского пути – ворот из Балтики на Восток,

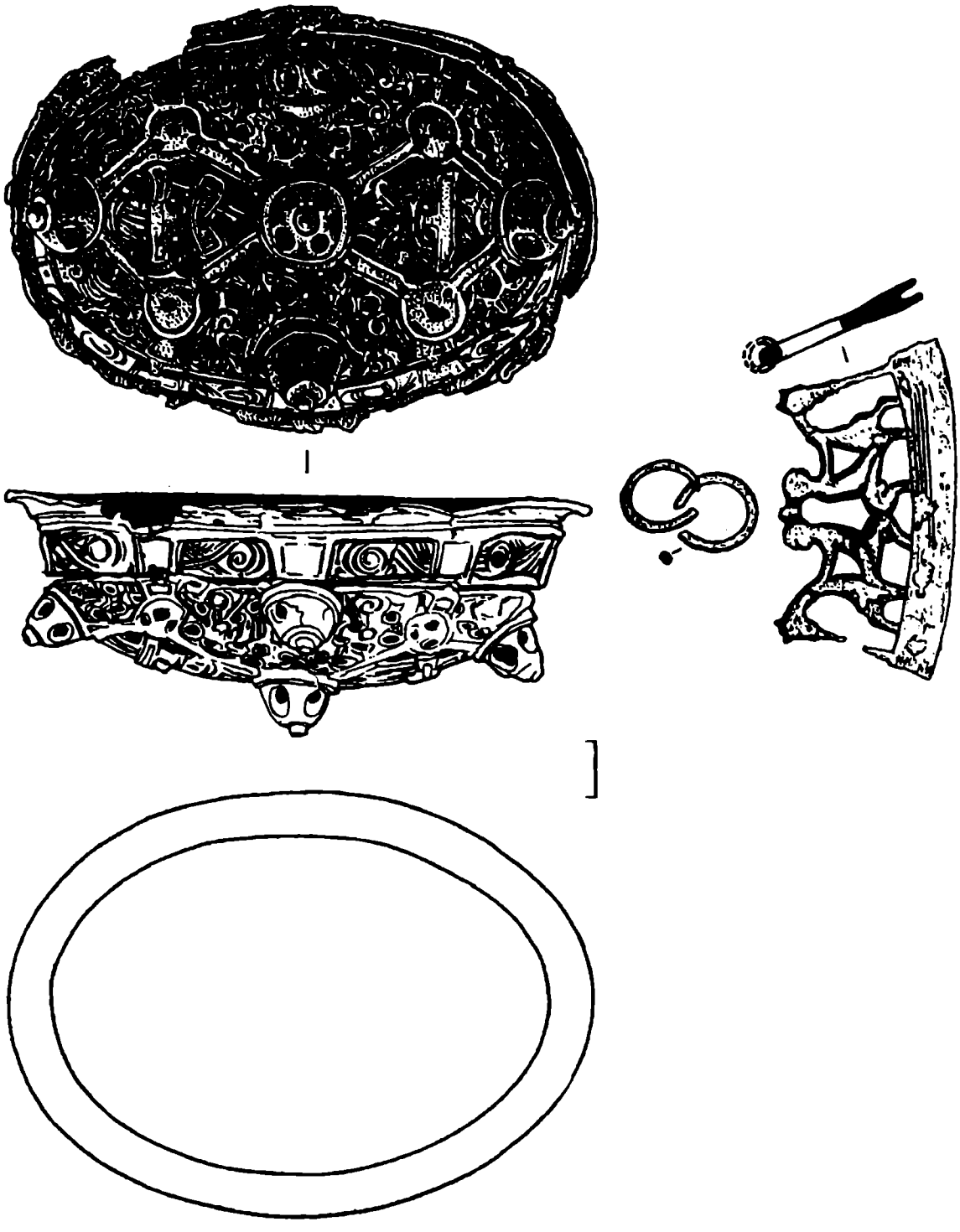


Рис. 9. Пара черепаховидных фибул типа J.P. 52c и подвеска-кресало (бронза и железо), случайно обнаруженные в одном из курганов Каупа в 1991 г. местным жителем

нуждавшийся в прусском янтаре. К началу XI в. – времени затухания Каупа – пространство между его курганами уже занимали трупосожжения под каменными кладками (ритуальные площадки для кремации?), показывающие интенсивное влияние на жителей Каупа местного прусского населения. С XIV в. территория могильника, сакрализованного сембами и не подвергавшегося распашке (во всяком случае в своей центральной части), занимает лиственный лес. Долгие десятилетия он не позволял обнаружить соответствующее могильнику поселение, которое, по мнению О. Клеемана, находилось рядом с урочищем (Kleemann O., 1939, S. 11).

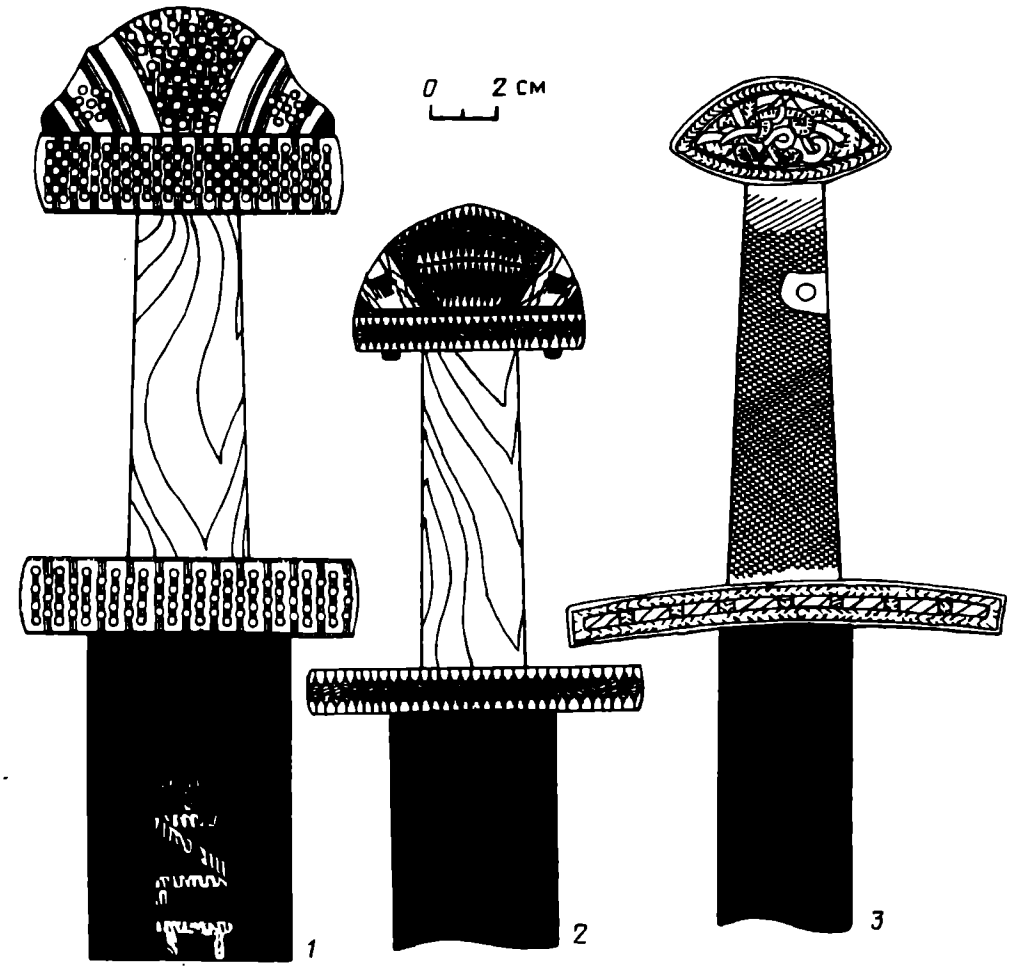


Рис. 10. Реконструкция рукоятей мечей, возможно, изготовленных мастерами Каупа: *1* – Кауп, кург. 1 (раскопки Ф.Д. Гуревич); *2* – Кауп, кург. / 11; *3* – Ирзекапинис, погр. 16. Черным цветом обозначено железо, белым – серебро, бронза и дерево (условно) на рукоятях мечей

Приведенные выше данные о торгово-ремесленных пунктах на окраинах прусского раннесредневекового ареала – Трусо и Кауп – показывают насущную необходимость дальнейшего углубленного изучения этих уникальных археологических комплексов. Однако уже сейчас можно предполагать, что появление и развитие этих первых в Юго-Восточной Балтии центров (возможно, протогородского характера) было непосредственно связано с судьбами прусской дружины. Это отражалось не только на материалах соответствующих Трусо и Каупу могильников, но и подтверждается распространением по прусской округе продукции мастеров, проживавших в этих центрах (рис. 10). Если закат Трусо лишь способствовал ускоренному развитию Каупа, связанного во многом с восточной торговлей, то конец последнего в начале XI в. ознаменовал и начало конца прусской дружины. Последняя не могла уже в полной мере реализовать свои материальные и социальные амбиции без существования под ее контролем торгово-ремесленного центра – предтечи раннефеодального города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булкин В.А., Лебедев Г.С., 1974. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.

Гуревич Ф.Д., 1978. Скандинавская колония на территории древних пруссов // Скандинавский сборник. Т. XIII. Таллин.

Кулаков В.И., 1981. Исследования в Калининградской обл. // АО – 1980. М.

Кулаков В.И., 1989. Кауп // Становление европейского средневекового города. М.

Кулаков В.И., 1990. Поселенческая ситуация в Самбии II–XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М.

Лебедев Г.С., 1977. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // Скандинавский сборник. Т. XXII. Таллин.

Матузова В.И., 1979. Английские средневековые источники XI–XIII вв. М.

Фомин А.В., 1993. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX – начала X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. М.

Baliulité I., 1987. Miestų užuomažgų Lietuvoje chronologija ir bruožai // Jaunųjų istorikų darbai. Vilnius.

Bujack G., 1884. Das Prussia-Museum. T. I, H. 1. Königsberg.

Czapkiewicz M., Jagodziński M., Kmietowicz A., 1988. Arabische Münzen aus einer frühmittelalterlichen Handwerk- und Handelssiedlung in Janów Pomorski, Gem. Elbląg // Folia Orientalia. T. XXV.

Ehrlich B., 1937. Truso. Eine preussisch-wikingische Siedlung bei Elbing // Germanen Erbe. Bd 2. H. 5.

Engel C., 1932. Spätheidnische Reitergräber aus den Wikingerfriedhof in der Kaup bei Cranz // Unsere Heimat. N 12.

Gaerte W., 1932. Die Wikinger in Ostpreussen. Königsberg.

Gaerte W., 1935. Neue Grabungsergebnisse auf dem Wikingerfriedhof von Wiskiauten in Ostpreussen // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Jahrg. 11. H. 2.

Herrmann J., 1982. Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostseevölker // Wikinger und Slawen. Berlin.

Heydeck J., 1876/77. Bericht über Ausgrabungen bei Wiskiauten und Wikiau // Prussia. Bd. 33.

Jagodziński M., 1988. Wczesnośredniowieczna osada rzemieślniczo-handlowa w Janówie Pomorskim nad jeziorem Druźno – poszukiwane Truso? Elbląg.

Jagodziński M., 1991. Truso w świetle nowych odkryć. Uwagi na marginesiebadań wczesnośredniowiecznej osady rzemieślniczo handlowej w Janowie Pomorskim (gmina Elbląg) // Archaeologia Baltyjska. Olsztyn.

Kleemann O., 1937. Eine ungewönliche Bestattung in der Kaup bei Wiskiauten // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Jahrg. 13. H. 4.

Kleemann O., 1939. Ueber die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kurischen Nehrung // Altpreussen. Jahrg. 4. H. 2.

Kunskas R., 1978. Kuršių marių fiziné geografiné apžvalga // Kuršių marios. T. 1. Vilnius.

Leciejewicz L., 1962. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Lietuvos TSR istorija, 1985. Vilnius.

Mielczarski St., 1963. Truso. Historia badań i problemy metodologiczne // Rocznik Elbląski. T. 2.

Mühlen B., 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. N. 9.

Neugebauer W., 1968. Truso und Elbing. Ein Beitrag zur Frühgeschichte des Weichselmündungsgebietes // Studien zur europäische Vor- und Frühgeschichte. Neumünster.

Neugebauer W., 1975. Von Truso nach Elbing. Leilinien der Frühgeschichte des Elbinger Raumes // Elbinger Hefte. Bd. 34.

Saxonis Grammatici Gesta Danorum, 1886. Buch X. Strassburg.

Śląski K., 1963. Stosunski prusów z innymi ludami nadbałtyckimi w VII–XII wieku // Rocznik Olsztyński. T. V.

Žak Jv, 1981. Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI–IX w.) // Pomorania Antiqua. T. X.

Институт археологии РАН,
Москва

V.I. KULAKOV

TRUSO AND CAUP (PROTO-URBAN CENTRES IN THE PRUSSIAN LANDS)

S u m m a r y

Truso, the most ancient proto-urban centre in the Prussian lands, was founded on the bank of lake Druzhno at the end of the 7th – beginning of the 8th centuries. This has been proven by finds from neighbouring burial grounds. The Truso settlement (now called Janov Pomorski) is an area of 350 × 450 m. surrounded by a rampart. M. Jagodzynsky has been studying this area since 1982. The burial ground of the Truso settlement contains male burials with Prussian artifacts and female ones with finds of Gotland origin. The earliest artifacts are dated to the time of about 830 A.D., as are the artifacts found in the layer of the fire that destroyed Truso. Caup, founded near the strait in Kurshskaya Kosa at the end of the 9th cent. became Truso's youngest contemporary. Truso's and Caup's planigraphy is typical for proto-urban centres. Life in Caup stopped in 1016 during Kanute the Great's raid into Sambia. The destruction of Caup started the process that eventually led to the death of the local armed forces closely connected with this centre. Towns stopped developing in Prussia.

Н.Н. МИЛЮТИНА

О ПОГРЕБЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОГО НЕКРОПОЛЯ ПСКОВА

Древнерусский курганный некрополь Пскова (X – начала XI в.) – археологический памятник эпохи становления Древнерусского государства – изучался с 1974 по 1991 г. в ходе охранных археологических раскопок в историческом центре Пскова. В результате был исследован значительный участок некрополя, содержащий 73 захоронения различной степени сохранности. Среди них 66 погребений, совершенных по способу кремации, и 7 – по способу ингумации.

Особенностью, осложняющей изучение этого памятника в целом, а также и отдельных погребальных комплексов, входящих в его состав, является трудность фиксации, связанная со стертостью черт курганного кладбища, которое было разрушено в ходе нивелировки насыпей и последующей застройки этой территории во второй половине XI – 30-х годах XII в. (Лабутина И.К., 1983, с. 156). Период существования курганного кладбища в раскопах представлен нижней частью культурных отложений, состоящей из песка с включениями в него в виде прослоек и пятен погребенного гумуса, глины и угля, которые перекрывались культурным слоем посада.

В 1988–1989 гг. на раскопе XIII (ул. Ленина) велось изучение участка древнерусского курганного кладбища Пскова, представленного в виде отложений гумусированного песка под культурным слоем (Колосова И.О., Козлов С.Э., 1988; Колосова И.О., 1989).

Изучение этих отложений в соответствии с методикой раскопок курганов сплошной площадью по пластам и слоям (Лабутина И.К., 1985, с. 68–70), оправдавший себя в условиях работы на разрушенном еще в древности памятнике, сделало возможным выявить остатки четырех курганных насыпей, располагавшихся на склоне холма, опускавшегося к р. Пскове. Остатки курганных насыпей фиксировались по отложениям песка, прослойкам дерна, выявленным в плане, а также в бровках и профилях раскопа.

В южной и центральной частях раскопа XIII располагался "большой курган", с которым связаны погр. 57 (в центре) и 59 (в ровике), а также скопления кальцинированных костей и керамики, получившие первоначально (как погребения) полевые номера 56 и 58 и являющиеся, по нашему мнению, выбросами из "большого" или соседних курганов. Материалы, связанные с "большим курганом", опубликованы ранее (Колосова И.О., Милютина Н.Н., 1994).

Целью этой статьи является публикация материалов, касающихся остатков трех курганных насыпей в северной части раскопа XIII и связанных с ними погр. 62–65 (номера погребений соответствуют полевой документации). Эти насыпи занимали северную часть изученной территории некрополя, а погребения являются самыми северными из обнаруженных (рис. 1).

Публикация именно этих погребальных комплексов дает возможность, в силу их относительно хорошей сохранности, характеризовать некоторые детали конструкции погребальных насыпей, что в большинстве случаев бывает невозможно, так как курганные насыпи чаще всего оказываются уничтоженными полностью. А по материалам погр. 64 удалось проследить один из вариантов конструкции погребального костра. Другие захоронения, интерпретируемые как трупосожжения на месте

© Н.Н. Милютина, 1996 г.

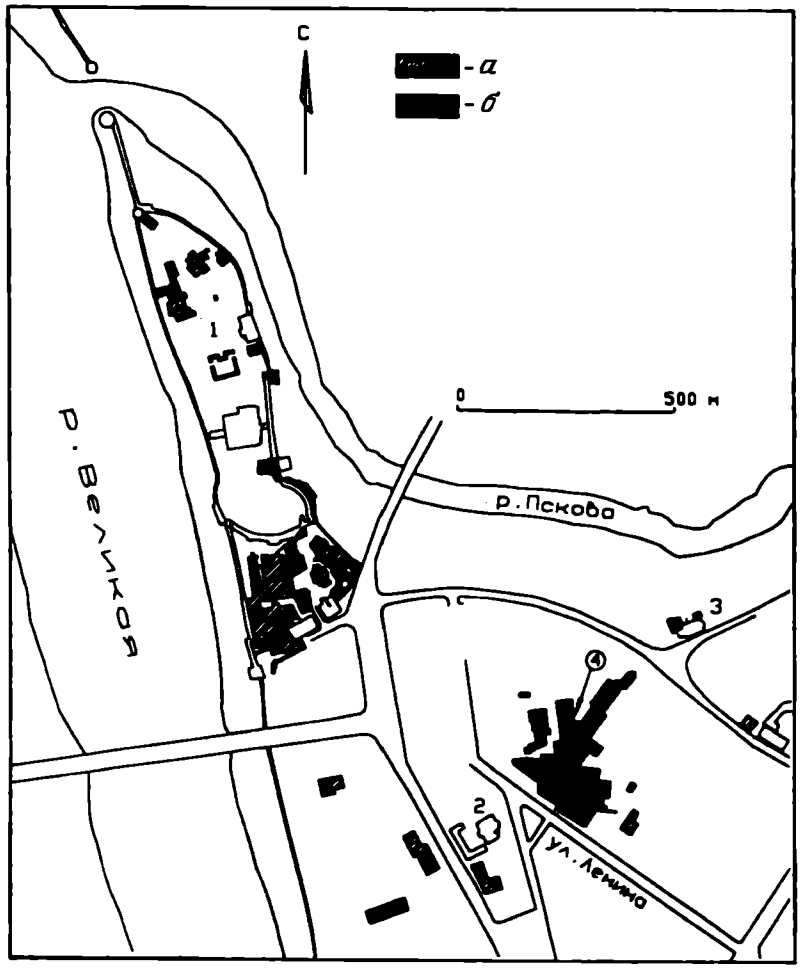


Рис. 1. Схема расположения археологических раскопок (*а, б*) в историческом центре Пскова (*б* – раскопы, в которых выявлены остатки некрополя Пскова X – первой половины XI в.) *1* – Кремль; *2* – Церковь Михаила и Гавриила Архангелов; *3* – Церковь Петра и Павла; *4* – место расположения большого кургана

совершения погребения, не содержали информации об этом признаке погребального обряда.

Отложения песка на этом участке были выявлены на уровне 18–26 пластов (рис. 2). Цвет его – от светло-желтого и коричневатого до ярко-желтого – зависит от интенсивности гумусных включений. В песке встречались мелкие камни, известняковый щебень, угольки. Слой песка имел уклон к северу и северо-западу, перепад от центра к северным квадратам составил около 1,2 м.

После зачистки поверхности гумусированного песка в этой части раскопа удалось проследить остатки трех курганных насыпей, хотя, как правило, на уровне гумусированного песка это сделать не удается, так как в середине и второй половине XI в. насыпи были снивелированы, а затем этот участок активно застраивался. В связи с этим слой гумусированного песка был нарушен ямами с уровня культурного слоя посада.

В западной части раскопа (кв. 503, 512–514, 521–523, 530, 531, 539) прослежены остатки округлой в плане курганной насыпи диаметром 6,5–8 м, западная часть которой не вошла в раскоп. С южной и юго-восточной стороны был зафиксирован ровик, который частично являлся общим с "большим курганом". С восточной стороны ровик имел ширину 1 м, глубину – 0,3 м; с южной стороны его ширина достигает 2,2, а глубина – 0,6 м. Дно ровика выстлано слоем погребенного дерна темно-коричневого цвета мощностью от 0,02 до 0,3 м (в плане эту прослойку погребенного дерна проследить полностью не удалось). Погребенный дерн в ровике имел двуслойную

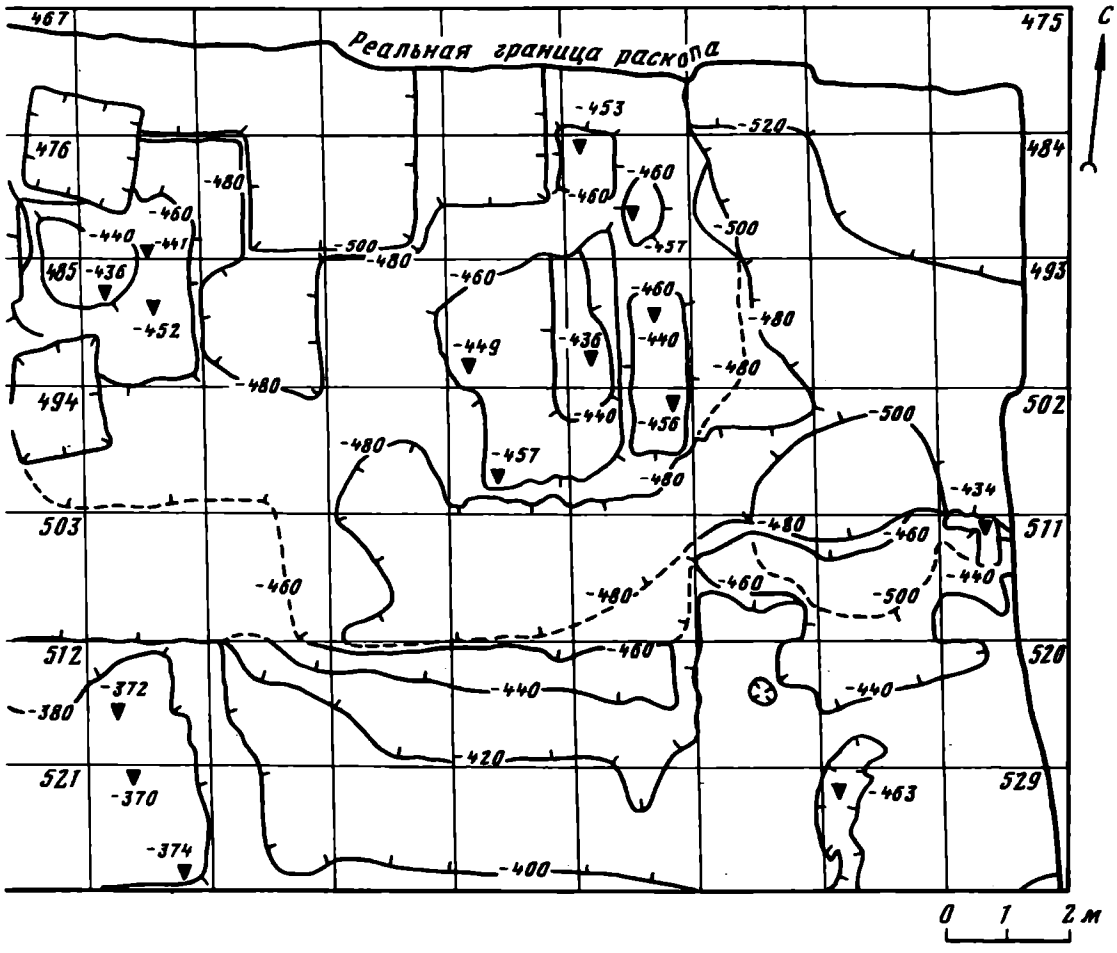


Рис. 2. План гумусированного песка

структуру (рис. 3). Верхний слой представлял плотную темно-коричневого цвета прослойку, на поверхности которой в северной части ровика отчетливо читались интенсивные включения угольков. Его мощность, увеличивающаяся к центру ровика, составляла от 0,02 до 0,22 м. Этот слой подстилался слоем более светлого цвета, рыхлым, с интенсивными включениями песка. Его мощность – от 0,04 до 0,24 м. На дне ровика, в его северной части, в более светлом слое погребенного дерна, были расчищены три небольших (0,06–0,08 м в диаметре) булыжника. Как мы считаем, двуслойная структура погребенного дерна представляет собой заполнение ровика, образовавшееся в период существования древнерусского кладбища Пскова.

Погребенный дерн, выявленный в ровике кургана, был перекрыт слоем светло-желтого гумусированного песка мощностью от 0,04 до 0,26 м, который был перемещен сюда во время нивелировки насыпей курганов. В верхней части гумусированного песка читались в профиле слабые прослойки погребенного дерна, вероятнее всего, возникшие здесь в период, когда после разрушения насыпей этот участок некоторое время пустовал.

С северной стороны насыпь сохранилась на 0,05–0,3 м (судя по остаткам ее полы и слоя гумусированного песка рядом с погребением), а с южной она была полностью разрушена. Как можно предположить на основании сохранившейся части, насыпь состояла из светло-желтого и светло-коричневого песка с редкими включениями в основании мелких камней и угольков.

Площадка насыпи в центральной, южной и восточной частях была нарушена материковыми ямами с уровня культурного слоя, что важно учитывать при анализе черт погребального обряда. В центральной части насыпи было выявлено шесть столбовых ямок различного диаметра и глубины, в трех из них сохранились остатки

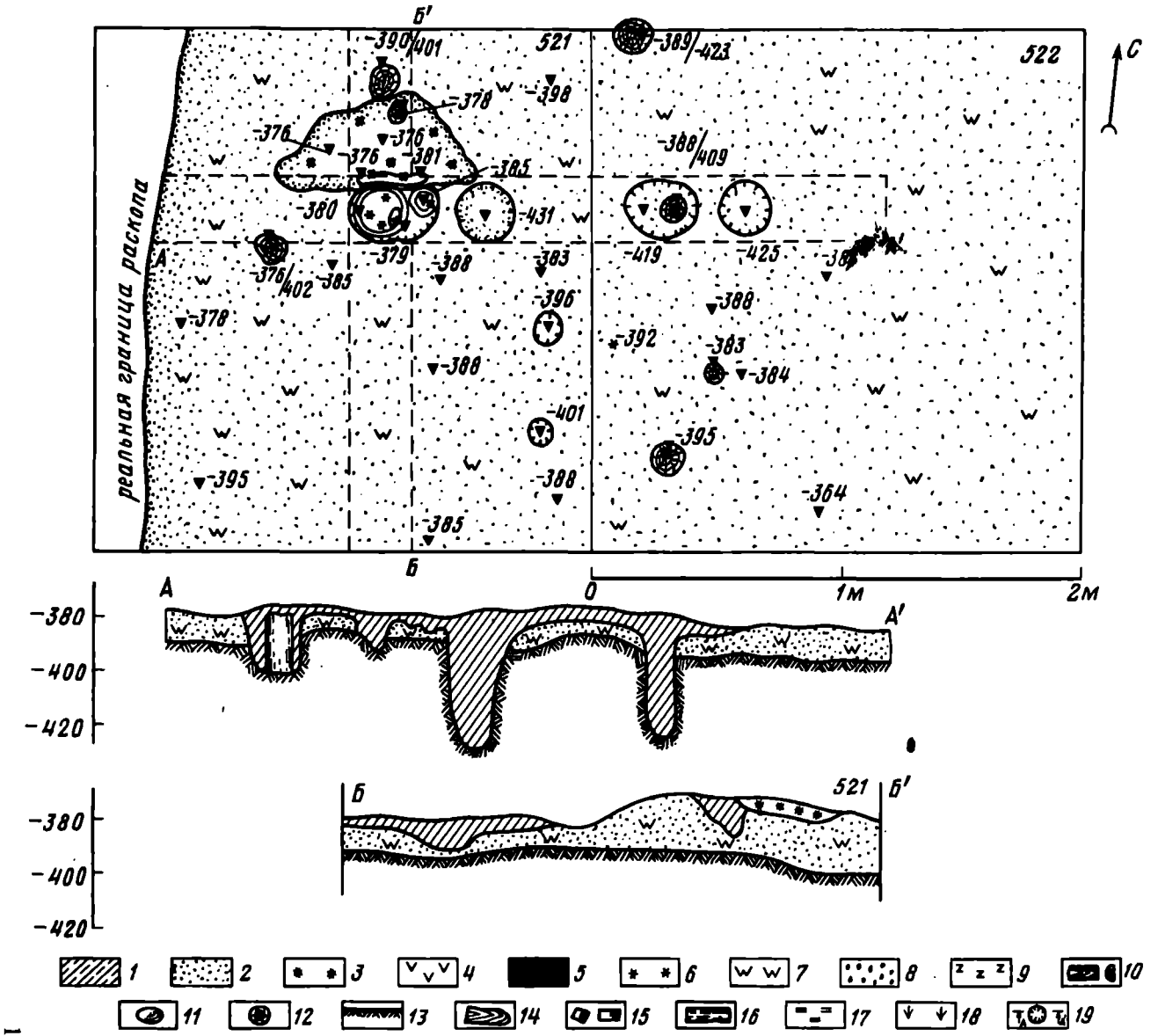


Рис. 3. Погр. 62. Условные обозначения к рис. 3, 7, 9, 10: *1* – темно-коричневый культурный слой; *2* – песок; *3* – уголь; *4* – зола; *5* – погребенный дерн в разрезе; *6* – кальцинированные кости; *7* – гумусированный песок; *8* – известь, известковый раствор; *9* – щепа; *10* – плаха; *11* – валун; *12* – столб; *13* – материк; *14* – доска; *15* – плитняк; *16* – бревно; *17* – обожженная глина; *18* – погребенный дерн (в плане); *19* – яма

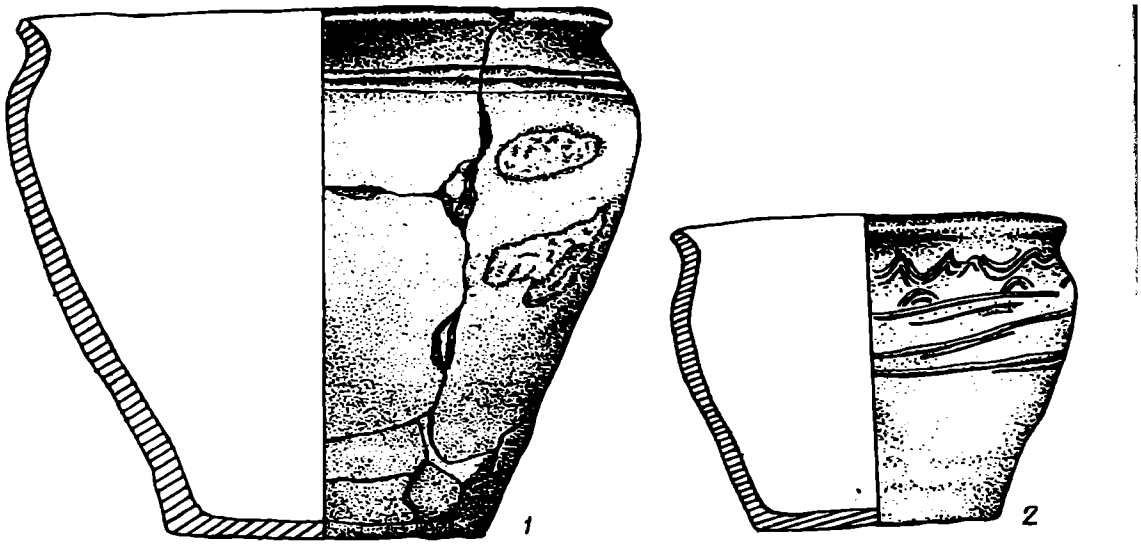


Рис. 4. Погребальная урна и сопровождающий сосуд из погр. 62: *1* – погребальная урна; *2* –сопровождающий сосуд

столбов, остальные были заполнены рыхлым темно-коричневым культурным слоем. В восточной части насыпи было расчищено пять аналогичных материковых ям. Более всего пострадала южная часть насыпи, нарушенная довольно большой ямой неправильной формы. Однако само погребение сохранилось в первоначальном виде (рис. 3).

Захоронение, выявленное в кв. 521 на уровне 19–20 пластов, представляло собой трупосожжение на стороне, погребальная урна была заглублена в ямку, прорезавшую слой гумусированного песка и немного материк. Ямка имела конусообразную форму. Ее диаметр 0,32, глубина 0,14 м. В этой же ямке с восточной стороны от погребальной урны, на расстоянии 0,02 м, почти вплотную к ней, располагался сопровождающий сосуд. Ямка с сосудами была заполнена светло-коричневой землей. К северу от нее зафиксировано пятно древесного угля и золы подтреугольной формы 0,38×0,62 м мощностью 0,01–0,02 м, которое частично перекрывало ямку. В южной части пятна, в 0,02–0,03 м расчищена полностью сгоревшая плашка, ориентированная с запада на восток, длиной 0,3 м, шириной 0,04–0,05 м.

Погребальная урна была почти доверху заполнена кальцинированными костями, принадлежащими взрослому человеку (Романова Г.П., 1990). В юго-восточной части урны поверх костей лежал небольшой округлой формы камень (0,04×0,08 м). В верхней части заполнения урны кальцинированные кости были перемешаны с песком, угольками, мелкими камнями. В средней части заполнения находились более крупные кости, в том числе и кости черепа, фактически без примесей. Однако самые крупные фрагменты костей лежали в нижней части урны. Среди них встречено небольшое количество песка и мелких угольков.

Погребальная урна представляет собой невысокий раннегончарный горшок с линейным орнаментом по плечику, высота которого совпадает с диаметром устья (16,5 см), а его максимальное расширение (18,5 см) приходилось на верхнюю треть тулова горшка. Диаметр донца 9 см. Венчик сосуда короткий, слегка отогнутый наружу.

Сопровождающий сосуд – небольшой раннегончарный горшочек, (высота 9,4 см), близок по пропорциям погребальной урне. Орнаментирован в верхней части комбинированным орнаментом, представляющим собой многорядную волну и небрежно нанесенные линии (рис. 4).

Сопровождающий сосуд был заполнен мелким светло-желтым песком с включениями небольшого количества угольков. Сверху содержимое горшочка было накрыто де-

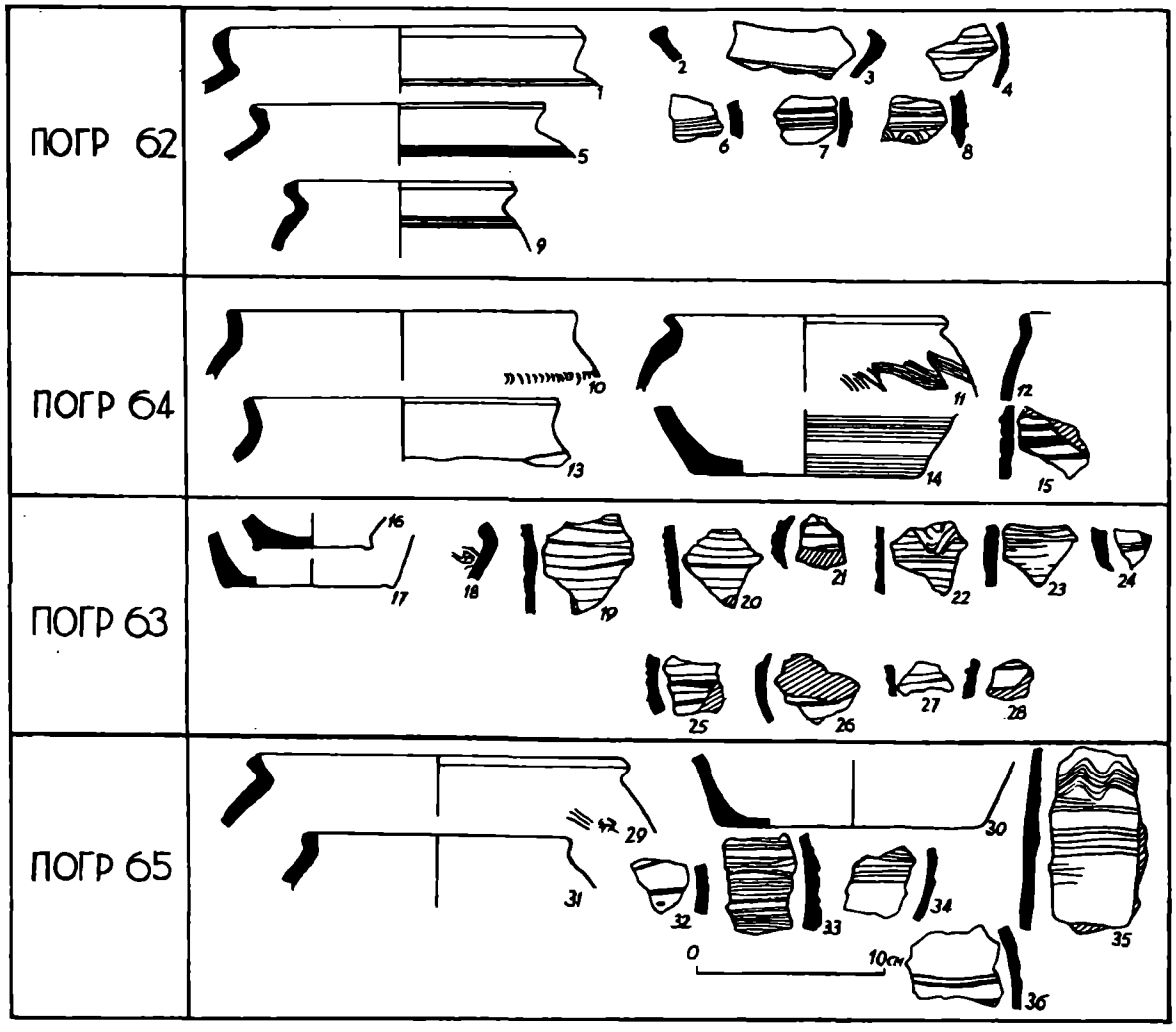


Рис. 5. Керамика из погр. 62–65: *1–4, 6–9* – кв. 521, пл. 20, № 405–412, 439; *5* – кв. 522, пл. 20, № 418; *10, 12, 13, 15* – кв. 501, пл. 25, № 462–464, 467; *11, 14* – кв. 501, пл. 25, № 465, 468 (фрагменты одного сосуда); *16, 18–22, 25–28* – кв. 489, пл. 23, № 469–477 (фрагменты одного сосуда); *17, 23, 24*, – кв. 489, пл. 23, № 487, 489; *29* – кв. 480, пл. 24, № 482; *30* – кв. 490, пл. 24, № 485; *31* – кв. 489, пл. 24, № 484; *32–34* – кв. 480, пл. 24, № 480, 481, 483; *35* – кв. 489, пл. 24, № 479; *36* – кв. 480, пл. 25, № 478. № *1–9* – из слоя гумусированного песка над погр. 62

ревянной крышкой, от которой сохранились обугленные древесные волокна толщиной от 0,3 до 0,7 см. Они лежали на 0,02 м ниже венчика горшочка.

Сосуды, использованные в качестве погребальной урны и сопровождающего сосуда, соотносятся с керамикой группы 4 Псковского городища (Белецкий С.В., 1980, с. 8, рис. 3), которая датируется концом IX – первой половиной X в.

В слое гумусированного песка, в непосредственной близости от погребения, было найдено девять фрагментов не менее чем от четырех сосудов. По формам венчиков они могут быть отнесены к группе 5 керамики Псковского городища и один из них – к группе 6 (Белецкий С.В., 1980, с. 8, рис. 4), датируемым второй половиной X – первой половиной XI в. и более поздним временем. Эти фрагменты в большинстве своем связаны со временем существования древнерусского кладбища Пскова (рис. 5).

Датой погр. 62 по комплексу обнаруженных здесь керамических сосудов с наибольшей степенью вероятности можно считать X в.

В северо-восточной части раскопа (кв. 500–502, 509–511) было обнаружено основание круглой в плане курганной насыпи диаметром 3,4 м. Оно было расчищено под слоем рыхлой темно-коричневой земли мощностью 0,15 м, который в свою очередь был перекрыт довольно тонким слоем гумусированного песка (от 0,06 до 0,2 м). Вероятнее

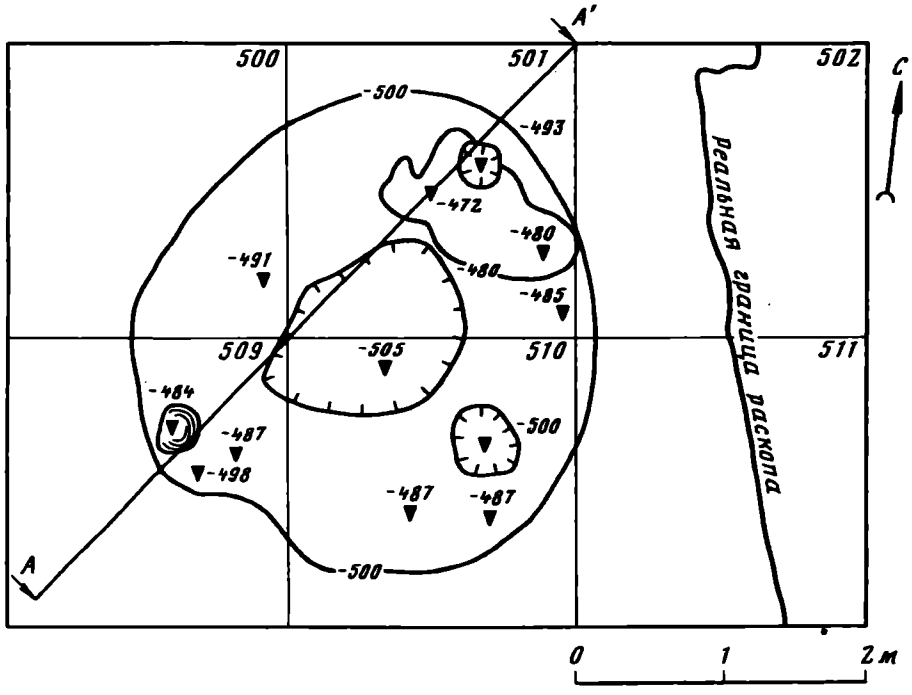


Рис. 6. Сохранившаяся часть насыпи кургана над погр. 64

всего, образование такого рода "языка" песка связано с оползанием основного слоя гумусированного песка. Однако такая стратиграфическая ситуация позволила нам выявить остатки курганной насыпи уже на уровне гумусированного песка (рис. 6). Курганная насыпь сохранилась не более чем на 0,1–0,12 м. Она состояла из темно-желтого гумусированного песка. Основание курганной насыпи и ее сохранившаяся часть были прорезаны тремя материковыми ямами с уровня культурного слоя. В центре насыпи – овальная в плане яма 1,1×1,54 м в поперечнике. Ее максимальная глубина 0,33 м. В северо-восточной части – столбовая ямка диаметром 0,32 м, глубиной 0,19 м. И наконец, в юго-восточной части основания насыпи округлая в плане столбовая ямка диаметром 0,5, глубиной 0,13 м. Таким образом, курганная насыпь сильно пострадала как в период нивелировки могильника, так и во время хозяйственного освоения участка.

С этой курганной насыпью связано потревоженное материковой ямой, расположенной в центре основания насыпи, погребение, получившее в полевых условиях № 64. Оно совершено по способу трупосожжения на месте возведения курганной насыпи. Во время расчистки погребения были обнаружены остатки погребального костра (рис. 7) – нижний венец сгоревшего сруба, рубленного "в обло". Сохранились: северный угол, северо-западная стенка (длина 1,36 м), а также часть юго-западной и северо-восточной стенок (длина 1,14 м). Диаметр сгоревших бревен 0,2–0,22 м. Сруб находился непосредственно на материке. Вероятнее всего, погребальный костер был сооружен на покрытой дерном погребальной площадке, так как сохранилось небольшое пятно погребенного дерна (0,8×1,66 м), вытянутое с юго-запада на северо-восток. Его юго-западная часть была перекрыта описанной выше срубной конструкцией. Слой дерна тонкий (от 0,04 до 0,1 м), темно-серого цвета с включением мелких угольков. Песок под ним местами ярко-оранжевый, прокаленный.

Пережженные кости в основном находились в виде скопления внутри срубной конструкции, но небольшая часть из них была обнаружена вокруг нее на материке и слое погребенного дерна. Скопление кальцинированных костей, как мы полагаем, было расположено непосредственно на кострище. Скопление имело неправильную форму, было немного вытянуто с запада на восток. В поперечнике его размеры 0,7×1 м. Кальцинированные кости в скоплении были перемешаны с остатками погребального

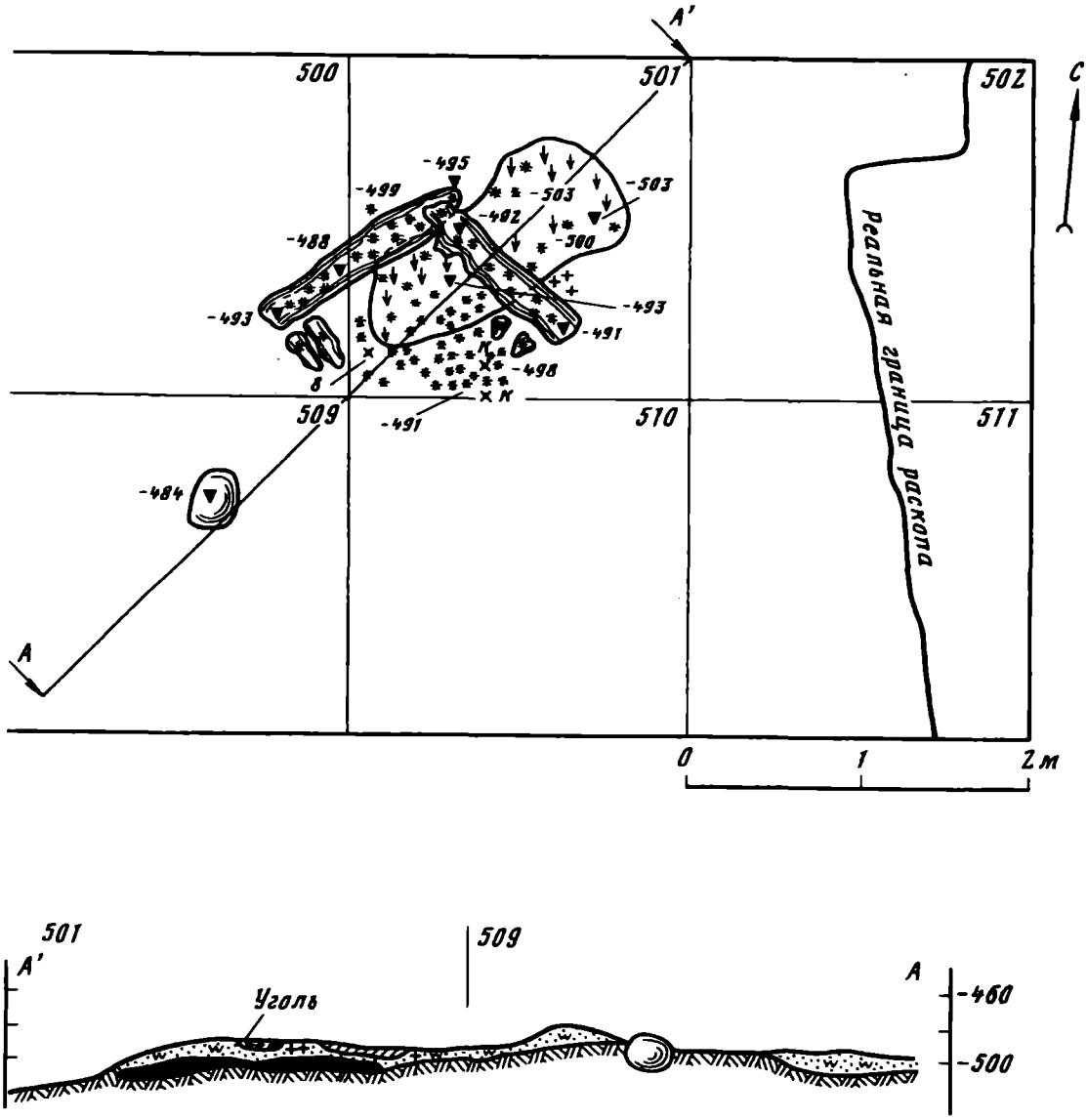


Рис. 7. Погр. 64 (условные обозначения см. на рис. 3)

костра в виде угольков. Среди пережженных костей были найдены фрагмент оплавленного бронзового предмета (кв. 501, глубина – 484 см, № 8), а также фрагменты четырех керамических сосудов (рис. 5).

Среди фрагментов керамики три от раннекругового горшка, придонная часть которого орнаментирована неглубокими линиями, а по плечикам нанесен орнамент в виде многорядной волны. Кроме этих фрагментов найдены также три фрагмента горшков с почти вертикально поставленным венчиком. Ближайшие аналогии этим горшкам мы находим среди лепной и раннекруговой керамики Псковского городища (Белецкий С.В., 1980, с. 7, 8, рис. 3) и керамики из раскопок на ул. Ленина.

Погр. 64 может быть датировано по комплексу признаков X в.

В северной части раскопа (кв. 470–472, 479–482, 488–491, 497–500) была расчищена еще одна круглая в плане курганная насыпь, диаметром около 7 м, так же, как и другие, пострадавшая от нивелировки второй половины XI в. и сильно изрезанная более поздними ямами. Так, ее северо-западная часть (кв. 470, 479) полностью разрушена подвальной ямой сруба, выявленного в культурных отложениях, непосредственно перекрывающих гумусированный песок на этом участке. Кроме того, в западную полу насыпи (кв. 470, 471, 479, 480) был врезан юго-восточный угол сруба, датируемого рубежом XI–XII вв. Ямами были повреждены восточная и юго-западная

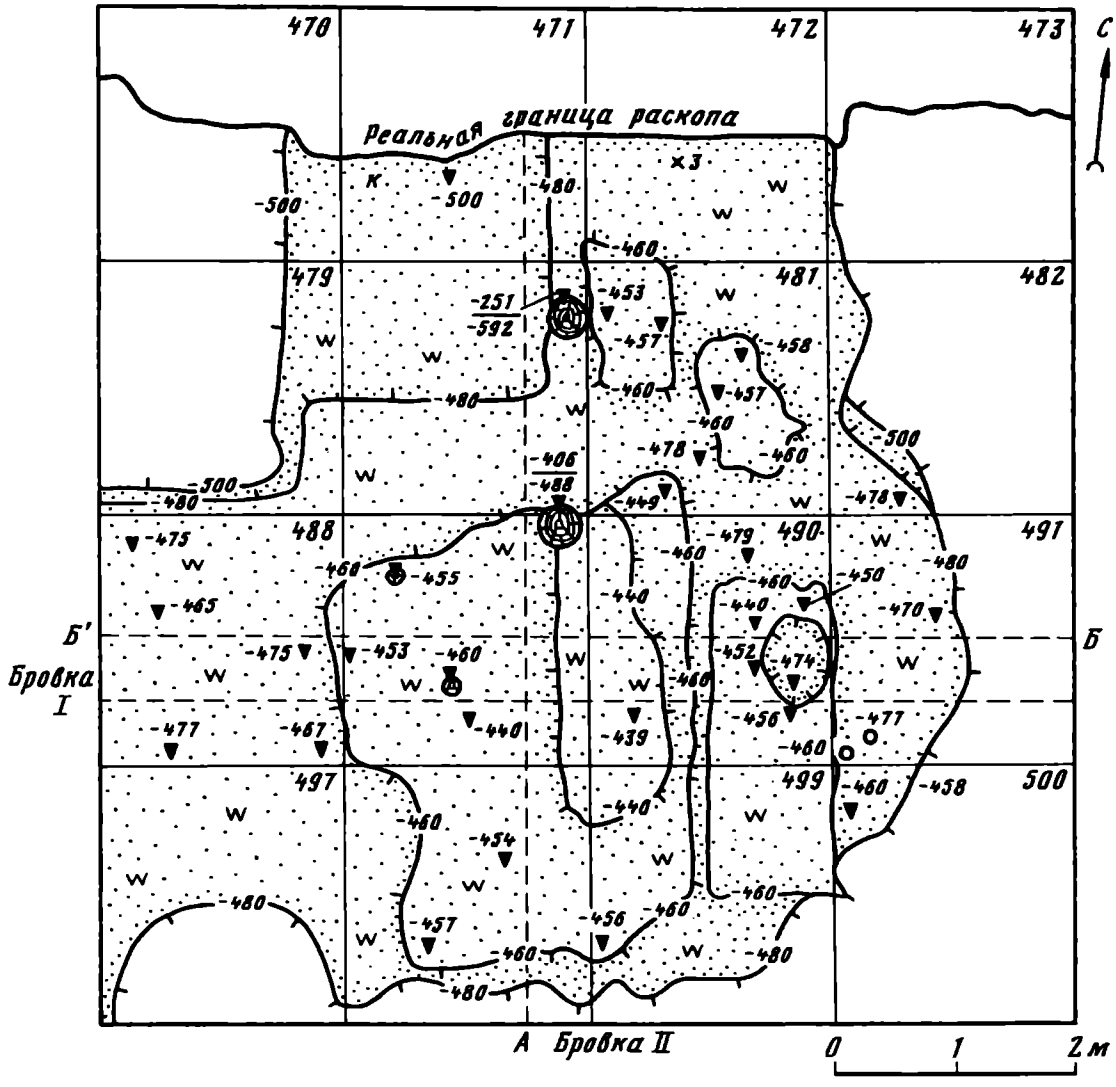


Рис. 8. Сохранившаяся часть насыпи кургана с погр. 63 и 65

части насыпи. В кв. 480, 489–491 семь столбовых ямок диаметром от 0,06 до 0,7 м. В центральной части кв. 490, 499 прослеживается прорезающая насыпь частокольная канавка шириной 0,14–0,2 м. В квадратах 491, 500 "язык" песка, оползшего с остатков курганной насыпи, перекрывал темно-коричневый культурный слой. Курганная насыпь сохранилась лишь фрагментарно в виде слоя светло-желтого и светло-серого гумусированного песка над прослойкой погребенного дерна в основании насыпи мощностью от 0,02 до 0,34 м (рис. 8).

Ровики этой курганной насыпи, как и насыпи с погр. 64, не читались.

В основании этой курганной насыпи было выявлено пятно погребенного дерна темно-коричневого цвета овальной формы, ориентированное по линии север – юг. Его размеры 8×5 м, мощность от 0,08 до 0,24 м. Это позволяет нам утверждать, что погребение было совершено на горизонте. Оно представляло собой трупосожжение на стороне. Результаты кремации были обнаружены в виде скопления кальцинированных костей (1,2×1,3 м) в западной части пятна погребенного дерна (кв. 480, 489), непосредственно на его поверхности и частично в составе дернового слоя.

С северо-востока, запада и юго-запада скопление кальцинированных костей ограничивалось фрагментами горелых бревен, которые, возможно, были перенесены с погребального костра. Они лежали непосредственно на слое погребенного дерна, большее из них имело длину 2,4, меньшее 0,3 м и диаметр от 0,2 до 0,3 м (рис. 9).

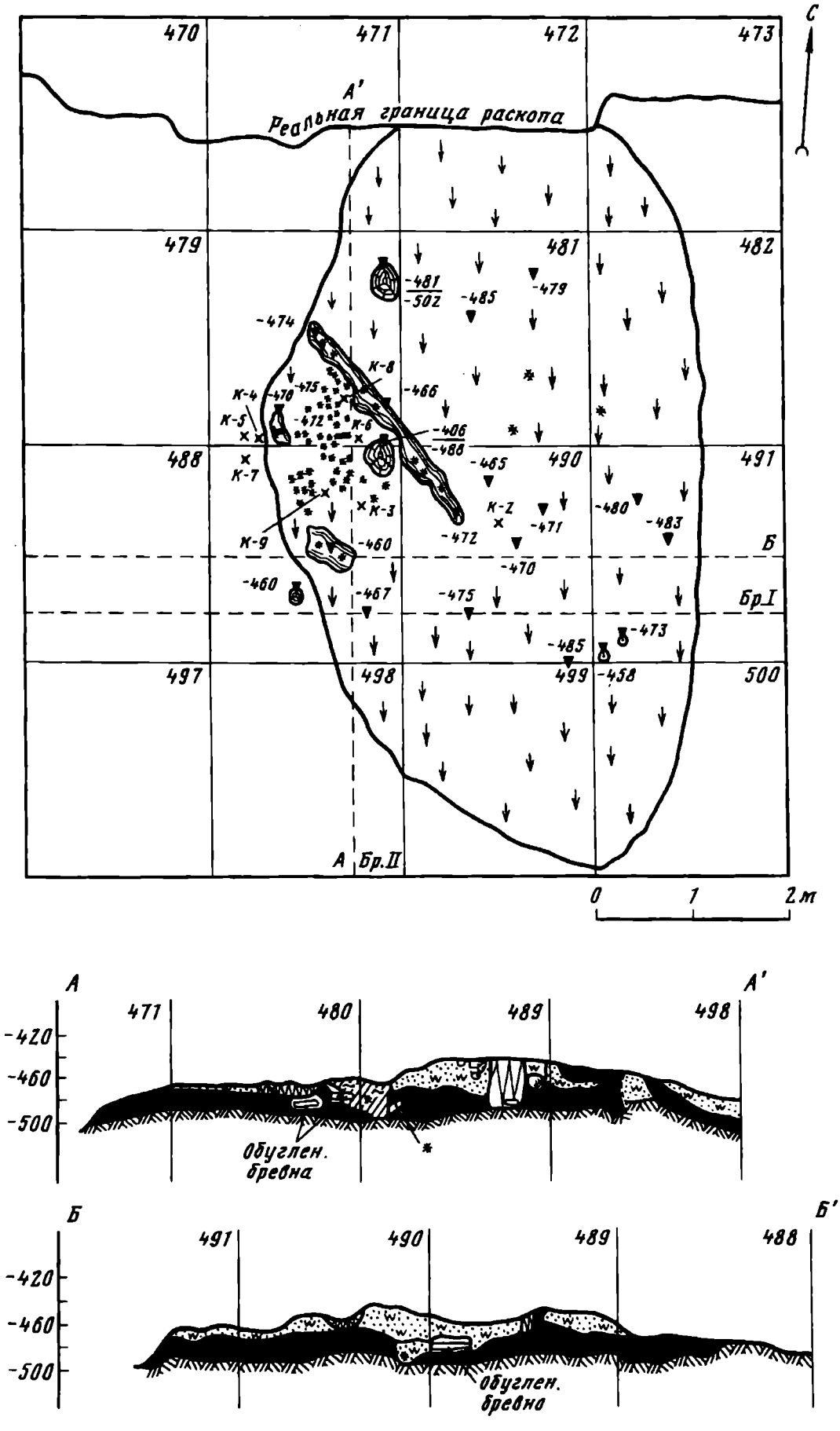


Рис. 9. Погр. 65 (условные обозначения см. на рис. 3)

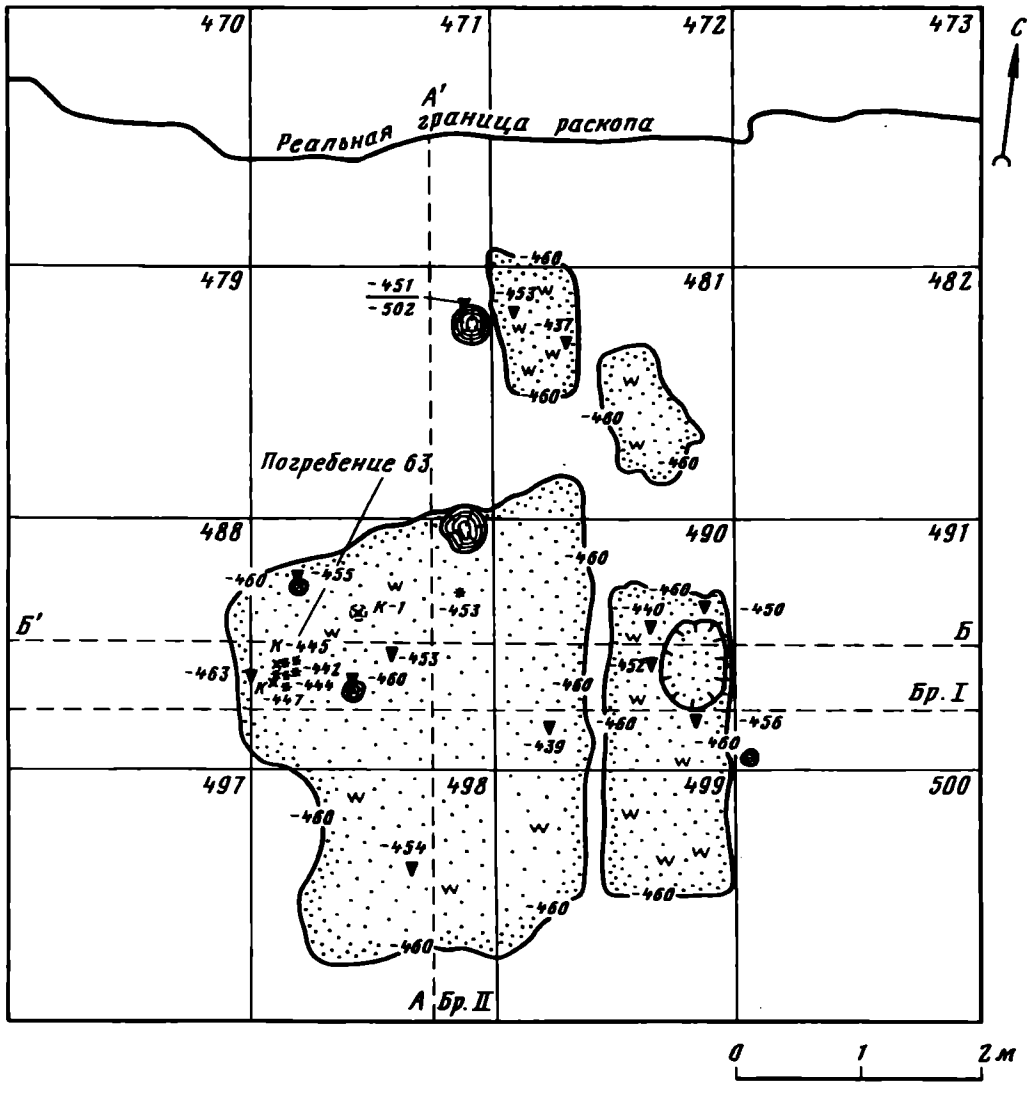


Рис. 10. Погр. 63 (условные обозначения см. на рис. 3)

Среди кальцинированных костей скопления были обнаружены четыре фрагмента стенок раннекруговых сосудов с линейным и в одном случае с комбинированным (линия и многорядная волна) орнаментом. К западу от погребения на расстоянии 0,4–0,6 м обнаружены еще два фрагмента раннекруговых сосудов – фрагмент стенки с линейным орнаментом и фрагмент венчика сосуда с волнистым орнаментом по плечикам и, кроме того, фрагмент венчика лепного сосуда, слегка подправленного на гончарном круге. В 1 м к юго-востоку от скопления найдены фрагменты донца и стенки раннекругового сосуда (рис. 5).

Обнаруженные фрагменты горшков могут быть отнесены к керамике групп 4 и 5 Псковского городища, которая встречается в нижних отложениях древнейшей части посада Пскова (Белецкий С.В., 1980, с. 7, 8, рис. 3, 4). Вероятнее всего, эти формы керамической посуды сосуществовали в X в., что и позволяет нам датировать погр. 65 этим временем.

В кв. 489 в слое гумусированного песка, составлявшего сохранившуюся часть западной полы курганной насыпи с погр. 65 в основании, было обнаружено еще одно погребение, получившее № 63 (рис. 10).

По состоянию сохранности это погребение можно отнести к потревоженным, но степень потревоженности позволяет со значительной степенью достоверности судить о некоторых элементах погребального обряда. Оно было нарушено столбовой ямой

диаметром 0,4–0,5 м с уровня темно-коричневого культурного слоя, которая прорезала слой гумусированного песка и частично погребенный дерн, но в материк не заглублялась. В ее заполнении встречены единичные кальцинированные кости.

Погр. 63 представляет собой сильно потревоженный и даже частично перемещенный комплекс. Оно имело вид скопления (0,4×0,4 м) кальцинированных костей с включениями угольков. В 0,5 м к северо-востоку от скопления, в слое гумусированного песка, была прослежена небольшая, плохо читавшаяся в плане ямка, на дне которой сохранились два фрагмента донца кругового горшка с приставшими к ним с внутренней стороны кальцинированными костями. Среди пережженных костей скопления было встречено еще восемь фрагментов этого же сосуда: один фрагмент венчика и семь фрагментов стенок, орнаментированных линиями в сочетании с многорядной волной (рис. 5).

Погр. 63 является впускным, оно было совершено по способу трупосожжения на стороне с помещением останков в погребальную урну, установленную в ямке, вырытой в западной поле кургана. При нивелировке курганной насыпи верхняя часть погребальной урны была разбита и вместе с кальцинированными останками погребенного перемещена.

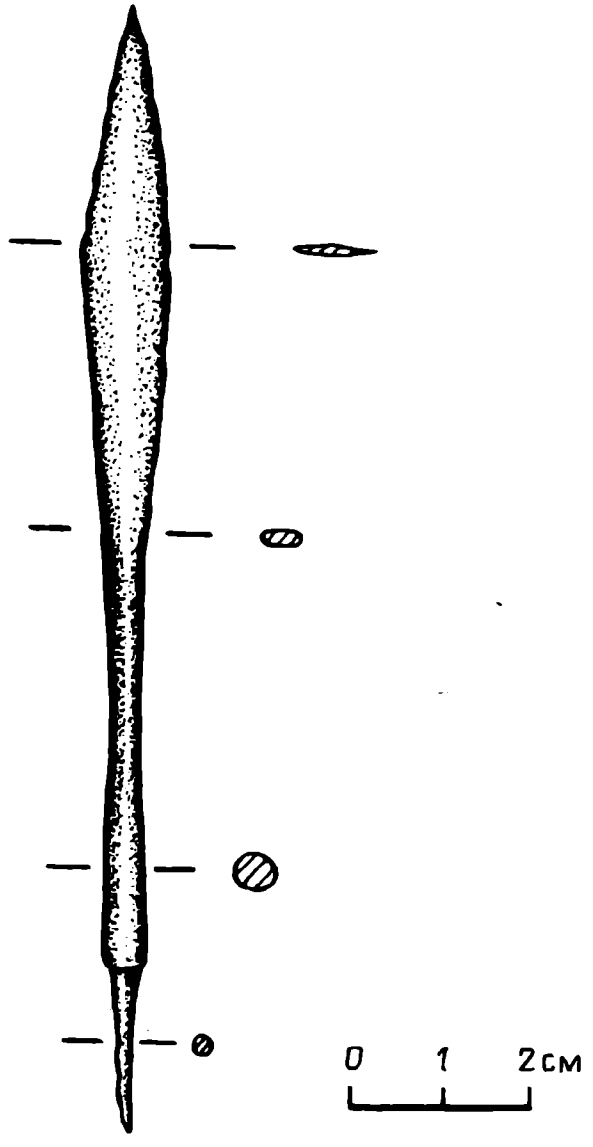


Рис. 11. Наконечник стрелы (кв. 472, № 3)

В качестве погребальной урны для этого захоронения был использован богато орнаментированный линиями и многорядной волной круговой горшок, соотносимый с керамикой группы 5 Псковского городища (Белецкий С.В., 1980, с. 8, рис. 4), датируемой второй половиной X – первой половиной XI в.

Кроме упомянутых фрагментов керамических сосудов в гумусированном песке на зачищенной поверхности сохранившейся части насыпи кургана был найден ланцетовидный наконечник стрелы (кв. 472, гл. –496, № 3). Подобные наконечники были широко распространены на Руси и в Скандинавских странах в IX–XI вв. (Медведев А.Ф., 1959, с. 155, табл. 9) (рис. 11).

Таким образом, погр. 63 было совершено в период после совершения погр. 65 и сооружения над ним курганной насыпи и до ее разрушения во второй половине – конце XI в., возможно, во второй половине X – первой половине XI в.

На основании приведенных материалов можно заключить, что изученный участок курганного кладбища Пскова сформировался в X в. и просуществовал до второй половины XI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий С.В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160.

Колосова И.О., 1989. Раскоп XIII на улице Ленина // Архив ИА РАН. Р-1. № 14 293. Псков.
Колосова И.О., Козлов С.Э., 1989. Раскоп XIII на улице Ленина // Архив ИА РАН. Р-1. № 12 654. Псков.
Колосова И.О., Милютина Н.Н., 1994. Большой курган древнерусского некрополя Пскова: погребения 57 и 59 // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков.
Лабутина И.К., 1983. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 года // Археологическое изучение Пскова. М.
Лабутина И. К., 1985. Итоги изучения нижних отложений культурного слоя Пскова в раскопках на улице Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практич. конф. Псков.
Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65.
Романова Г.П., 1990. Определения палеоантропологических материалов из раскопок Псковской археологической экспедиции // Архив Псковского археологического центра. Псков.

Московский государственный университет

N.N. MILJUTINA

ON THE ANCIENT RUSSIAN BURIALS FROM THE PSKOV NECROPOLIS

Summary

This publication deals with a part of Pskov's barrow cemetry, excavated in 1988–1989 and dated to the 10th – first half of the 11th centuries. The author describes the remains of three barrows and the burials discovered in them. The funeral ceremony and the ceramic complexes of the burials are also discussed in the article.

М.Е. РОДИНА

О НЕИЗВЕСТНОМ ПОГРЕБЕНИИ XII в. ИЗ РАСКОПОК Н.Н. ВОРОНИНА ВОЗЛЕ ЦЕРКВИ СПАСА ВО ВЛАДИМИРЕ

В археологических фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится редкая и интересная находка, неизвестная широкому кругу исследователей и не вошедшая в научный оборот, но заслуживающая внимания. Это фрагменты головного убора и воротника из погребения XII в., раскопанного более 40 лет назад.

В 1953 г. экспедиция под руководством Н.Н. Воронина предприняла широкомасштабные археологические разведки в древней части г. Владимира. Целью шурфовки в районе церквей Спаса и Георгия был поиск старых княжеских дворов первой половины XII в. и Мономаховой церкви Спаса 1108 г.

Материалы из погребения возле церкви Спаса опубликованы не были. Скупую информацию об обстоятельствах находки можно почерпнуть из отчета Н.Н. Воронина о разведках 1953 г.

Шурф № 7 располагался в 10 м к северу от северо-восточного угла основного четверика существующей церкви Спаса XVIII в., что стоит на месте белокаменной церкви XII в. Культурный слой на всю глубину до материка оказался перекопанным. В южной части шурфа, на глубине 110 см обнаружена белокаменная гробница прямоугольной формы (рис. 1). Высота ее 54 см, длина 194, толщина крышки 8 см. Плита крышки расколота на несколько кусков и частично провалилась внутрь. Гробница заполнена мусорным грунтом, внутрь попали кости второго покойника. Основное погребение нарушено: таз перевернут, ребра – в куче отдельно, череп смещен. На черепе обнаружены две золотные ленты и шелковая полоска-повязка шириной 3 см. В области шеи и плеч собраны штампованные из серебряного тонкого листа вызолоченные нашивные бляшки в форме квадрифолиев и прямоугольников, а также маленькие литые бронзовые пуговки (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1953, с. 7, 8).

Описанная гробница – не единственная белокаменная гробница, обнаруженная возле церкви Спаса. Так, в 1852 г. "Владимирские губернские ведомости" сообщали о случайно найденной подле Спасской церкви, против алтарных частей, гробнице из белого камня (Доброхотов В., 1852). К сожалению, описания гробницы и ее содержимого не даются. Еще одна гробница была найдена Н.Н. Ворониным также в 1953 г. справа от северного портала церкви. Гробница была расколота, кости погребенного перемешаны, вещи не сохранились (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1953, с. 9).

В коллекции материалов из раскопок 1953 г. (№ В-1467), хранящейся во Владимиро-Суздальском музее, имеется 28 (целых и обломков) бляшек в форме квадрифолия 0,9 × 1 см, 4 прямоугольных бляшки 0,8 × 1 см и 5 бронзовых пуговок со следами позолоты. Крошечные (0,6 × 0,8 см) пуговки оказались не литыми, а сделанными в более сложной технике: они состоят из двух полых полушарий, ушко изготовлено из тонкой проволоки (рис. 2, 5).

Сохранились три фрагмента ткани и лента от головного убора. Ткани реставрированы и исследованы специалистом по древнему текстилю А.К. Ёлкиной[1].

---

[1] Выражаю глубокую признательность А.К. Ёлкиной за консультации и определение тканей.

© М.Е. Родина, 1996 г.

Рис. 1. Общий вид белокаменной гробницы, найденной возле церкви Спаса в 1953 г. Фото из отчета Н.Н. Воронина

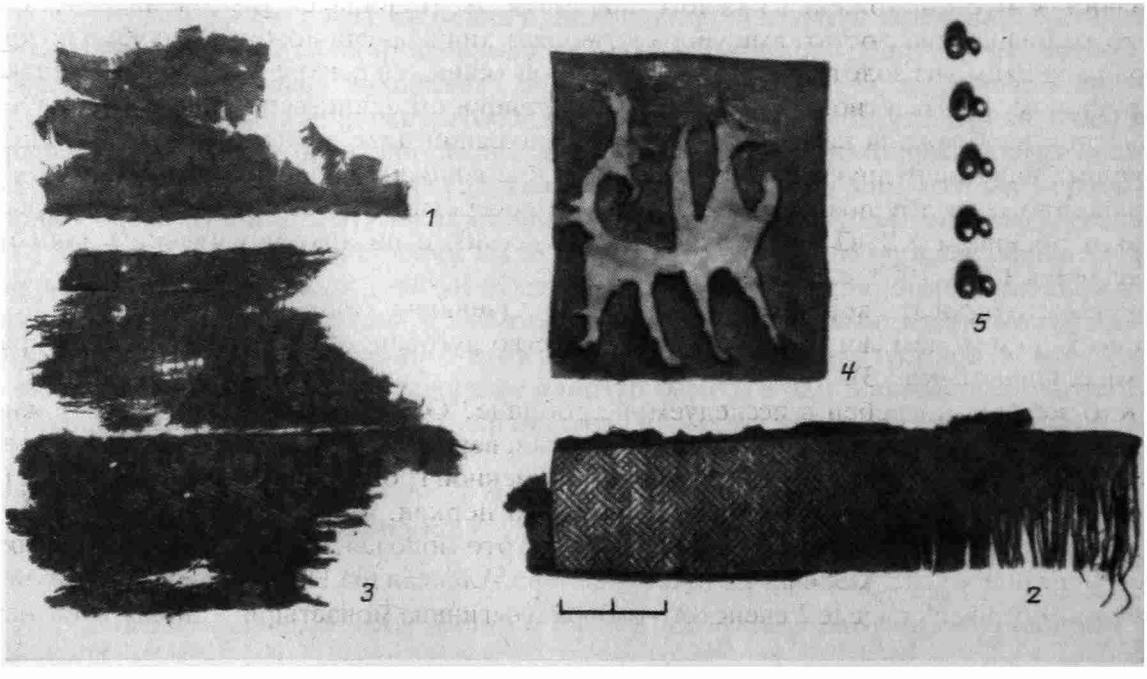


Рис. 2. Вещи из погребения: *1*, *3* – шелковые ткани; *2* – золотная лента; *4* – золотное шитье; *5* – пуговки

1. Тонкая шелковая ткань (рис. 2, *1*), вероятно, среднеазиатского производства, могла служить основой убора или подкладкой: хорошо видны подгиб и проколы иглой.

2. Классическая византийская золотная лента (рис. 2, *2*) с традиционным плетеным орнаментом. Ширина 2,7, длина 12 см. Лента соткана на сложном двухуточном станке с большим количеством ремизок. Шелковые нити основы и базового утка содержат следы червчатой окраски. Металлическая нить – позолоченное серебро, пряденное на шелке. Лента могла использоваться для обрамления убора.

3. Согнутый вдвое (ширина 2,6 × 2, длина 9 см) и сшитый в виде ленты фрагмент полихромной узорной шелковой ткани саржевого переплетения арабо-мавританского происхождения (рис. 2, *3*). Это шелк типа "самит" или "аксамит".

4. Золотный прямоугольник (5 × 6 см) с прорезным изображением грифона (рис. 2, *4*). В древности это была византийская шелковая ткань синего цвета (краситель индиго), на которой золотными византийскими нитями византийским швом был вышит фон и получалось изображение синего грифона на золотом фоне, абрис грифона был вышит красной шелковой нитью стебельчатым швом. Сейчас шелковые нити почти не сохранились, а металлические золотные уцелели.

Грифон показан шагающим вправо. Он имеет длинную вытянутую шею, гордо выпяченную грудь, стройное туловище и длинные тонкие лапы. Грифон изображен с распахнутыми серповидными крыльями и хвостом с пальметообразным завершением.

Изображения грифона на тканях – не редкость: их можно было видеть на парадных облачениях византийских императоров и воинской знати в Византии, а также на одеждах русских князей (Тихомиров Д., 1844, рис. V; Прохоров В., 1881, с. 83, 84).

В византийском и древнерусском искусстве грифон выступает в роли благожелательного по отношению к человеку монстра, могучего победителя злых сил. Изображения грифонов выполняли охранительные функции. Мы можем видеть этих неусыпных стражников на стенах церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора, а также в орнаментальном фризе боевого шлема князя Ярослава Всеволодовича. Помещенные на великокняжеские одежды и головные уборы грифоны служили символами власти и знатности происхождения (Вагнер Г.К., 1962, с. 87).

Сделать точную реконструкцию головного убора и воротника из исследуемого погребения не представляется возможным, так как погребение нарушено – вероятно, ограблено. В отчете Н.Н. Воронина нет чертежа вскрытого погребения с точным указанием местоположения каждого предмета. А имеющаяся там очень нечеткая фотография черепа с остатками убора позволяет лишь предположить, что убор на лбу украшала кайма из золотной ленты и шелковой ткани, а в центре помещалась вставка с грифоном. Неизвестно, была ли вставка с грифоном единственной, – обычно этих монстров изображали парой: либо в геральдической позе возле древа жизни, либо идущими навстречу друг другу (рис. 3). Женские головные уборы в виде покрывала, украшенного на лбу позументом с вставкой посередине, известны благодаря фресковым росписям XII в. (Прохоров В., 1881, с. 80) и по археологическим данным (Шеляпина Н.С., 1973, с. 61, 62).

Реконструировать воротник еще сложнее. Очевидно лишь, что шириной он был около 5–6 см (о чем свидетельствует количество пуговиц – 5 шт.) и расшит серебряными бляшками (рис. 3).

Кто же был погребен в исследуемой гробнице? Определенно утверждать можно лишь то, что это погребение знатного человека, вероятно, княжеского рода. В пользу этого говорят богатство убора, наличие белокаменной гробницы и близость к церкви (в древности гробница могла находиться в самой церкви, а при перестройке XVIII в. оказалась за ее пределами). Предположительно это молодая женщина[2]. Для сравнения даем описание одежд княжны Евдокии – дочери Александра Невского, погребенной в каменном гробу в приделе Успенского собора Княгинина монастыря: "...покров на ней

[2] Выражаю благодарность антропологу Г.В. Лебединской. По фотографии черепа она предположительно определяет погребенного как довольно молодую женщину. Череп утрачен.

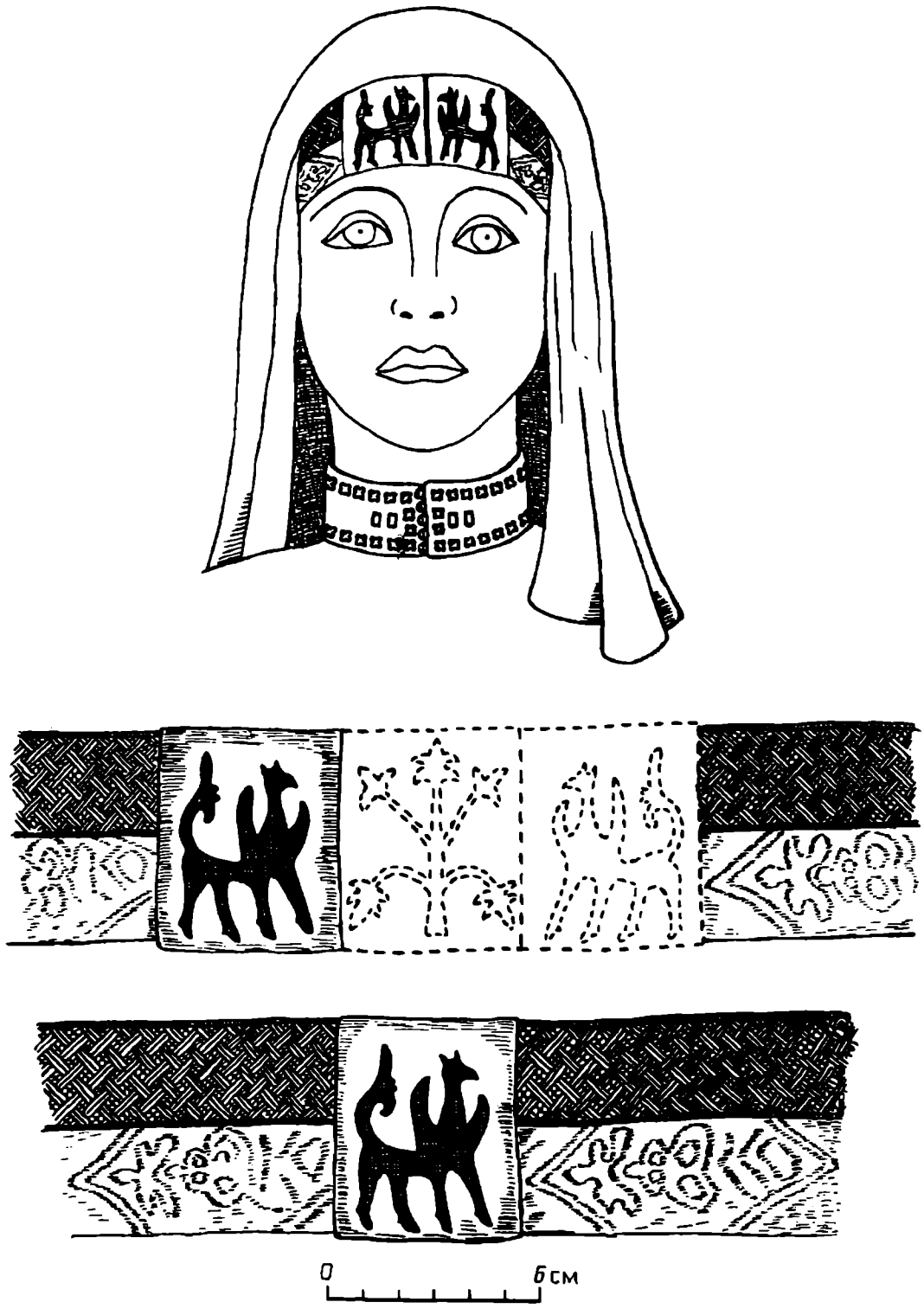


Рис. 3. Варианты реконструкции головного убора и воротника

во гробе камка желтая, круживо на нем шито золотом... у сорочки ожерелье жемчужное пристежное с каменьем з дробницы. Дробницы серебрены золочены" (Из сборника Троице-Сергиевой Лавры..., 1885, с. 109).

Определить достоверно, кто эта молодая знатная дама из белокаменной гробницы практически невозможно. Не удалось найти каких-либо письменных данных о том, кто был похоронен возле церкви Спаса. Имеются описания древних гробниц (Порфирий архимандрит, 1903) кафедрального Успенского собора (женщин там хоронили

редко: в 1183 г. княгиню Ольгу – дочь Юрия Долгорукого, жену галицкого князя Ярослава Осмомысла, в 1238 г. княгиню Агафью – жену Георгия Всеволодовича со снохами и дочерью Феодорой) и Успенского собора Княгинина монастыря (гробницы Марии Шварновны, ее дочери и сестры Елены, жен и дочерей Александра Невского). Подобных данных по истории Спасской церкви и возникшего при ней в древности монастыря нет. Летописные же сведения о княжеских женах и дочерях очень скудны и отрывочны: лишь некоторых мы знаем по имени, а многим совсем не было суждено появиться на страницах летописей.

Попробуем определить круг молодых княгинь, находившихся во Владимире в последние приблизительно 40 лет XII в. (Спасская церковь построена в 60-е годы XII в., а с начала XIII в. усыпальницей владимирских княгинь стал Успенский собор Княгинина монастыря), место погребения которых неизвестно.

Жена Мстислава Андреевича – сына Андрея Боголюбского. В летописях сообщается, что в 1170 г. у Мстислава Андреевича родился сын Василий (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 362), значит, в это время Мстислав был женат. Мстислав умер молодым в 1173 г. (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 365). О его молодой жене в летописях нет никаких упоминаний. После смерти мужа (если она не умерла раньше при родах) она могла оставаться с сыном во Владимире и впоследствии быть похороненной у церкви Спаса.

Жены Ярополка и Мстислава Ростиславичей – племянников Андрея Боголюбского. Дочь витебского князя Всеслава Васильевича стала женой Ярополка Ростиславича зимой 1175 г., венчались они во Владимире, в Успенском соборе (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 374). После взятия летом 1175 г. войсками "стрыев" Михалки и Всеволода Юрьевичей г. Владимира Мстислав бежал в Новгород, Ярополк – в Рязань, "а княгиню Ростиславлю, матерь их со снохами яша Володимерцы" (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 377; Летопись по Воскресенскому списку, 1856, с. 92). В.Н. Татищев же пишет, что во Владимире остались лишь мать Ростиславичей и жена Ярополка (Татищев В.Н., 1964, с. 112). На миниатюре Радзивиловской летописи, изображающей встречу владимирцами сыновей Юрия Долгорукого, показаны только две княгини (Радзивиловская... летопись, 1902, л. 220). Дальнейшая судьба молодой жены Ярополка неизвестна, она на страницах летописей больше не появляется.

Жена Мстислава Ростиславича, по летописным данным, оставленная им во Владимире, также больше не упоминается летописцами. Сам же Мстислав после бегства из Владимира в Новгород "оженися" там на дочери новгородского боярина Якуна Мирославича (Новгородская первая летопись, 1841, с. 16; Софийская первая летопись, 1851, с. 166). Вероятно, это был второй брак Мстислава, так как когда после смерти Михалки в 1176 г. ростовцы позвали его к себе, он тайно ушел в Ростов, оставив в Новгороде своего сына Святослава (Новгородская первая летопись 1841, с. 16). Историк XVIII в. М. Щербатов отмечает, что изгнанный князь Мстислав Ростиславич жил в Новгороде у сына своего Святослава и дабы любовь новгородцев к себе привлечь женился на дочери их знатного гражданина Якуна Мирославича (Щербатов М., 1771, с. 353). Если принять за истину рассказ летописца о том, что во Владимире остались жены обоих Ростиславичей, то можно предположить, что первая жена Мстислава, мать его сына Святослава, умерла во Владимире вскоре после бегства мужа в Новгород. Вполне естественно, что владимирцы похоронили жену ненавистного им Мстислава не в кафедральном соборе.

Дочь Андрея Боголюбского, жена вщижского князя Святослава Владимировича. Летописец называет ее просто Андреевной, В.Н. Татищев – Ростиславой, а М. Щербатов – Марией (Ипатьевская летопись, 1908, стб. 509; Татищев В.Н., 1964, с. 70; Щербатов М., 1771, с. 277). Известий о ней очень мало. Только под 1159 г. летописи сообщают о ее браке с вщижским князем Святославом Владимировичем (Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 350; Ипатьевская летопись, 1908, стб. 509). В 1167 г. Святослав Владимирович умирает бездетным и начинается усобная борьба за его удел (Ипатьевская летопись, 1908, стб. 525; Летопись по Воскресенскому списку, 1856, с.

78). Вполне допустимо, что вдова его, а о ее смерти не сообщалось[3], покинула неспокойный Вщиж, где ее ничего не удерживало (детей не было), и вернулась к отцу во Владимир. Можно предположить и то, что дочь Андрея Боголюбского могли потом похоронить в церкви (или возле нее), созданной ее отцом.

Отдать предпочтение какой-либо из вышеперечисленных княгинь сложно; нет доказательств и найти их вряд ли удастся. Можно лишь выдвинуть гипотезу, что одна из этих княгинь была погребена в белокаменной гробнице, раскопанной Н.Н. Ворониным возле Спасской церкви во Владимире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вагнер Г.К., 1962. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре // СА. № 3.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1953. Отчет об археологических разведках во Владимире летом 1953 г. // Архив ВСМЗ. Дело 50.

Доброхотов В., 1852. Открытие гроба из белого камня близ Спасской церкви // Владимирские губернские ведомости. № 33.

Из сборника Троице-Сергиевой Лавры XVII в. за № 810, 1885 // Владимирские епархиальные ведомости. № 4.

Ипатьевская летопись, 1908 // ПСРЛ. Т. I. СПб.

Лаврентьевская летопись, 1962 // ПСРЛ. Т. I. М.

Летопись по Воскресенскому списку, 1856 // ПСРЛ. Т. VII. СПб.

Новгородская первая летопись, 1841 // ПСРЛ. Т. III. СПб.

Порфирий архимандрит, 1903. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе, Успенском Княгинином девическом монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители. Владимир.

Прохоров В., 1881. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб.

Радзивиловская, или Кинегсбергская, летопись, 1902. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб.

Софийская первая летопись, 1851 // ПСРЛ. Т. V. СПб.

Татищев В.Н., 1964. История Российская. Т. III. М.; Л.

Тихомиров Д., 1844. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М.

Шеляпина Н.С., 1973. Археологические исследования в Успенском соборе // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 1. М.

Щербатов М., 1771. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб.

Владимиро-Суздальский музей-заповедник

M.E. RODINA

THE UNKNOWN GRAVE OF THE 12TH CENTURY, EXCAVATED BY N.N. VORONIN NEAR THE CHURCH OF OUR SAVIOUR IN VLADIMIR

Summary

This article deals with an as of yet unpublished rich burial site of the 12th century. This white-stone tomb was excavated by N.N. Voronin near the Church of Our Saviour in Vladimir in 1953. The tomb contained the remains of a female silk headdress decorated with a Byzantine ribbon with golden embroidery, silver pendants, and small collar buttons made of gilded bronze. The author suggests that it was the tomb of a young woman – probably a member of the prince's family. The author discusses which of the Vladimir princesses could have been buried in the tomb.

[3] В Ипатьевской и Воскресенской летописях ошибочно называют Андреевной дочь Юрия Долгорукого, жену Олега Святославича, умершую в 1166 г., вероятно, при родах (Ипатьевская летопись, 1908, стб. 527; Летопись по Воскресенскому списку, 1856, с. 79).

Заметки

А.А. ЧУБУР

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ, ПОГИБШИЕ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КУРСКОЙ АЭС

Немалый интерес для археолога представляют регионы, занимающие пограничное положение между бассейнами крупных рек. Таким регионом, связывающим бассейны Десны, среднего Дона и верхней Оки, является верхнее Посеймье. В 1968–1986 гг. широкомасштабные строительные работы, некомпетентность и безразличие властей и местных органов охраны памятников повлекли за собой гибель ряда археологических объектов в зоне строительства Курской АЭС. Так как она расположена в верхнем течении р. Сейм, представляется важным ввести в оборот сохранившуюся информацию об этих памятниках, сколь бы она ни была скудна.

Гидросооружения и промплощадка АЭС лежат в пределах Курчатовского озеровидного расширения долины Сейма, занимая его бóльшую часть. Автором произведен сбор материалов с намытых дамбы и ложа водохранилища (совместно с краеведом В.П. Гольцевым), точки находок сопоставлены с размещением карьеров и выемок по строительной документации. Таким образом удалось осуществить привязку находок к прежнему ландшафту. Эти материалы были дополнены данными из архива Курского государственного музея археологии, благодаря чему составили достаточно точную и достоверную археологическую карту зоны строительства (рис. 1).

В пределах этой зоны выявлено множество местонахождений плейстоценовой фауны, которым будет посвящена отдельная публикация. Вместе с одним из скоплений фауны близ с. Дичня (кости мамонта, хазарского слона, шерстистого носорога, северного и большерогого оленей, бизона и двух мелких подвидов лошади – определение Л.И. Алексеевой, Н.В. Гарутт, А.А. Чубур) встречено большое количество осколков черного плитчатого туронского мелового кремня и массивное скребло (рис. 2, *б*). Скребло, как и весь кремень, непатинировано, что характерно для находок из русловой фации (пример – Хотылево I на Десне), и представляет собой большой треугольный отщеп, частично покрытый известковой коркой, на широком конце которого крупным сколом с брюшка и серией пологих снятий со спинки оформлен дугообразный рабочий край. Противоположный конец орудия приострен. Находки происходят из базального горизонта второй надпойменной террасы Сейма, датируемого ранневалдайским временем. Датировку подтверждают и остатки хоботных, поднятые с этого уровня. Они принадлежат мамонту раннего типа, близкому по показателям промеров зубов к мамонту со стоянки Кетросы (Давид А.И., 1981) и прогрессивной форме хазарского слона. Очень вероятно, что в Дичне использовался кремень из выходов, вскрывавшихся при максимальном врезании реки.

Особо пострадали памятники неолита–бронзы. Неолит известен по меньшей мере из трех пунктов. Первый отмечен Ю.А. Липкингом как находки ямочно-гребенчатой керамики у моста, близ ныне не существующего с. Глушково (Материалы к археологической карте Курской обл., рукопись. Архив Курского музея археологии). Находки

© А.А. Чубур, 1996 г.

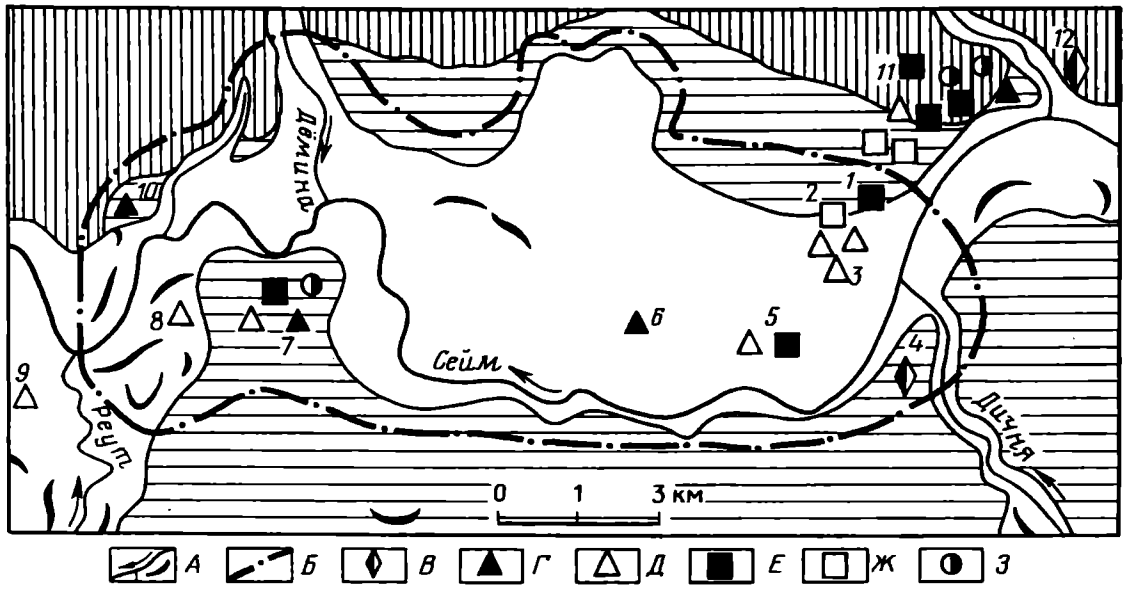


Рис. 1. Схема расположения памятников археологии на территории гидросооружений и промплощадки Курской АЭС.

А – озерно-речная сеть на момент строительства, *Б* – границы гидросооружений и промплощадки; *В* – палеолит; *Г* – неолит; *Д* – эпоха бронзы; *Е* – ранний железный век; *Ж* – раннее средневековье; *3* – Древняя Русь. *1–3* – хутор Александровский, искусственное русло Сейма; *4* – Дичня, карьер "Южный", *5* – Успенское, восточный участок карьера "Центральный"; *6* – Голубой Лог – западный участок карьера "Центральный"; *7* – Рассолово, карьер "Северный"; *8* – Стародубцево, гидросооружения III очереди; *9* – с. Быки; *10* – с. Глушково; *11* – уцелевшая часть Александровского микрорегиона (городища Кузина гора, Александровское и другие памятники); *12* – палеолитическое местонахождение Сорокино (Береговая Н.А., 1960). Горизонтальная штриховка – первая и вторая надпойменные террасы, вертикальная – коренной берег, незаштрихованная зона – высокая и низкая поймы

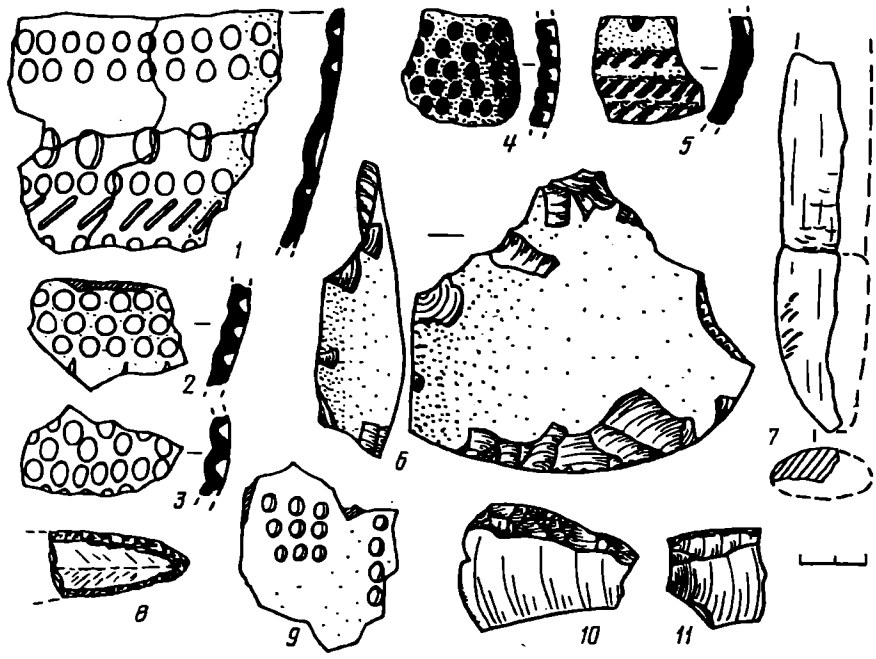


Рис. 2. Эпоха камня и бронзы. *1–3, 9* – керамика из Голубого лога; *4–5* – керамика из Рассолово; *6* – мустьерское скребло из Дични; *7* – основание гарпуна из кости, Голубой лог; *8* – кремневый наконечник из Рассолово; *10, 11* – кремневые орудия из Александровского

не сохранились. Второй пункт с ямочно-гребенчатой керамикой размыт у с. Рассолово, он располагался на первой надпойменной террасе Сейма. Тесто серое и светло-серое, с примесью песка, ямки неглубокие. На тыльной стороне нанесены расчесы трех- и четырехзубчатым гребенчатым штампом (рис. 2, *4, 5*). Керамика находит аналогии в неолите днепровского левобережья (Неприна В.И., 1976). С керамикой встречено небольшое количество расщепленного кремня, в том числе обломок наконечника (рис. 2, *8*).

Третий пункт – Голубой лог. Стоянка находилась на высокой пойме. Керамика, происходящая отсюда, большей частью подлощена, имеет красноватый и даже шоколадный цвет, редко серо-желтый. На тыльной стороне ясно прослеживаются негативы округлых, конических в профиле ямок (рис. 2, *1–3, 9*). Эти признаки в большей степени свойственны ямочно-гребенчатому неолиту лесной зоны, в частности материалам льяловской культуры. Из Голубого лога происходит также обломок основания костяного гарпуна, находящего аналогию в материалах деснинской неолитической культуры (Смирнов А.С., 1991, рис. 29) (рис. 2, *7*).

Учитывая, что в верхнем Посеймье отмечены и деснинские памятники с ромбоямочной керамикой, и памятники с накольчатой керамикой (фонды Курского музея археологии), этнокультурная ситуация в этой контактной зоне в эпоху неолита представляется сложной и нуждается в детальном изучении.

Для эпохи бронзы исследователи отмечают в верхнем Посеймье памятники сосницкой и абашевской культур (Артеменко И.И., 1987; Пряхин А.Д., 1976). При строительных работах уничтожено не менее шести пунктов: три памятника отмечены Ю.А. Липкингом на дюнах близ хутора Александровский (Материалы к археологической карте Курской обл., рукопись. Архив Курского музея археологии), многослойное поселение Успенское частично исследовано А.Е. Алиховой (Алихова А.Е., 1961). В наших сборах присутствует лишь раздробленная лепная керамика и отдельные изделия из покрытого молочной патиной кремня из пунктов Александровский, Успенское, Рассолово (рис. 2, *10–11*). Близ с. Стародубцево найден также обломок шлифованного сверленого каменного топора (рис. 3, *1*).

Ранний железный век в пределах зоны строительства известен из трех пунктов – Александровский, Успенское, Рассолово. Все три – дюнные селища юхновской культуры, что однозначно определяется по керамике. С пункта Успенское происходит сверленый оселок из песчаника, а из Рассолово – фрагмент яйцевидного глиняного блока и трехлопастной втульчатый бронзовый наконечник, датирующий памятник не ранее IV–III в. до н.э. (рис. 3, *2–4, 7*).

Близ хутора Александровский, видимо, было разрушено при прокладке канала р. Сейм поселение первой половины I тыс. н.э., откуда происходит большая трехрогая лунница (рис. 3, *6*). По своду Г.Ф. Корзухиной известно 15 пунктов аналогичных находок, из них 7 в Среднем Поднепровье (Корзухина Г.Ф., 1978). В Посеймье такая находка первая. Лунница размером 45 × 55 мм имеет три гнезда диаметром около 5 мм, в левом и среднем сохранилась оранжево-красная эмаль, в правом – ее следы. Внешняя часть левого "рога" повреждена. С лицевой стороны нижние перемычки между гнездами несут рельефный орнамент в виде волны. С тыльной стороны крайние элементы с гнездами округлые, центральный – подвосьмиугольный. Ушко овальное, вытянутое по вертикали, 7 × 5 мм, незначительно повреждено. Луннице сопутствовала раздробленная груболепная плохо обожженная керамика с примесью шамота в тесте.

Наконец, из района Рассолово происходит лепная роменская керамика с гусеничным орнаментом по венчику (IX в. н.э.) и гончарная керамика конца XI–XIII в. и XVII–XVIII вв. н.э., а также трехлопастной железный черешковый наконечник стрелы (рис. 3, *5*).

Таким образом, близ хутора Александровский была разрушена юго-западная часть микрорегиона, заселенного с неолита до раннего средневековья включительно и, после перерыва, в XII–XIII вв. На выходе из озеровидного расширения, видимо, затронута

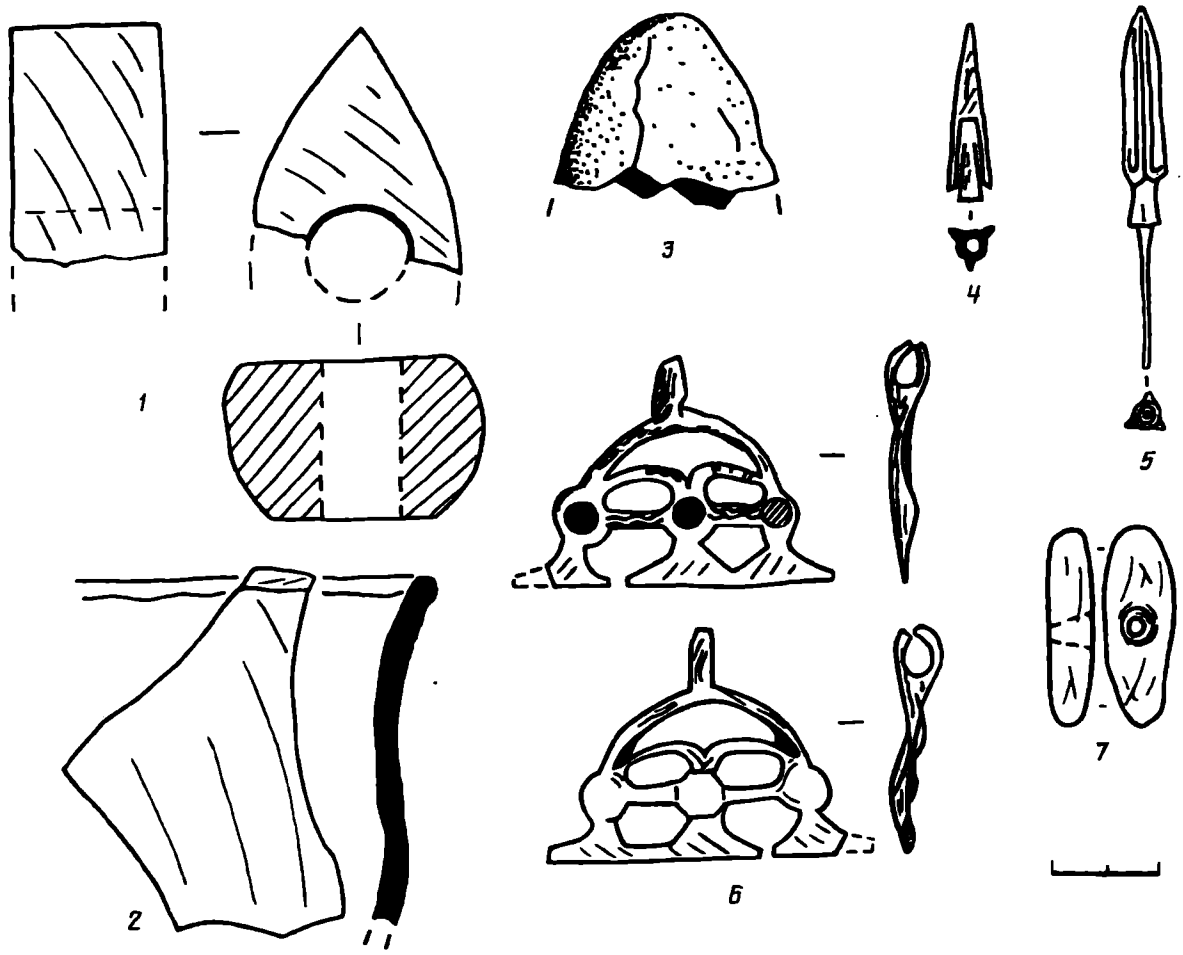


Рис. 3. Эпоха бронзы – эпоха железа. *1* – каменный топор из Стародубцево; *2* – юхновская керамика из Рассолово; *3* – глиняный блок из Рассолово; *4* – трехлопастной бронзовый втульчатый наконечник стрелы из Рассолово; *5* – трехлопастной железный черешковый наконечник из Рассолово; *6* – большая трехрогая лунница из Александровского; *7* – оселок из Успенского

периферия другого микрорегиона, начинавшегося у сел Рассолово и Глушково, также заселенного, по нашим данным, с эпохи неолита до рубежа нашей эры и затем с IX по XIII в. н.э. (рис. 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е., 1961. Отчет о работе Курской экспедиции Института археологии АН СССР и Курского краеведческого музея за 1961 год. Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 2317.

Артеменко И.И., 1987. Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.

Береговая Н.А., 1960. Палеолитические местонахождения СССР. М.

Давид А.И., 1981. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е1–43. М.

Неприна В.И., 1976. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев.

Пряхин А.Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.

Смирнов А.С., 1991. Неолит верхней и средней Десны. М.

Научно-производственный
археологический центр, г. Курчатов

Н.Д. ДВУРЕЧЕНСКАЯ

"СТЕРЖНИ" ИЗ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ – ТОХАРИСТАНА И ИХ АНАЛОГИИ В АМУДАРЬИНСКОМ КЛАДЕ

В Музей антиквариата и ювелирного искусства Узбекистана в 1989 г. была передана коллекция ювелирных изделий из погребений Айртамского могильника[1]. В состав коллекции входили два обломка медного стержня (составлявших при вскрытии погребения единое целое), покрытого золотой фольгой с поперечными бороздками, неопределенного назначения (рис. 1). Исследованию возможного назначения, времени и места их бытования и будет посвящена предлагаемая работа. Особый интерес для дальнейшего рассмотрения "стержней" представляют обнаруженные прямые аналогии в могильниках Северной Бактрии. Всего их было обнаружено семь в четырех разных могильниках. Все находки происходят из паспортизированных женских захоронений со схожим погребальным обрядом (табл. 1). Кроме того, прямая аналогия "стержней" была обнаружена в составе Амударьинского клада, а именно пять фрагментов медных "стержней" с поперечными насечками, покрытых листовым золотом, и четыре фрагмента железного прута, планкированного золотом и украшенного бороздками, образующими узор (Зеймаль Е.В., 1979, с. 71, фото 166–174).

Непосредственное изучение Айртамского "стержня" позволило установить технологию его изготовления. Медная основа "стержня" отливалась в форме с поперечными бороздками, затем обкладывалась тонким золотым листом. Золотая обкладка в виде прямоугольного листа повторяла форму "стержня" и спаивалась за края, образуя шов вдоль всей длины. В результате коррозии медного основания края золотой обкладки разошлись, и в таком виде дошли до нас в основном все "стержни".

Описанная А.М. Мандельштамом технология изготовления "стержней" из Тулхарского, Аруктауского и Бабашовского могильников аналогична технологии изготовления Айртамского "стержня", но автор дал им название "позолоченные ручки" (Мандельштам А.М., 1966, с. 136). Последнее с точки зрения ювелирной технологии несколько не точно. Технология изготовления "стержней" из Амударьинского клада, судя по описанию Е.В. Зеймаля и фотографиям, также аналогична (Зеймаль Е.В., 1979, с. 71). Отмечаются некоторые вариации в материале основы: это бронза, медь и железо. "Стержни" хорошо сохранились в погребениях Тулхарского могильника, их максимальная длина, судя по приведенным в литературе иллюстрациям, 24 см. "Стержень" хорошей сохранности был также в погребении Айртамского могильника, его длина 14,8 см. Принимая во внимание плохую сохранность большинства "стержней", их повышенную хрупкость, правомерно допустить, что "стержни" меньших размеров являются фрагментами.

Из табл. 1 видно, что форма "стержней" имеет два вида: прямой (из Айртамского могильника и Амударьинского клада) и П-образно изогнутый (по определению Мандельштама, из Тулхарского, Аруктауского и Бабашовского могильников). Необходимо отметить, что изогнутая форма последних всегда скорее произвольная, чем заранее определенная. Это явление можно отнести к широко известному в кочевом мире обряду "убивания" жертвенных предметов путем их сгибания, разбивания керамических сосудов (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983, с. 115), тем более что яркий пример тому есть в рассматриваемом Бабашовском могильнике, где был зафиксирован меч в погр. 4, ограда XVII, согнутый на $^1/_3$ всей длины (Мандельштам А.М., 1975, с. 98, табл. XXX, *1*). А.М. Мандельштам также подчеркивает наличие этого обряда в Тулхарском

[1] Выражаю признательность Б.А. Тургунову за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

© Н.Д. Двуреченская, 1996 г.

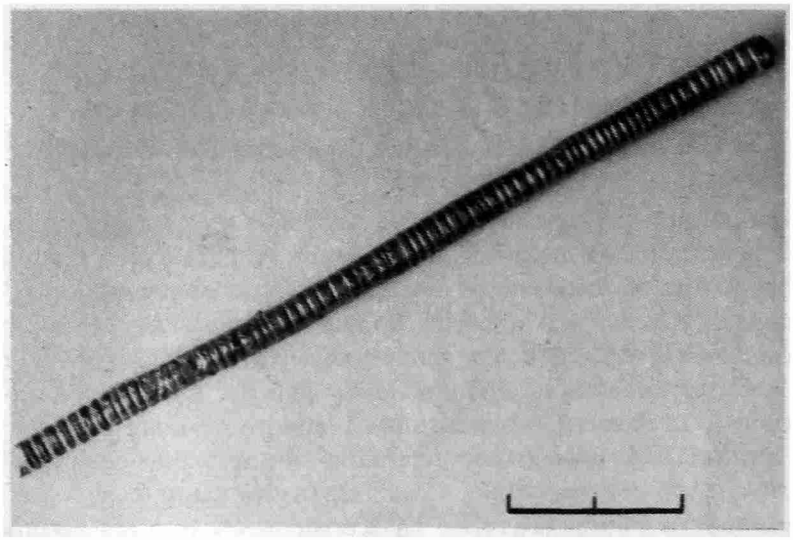


Рис. 1. Фрагмент стержня из Айртамского погребения. Фото

могильнике, где в ряде курганов было обнаружено некоторое количество обломков керамики. Случайность здесь автором исключается, и он относит это к ритуальному возлиянию с последующим разбиванием сосудов (Мандельштам А.М., 1966, с. 85, 86).

Погребальный обряд могильников имеет определенную близость, что выражается в сходности конструкций погребальных сооружений, ориентировке и положении погребенных, в наборе инвентаря (табл. 1). Расположение стержней в погребениях и соотнесение их с другими предметами позволило выделить следующие его варианты.

1. В непосредственной близости от головы погребенной, северо-западнее на расстоянии до 10 см, рядом с зеркалом, в одном случае частично на нем (Тулхарский могильник, кург. IV, 1; XVI, 1).

2. В северной части погребения с вариациями северо-западный/северо-восточный угол подбоя, рядом с костями барана и сосудами (погр. Айртама, Бабашовский могильник, ограда XIV, 27; XIV, 34; Аруктауский могильник, кург. V, 7).

3. На уровне колен рядом с зеркалом (Бабашовский могильник, ограда XIII, 4, сильно потревоженное погребение).

Несмотря на то, что в двух случаях "стержни" расположены вблизи головы погребенной, не отмечается никаких следов и логически не прослеживается связь с головным убором или прической, если таковые могли иметь место, кроме того, невозможно соотнесение "стержней" с какими-либо другими предметами, например, с деревянными шкатулками, как предполагал А.М. Мандельштам (Мандельштам А.М., 1966, с. 136); нет следов скрепления, пайки, в том числе и с зеркалами. Размеры последних не соотносятся с размерами "стержней".

По форме рассматриваемые "стержни" аналогичны золотым пронизкам, имевшим широкое распространение в Средней Азии (Зеймаль Е.В., 1979, с. 71; Sarianidi V.I., 1985, p. 257, tab. 68, *153*), а также в материальной культуре сарматского круга. Но несмотря на внешнюю близость, функциональное назначение их разное, так как полость упомянутых пронизок позволяет изготавливать из них бусы, а также использовать в качестве нашивных украшений костюма. Это совершенно невозможно проделать с рассматриваемыми нами "стержнями".

Таким образом, остается предположить, что "стержни" не являлись составной частью какого-то предмета, в том числе костюма, головного убора, а имели самостоятельное назначение. Это тем более интересно, так как вещь из погребального инвентаря, как правило, наделялась определенным смыслом и рассматривалась как необходимая погребенному в потустороннем мире. Остается предположить, что самостоятельный предмет, не несущий утилитарного значения, был культовым. А.М. Мандельштам отмечал, что погребения, в которых были обнаружены "стержни", отли-

Таблица 1

Находки металлических стержней в женских захоронениях могильников Северной Бактрии

Наименование могильников, № погребений	Материал, количество	Форма, размеры	Место расположения стержней в погребении	Тип погребального сооружения	Положение, ориентировка костяка	Сопровождающий инвентарь
Тулхарский могильник Кург. IV, 1 (Мандельштам А.М., 1966, с. 33–35, рис. 6, табл. LXX, *12*)	Бронза, золото; 2	П-образно изогнутые, длина 20–24 см	За головой рядом с зеркалом	Курган, подбой	Вытянутое на спине; С	Кувшин, бокал, кости барана, зеркало, бусы, золотая фибула, листовидная пластинка, серьги, обломок раковины, колокольчик, фрагмент железной пряжки, семь колец и перстней
Кург. XVI, 1 (Мандельштам А.М., 1966, с. 33–35, рис. 39, табл. LX, *8*)	Железо, золото; 1	То же	Северо-западнее черепа, рядом с зеркалом и частично на нем	Курган, подбой	Вытянутое на спине; ССВ	Бокал, сосуд, кости барана, зеркало, нож, золотые серьги, золотые пронизки, золотая пряжка, свинцовая палочка, бронзовая пряжка, трубочка, бусы
Аруктауский могильник Кург. V, 7 (Мандельштам А.М., 1975, с. 11, табл. XVIII, *22*)	?, золото; 1	Изогнутые	В северной части подбоя рядом с костями барана и кувшином	Курган, подбои	Не сохранился; С	Кувшин, кости барана, бусина
Бабашовский могильник Ограда 13, 4 (Мандельштам А.М., 1975, с. 85, табл. XLII, *9*)	Бронза, золото; 1	П-образно изогнутый	На уровне колен, справа рядом с зеркалом	Ограда, подбой	Вытянутое на спине; ССВ	Зеркало, кости барана
Ограда 14, 27 (Мандельштам А.М., 1975, с. 92, 93, рис. 52, табл. XLII, 10)	Брона, золото; 1	То же	В северо-западном углу подбоя рядом с ножкой и ребрами барана	Ограда, подбой	Вытянутое на спине; С	Кости барана (ребра, ножка), подвески, фрагмент браслета, фрагмент железного перстня, золотые пронизки, две бусины
Ограда 14, 34 (Мандельштам А.М., 1975, с. 95, табл. XLII, *11*)	Бронза, золото; 1	»	В северном конце подбоя рядом с ножкой барана	Ограда, подбой	Вытянутое на спине; ССЗ	Кости барана, латунные браслеты, бронзовый диск, 34 бусины, серебряная кольцевая серьга
Айртанский могильник Погребение женское (1)	Медь, золото; 1	Ровная; длина 14,8 см, d 0,4 см	В северо-западном углу подбоя рядом с сосудом и костями барана	Бескурганное, подбой	Вытянутое на спине; ССВ	Сосуды, кости барана, зеркало, золотые серьги и другие украшения

чались богатством инвентаря и принадлежали женщинам, возможно, занимавшим привилегированное место в обществе (Мандельштам А.М., 1966, с. 81). Погребение Айртамского могильника также выделялось богатым инвентарем.

Многими авторами высказывалось предположение, что некоторые предметы из Амударьинского клада могут быть определены как погребальные (Сарианиди В.И., 1989, с. 149). Представляется уместным отнесение этого предположения и к рассматриваемым "стержням" из Амударьинского клада.

Несмотря на ряд сближающих моментов, мы сталкиваемся с определенными трудностями в установлении хронологических рамок бытования "стержней" А.М. Мандельштам датирует Бишкентские могильники со II в. до н.э. по II–III вв. н.э. (Мандельштам А.М., 1966, с. 158; 1975, с. 63, 130), Б.А. Литвинский и А.В. Седов предлагают нижний предел относить не ранее чем к I в. н.э. (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 121). Это связано с существующим значительным расхождением в кушанской хронологии, и прежде всего в определении начальной даты эры Канишки. На сегодняшний день нет возможности сузить датировку для погребений со "стержнями" из бактрийских могильников (опираясь на существующую литературу, получаем период со II в. до н.э. по IV в. н.э.). В добавление к этому мы имеем еще и большой временной разрыв между "стержнями" из могильников и из Амударьинского клада, который в литературе датируется V–III вв. до н.э. Последнее обстоятельство может быть объяснено следующим образом. Либо "стержни" из Амударьинского клада попали в его состав случайно из разграбленных погребений в связи с ажиотажем, который начался из-за особого интереса к всплывшим сокровищам, либо существовала устойчивая традиция в изготовлении этих "стержней" на протяжении нескольких столетий, что говорит в пользу особого их назначения. Представляется возможным также совмещение обоих вариантов.

Почти все названные могильники со стержнями исследователи определяют как кочевые (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 104–106; Мандельштам А.М., 1966, с. 161; 1975, с. 130, 131), кроме В.А. Тургунова и Э.В. Ртвеладзе по Айртамскому могильнику (Тургунов Б.А., 1971, с. 70, 71; Ртвеладзе Э.В., 1989, с. 47). Время бытования стержней на территории Бактрии сопровождалось процессом быстрого взаимопроникновения культур местного оседлого и пришлого кочевого населения (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 174), что подтверждается и антропологическими данными (Ртвеладзе Э.В., 1989, с. 47).

В свете вышесказанного было бы интересно остановиться на предложенной Е.В. Зеймалем интерпретации стержней из Амударьинского клада как прутьев, изображенных в руках жрецов на пластинках из этого же клада (Зеймаль Е.В., 1979, с. 24). Если принять это предположение, то мы имеем несколько точек зрения по интерпретации этих прутьев.

Изображение прутьев на пластинах из Амударьинского клада М. Бойс отождествила с прутьями барсома (Бойс М., 1988, фото I). Напомним, что барсом дошел до наших дней у парсов в виде пучка коротких металлических стержней. И тем не менее такое предположение вызывает некоторые сомнения, так как находки стержней обнаружены в погребениях кочевого круга, т.е. являются погребальным инвентарем. Следующим важным обстоятельством является то, что все находки стержней сопровождали исключительно женские захоронения. Это противоречит зороастрийским представлениям о роли женщин в отправлении религиозных культов.

М.И. Артамоновым было высказано мнение, что изображенный на пластинках Амударьинского клада держит перед собой в руке пучок прутьев, «так называемый "барсом", или "барсман", употреблявшийся при гадании подобно тому, как их применяли скифы» (Артамонов М.И., 1973, с. 9), что описано Геродотом в кн. IV, 67: "У скифов есть много предсказателей. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки, и каждый прут один за другим раскладывают в ряд, и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному.

Этот способ гадания у них унаследован от отцов". М.И. Артамонов также считал, что вместе с тем этот пучок прутьев служил и для разжигания священного огня.

Применение ивовых прутьев было зафиксировано В.Н. Басиловым в этнографии у шаманов Средней Азии (Басилов В.Н., 1973, с. 6–8; 1982, с. 174).

При этом шаманами были в основном женщины (Басилов В.Н., 1973, с. 6–8), а также мужчины в женском облачении (Басилов В.Н., 1982). Это обстоятельство говорит о том, что на протяжении тысячелетий пучок ивовых прутьев не изменился как культовый предмет и вряд ли на каком-то этапе своего бытования мог быть заменен на металлические прутья – "стержни".

Несомненным остается то, что "стержни" были обнаружены в привилегированных женских погребениях, заметно отличающихся от остальных богатством погребального инвентаря. Многие исследователи подчеркивали особую роль женщины у кочевников, например, К.Ф. Смирнов отмечает, что женщины, в погребениях которых были обнаружены колокольчики, возможно, выполняли роль домашних шаманок (Смирнов К.Ф., 1947). Напомним, что в Тулхарском могильнике в рассматриваемом нами женском погребении в кург. IV, 1 был зафиксирован конический колокольчик между коленями погребенной.

Установление действительного назначения рассмотренных выше стержней на сегодняшний день по-прежнему затруднительно, однако можно предполагать, что эти предметы вряд ли использовались в утилитарных целях. К сожалению, в археологии и этнографии индоиранских народов подобные женские атрибуты неизвестны.

Сложность отождествления рассматриваемых нами стержней с каким-либо известным нам культовым предметом заключается в том, что на территории Бактрии в рассматриваемый период шел процесс взаимопроникновения различных культур, как кочевых, так и оседлых, что сопровождалось не только обменом предметами материальной культуры, но и идеологическими представлениями, при осмыслении которых происходило напластование и образовывались религиозные и идеологические синкретические комплексы (Лелеков Л.А., 1990, с. 19). Отдельные предметы культа, попадая в иную культуру, наделялись новыми функциями. Такое могло произойти и с барсомом, попавшим в кочевую среду, но это является лишь предположением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.

Басилов В.Н., 1973. Среднеазиатское шаманство // IX Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. Докл. сов. делегации. М.

Басилов В.Н., 1982. Ташмат-бола // Глазами этнографов. М.

Бойс М., 1988. Зороастрийцы. М.

Зеймаль Е.В., 1979. Амударьинский клад. Л.

Лелеков Л.А., 1990. Буддийский культовый центр Кара-тепе на перекрестке мировых культур // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М.

Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983. Тепаи-шах. М.

Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.

Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.

Мандельштам А.М., 1975. Памятники кочевого кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. археол. экспедиции ИА АН СССР и ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. VII. Л.

Ртвеладзе Э.В., 1989. Северная Бактрия – Тохаристан. Ташкент.

Сариниди В.И., 1989. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.

Смирнов К.Ф., 1947. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения истфака МГУ. Вып. 5.

Тургунов Б.А., 1971. Айртам. К проблеме античной культуры юга Узбекистана. Дис. канд. ист. наук. Ташкент.

Sarianidi V.I., 1985. Baktrian gold. Leningrad.

Центр археологических исследований
УГК ОИП, Москва

В.Р. ЭРЛИХ

ОБ ОДНОЙ СЕРИИ ШЛЕМОВ ИЗ ЗАКУБАНЬЯ

В известной сводке бронзовых шлемов скифского времени, сделанной уже более 50 лет назад В.З. Рабиновичем, в группу местного (неопределенного) типа был выделен шлем из ст-цы Даховской, который считался производным от шлемов кубанского типа (Рабинович Б.З., 1941).

Этот шлем поступил в 30-е годы в Ростовский музей вместе с другими случайными находками, сделанными в верхнем и среднем течении р. Белой (Закубанье, ныне территория республики Адыгеи). Шлем изготовлен из двух половинок, откованных из бронзового листа, и оформлен в виде стилизованной бараньей головы: впереди имеются намеченные высоким рельефом глаза, а по бокам – изображения витых рогов. Место шва, проходящего по линии "сагиттального сечения", украшено тремя рельефными полосами. Шлем спереди, в нижней своей части, имеет вырезы – "надбровные дуги" (рис. 1, *1*). Эти вырезы, вероятно, и явились для Б.З. Рабиновича существенной деталью, которая обусловила мнение о сходстве даховского шлема с кубанскими, хотя последние – литые. Он датировал этот шлем не позже IV в. до н.э. (Черненко Е.В., 1968, с. 129). Б.З. Рабинович упомянул также со слов Б.В. Лунина еще об одном однотипном шлеме, также происходящем из ст-цы Даховской. Он был украшен симметричными головами коней (Рабинович Б.З., 1941, с. 131).

С точкой зрения о местном происхождении даховского шлема практически согласился Е.В. Черненко (Черненко Е.В., 1968, с. 91).

Недавно появилась работа М.В. Горелика, посвященная даховскому шлему, где автор, используя достаточно далекие аналогии, касающиеся деталей шлема (выемки при переходе тульи на купол, некоторые элементы орнамента), приходит к выводу, что наиболее вероятное место создания этого шлема – Этрурия, а время – вторая половина VI – первая половина V в. до н.э. Однако италийские шлемы, приведенные автором в качестве аналогий из каталога Липперхайде, по своей форме, а главное, по технике изготовления значительно отличаются от шлема из Даховской, что отчасти признает и сам М.В. Горелик (Горелик М.В., 1985, с. 94–96). Из недавнего расширенного переиздания этого каталога явствует, что эти шлемы литые – с последующей проковкой (Antike Helme..., 1988, № 66, 85, 86 и др.). Кованные из листа шлемы более простой формы также были известны на этой территории, но датируются либо несколько раньше, либо позже даты, предложенной М.В. Гореликом. Гипотеза М.В. Горелика не была поддержана специалистами, составившими свод этруско-италийских и кельтских шлемов в Восточной Европе, и даховский шлем не был в него включен, да и сами шлемы из этого региона здесь встречаются не ранее конца IV в. до н.э. (Раев Б.А. и др., 1990).

С другой стороны, нам хотелось обратить внимание на определенную близость даховского шлема, являющегося произведением металлопластического искусства, к серии из четырех более простых наголовий полусферической формы, сделанных по единой с даховским шлемом технологической схеме (недавно найденных в комплексах III–I вв. до н.э. в Закубанье). Эти наголовья кованы из бронзового листа, из двух половинок, скрепленных заклепками по линии "сагиттального" сечения.

Один из этих шлемов происходит из погр. 138 Серегинского могильника (Адыгея, раскопки Государственного музея Востока в 1987 г.). Он склепан из двух симметричных половинок, линия шва окаймлена двумя рельефными валиками, которые, проходя по окружности, на боках закручиваются в волюты (рис. 1, *3*). Еще один рельефный валик в передней части образует стрельчатый выступ. Диаметр тульи около 23 см, высота 17 см. Орнаментальные элементы шлема – волюты, стрельчатый передний выступ – говорят о знакомстве мастера с декорировкой импортных шлемов, встре-

© В.Р. Эрлих, 1996 г.

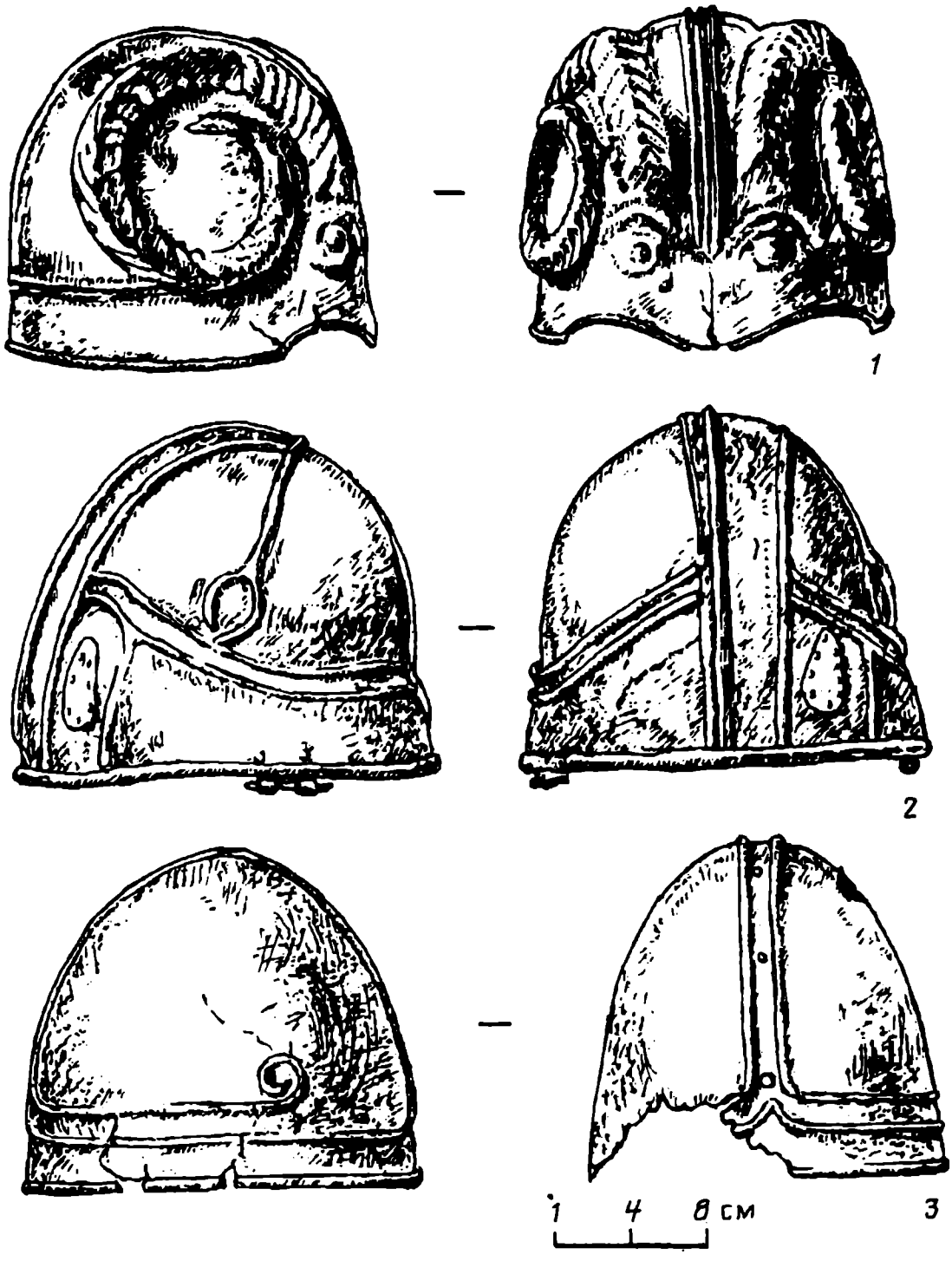


Рис. 1. Шлемы из Закубанья: *1* – ст-ца Даховская; *2* – курган у оз. Четук; *3* – Серегинский могильник, погр. 138

чающихся в Причерноморье, аттических и фракийских. По своему декору этот шлем находится ближе всего к двум цельнолитым коническим шлемам из ст-цы Ахтанизовской, отнесенным Б.З. Рабиновичем к фракийским (Рабинович Б.З., 1941, с. 131; табл. XXIV, XXV).

Однако куполообразная форма серегинского шлема, технология изготовления (клепка из двух половинок), не характерная для античного мира, не позволяют отнести этот шлем к привозным. Вместе со шлемом в погребении встречены удила с крестовидными псалиями, бытующие здесь в III–II вв. до н.э.

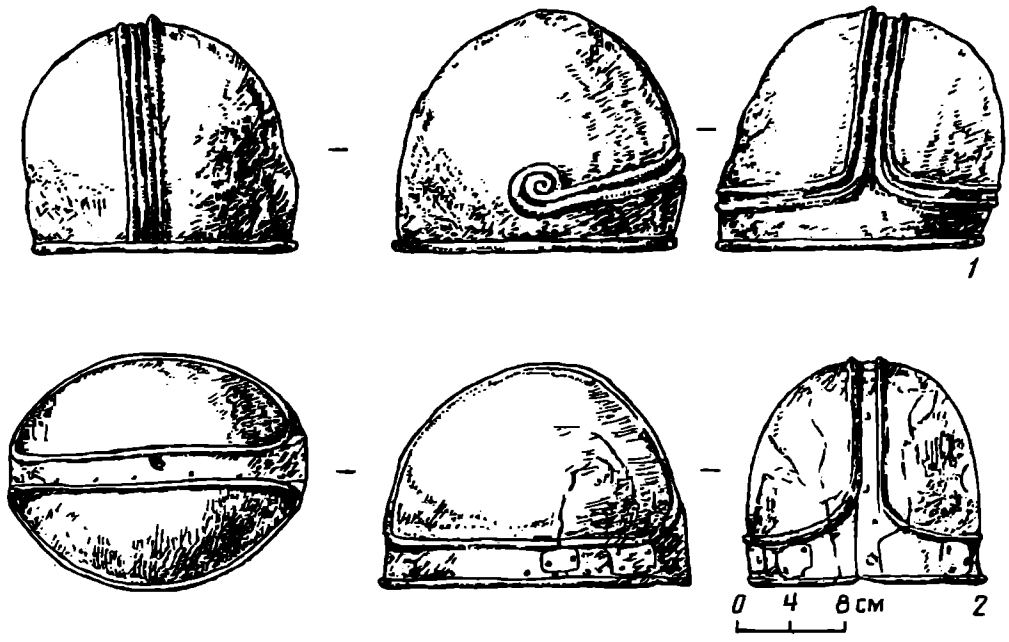


Рис. 2. Шлемы из Закубанья: *1* – шлем из кургана у оз. Четук; *2* – шлем из Курганинского могильника (кург. 1, объект 10)

Еще один схожий шлем опубликован совсем недавно (рис. 2, *2*). Он происходит из комплекса II в. до н.э. Курганинского могильника, исследовавшегося В.Н. Каминским (Раев Б.А. и др., 1990, с. 217, рис. 36, *2*). Как и серегинский, он склепан из двух отдельно откованных половинок и имеет куполообразную форму без надглазных вырезов. В оформлении он более прост. Он также имеет два рельефных валика, проходящих по линии "сагиттального сечения", но без волют. Авторы публикации шлема из Курганинска отнесли его к редкому "тессинскому" типу кельтских шлемов, указав и на отличие – отсутствие следов деревянной основы (Раев Б.А. и др., 1990, с. 121). Однако четыре шлема, приведенных М. Эггом, по своей форме разительно отличаются от шлемов нашей серии, кроме того, их хронология (дата могильника Джубиаско, из которого происходят три шлема, средний латен – раннеримское время) не позволяет также говорить и о влиянии шлемов этого типа на закубанские (Egg M., 1988, S. 273, 274, Abb. 3–5).

Два шлема этого же типа, по декорировке аналогичных серегинскому (с волютами), найдены в кургане у оз. Четук в Адыгее, в комплексе, датирующемся II–I вв. до н.э. Один шлем с внутренней стороны сохранил шарнир от нащечников (рис. 1, *2*; 2, *1*) (Сокровища курганов Адыгеи..., 1985, № 436).

Итак, по всей видимости, мы имеем дело с существовавшим в Закубанье типом местных шлемов, которые не только своей куполообразной формой, но и технологией производства отличаются от встречающихся здесь привозных наголовий. К этому же типу, возможно, следует отнести и шлем из Даховской[1].

Следует также отметить и близость формы шлема этого типа к форме, к которой стремились варварские мастера, переделывая античные шлемы, удаляя у них нащечники и назатыльники. Наиболее полная сводка таких шлемов, переделанных из античных, состоящая из 11 экземпляров, недавно была представлена в работе Н.И. Сударева (Сударев Н.И., 1990, с. 99–101). Переделка античных шлемов известна в Причерноморье уже с V в. до н.э. Однако в отличие от закубанских клепаных шлемов,

[1] С.П. Кожухов любезно указал мне на сходство шлема женского персонажа со щитом, изображенного на фалере II в. до н.э. из Северского кургана в Прикубанье, с публикуемой местной серией шлемов (Смирнов К.Ф., 1953, табл. 8; Анфимов Н.В., 1987, с. 188). Этот фалар К.Ф. Смирнов счел, скорее всего, работой среднеазиатских торевтов (Смирнов К.Ф., 1953, с. 37).

"переделанные" шлемы имеют по периметру тульи отверстия. Как полагает Н.И. Сударев, они нужны для крепления бармицы. Это предположение подтверждается новейшей находкой на Северном Кавказе еще одного шлема V в. до н.э., переделанного из греческого, с остатками бармицы (Бурков С.Б. и др., 1994, с. 61, рис. 2, *16*).

В целом, на наш взгляд, следует поддержать предположение Н.И. Сударева о причинах, вызвавших к жизни подобную форму наголовий: в отличие от греков, шлемы в варварской среде в Причерноморье использовались почти исключительно конными войнами и, вероятнее всего, эта форма была более удобна для всадников (Сударев Н.И., 1990, с. 106–108).

Среди "переделанных" известен шлем, происходящий с территории Закубанья, из окрестностей Майкопа, хранящийся в фондах ГИМ. Как убедительно доказал Е.В. Черненко, он переделан из коринфского шлема (Черненко Е.В., 1968, с. 91).

Приведенные выше аналогии и соображения, по всей видимости, позволяют отнести шлем из ст-цы Даховской к местной традиции бронзовых клепаных шлемов, которая, судя по комплексным находкам, существовала в Закубанье с III по I в. н.э. Эта традиция, вероятнее всего, возникла под влиянием знакомства населения Закубанья с античными шлемами, которое состоялось, как мы предполагаем, в IV в. до н.э., когда Закубанье входит в орбиту военных конфликтов Боспора. Здесь известно более восьми находок только аттических шлемов этого времени. Судя по хронологии комплекса Курджипского кургана, где их найдено 3 экземпляра вместе с другими элементами греческой паноплии, их появление здесь можно связывать с конкретными историческими событиями, а именно, с Боспорской войной 310/309 г. до н.э. Именно тогда по письменным источникам (Диодор, XX, VI) известна возможность прямого военного контакта населения Закубанья с греческими наемниками (Эрлих В.Р., 1992, с. 17, 18).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Бурков С.Б., Дударев С.Л., Махортых С.В., 1994. Погребение воина-дружинника у ст-цы Ассиновской // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Горелик М.В., 1985. Шлем из станицы Даховской // ВДИ. № 2.

Рабинович Б.З., 1941. Шлемы скифского периода // ТОИПК. Т. I. Л.

Раев Б.А., Симоненко А.С., Трейстер М.Ю., 1990. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Смирнов К.Ф., 1953. Северский курган. М.

Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки, 1985. М.

Сударев Н.И., 1990. К вопросу об античных шлемах, подвергшихся переделке // Традиции и инновации в материальной культуре. М.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.

Эрлих В.Р., 1992. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere bestänge des Antikenmuseums Berlin. Katalog, 1988 // Römisch-Germanischen Zentralmuzeum Monographien. Bd. 14. Mainz.

Egg M., 1988. Oberitalische Kegelhelme und Tessiner Helme // Antike Helme. Römisch-Germanischen Zentralmuzeum Monographien. Bd. 14. Mainz.

Государственный музей искусства
народов Востока, Москва

Ю.А. ВИНОГРАДОВ, С.Л. СОЛОВЬЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ СТАНИСЛАВ

Интенсивное и многоплановое изучение сельскохозяйственной территории Ольвийского полиса, которое пришлось на последние два десятилетия, дало много оригинальной и ценной информации по античной истории Нижнего Побужья. Вместе с тем все отчетливее стала диспропорция в состоянии исследованности памятников право- и левобережья Бугского и Днепровского лиманов. Количество поселений восточного берега в настоящее время исчисляется, как минимум, двумя десятками (Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 21, рис. 3; с. 98; рис. 35; с. 157, рис. 57), однако большая их часть не подвергалась стационарным раскопкам и лишь два памятника – Лупарево 2 (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1986, с. 59–68) и Скелька (Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 167–169) – более или менее подробно и полно были охарактеризованы в литературе. В этой связи, а также в контексте продолжающегося изучения дальней хоры Ольвийского полиса предпринятая нами публикация результатов исследования городища Станислав, расположенного на левобережье Днепробугского лимана, на наш взгляд, приобретает особенное значение.

Поселение Станислав 1 занимало участок высокого берегового плато на северо-западной окраине с. Станислав Белозерского р-на Херсонской обл. (Крыжицкий С.Д. и др., 1980, карта 76). Значительная часть поселения, очевидно, погибла в результате береговой абразии, другая часть занята усадьбами и приусадебными участками местных жителей. Сравнительно свободным и относительно нетронутым остался лишь прибрежный участок шириной 100–125 м.

Станислав и его окрестности попали в поле зрения исследователей еще в XIX в. Столь давний и долгое время неослабевавший интерес к памятнику объясняется отождествлением большинством ученых Станиславского мыса с Гипполаевым. Последний упоминается Геродотом и Дионом Хризостомом как месторасположение храма Деметры (основные точки зрения по этому вопросу см.: Доватур А.И. и др., 1982, с. 284, 285, комментарии 367, 368).

Последняя и, к сожалению, не оправдавшая надежд попытка поиска остатков храма была предпринята в ходе разведки левобережья Бугского лимана, проводившейся в 1947–1948 гг. Станиславским отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР (Штительман Ф.М., 1956, с. 255 и сл.)[1]. Тогда же были проведены и первые разведочные раскопки городища, расположенного несколько севернее мыса. При последующих разведках памятника в 1976 г. какой-либо новой информации о нем не было получено (Бураков А.В., Буйских С.Б., 1977, с. 274, 275).

Стационарные и регулярные раскопки городища Станислав были начаты в 1982 г. Станиславским отрядом античной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (Марченко К.К., 1984, с. 293, 294) и с перерывами продолжались в последующие годы – 1988–1991. Настоящая статья является публикацией результатов работ лишь 1982 г.

Раскоп площадью 115 м^2 был заложен у кромки берегового обрыва в северной части памятника. Мощность культурных напластований составила в среднем 0,7–0,8 м. В их верхней части залегал слой слабогумированной почвы мощностью 0,15–0,3 м, который подстилал аморфный золистый слой серого цвета, покоившийся непосредственно на материковом суглинке.

---

[1] Приносим благодарность старшему научному сотруднику Государственного Эрмитажа А.Ю. Алексееву за любезно предоставленную возможность воспользоваться материалами разведки, проведенной А.П. Манцевич в 1947–1948 гг.

© Ю.А. Виноградов, С.Л. Соловьев, 1996 г.

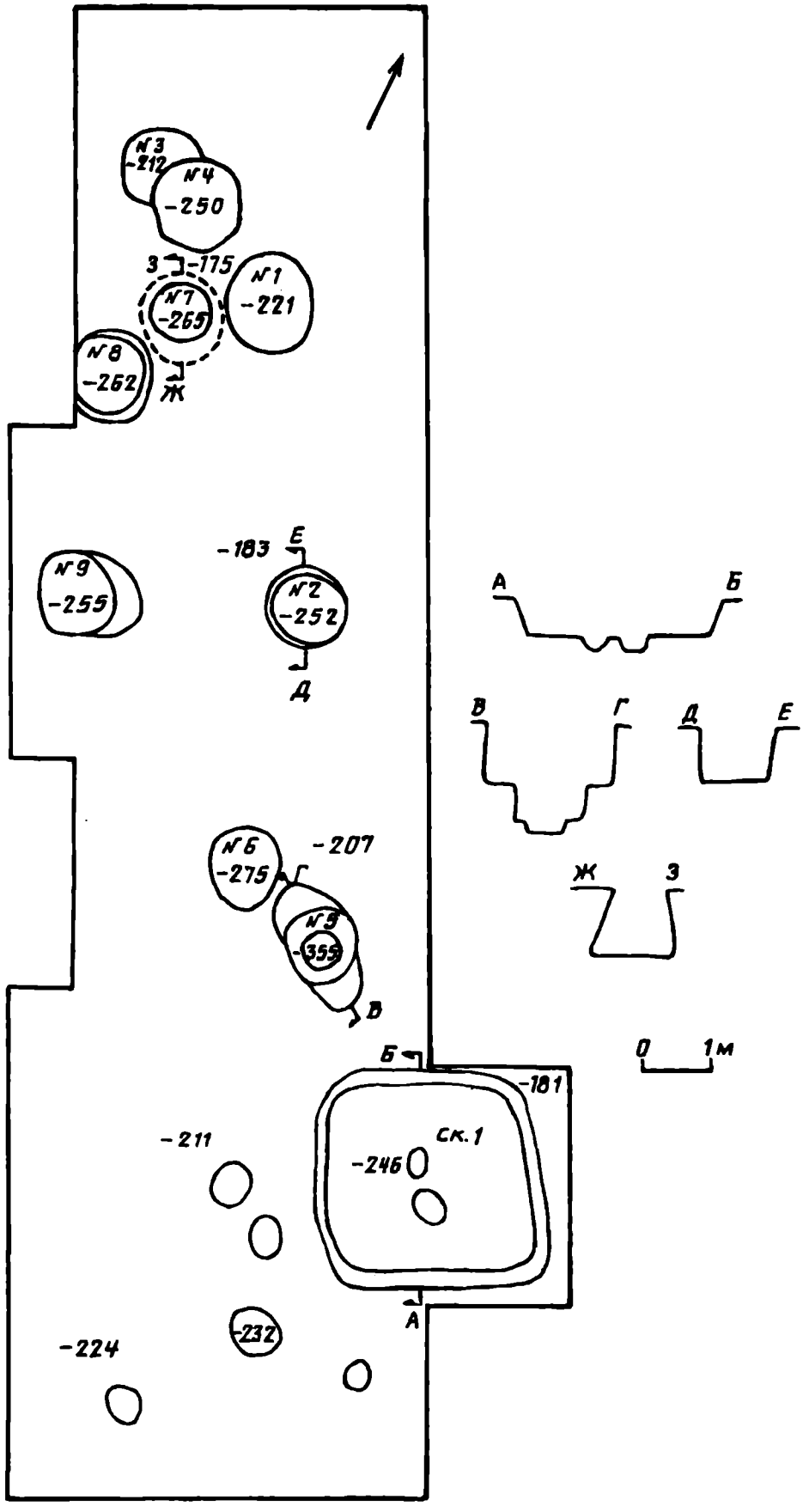


Рис. 1. Раскоп 1. План

Хронологически неоднородный вещественный материал, найденный в ходе снятия культурных напластований, включая в себя, в частности, 2278 обломков керамики, из которых около половины относилось к позднеархаическому периоду – второй половине VI – первой трети V в. до н.э., 30–40 фрагментов – к эллинистическому времени, в основном к первой половине II в. до н.э., остальные – к первым векам нашей эры.

В силу фрагментарности и измельченности керамических материалов из слоя была проведена общая статистическая оценка. Она показала, что в их составе преобладали обломки аморфной тары (81,7%) на долю круговой посуды приходилось 7,5% фрагментов, лепной керамики – 10,8%. Соотношение круговой и лепной посуды без учета амфор выглядело как 40,6 к 59,4.

В процессе исследования на раскопе были выявлены остатки строительного комплекса позднеархаического времени и 13 разного рода углублений, относящихся к более поздним этапам (рис. 1).

Строительный комплекс 1 представлял собой полуземлянку четырехугольной в плане формы площадью 8 м^2, глубиной 0,45–0,50 м, ориентированную по линии восток – северо-восток – запад – юго-запад. Борта котлована слегка наклоненные. Заполнение полуземлянки состояло из плотного рушенного материкового суглинка с небольшой примесью золы. Его образование, по всей видимости, носило единовременный характер.

Находки из заполнения строительного комплекса 1 характеризуют малочисленные керамические материалы. Обнаружено 234 обломка керамики, из которых 72,2% фрагментов приходится на долю аморфной тары. Удельный вес круговой посуды составил 19,2%, лепной керамики – 8,6%. Заметим, что в составе первой группы около одной трети составляют обломки, к сожалению, весьма невыразительные, чернолаковых и чернофигурных аттических и ионийских сосудов. В комплексе керамических находок из полуземлянки выделим две ножки красноглиняных амфор: одна, с прочерченным по сырой глине крестом, от хиосской пухлогорлой (рис. 2, 10), другая в виде усеченного конуса (рис. 2, *9*).

Набор тарной керамики позднеархаического времени городища Станислав практически не отличается от набора, известного по другим памятникам сельской округи. В составе амфор преобладают хиосские пухлогорлые и красноглиняные с цилиндрическим горлом (рис. 2, *1–7*).

Привозная столовая керамика весьма невыразительна. Комплекс лепной посуды также довольно однообразен. В его составе преобладают горшки с отогнутым наружу венцом, часто украшенные косой насечкой по краю (рис. 2, *14*, *19*), изредка – валиком с насечкой (рис. 2, *17*) или наколами по краю и ниже (рис. 2, *16*). Почти полное отсутствие таких элементов орнаментации, как налепные валики или сквозные проколы, которые, думается, весьма показательны в отношении этнокультурной интерпретации этой группы керамики, сближает комплексы лепной посуды Станислава и поселения Лупарево 2 (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1986, с. 65), что, очевидно, отнюдь не случайно.

К позднеархаическому периоду, по всей видимости, относится какая-то часть лепных мисок (рис. 2, *20–23*). В свою очередь сосуд банкообразной формы с ручкой-упором (рис. 2, *15*), видимо, был изготовлен в более позднее время.

Что касается вышеуказанных углублений, то девять из них с большой степенью вероятности можно относить к категории хозяйственных ям, тогда как остальные четыре, конической в сечении формы, вероятно, имели иное значение. Диаметр последних колебался в пределах 0,40–0,60 м при глубине порядка 0,20–0,25 м. Они могли служить ямками для опор постройки, например, типа навеса.

Хозяйственные ямы в основном имели цилиндрическую форму (№ 1–3, 6, 9), и лишь три (№ 4, 7, 8), скорее всего, грушевидную. В дне еще одной ямы (№ 5) было устроено углубление, возможно, приемник. Размеры ям колебались в следующих пределах: диаметры устья – от 0,8 до 1,3 м, диаметры дна – от 0,9 до 1,3 м при глубине порядка 0,5–0,9 м.

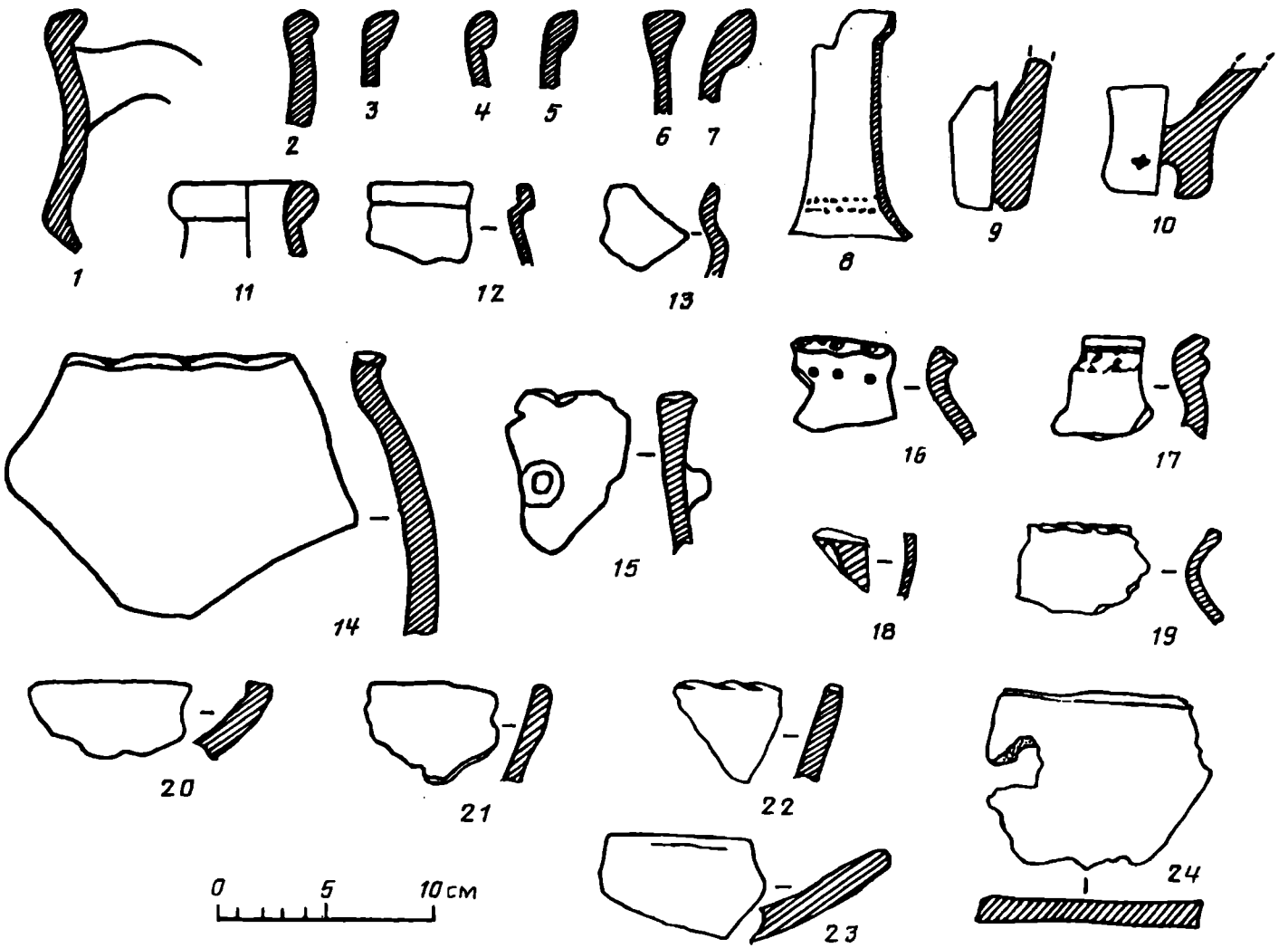


Рис. 2. Керамические находки: *2–8, 12, 13, 18, 21, 22, 24* – из раскопок 1947–1948 гг.: *9–11, 14–17, 19, 20, 23* – из раскопок 1982 г.

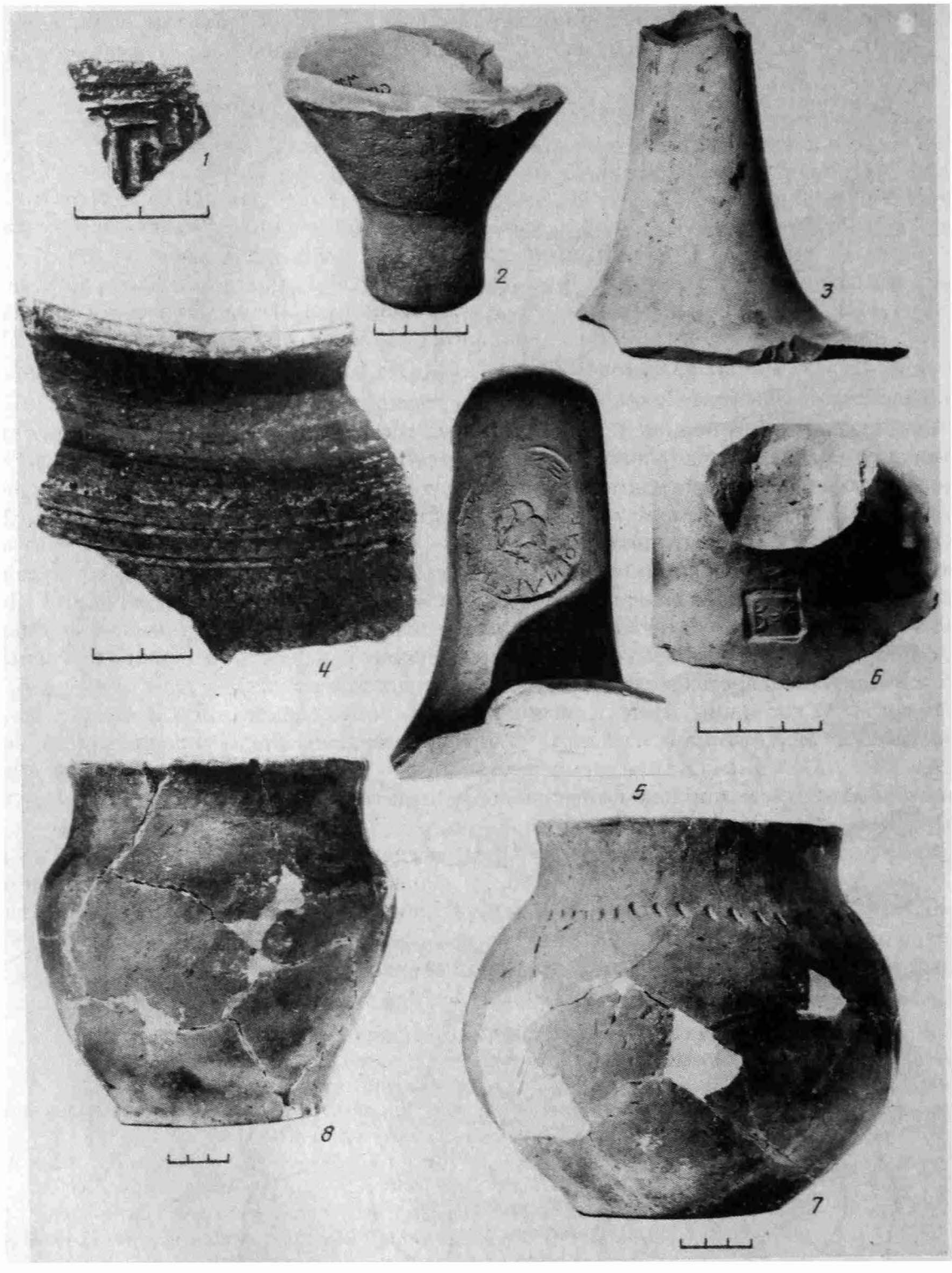


Рис. 3. Керамические находки из раскопок 1982 г.

Ямы заполнены плотным глинисто-золотистым грунтом с керамикой первой половины II в. до н.э. Из 162 обломков керамики на долю аморфной тары приходилось 67% фрагментов, круговой посуды – 9,8% обломков, удельный вес лепной керамики составлял 23,2%.

Среди находок эллинистического времени отметим ножку родосской амфоры (рис. 3, *2*), обломки лагиносов (рис. 2, *8*; 3, *3*), фрагмент «мегарской» чаши (рис. 3, *1*), лепной горшок, украшенный косой насечкой на переходе от горла к тулову (рис. 3, *7*), и ручку родосской амфоры с круглым клеймом на стволе и дополнительным клеймом у ее нижнего прилепа (рис. 3, *5, 6*). Последние датируются первыми тремя десятилетиями II в. до н.э. (Шелов Д.Б., 1975, с. 52; Бадальянц Ю.С., 1989, S. 229, 234).

В культурном слое и в некоторых углублениях был обнаружен материал, явно относящийся к первым векам нашей эры, очевидно, I–III вв. Это сероглиняный гончарный горшок, отличающийся довольно грубой сероглиняной массой (рис. 3, *8*), фрагменты подобных сосудов (рис. 2, *12, 13;* 3, 4) и обломок светлоглиняной узкогорлой амфоры (рис. 2, *11*).

Новые данные о городище Станислав, полученные в 1982 г. позволяют сделать три основных вывода. Во-первых, судя по раскрытому строительному комплексу 1, мы имеем дело с рядовым поселком весьма скромного облика, проявляющего очевидное сходство, прежде всего, с памятниками позднеархаического периода типа Лупарево 2.

Во-вторых, особенный интерес вызывает факт наличия на поселении остатков жизнедеятельности первой половины II в. до н.э., а именно того времени, когда дальняя правобережная хора Ольвин прекратила свое существование (Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 100, 101). Этот факт позволяет говорить о сохранении сравнительно стабильной военно-политической и экономической ситуации на восточных окраинах Ольвийского государства в отличие от его западных территорий.

В-третьих, городище существовало в первые века нашей эры. В связи с этим уместно поставить вопрос: на каком из этапов поселение было укреплено или, возможно, правильнее сказать – укреплено впервые. Этот важнейший в истории поселения момент до сих пор еще по-настоящему не датирован (ср.: Буйских С.Б., Иевлев М.М., 1986, с. 64–76).

Наконец, следует отметить, что во время исследований городища в 1947–1948 гг. был обнаружен ряд находок, относящихся к очень раннему, видимо, доантичному периоду. Это фрагмент лощенного тонкостенного сосуда с резным орнаментом (рис. 2, 18) и обломок лепной жаровни (рис. 2, *24*). Не исключено, что их можно относить еще ко времени поздней бронзы или самого начала железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадальянц Ю.С., 1989. Вопросы хронологической классификации родосских клейм // Klio. 71. 1.

Буйских С.Б., Иевлев М.М., 1986. О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья первых веков нашей эры. Киев.

Бураков А.В., Буйских С.Б., 1977. Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО-1976 г. М.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1986. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. Киев.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в Истории Геродота. М.

Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В., 1980. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Марченко К.К., 1984. Работы Нижнебугской экспедиции // АО-1982 г. М.

Шелов Д.Б., 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М.

Штительман Ф.М., 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. № 50.

Институт истории материальной культуры,
Санкт Петербург
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

А.В. БОГАЧЕВ

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕЙ ДАТЕ ДРЕВНОСТИ «ГУННСКОГО КРУГА»

Важна сумма признаков вещи...

(Амброз А.К., 1989, с. 73)

Одним из наиболее важных результатов известной дискуссии о древностях «гуннского круга» явилось признание того, что различия трех выделенных А.К. Амброзом групп материала «не плод досужей фантазии, что они вполне объективны» (Амброз А.К., 1989, с. 74) и «представляются археологической реальностью» (Засецкая И.П., 1994, с. 112).

Вместе с тем вопросы датировки этих групп по-прежнему достаточно спорны, хотя дискутирующие стороны отметили «некоторое сближение позиций хотя бы в относительной хронологии» (Амброз А.К., 1985, с. 300).

Ранняя дата гуннских комплексов также не вызывает особых разногласий. Вопрос же о верхней хронологической границе этих материалов продолжают активно обсуждать. В настоящей статье предлагается один из возможных подходов к решению этой проблемы.

Сравнивая вторую хронологическую группу И.П. Засецкий (ХГЗ 2) и вторую хронологическую группу А.К. Амброза (ХГА II), нетрудно заметить, что по составу комплексов они во многом совпадают.

И.П. Засецкая поместила в ХГЗ 2 материалы из Владимировки, Покровска (кург. 17, 18), Шипова (кург. 3), Новогригорьевки (кург. 3). К ним примыкают погребения из «Востока» и Шипова (кург. 2). Отличительными особенностями группы являются «бляхи с изображением "личины" и прямоугольные широкие пластины, украшенные рядами зерновидных и катушечновидных фигур», а также «почти полное отсутствие вещей полихромного стиля» (Засецкая И.П., 1994, с. 126).

В последней монографии А.К. Амброза в ХГА II входят все вышеперечисленные комплексы (за исключением материалов из «Восхода»), а также могила 3 из кург. 4 у с. Верхнепогромное. Как отмечает автор, «степные погребения группы II отличаются прежде всего металлическими накладками, обтянутыми, как и в гуннское время, золотой или тисненой фольгой, но с иным, пока не найденным в комплексах V в. выпуклым узором (Амброз А.К., 1989, с. 74).

Однако абсолютные даты этой выборки степных древностей у И.П. Засецкой и А.К. Амброза далеко не совпадают: ХГЗ 2 – вторая половина V в. (Засецкая И.П., 1994, с. 128) ХГА II–VI – середина VII в. (Амброз А.К., 1989, с. 81, 82). Показательно, что в качестве основного хронологического индикатора при определении этих дат авторы использовали пряжки (хотя привлекались и другие предметы).

Действительно, цельнолитые пряжки из Шипова и Верхнепогромного занимают особое место в дискуссии о верхней хронологической границе гуннских древностей. Дело обстоит таким образом, что если мы, вслед за А.К. Амброзом (Амброз А.К., 1989, с. 76), поместим эти пряжки в разряд геральдических, то поздняя дата гуннских комплексов автоматически поднимается до второй половины VI–VII в. (эта датировка вещей геральдического стиля является сегодня общепринятой). Если же мы, как и И.П. Засецкая, не согласимся с такого рода определением пряжек из Шипова и Верхнепогромного, то будем вынуждены признать, что, как минимум, во второй половине VI в. в южнорусских степях гуннских вещей уже не было (И.П. Засецкая ограничивает эту дату началом VI в. (Засецкая И.П., 1994, с. 111–130)).

Поскольку вопрос о типологической идентификации названных пряжек является принципиальным в плане определения поздней даты гуннских комплексов – обратимся к аргументации авторов.

© А.В. Богачев, 1996 г.

Говоря о пряжках из Шипова и Верхнепогромного как о геральдических, А.К. Амброз пишет: «Все признаки украшений этого рода налицо: предметы сделаны из листа металла, рамка и щиток – из одного куска, имитируют массивные тяжелые вещи с толстыми широкими рамками» (Амброз А.К., 1989, с. 76).

И.П. Засецкая же считает, что «можно говорить с уверенностью о том, что данные пряжки не являются репликами геральдических пряжек VI–VII вв.» (Засецкая И.П., 1994, с. 91). По ее мнению, для изделий геральдического типа не характерны «такие признаки, как рубчатый орнамент, рифленые рамки, применение золотого покрытия», и напротив – «характерно наличие скошенных граней по краям рамки и щитка» (Засецкая И.П., 1994, с. 91). Кроме того, различны и способы крепления к ремню шиповских (при помощи сквозных заклепок-гвоздиков) и геральдических (при помощи внутренних шпеньков, отлитых вместе со щитком) пряжек (Засецкая И.П., 1994, с. 91).

Логика рассуждений И.П. Засецкой подводит автора к выводу о том, что шиповские пряжки «продолжают традиции сармато-гуннской эпохи и «скорее всего, относятся к V в.» (Засецкая И.П., 1994, с. 91).

Последнее утверждение нам представляется достаточно спорным, и прежде всего, потому, что в Восточной Европе в комплексах достоверно V в. пряжки с выпукло-вогнутым сечением рамки не известны. В качестве примера можно привести материалы из достоверно непереотложенных закрытых комплексов раннесредневековых могильников Приморья и Северного Кавказа, хронология которых изучалась целенаправленно. На Верхней Каме первые образцы (2 экз.) пряжек с выпукло-вогнутыми рамками появляются лишь в VI в. в материалах поздней фазы харинского этапа ломоватовской культуры (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973, табл. 4, рис. 24, 25; Голдина Р.Д., 1979, с. 80, 81). В погр. 259, 374, 410 могильника Дюрсо близ Новороссийска самые ранние пряжки с аналогичным сечением рамки по фибулам были датированы временем не ранее второй трети VI в. (Дмитриев А.В., 1982, рис. 11, 17). Интересно, что пряжки из погр. 259 и 410 были цельнолитыми (как и позднехаринские), а из погр. 374 – трехсоставными с гофрированными рамками, но и те и другие крепились к ремню при помощи заклепок-гвоздиков (равно как и позднехаринские). Совокупность всех признаков названных пряжек из Дюрсо не дает нам возможности безоговорочно отнести их к разряду геральдических. Не случайно в матрице взаимовстречаемости предметов в комплексах с фибулами (Дмитриев А.В., 1982, рис. 11) они заняли место за трехсоставными округлорамчатыми хоботковыми пряжками (II этап периодизации Дюрсо – первая треть VI в.) и перед однозначно геральдическими пряжками (VI этап – последняя треть VI–VII в.). По всей видимости, лишь малочисленность такого рода пряжек на могильнике не позволила А.В. Дмитриеву, отнесшему их к разделу геральдических, выделить эти пряжки в особую группу переходного характера.

Следует отметить, что исследователями уже обращалось внимание на отдельные случаи находок подобного рода пряжек с переходной морфологией (Васкул И.О., 1985; Богачев А.В., 1990). Специальный анализ эволюции поясных наборов (529 пряжек) Среднего Поволжья IV–VIII в. позволил выявить компактную группу пряжек (47 экз.), локализовавшуюся в матрице между трехсоставными и геральдическими пряжками и несшую на себе признаки как той, так и другой типологических групп (Богачев А.В.,1992а, б). Такой подход позволил говорить не о случайном, а о закономерном характере существования в Восточной Европе переходной группы украшений предгеральдического стиля.

Пряжки из Шипова и Верхнепогромного, с полным на то основанием, необходимо отнести в разряд предгеральдических, так как их морфология, с одной стороны, действительно восходит к старым стереотипам изготовления трехсоставных пряжек (см. выше аргументацию И.П. Засецкой); с другой – в них выкристализовываются новые стилистические традиции, которые в полной мере проявились в поясах геральдического типа (см. выше аргументацию А.К. Амброза).

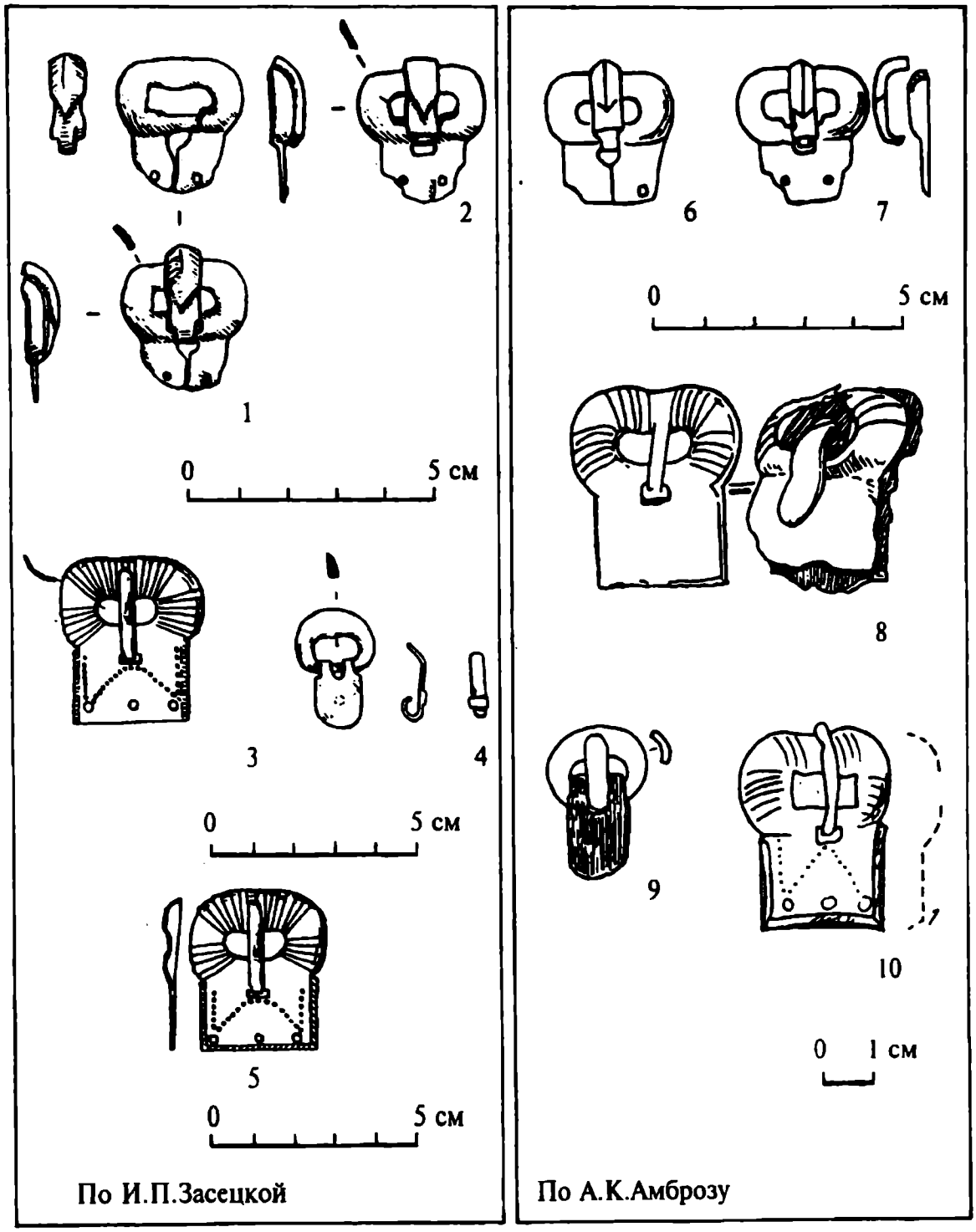


Рис. 1. Гуннские пряжки из Верхнепогромного и Шипово (*1–5* – по И.П. Засецкой; *6–10* – по А.К. Амброзу). *1, 2, 6, 7* – из погребения у с. Верхнепогромное; *3, 4, 8, 9* – из погребения в кург. 2 у ст. Шипово; *5, 10* – из погребения в кург. 3 у ст. Шипово

В эпоху перемены моды, когда новые формы начинают вытеснять старые, можно наблюдать комплексы, отражающие периоды сосуществования новомодных вещей со старыми (Богачев А.В., 1992б, с. 142, рис. 19). Это явление, в частности, проявляется и в материалах Шипова (кург. 2), где наряду с вещью предгеральдического стиля (рис. 1, *3, 8*) была найдена трехсоставная округлорамчатая пряжка (рис. 1, *4, 9*).

Говоря об абсолютной дате пряжек из Шиповника и Верхнепогромного, следует иметь в виду, что нижняя хронологическая граница изделий переходной группы (предгеральдической), по всей видимости, должна совпадать со временем появления первых реплик геральдических украшений. Дата появления последних в настоящее время определяется в пределах второй половины VI в. Временные рамки бытования переходной группы пряжек не должны превышать 25–50 лет (Богачев А.В., 1992б, с. 159). А с учетом того, что в комплексах Дюрсо такие пряжки встречаются с фибулами второй трети VI в., можно предположить, что наиболее вероятная дата совершения захоронения в Шипове и Верхнепогромном – третья четверть VI в. Поскольку эти погребения являются наиболее поздними (судя по пряжкам) в серии древностей «гуннского круга», постольку верхнюю хронологическую границу всех этих материалов на сегодняшнем уровне знаний следует определить в пределах третьей четверти VI в.

Однако могущество гуннов заканчивается в последней трети V в. – они сходят с политической арены и, как следствие, перестают упоминаться в хрониках. Насколько же корректен термин «гуннские» в отношении древностей кочевников VI в.?

Действительно, византийские источники VI в. сообщают, что в это время восточноевропейские степи заняли кочевнические племена сарагуров, урогов, оногуров, болгар, сабир, утигуров, кутригуров и др. Вместе с тем следует отметить, что утигуры и кутригуры, упомянутые Прокопием Кессарийским и Агафием Миринейским, рассматриваются в качестве потомков гуннов (Засецкая И.П., 1994, с. 149). Важно и то, что много лет спустя племена болгар и сабир носят приставку «гунно»..., т.е. «причислять себя к гуннам в VI в. было гордо» (Гумилев Л.Н., 1993, с. 124).

В этой связи логично допустить, что «гуннский стиль» еще какое-то время (до третьей четверти VI в.) сохранялся в манере одеваться, носить оружие, украшать упряжь боевого коня у тюркской родовой знати (все комплексы «гуннского круга» VI в. содержат достаточно богатый инвентарь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.) // СА. № 3.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.

Богачев А.В., 1990. Погребение VI века на юге-западе Татарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Богачев А.В., 1992а. Об одной переходной группе поясных пряжек Среднего Поволжья середины I тыс. н.э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Богачев А.В., 1992б. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара.

Васкул И.О., 1985. О датировке пряжки с поселения Шойнаты III // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12.

Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158.

Гумилев Л.Н., 1993. Тысячелетие вокруг Каспия. М.

Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.

Историко-культурная ассоциация
«Артефакт», Самара

Ю.М. ЗОЛОТОВ

НАДПИСИ XVI В. ИЗ ВОЛОКОЛАМСКА

В западной стене трапезной церкви Рождества Богородицы на Возмище в Волоколамске, снаружи, укреплены четыре белокаменные плиты с надписями. Плиты ветхие, сохранились не полностью. Это надгробия, оставшиеся от древнего монастыря, который упоминается в укрепленной рядом и давно известной плите со строительной надписью мастера Повилики (Гиршберг В.Б., 1960, с. 29).

От самого древнего надгробия сохранился обломок (55 × 38 см), украшенный орнаментом из мелких треугольников. Надпись полууставом. Высота букв 6 см. Сейчас можно прочесть две верхние строки:

ЛЕТ 7044 ГО(1536) ПРЕСТАВИС

РАБ БОЖИЙ... МЕСЯЦА...

В 1984 г., когда мы сфотографировали эту плиту, читалось и продолжение:... ТА... ДЕМИДА (рис. 1).

Под титлом – «божий», «месяца». Выносные: «т», «д», «с» (2 раза), «б», «и». Четверка в дате обозначена буквой «д». Лигатур нет.

Поскольку имя умершего обозначалось после слов «раб божий», можно предположить, что на утраченном ныне фрагменте была указана память святого, отмечавшаяся в день кончины. Святых с таким именем два – их памяти приходятся на июль и август. Буквы ТА последней строки, вероятно, и остались от слова «августа». Таким образом, восстанавливается дата смерти 14 августа, на память св. «Диомида врача».

Вторая плита (рис. 2) также украшена треугольчатым орнаментом. Размеры 100 × × 41 (изголовье) – 33 (изножие) см. Надпись резана не только в обычном поле ниже изголовья (2 строки), но и вдоль боковых граней, причем так, что текст нужно читать с трех разных сторон. Буквы крупные и четкие (высота 7 см); резчик старался создать красивый, запоминающийся памятник. Надпись гласит:

Рис. 1. Плита 1

© Ю.М. Золотов, 1996 г.

Рис. 2. Плита 2

В ЛЕТ 7049 ГО(1541) МЕСЯЦА МА // ИА В 3 ДЕНЬ НА ПА // (МЯ)ТЬ СВЯТЫХ М(УЧЕНИ)КЪ ТИМОФЕЯ И МАВРЫ // ПРЕСТАВИС РАБ БОЖИЙ ИНОК ИГНАТЕИ ЕФИМ(И)Е(В)С(ЫН)Ъ... УКОВ

Под титлом: «месяца», «день», «святых», «мученик», «божий». Выносные: «с» (2 раза), «М» в слове «мая», «и» (2 раза), «к». Лигатуры: «лет», «ца», «ти», «пр», «ми». Мастер хорошо знал приемы вязи, особенно любил сокращение и подчинение букв. Союз «и», слово «инок» – написаны через «и» десятиричное, над которым поставлены две вертикальные черточки. Начертание буквы «ж» характерно для конца X – первой половины XVI в. (Гиршберг В.Б., 1960, с. 14, 22, 55). Буква «к» дана, как в скорописи XVII в., следовательно, это один из ранних образцов такого написания (Черепнин Л.В., 1956, с. 362, 365). Перед обозначением дня пропущен предлог «в». При вставке его

Рис. 3. Надпись на плите 3

между букв (возможно, позже всей надписи) произошла путаница. Начало фамилии Игнатия Ефимиева разобрать нельзя – здесь прошел разлом.

Третья плита (рис. 3) также расколота, утрачено название месяца. Размер 114 × 48 (изголовье) – 41 (изножие) см. Орнамент треугольчатый. Надпись в шесть строк:

ЛЕТ 7054 (1546) М(ЕСЯЦА)...
17 ДЕНЬ ПРЕСТАВИС РАБЪ
БОЖИИ ИНОК ВАС(Ь)ЯНЪ ИКОННИК НА
ПАМЕТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ФЕДОРА ТИРО
НА

Месяц восстанавливается как февраль (согласно указанию на память святого). Под титлом: «день», «божий», «святаго», «мученика». Выносные буквы: «т», «с», «к», «н», «г», «до». Лигатур нет. Десятиричное «и» в слове «Тирона» поставлено вместо «ижицы». В начале слова «иконник» эта буква также не нужна. В начале слова «инок» десятиричное «и» употреблено для ясности словоразделения (как и на предыдущей плите), иначе рядом стояли бы две «иже» и похожая по рисунку буква «наш».

Имя «Федор», как и «Демид», написано по-русски, но начальная греческая буква сохранена. Имя умершего – Васьянъ (основание кузовка буквы «ь» заметно). Из документов XVI в. известен иконник Василий, работавший в Иосифовом монастыре (Книга ключей..., 1948, с. 23).

Четвертая плита (рис. 4) сохранилась не полностью – утрачен верхний левый угол с датой и нижняя часть. Размер: 58 × 55 см. Уцелели остатки семи строк надписи, выполненной полууставом, неровными невысокими буквами (около 3 см). Можно прочесть:

...ПРЕСТА
...БОЖИЙ ПРО
КОПЕЙ КОБЕЛ МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ
29... НА ПАМЯТ ПРЕПОДО

Рис. 4. Плита 4

(БН)ОГО И БОГОНОСНОГО
...НАШЕВО
...ИЯ...

Под титлом, «месяца», «богоносного». Выносные: «жи», «л», «с», «н», «юс малый» (последний нарезан небрежно и похож на «д», ср.: Черепнин Л.В., 1956, с. 249, 303, 305, 321, 362). Лигатур нет.

Палеографические признаки, особенно начертания букв «а», «м», «т», «п» с покатым перекрытием в слове «преставис», а также характер орнамента свидетельствуют о древности надписи. Отмеченные признаки свойственны памятникам конца XV – первой трети XVI в. (Гиршберг В.Б., 1960, с. 22, табл. 11, № 2; с. 50, 51; Черепнин Л.В., 1956, с. 361, 387; Антонова В.И., Мнева Н.Е., 1963, с. 151, 335). На 29 января приходится память Игнатия Богоносца, что согласуется с чтением сохранившихся букв.

Кобел – скорее всего, прозвище погребенного Прокопия. (Последняя буква – выносная, в виде маленькой «галочки», едва различима). Этимологически прозвище

может быть связано с древнерусским «къбылъ», «кобелъ» – «пень», «коряга», или «ковш», «кадка», вообще деревянная посуда или мера сыпучих тел (Срезневский И.И., 1893, с. 1387, 1388; Преображенский А.Г., 1958, с. 324). От этих прозвищ происходит распространенная фамилия Коблов.

Все надписи на плитах, вероятно, сделаны местными монастырскими мастерами. В Обиходнике Иосифо-Волоколамского монастыря такой тип памятника именуется «цка», т.е. доска (Тихомиров М.Н., 1962, с. 123, 125).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова В.И., Мнева Н.Е., 1963. Каталог древнерусской живописи. Т. 1. М.

Гиршберг В.Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М.

Книга ключей и Домовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века, 1948. М.; Л.

Преображенский А.Г., 1958. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.

Срезневский И.И., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб.

Тихомиров М.Н., 1962. Россия в XVI столетии. М.

Черепнин Л.В., 1956. Русская палеография. М.

Т.Д. ПАНОВА

КАМЕННЫЙ САРКОФАГ ИЗ БОРИСОГЛЕБСКОГО СОБОРА НА СМЯДЫНИ (СМОЛЕНСК)

Одна из публикаций 30-х годов XIX в., посвященная интересующей нас находке, называлась "Об открытии древней княжеской гробницы в окрестности г. Смоленска" (Мазуркевич Н., 1837). О ней упоминается в нескольких работах, рассказывающих об археологии и истории Смоленска (Историко-статистическое описание..., 1864, с. 211; Писарев С.П., 1894, с. 19, 20; ИАК, 1907, с. 41; ИАК, 1909, с. 163; Клетнова Е.Н., 1912, с. 296; Орловский И., 1909, с. 251, 252).

Речь идет о белокаменном саркофаге, обнаруженном в развалинах Борисоглебского собора монастыря на Смядыни под Смоленском в 1833 г. К сожалению, в период зарождения интереса к русским древностям фиксация материалов, случайно попавших в поле зрения ученых, оставляла желать лучшего. До нас доходят лишь краткие описания древностей, не всегда дающие исчерпывающее представление о находке, чаще всего исчезнувшей в силу разного рода исторических обстоятельств из частных или музейных собраний императорской России.

Изображение белокаменной гробницы, считавшейся гробом смоленского князя Давида Ростиславича, сохранилось в обширном фонде рисунков академика Ф. Солнцева, хранящемся в архиве музея-заповедника "Московский Кремль" (фонд графики, № 45 689 КП).

По заданию Академии наук художник Ф. Солнцев постоянно выезжал в места обнаружения археологических древностей, где с большим искусством фиксировал и сами объекты (развалины, храмы, городища с окружавшим их ландшафтом) и находки. В своей поездке под Смоленск в 1833 г. он зарисовал остатки Смядынского Борисоглебского собора и каменный гроб, найденный при их изучении.

© Т.Д. Панова, 1996 г.

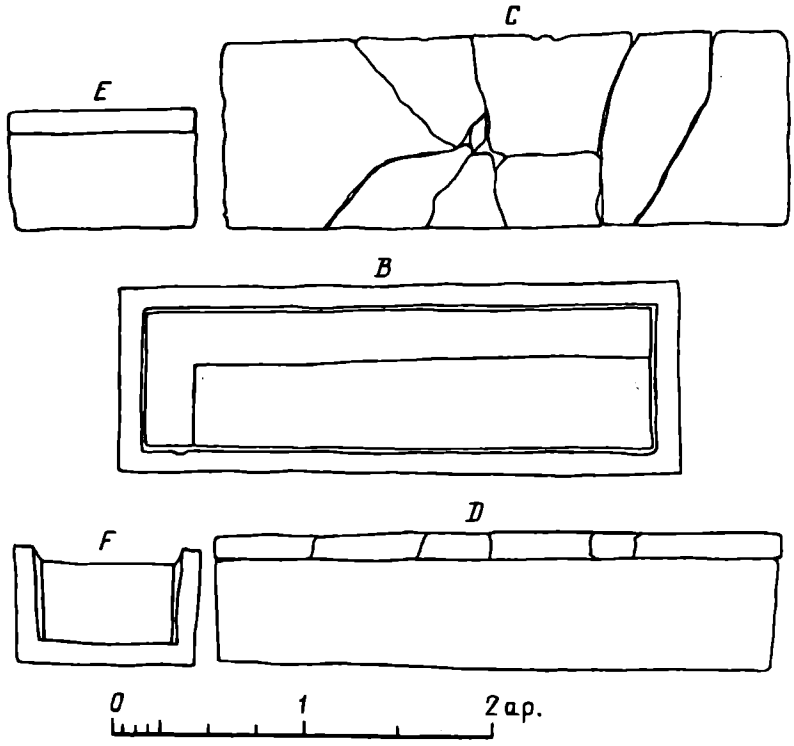


Рис. 1. "Каменный гроб князя Давида Ростиславича". Прорись с рисунка Ф. Солнцева. Вид сверху (*C*, *B*), сбоку (*D*, *E*), разрез (*F*)

Никогда не публиковавшийся рисунок дает полное представление о древнем погребальном сооружении, судьба которого первоначально складывалась не совсем удачно (гробница какое-то время служила колодой, из которой поили лошадей в пожарном депо г. Смоленска). Рисунок выполнен на бумаге в технике сепии; обозначения нанесены тушью.

Саркофаг изготовлен из монолита белого камня и имеет форму простого ящика с очень незначительным расширением к головной части. Крышка-плита, разбитая при раскопках на несколько кусков, не несла на себе никаких надписей или изображений. Длина гроба 2,18 м, ширина в головах 0,71 и в ногах 0,68 м. Незначительно выше саркофаг к головной части (33,5 см против 30,5 см в ногах). Он имеет ровную толщину стенок – от 0,08 до 0,09 м.

Следует отметить, что ни один из приведенных выше размеров не совпадает с опубликованными в одной из книг Н.Н. Воронина, который еще в 1928 г. произвел в Смоленске обмеры какого-то саркофага, посчитав тогда его принадлежавшим князю Давиду (Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979, с. 50).

Интересны обстоятельства находки. Саркофаг, судя по описанию, стоял в аркосольной нише в стене западной галереи Борисоглебского собора, при входе в него – во время последующих раскопок памятника здесь было зафиксировано более десяти таких ниш (Орловский И., 1909, с. 297, 300). По указаниям в исторической литературе трудно сказать, был ли это открытый аркосолий или ниша после совершения в ней погребения была закрыта стенкой в один кирпич, что было характерно для храмов-усыпальниц Смоленска в домонгольский период. В саркофаге не зафиксирован инвентарь, хотя отмечено подголовье из трех кирпичей, идентичных кирпичам, из которых построен в 1145 г. сам храм-усыпальница. Аналогичный по форме каменный гроб, но явно детский, был найден рядом (видимо, в соседней нише) с описанным выше.

В задачу данной заметки не входит дискуссия о принадлежности саркофага, о котором мы теперь имеем полное представление благодаря трудам художника Ф. Солнцева. Публикуемый рисунок поможет исследователям истории русского средневековья оживить скупые строки сообщения полуторавековой давности и включить в список

памятников домонгольского времени еще одно погребальное сооружение XII – начала XIII столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.

ИАК, 1907. Известия Археологической комиссии. Прибавление к вып. 21. СПб.

ИАК, 1909. Известия Археологической комиссии. Вып. 33. СПб.

Историко-статистическое описание Смоленской епархии, 1864. СПб.

Клетнова Е.Н., 1912. Доклад... МАО о раскопках на Смядыни // Древности. Тр. МАО. Т. IV. М.

Мазуркевич Н., 1837. Об открытии древней княжеской гробницы в окрестности г. Смоленска // Труды и летописи ОИДР. Ч. VIII. М.

Орловский И., 1909. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. I. Смоленск.

Писарев С.П., 1894. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск.

Государственный историко-культурный
музей-заповедник "Московский Кремль"

История науки

А.А. ФОРМОЗОВ

К СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ В.И. РАВДОНИКАСА

В декабре 1994 г. в Петербурге состоялась международная конференция к 100-летию В.И. Равдоникаса. К ней были выпущены книжка тезисов докладов (116 с.) и сборник "Проблемы археологии" (вып. 3) памяти Равдоникаса с посвященным ему предисловием А.Д. Столяра.

Равдоникас, безусловно, крупная фигура, в 1930-е – 1940-е годы одна из центральных в советской археологии. Написано о нем мало. Журнал "Советская археология", публиковавший статьи к юбилеям и некрологи многих малоизвестных ученых, не отметил ни 80-летие Равдоникаса, ни его кончину. В 1980-х годах опальный ученый вызвал большой интерес. В.Ф. Генинг, А.Д. Пряхин, В.М. Массон называли его основоположником марксистской археологии. Подробную биографию Равдоникаса со списком его работ издал в 1988 г. А.Д. Столяр (Столяр А.Д., 1988, с. 8–30). В этой связи конференция памяти Равдоникаса выглядит оправданной.

Но, думается, вопрос об увековечении памяти В.И. Равдоникаса менее важен, чем стоящий перед всем российским обществом вопрос: "От какого наследства мы отказываемся?" И тут к организаторам конференции нельзя не предъявить серьезные претензии. Общая ее тональность (за исключением единственного доклада В.С. Бочкарева, сопровожденного дистанцирующим примечанием редакции) – славословия покойному археологу, а не попытка разобраться в том, что в его наследии было полезно, а что сейчас абсолютно неприемлемо, да и для своего времени было вредно. Равдоникас был яркой личностью. Писать о нем нужно. Но ярким человеком был, скажем, и Л.Д. Троцкий. Закономерен выход книги о нем Д.А. Волкогонова. Однако юбилеи Троцкого мы не отмечаем. И это правильно. То же и с Равдоникасом.

Взглянем же на его деятельность без юбилейного флера. Родился в Тихвине в 1894 г. В 1914–1915 гг. провел свои первые раскопки на р. Сясь. В 1918–1923 гг. учился в Петербургском университете у А.А. Спицина. Участвовал в первой мировой войне и Октябрьской революции. 1919–1928 гг. жил в Тихвине, где занимался краеведением, создал музей в закрытом Успенском монастыре, преподавал в педтехникуме, сотрудничал в газете. В 1928 г. переехал в Ленинград, став сотрудником сперва Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), а затем Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Там в 1929 г. сделал установочный доклад "Об археологическом наследии", напечатанный в дополненном виде под заглавием "За марксистскую историю материальной культуры" в 1930 г. (Известия ГАИМК. Т. VIII. Вып. 3–4). Доклад произвел огромное впечатление и долгие годы воспринимался как идеологическая программа для всех советских археологов. К этой публикации примыкает ряд других теоретических статей Равдоникаса 1930–1934 гг. в "Сообщениях" и "Известиях" ГАИМК, "Проблемах истории докапиталистических обществ" и т.д. Во второй половине 1930-х годов Равдоникас работал в Эрмитаже и на историческом факультете ЛГУ, вел исследования в Прионежье и на Беломорье, раскопки Старой Ладоги. В 1939–1947 гг. выпустил два тома учебника "История первобытного общества". В 1950-х годах отошел от научной работы, умер в 1976 г.

© А.А. Формозов, 1996 г.

Возникают недоуменные вопросы. Каким образом недавний тихвинский краевед, автор 20 заметок на сугубо частные темы оказался вдруг лидером советской археологии? Как мог доклад молодого ученого, отвергавший абсолютно все, что сделано русской археологией на протяжении 200 лет, вызвать сочувствие у слушателей и побудить их работать в совсем другом духе? Ни А.Д. Столяр в 1988 и 1994 гг., ни докладчики юбилейной конференции на эти вопросы не отвечают.

Более точны были авторы 1970-х годов Т.Д. Белановская и И.П. Шаскольский, которые писали, что Равдоникас из тех, кто "на развалинах старой дворянско-буржуазной науки начали создавать советскую археологическую науку" (Белановская Т.Д., Шаскольский И.П., 1974, с. 127). П.И. Борисковский говорил: Равдоникас "подверг сокрушительной критике дореволюционную буржуазно-дворянскую официальную археологию и ее пережитки в 1920–1930-х годах" (Борисковский П.И., 1977, с. 217).

Итак, "на развалинах". Развалины обычно появляются после разрывов бомб и снарядов. Так это и было. В год "Великого перелома" в ГАИМК была проведена "чистка от классово-чуждых элементов" и уволено 60 сотрудников, более половины (Кузьмина Г.А., 1991, с. 141, 142). Если учесть, что в числе оставленных были "классово близкие" уборщицы, гардеробщики, то процент уволенных научных работников будет еще выше. Были сняты со своих постов оба вице-президента ГАИМК академики С.А. Жебелев и В.В. Бартольд. На их места власть прислала более удобных для нее людей – профсоюзного босса Ф.В. Кипарисова и бывшего сотрудника ЧК С.Н. Быковского, преподававшего марксизм в Вятке. В том же призыве был и Равдоникас.

Отсюда ясно, что свой установочный доклад Равдоникас делал не перед старым профессиональным составом ГАИМК, а перед пришедшими туда новыми людьми и предельно запуганными остатками старого коллектива. В год, когда по "академическому делу" было арестовано 150 ведущих русских историков, спорить с новыми установками никто не решался.

Установки же были такими: традиции русской науки отвергаются, археология как буржуазно-дворянская наука упраздняется, создается новая наука "История материальной культуры". Равдоникас звал на борьбу с "вещеведением", "биологизаторством" и "дилетантизмом". "Вещеведением" называлась работа с музейными коллекциями, без которой невозможны никакие серьезные выводы в археологии, "биологизаторством" – исследования прошлого в связи с развитием природной среды, "дилетантизмом" – краеведческое движение. Взамен этого предлагалось писать статьи на заранее заданные тезисы о едином пути развития человечества по единой стадиальной схеме, приводя некоторые археологические материалы лишь для иллюстрации. Работа по систематизации и классификации коллекций затормозилась. Связи археологов с геологами, палеонтологами, почвоведами порвались. Краеведческое движение было разгромлено.

Надо ли доказывать, что доклад тихвинского краеведа не мог коренным образом изменить обстановку в советской археологии, если бы за спиной автора не стояли некие могучие силы? Современники в этом не сомневались. Сошлюсь на книгу М.А. Миллера "Археология в СССР" (1954, с. 74). То же говорили мне А.В. Арциховский и Б.Н. Граков.

То, что это так, подтверждает одно обстоятельство. Во время следствия по "академическому делу" 1930–1931 гг. внимание шпиономанов-чекистов привлек проект совместной советско-немецкой археологической экспедиции в Крым. Академик С.Ф. Платонов хотел, чтобы раскопки Эски-кермена для прояснения готской проблемы шли по линии Академии наук СССР, а не чуждого ему учреждения ГАИМК (Академическое дело..., 1992, с. 64, 65, 72, 73). И в том же 1931 г. именно в ГАИМК была создана готская группа во главе с Равдоникасом, никогда в Крыму не работавшим, и академия, имевшая очень малые средства на раскопки, нашла их на семь сезонов в Эски-кермене. В 1932 г. опубликован "Готский сборник", выделяющийся своим объемом среди тоненьких брошюрок "Известий ГАИМК (т. XII, вып. 1–8). Том

открывается программной статьей Равдоникаса "Пещерные города Крыма и готская проблема" с совершенно бредовой идеей, что готы не пришли в Причерноморье из Прибалтики, а возникли на месте путем стадиальной трансформации из сармат, а те в свою очередь – из скифов, а те – из киммерийцев. В период критики марризма статья эта приводилась как пример нелепостей стадиальной схемы. Но на конференции 1994 г. А.Г. Герцен сделал доклад о том, что Равдоникас был во многом прав.

Итак, Равдоникас стал одной из центральных фигур в советской археологии не в связи с его успешной научной работой, а в результате внедрения извне. Этому как будто противоречат публикуемые А.Д. Столяром материалы о том, что Равдоникас, вступивший в 1919 г. в РСДРП, вышел из партии в 1922 г. (Столяр А.Д., 1994, с. 7). Но надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, к тому моменту, когда коммунистическая партия решила взяться за научные учреждения, она не располагала для этого необходимыми кадрами. Пришлось временно использовать для внедрения в науку меньшевиков, эсеров и прочих не вполне надежных людей, лишь бы они имели представление о марксизме. На этот счет существует ряд ленинских документов (Иванова Л.В., 1968, с. 22, 57, 58). Такими внедренными в науку людьми были назначенный директором МАЭ Н.М. Маторин – секретарь впавшего в немилость Г.Е. Зиновьева, не имевший высшего образования, и Ф.В. Кипарисов, видимо, один из участников профсоюзной оппозиции М.П. Томского. С.Н. Быковский в свое время был под трибуналом. Так что прошлое Равдоникаса в тот момент не могло препятствовать его выдвижению.

Во-вторых, тоталитарной власти в ряде случаев было удобно использовать именно беспартийные кадры. Беспартийным был фаворит Сталина Т.Д. Лысенко, которому была дана возможность громить весь цикл биологических наук в СССР.

Посты заведующего кафедрой ЛГУ и заместителя директора академического института, доверенные Равдоникасу в 1930–1940-х годах номенклатурные. Кандидаты на них утверждались Ленинградским обкомом ВКП(б).

А.Д. Столяр и в 1988 и в 1994 гг. (Столяр А.Д., 1994, с. 9) подчеркивал, что после погромных выступлений Равдоникаса 1930–1938 гг. никого не арестовали. Это не совсем так. В брошюре 1930 г. поливались грязью арестованные по "академическому делу" Ю.В. Готье и Б.С. Жуков и подвергался насмешкам обреченный на гибель А.А. Миллер.

Как профессиональный археолог, умный и одаренный человек Равдоникас обладал бесспорными преимуществами перед Кипарисовым и Быковским, не имевшими к науке никакого отношения. Это, с одной стороны, позволяло ему находить общий язык с некоторыми учеными старой школы, например с П.П. Ефименко, а с другой – атаковать других, не просто обвиняя их в чуждости марксизму, но метко подмечая противоречия и недоработки в их построениях. Тут Равдоникас не знал удержу. Его сентенции о В.А. Городцове, Ю.В. Готье, А.В. Шмидте, А.А. Миллере, Л.А. Мацулевиче, А.В. Арциховском не только злы, но и высказаны в хамско-оскорбительном тоне.

В руководстве ГАИМК были свои сложные взаимоотношения. Оттуда ушли ближайшие ученики президента ГАИМК Н.Я. Марра, И.И. Мещанинов и И.А. Орбели, очень активный Быковский был после борьбы выжит из академии Кипарисовым. В этой связи стоят и постепенный отход от ГАИМК Равдоникаса, начавшего работать в Эрмитаже и продолжавшего служить в МАЭ, и его полемика с Быковским.

В 1932–1935 гг. полевой работы Равдоникас не вел. Только раз съездил в Эскикермен и раз в Костенки, где копал стоянку срубной культуры. Она была любопытна: найдены остатки жилища, бронзовый серп, сосуд со знаками. Но Равдоникас только упомянул об этом памятнике в своем учебнике, а результаты раскопок не опубликовал.

В 1934–1936 гг. в жизни советской исторической науки произошли большие изменения. В связи с восстановлением преподавания истории в школе и критикой М.Н. Покровского социологический схематизм оказался не в чести и вновь стали возможны подлинно научные исследования по конкретным вопросам. В 1936 г. были репресси-

рованы и расстреляны Кипарисов, Быковский, Маторин и ряд их соратников. Равдоникас уцелел и даже написал передовую III тома "Советской археологии" "О вредительстве в археологии и ликвидации его последствий". А.Д. Столяр (1994, с. 10) считает, что это самое темное пятно в биографии Равдоникаса. Я думаю, что главный его грех иной – брошюра 1930 г. и внедрение ее установок.

После перемен 1934–1936 гг. Равдоникас вернулся к полевой работе: в 1936–1938 гг. исследовал неолитические памятники Карелии, в 1938 г. приступил к раскопкам Старой Ладоги. Этот цикл его работ должен быть оценен достаточно высоко. Открытые Равдоникасом новые наскальные изображения Залавруга, раскопки огромного Оленеостровского могильника, издание двух альбомов петроглифов Онежского озера и Белого моря – важные события в жизни нашей науки. Но есть в этих начинаниях и некая ущербность. Все они не были доведены до конца. Вслед за публикацией альбомов петроглифов не появилось обещанное исследование. Монографию об Оленеостровском могильнике написала Н.Н. Гурина, а не Равдоникас. Материалы 11 сезонов раскопок Старой Ладоги не изданы вообще. Очевидно, повседневная рутинная работа археолога претила теоретику Равдоникасу. Да и всегда трудно решить по отношению к большим экспедициям, кто сделал основную работу – руководитель или его сотрудники (применительно к петроглифам – Л.А. Иванова, к Оленеостровскому могильнику – Г.П. Гроздилов и Н.Н. Гурина, к Старой Ладоге – Н.Н. Чернягин, Г.П. Гроздилов, С.Н. Орлов).

В 1938–1949 гг. Равдоникас возглавлял археологическое отделение на историческом факультете ЛГУ. Вплоть до 1940-х годов оно называлось кафедрой истории первобытного общества, тогда как в МГУ аналогичное подразделение уже с 1938 г. именовалось кафедрой археологии. Равдоникас упорно держался за терминологию 1920–1930-х годов. Он был хорошим лектором и нравился студентам. На кафедре он собрал сильный состав преподавателей, и она давала добротную подготовку. Удачна I часть учебника "История первобытного общества". Все это так, но это лишь возврат к традициям старой русской археологии, которые с такой яростью громил Равдоникас в 1929–1934 гг., а отнюдь не развитие идей этих лет.

Требование поворота от социологизаторства к конкретным исследованиям учли в середине 1930-годах многие. А.Н. Бернштам, П.И. Борисковский, Г.В. Григорьев, Е.Ю. Кричевский, С.П. Толстов, начинавшие с самых погромных статей, сумели стать серьезными учеными и внести весомый вклад в науку. Тот же путь проделал и Равдоникас, но он был заметно старше названных мной археологов и перестроиться по-настоящему не сумел.

Утверждение А.Д. Столяра о том, что с 1934 г. Равдоникас сам оставил "археологическую публицистику" (Столяр А.Д., 1994, с. 9), осознав ее вред, неубедительно. На нее просто больше не было спроса. А в 1948 г. Равдоникас охотно к ней вернулся.

Почему в 1936–1938 гг. Равдоникас избежал репрессий, тогда как многие сверстники его погибли? По А.Д. Столяру, потому, что он вовремя вышел из партии (Столяр А.Д., 1994, с. 8). Вряд ли. Подлинные причины мы скорее всего не узнаем. Возможно, сыграли свою роль былые стычки с репрессированным Быковским. Но ведь и в других областях кто-то погибал, а кто-то оставался. Из историков – подручных М.Н. Покровского – погибли С.А. Пионтковский, С.Г. Томсинский, Н.М. Лукин, Н.Н. Ванаг, но уцелели и процветали потом И.И. Минц, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, А.Л. Сидоров. Почему бы не уцелеть и Равдоникасу?

Отдавая должное его реальным достижениям 1936–1941 гг., мы не должны приписывать ему тех заслуг, которые ему не принадлежат. А.Д. Столяр именует его создателем кафедры археологии ЛГУ. Ну, а какую кафедру окончил сам Равдоникас? В 1922–1931 гг. существовало отделение археологии ЛГУ, возглавлявшееся А.А. Миллером. Миллер был репрессирован и умер в Карагандинском концлагере. Кафедру (уже "истории материальной культуры") отдали Быковскому. Потом его расстреляли, и кафедра перешла к Равдоникасу. О Миллере забыли даже его многочисленные ученики. Нет его биографии. (Доклад о нем в Петербурге в 1990 г. делал

московский археолог Я.М. Паромов.) Так Равдоникас стал числиться создателем университетской археологии.

Точно так же неверно утверждение А.Д. Столяра (1994 г. с. 17), будто Равдоникас был создателем сборников "Советская археология". Их создал С.Н. Замятнин – ответственный секретарь серии с I до X тома. Номинальным редактором был сперва И.И. Мещанинов, позже это место перешло к В.В. Струве, Б.Д. Грекову. Только в 1949 г. на единственном XI томе ответственным редактором СА значится Равдоникас.

Крах Равдоникаса наступил в 1948 г., когда он выступил с докладом о двух направлениях в советской археологии. Тогда, после доклада Т.Д. Лысенко на сессии Академии сельскохозяйственных наук о двух направлениях в биологии – порочном вейсманистско-менделистском и передовом мичуринском, – ЦК КПСС обязало все научные учреждения СССР провести аналогичные сессии. Равдоникас возгласил, что есть два направления в нашей археологии – передовое марксистское в Ленинграде и реакционное вещеведческое в Москве. Главным объектом критики стал А.В. Арциховский. Доклад Равдоникаса имел некоторый успех в Ленинграде и получил поддержку. В Москве, главным образом благодаря действиям С.В. Киселева, ситуация изменилась на 180°. Критике был подвергнут сам Равдоникас за II часть учебника "История первобытного общества", действительно неудачную, произвольно объединявшую этнографический и археологический материал. В итоге он был снят с поста заместителя директора ИИМК по Ленинграду, в 1949 г. оказался обвиняемым в ходе "борьбы с космополитизмом", а в 1950 г. – при борьбе с марризмом – и был уволен из ИИМК и из ЛГУ.

Все это, безусловно, не что иное как расправа конкурентов с опасным для них человеком. Но он был опасен не только для соперников, но и для нашей науки в целом. Возврат к "борьбе с вещеведением" сулил ей долгие годы застоя, а это вполне могло произойти при положении Равдоникаса (единственный археолог – член-корреспондент Академии наук СССР и член Академии наук Норвегии) и его умелом использовании нужной в тот момент демагогии.

В 1956 г. Равдоникас смог вернуться в ИИМК на правах рядового сотрудника, но проработал недолго, до 1959 г. Он номинально руководил тремя сезонами раскопок в Старой Ладоге, написал вводный текст к монографии Н.Н. Гуриной об Оленеостровском могильнике. Но все это было уже не то. О Старой Ладоге не издано ничего. Мезолитический могильник (VI тыс. до н.э.) отнесен ко II тыс. и приписан древнейшим оленеводам. В сущности последние 28 лет своей жизни Равдоникас выпал из науки.

Он перенес слом в возрасте 54 лет. Положение его было трудным, но далеко не тем, что у большинства пострадавших в ходе идеологических проработок 1940-х годов. Они были без куска хлеба, а Равдоникас получал ежемесячно приличную сумму за звание члена-корреспондента. Он мог спокойно готовить к печати материалы раскопок Старой Ладоги или Оленеостровского могильника, как разрабатывали те или иные частные вопросы биологии уволенные отовсюду генетики. После XX съезда КПСС обстановка в науке стала лучше, чем при Сталине. Но нормальная кабинетная и полевая работа не привлекала Равдоникаса. И то, и другое не было его сферой даже в относительно спокойные годы. Ему нужны были митинги, дискуссии, разоблачения, погромы.

Разумеется, жизнь человеческая принадлежит самому человеку, и он вправе распорядиться ею, как хочет, вплоть до самоуничтожения. А.Д. Столяр, общавшийся с Равдоникасом на протяжении долгих лет (с 1938 до 1976 г.), рисует его в последние годы сознательно ушедшим от мирской суеты мудрецом. Не уверен, что это так. Зачем нужно было тогда возвращаться в ИИМК в 1956 г.? Можно было заниматься чистой наукой из любви к ней, сторонясь ее официальной жизни.

Не вернее ли будет сказать, что Равдоникас – человек очень определенного времени и определенной цели – разрушения традиций русской культуры. Это он делал с увлечением, увлекая и других. Как творец, создатель нового он проявил себя

в меньшей мере, и в том возрасте, когда ученый обычно находится на подъеме, в стадии зрелости, оказался в сущности уже никому не нужным.

Таким видится со стороны путь в науке В.И. Равдоникаса. Забыть о нем нельзя, отметить его заслуги можно, но справлять его юбилей и создавать его иконописный образ, по-моему, не следует. Это вводит в заблуждение новое поколение археологов, совершенно не представляющее себе обстановку в СССР в 1920-е – 1940-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ, 1992. Вып. I. СПб.

Белановская Т.Д., Шаскольский И.П., 1974. 80-летие В.И. Равдоникаса // ВИ. № 12.

Борисковский П.И., 1977. Владислав Иосифович Равдоникас // ВИ. № 3.

Иванова Л.В., 1968. У истоков советской исторической науки. М.

Кузьмина Г.А., 1991. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1. М.

Миллер М.А., 1954. Археология в СССР. Мюнхен.

Столяр А.Д., 1988. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Вып. 1. Тихвин.

Столяр А.Д., 1994. Предисловие // Проблемы археологии. Вып. 3. СПб.

Институт археологии РАН, Москва

В.В. ШЛЕЕВ

К ИСТОРИИ НАЧАЛЬНЫХ ШАГОВ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА ВАНСКОГО ЦАРСТВА

(В.В. Стасов и А.С. Уваров)

Незабвенной памяти В.В. Стасова и Б.Б. Пиотровского, труды которых вдохновляли меня в деле изучения культуры и искусства Ванского царства

В 1871 г. академик Санкт-Петербургской Академии наук, известный ориенталист и один из основоположников научного кавказоведения Марий Броссе (1802–1880), ознакомившись по альбому видного тифлисского фотографа Н.Д. Ермакова со снимками двух бронзовых фигурок, найденных в районе г. Ван, попавших в один из музеев Константинополя, определенных как "изображение Святого Духа", опубликовал статью, в которой наряду с анализом некоторых грузинских эпиграфических памятников коснулся и этих фигурок. Броссе выразил несогласие с названным выше определением и посчитал возможным отнести эти фигурки к произведениям искусства древней Ассирии (Brosset M., 1871, p. 462, 463).

Вслед за статьей М. Броссе в том же издании в качестве дополнения к ней были опубликованы и соображения двух других ученых – француза А. де Лонперье и русского В.В. Стасова. Оба они, как и Броссе, не считали возможным признавать эти фигурки произведениями христианского искусства и склонны были относить их ко временам гораздо более древним.

© В.В. Шлеев, 1996 г.

Статья В.В. Стасова на французском языке (Stassow W., 1871, p. 528–548) была опубликована вслед за работой М. Броссе, а на русском языке – в собрании сочинений В.В. Стасова (Стасов В.В., 1894, с. 158–174). Здесь, в примечании, было отмечено, что она впервые напечатана в газете "СПб Ведомости", но, к сожалению, не указан ни год, ни число. Однако тут же опубликован и редакционный комментарий газеты, сопровождавший ее первую русскую публикацию: "Предлагая эту статью вниманию наших читателей, мы знаем как нельзя лучше, что она может вызвать более или менее полновесные возражения. Но нам кажется, что мысль, высказываемая талантливым автором, заслуживает полного внимания и серьезной критической оценки, хотя бы мы и не желали доводить ее до крайнего развития" (Стасов В.В., 1894, с. 158).

К сожалению, газетная публикация этой статьи В.В. Стасова не отмечена и в подробных библиографических списках его трудов, что весьма затрудняет ее разыскание.

А.де Лонперье склонялся к тому, что эти фигурки ближе всего стоят к вавилонскому искусству, но все же допускал две возможности: либо эти изделия вавилонские, попавшие в Армению путем торговли, либо – памятники культуры народа, который Геродот называл алародиями, а Г. Роулинсон и Ф. Ленорман относили этих алародиев к жителям страны Урарту, упоминаемой в ассирийских источниках. Статья А.де Лонперье была опубликована не только как дополнение вслед за работой М. Броссе (Longperier A.de, 1871), но и в томе первом трудов этого французского ученого (Longperier A.de, 1883, p. 276). Ее основные выводы были в начале 1960-х годов кратко изложены Б.Б. Пиотровским (Пиотровский Б.Б., 1962, с. 11).

Между тем В.В. Стасов, проведя серьезную исследовательскую работу, точно определив предназначение этих фигурок как парных частей (ручек) каких-то бронзовых сосудов (Стасов В.В., 1894, с. 158), путем глубокого сравнительного художественно-стилистического анализа выяснил и их место в художественной культуре народов Передней Азии. "И стиль, и тип обеих фигурок, – писал он, – кажутся нам несомненно древне-азиятскими, хотя в виду слишком ограниченного количества пунктов сравнения, какими нам возможно располагать в настоящую минуту, слишком трудно отнести эти стиль и тип с полной достоверностью к той или другой национальности.

Крылья и хвост наших статуэток отчасти походят по своему рисунку на крылья и хвост разных божественных, человеческих или фантастических фигур ассирийского и древне-персидского искусства; между тем, другие очень характерные особенности отдаляют эти фигурки от того и другого искусства" (Стасов В.В., 1894, с. 159).

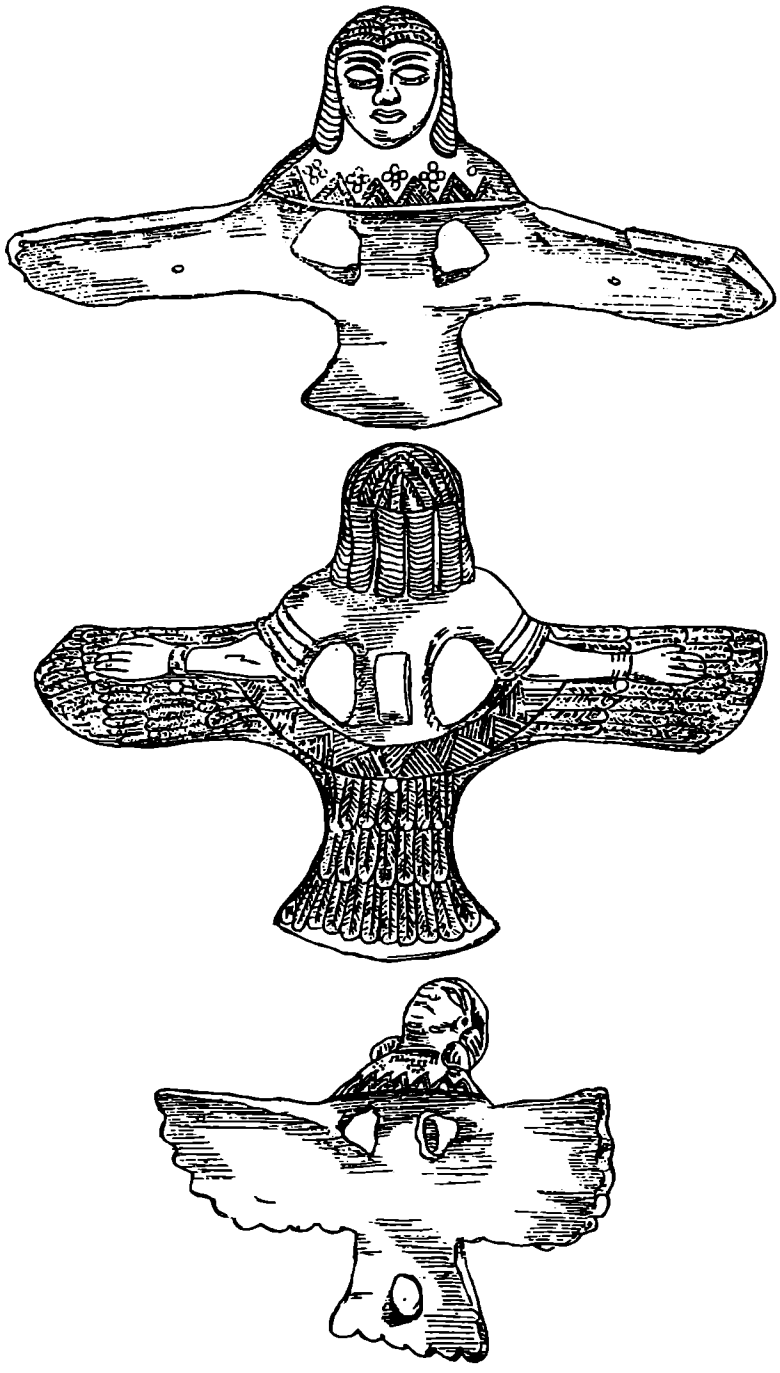
Проведя затем основательный сравнительный художественный анализ по различным известным в его время памятникам, В.В. Стасов в конце своей статьи резюмировал: "Мы замечаем здесь третий элемент, по-видимому, чуждый и семетическому, и арийскому искусству: это тот элемент, который чувствуется в особенном типе лица и прически. Однако, в виду несовершенного состояния наших познаний по части древних памятников Передней Азии, мы не можем определить теперь, какой национальности принадлежит этот элемент, делающий Ванские статуэтки в высшей степени замечательными" (Стасов В.В., 1894, с. 174).

Это исследование выдающегося отечественного искусствоведа, по всей вероятности, обратило на себя внимание другого нашего видного соотечественника, основателя и председателя Московского археологического общества графа А.С. Уварова, и он в преддверии подготовлявшегося V археологического съезда в Тифлисе, не без оснований видя в В.В. Стасове крупного специалиста по искусству Древнего Востока, 29 января 1878 г. обратился к нему со следующим письмом, напечатанным на официальном бланке Московского археологического общества:

"Москва. 29 января 1878. № 18.

Милостивый Государь Владимир Васильевич.

Вам наверно известно, что следующий V-й Археологический съезд должен собраться в Тифлисе в 1880 году. Так как надписи и древности Вана, сколько мне кажется, со-



Две бронзовые фигурки из г. Ван

ставляют один из самых любопытных предметов для археологических исследований Закавказья, то я просил бы Вас указать мне, каким образом и где именно следует произвести раскопки и разыскания в этих местностях. Не откажите также указать мне и на другие местности, которые по Вашему мнению необходимо было бы исследовать в виду предположенного съезда.

Ваши обширные ученые сведения о древностях Востока дают мне право надеяться, что Вы не откажете в Вашем содействии и дозволите впредь обращаться к Вам за указаниями для Тифлисского съезда, где древности Востока должны быть одним из главных предметов занятий членов.

Примите Милостивый Государь уверения в совершенном моем почтении и преданности. Уваров".

(Подчеркивания синим карандашом на тексте письма, вероятно, сделаны его получателем – В.В. Стасовым. – *В.Ш.*)[1]

В обстоятельной биографии В.В. Стасова, написанной его родной племянницей В.Д. Комаровой, выступавшей под псевдонимом "Влад. Каренин", встречаем следующие строки, характеризующие отношения между В.В. Стасовым и А.С. Уваровым, а также и его супругой П.С. Уваровой, ставшей после смерти мужа председательницей Московского археологического общества.

«Величайшая "научная дружба" – если можно так выразиться – связывала Стасова с графом А.С. Уваровым и его супругой графиней Пр. Сер. Уваровой – этими славными и знаменитыми деятелями на почве русской археологии. Граф Уваров неоднократно обращался за советами и помощью к В.В. Стасову. И наоборот – Стасов признавал графа Уварова величайшим для себя авторитетом, а также всю свою жизнь безгранично восхищался энергией, духом инициативы, непрестанными трудами этой редкой четы. Переписка с ними Стасова не прекращалась до самой его смерти[2]. В рукописном отделении Российской публичной библиотеки, – продолжает далее Влад. Каренин, – находится 1 письмо графини и 3 письма графа Уварова к Стасову, из которых особенно замечательно последнее, а также его официальное письмо, как Председателя Моск. Археолог. Общества, с просьбой, чтобы Стасов указал, где особенно следует начать производить раскопки в окрестностях Вана. Письмо графини Пр. Сер. написано было в ответ на просьбу Стасова сообщить ему биографические о ней сведения. Остальные письма Уваровых находятся в Стасовском архиве Пушкинского дома» (Каренин Влад., 1927, с. 304).

Стасов, по-видимому, не смог тотчас же ответить на письмо Уварова от 29 января 1878 г. и потому через два месяца А.С. Уваров в следующем письме в марте, сообщая о нападках в газете "Московские ведомости" (1878, № 57, 3 марта) на одну из работ В.В. Стасова со стороны директора Московского Строгановского училища В.И. Бутовского, вновь повторяет свою просьбу относительно древностей Вана: "Затем позвольте вам напомнить Ван и его древности. Не можете ли найти нам специалиста, который бы взялся съездить туда и произвести раскопки для будущего Тифлисского съезда? – пишет А.С. Уваров. – Я убежден, что Великий князь (речь идет о тогдашнем наместнике Кавказа Великом князе Михаиле Николаевиче. – *В.Ш.*) окажет содействие и таким образом можно будет разкрыть совершенно новый источник для археологии. Можно употребить для этих исследований осенние месяцы и даже часть будущей зимы. Помогите открыть нам Ванскую Ассирию!

Искренне преданный Уваров"[3].

---

[1] Впервые публикуемый полный текст этого письма находится в Фонде В.В. Стасова в Государственной Национальной российской библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге (№ 224). Лишь частично оно было использовано автором данной статьи в дипломной работе "Урартская художественная бронза" (1948) на искусствоведческом отделении МГУ, а позднее и в тексте кандидатской диссертации "Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения" (Шлеев В.В., 1954).

Правда, один из официальных оппонентов по этой диссертации в своем отзыве не согласился с оценкой места В.В. Стасова в изучении искусства Урарту, но зато другой (Б.Б. Пиотровский), напротив, отметил, что в диссертации "приводятся очень любопытные неопубликованные архивные материалы, характеризующие роль В.В. Стасова на начальном этапе изучения археологических памятников из Вана". Оба эти отзыва находятся также и в личном архиве В.В. Шлеева. Через несколько лет после этого сам Б.Б. Пиотровский уже в печати впервые подтвердил эту точку зрения и роль В.В. Стасова в отечественном урартоведении (Пиотровский Б.Б., 1962, с. 11).

[2] С 13 декабря 1866 г. В.В. Стасов состоял действительным членом Московского археологического общества, и первое письмо В.В. Стасова к А.С. Уварову от 9 марта 1867 г., хранящееся в архиве последнего (Отдел письменных источников ГИМ в Москве. Фонд 17), содержало благодарность за это избрание.

[3] Текст этого письма, находящегося в фонде В.В. Стасова Государственной Национальной российской библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге (№ 224), также полностью до сих пор не публиковался, а был лишь частично использован мной в дипломной работе и кандидатской диссертации. См. выше, примеч. 1.

В ответном письме, датированном 24 мая 1878 г., В.В. Стасов благодарит А.С. Уварова за фото портрета Петра Великого, переданного в Публичную библиотеку, сообщает о своей работе по изучению орнаментов и, вспоминая о просьбе Уварова относительно помощи в исследованиях древностей Вана, пишет: "Что касается Вана я думаю, о нем покуда рано говорить. Пожалуй мы, русские, еще долго не попадем в те края!

А впрочем, если угодно, я займусь и теперь. Только признаться – времени-то у меня не слишком теперь много!!!

С истинным почтением и благодарностью. Ваш В. Стасов"[4].

Действительно, В.В. Стасову более не приходилось заниматься Ванскими древностями и его приоритетная роль в нашей науке относительно их изучения была на долгие годы и даже десятилетия как бы позабыта. Кроме выдающегося нашего искусствоведа и археолога, академика Я.И. Смирнова, еще в 1915 г. в специальном совместном с академиком В.В. Бартольдом отзыве о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей города Ани, выдвинутых в Русском археологическом обществе на присуждение Большой золотой медали имени графа А.С. Уварова, вспомнившего об обстоятельной "прекрасной для своего времени работе В.В. Стасова", касающейся бронзовых фигурок из Вана (Смирнов Я.И., 1916, с. 410, 411), да уже цитированной выше биографии В.В. Стасова, написанной его племянницей, даже в фундаментальных трудах крупнейшего нашего исследователя культуры Урарту Б.Б. Пиотровского, выходивших с 1930-х до конца 1950-х годов (см.: Пиотровский Б.Б., 1944, 1959), имя В.В. Стасова как исследователя Ванских древностей просто не упоминается. Нет его даже и в специальной работе Б.Б. Пиотровского "Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа", хотя здесь были даны ссылки и на упомянутую выше статью М. Броссе (Brosset M., 1871, p. 462, 463), и на ручки от урартских бронзовых котлов из собрания Берлинского музея, найденные экспедицией профессора Леман-Гаупта в Ван в конце 1890-х годов (Пиотровский Б.Б., 1939, с. 50).

Хотя в указанной статье Б.Б. Пиотровского об урартских бронзовых статуэтках Эрмитажа, а затем и в его книге "Искусство Урарту" (Пиотровский Б.Б., 1962, с. 11) уже было обращено внимание на издание Академии наук, где была помещена упоминавшаяся мной выше статья М. Броссе, именно она по непонятным причинам отсутствует в библиографическом справочнике "Армения и армянская культура в дореволюционных изданиях Академии наук..." (см.: Бабаджанян Р.А., 1974), не говоря уже об отсутствующих там статьях В.В. Стасова и А.де Лонперье, тоже опубликованных в этих же академических изданиях. А ведь все эти три имени были ясно названы в книге Б.Б. Пиотровского (Пиотровский Б.Б., 1962, с. 11), где прямо было отмечено что "уже в 1871 году были правильно определены первые памятники искусства государства Урарту".

Нет имени В.В. Стасова также в составленном С.А. Есаяном в целом полезном обзоре "Армения и русские археологи" (см.: Есаян С.А., 1977). К сожалению, в этом обзоре имеется и ряд иных досадных ошибок, неточностей и опечаток в именах.

Возвращаясь к А.С. Уварову, следует отметить, что после получения письма от В.В. Стасова в мае 1878 г. он не оставил мысли об исследованиях Ванских древностей[5].

---

[4] Это письмо находится в фонде Уваровых (ф. 17) Отдела письменных источников ГИМ в Москве (Ед. хр. 351, л. 275), где имеются и восемь иных писем В.В. Стасова к А.С. Уварову. Оно до сих пор не публиковалось и было выявлено мной в январе 1995 г.

[5] В связи с этим следует отметить, что в коллекции А.С. Уварова, вероятно, уже находились приобретенные им две бронзовые статуэтки из Вана, хранящиеся теперь в собрании Государственного Эрмитажа (Уварова П.С., 1887б, с. 63, табл. 497, 498; Пиотровский Б.Б., 1939, с. 51, рис. 2, 3). При их описании в каталоге, составленном П.С. Уваровой, указано: "Оба предмета №№ 497 и 498, носят явно ассирийский характер, как по типу, так и по внешней отделке. Найдены они при случайной раскопке в г. Ван (как теперь выяснено, – на холме Топрах-кале – *В.Ш.*). Пр[офессор] Эмин полагает, что ассиро-персидские цари

На втором заседании предварительного комитета Тифлисского археологического съезда, состоявшемся в Москве в январе 1880 г., председательствующий А.С. Уваров поднимает вопрос о перенесении раскопок, предполагавшихся в средневековом армянском городе Ани, на другой, более древний исторический пункт и находит поддержку у известного армяноведа Н.О. Эмина, предложившего провести раскопки на месте древней столицы Армении – Армавира, который уже в то время идентифицировался с большим холмом, называемым местным населением Армавир-блур, расположенном в Айраратской долине рядом с селениями Курдукли и Тапа-диби (Эмин Н.О., 1882, с. 231–233). Предварительный комитет согласился с этим предложением, и в том же 1880 г., в мае месяце, на этом холме были проведены сначала разведочные работы тифлисским историком А.Д. Ерицевым, а затем совместно с ним на протяжении всего одной недели в октябре – также относительно небольшие раскопки приехавшим из Москвы графом А.С. Уваровым. Вместе с ними была и графиня П.С. Уварова, позднее в своих заметках вспоминавшая об этих раскопках. Именно в этих заметках, подчас носящих дневниковую форму, сообщается, что раскопки Армавира продолжались с 20 по 27 октября 1880 г. (Уварова П.С., 1887а, с. 217, 218). Однако в составленном ей же каталоге собрания А.С. Уварова отмечено, что они велись "на протяжении целого месяца" (Уварова П.С., 1887б, с. 36).

Надо отметить, что результаты этих кратковременных археологических работ тогда не особенно вдохновили исследователей, так как новых клинообразных надписей, а также каких-либо памятников искусства, которые можно было бы определенно связать с Ванским царством или даже с существовавшей до I в.н.э. древнеармянской столицей – городом Армавиром, по мнению А.С. Уварова, обнаружить им не удалось.

Остатки же построек в виде хорошо отесанных базальтовых блоков он посчитал возможным датировать временем не ранее IV в.н.э. (Уваров А.С., 1882, с. 449).

Но уже в конце 1880-х годов известный кавказовед Е. Вейденбаум выразил сомнение в справедливости этих выводов А.С. Уварова (Вейденбаум Е., 1888, с. 411, 412), а затем московский профессор М.В. Никольский, крупнейший тогда русский специалист по истории Ванского царства, решительно и весьма аргументированно опроверг выводы А.С. Уварова относительно датировки базальтовых плит, обнаруженных на Армавирском холме, сопоставив их с камнями, на которых были высечены урартские клинописи, в том числе и теми, известными А.С. Уварову, которые были найдены ранее, еще до его работ на Армавир-блуре (Никольский М.В., 1896, с. 36–40; 1910, с. II–IV).

Впоследствии к исследованию района древнего Армавира пытались обращаться целый ряд ученых (см.: Тер-Аветисян С.В., 1941; Тревер К.В., 1953, с. 104–156, а также и другие). Но только в результате систематических работ большой экспедиции Института археологии АН Армянской ССР с 1962 г. была более или менее ясно выявлена картина сложной, многовековой исторической жизни такого важного хозяйственного, культурного и политического центра Ванского царства, а впоследствии и древней Армении, как город Аргиштихинили-Армавир (Аракелян Б.Н., 1969, с. 157–174; Мартиросян А.А., 1967, с. 220–236; 1974).

Что же касается работ российских исследователей на территории самого центра государства Урарту в г. Ване и его районе, то В.В. Стасов относительно этого в значительной мере был прав. Лишь в канун первой мировой войны, через 30 с лишним лет после переписки Уварова и Стасова по поводу поисков ванских древностей, в этом районе в научной командировке по линии Академии наук в 1911–1912 гг. побывал И.А. Орбели. Он произвел небольшие археологические раскопки на Топрах-кале в районе г. Ван, сразу же вызвавшие большой интерес в наших научных кругах (Орбели И.А., 1911–1912, с. LXXIX; 1912, с. 917–926).

доходили в своих походах до озера Ван, составляющего часть древней области "Урарти", жители которой долго отстаивали свою независимость от ассирийских завоевателей, о чем упоминают клинообразные надписи, находимые в окрестностях г. Вана, Гокчайского озера и Армавира" (Уварова П.С., 1887б, с. 63).

Материалы, привезенные из района Вана И.А. Орбели, с разрешения Академии наук использовал Б.В. Фармаковский (Фармаковский Б.В., 1913, с. 45–50) и Н.Я. Марр (Марр Н.Я., 1917, с. 965).

В 1911 и 1914 гг. восточные районы древнего Ванского царства, территорию, где предполагалось местонахождение одного из древних центров этого государства – Мусасира, посетил русский востоковед В.Ф. Минорский, давший описание местности, на которой уже давно были обнаружены две урарто-ассирийские билингвы, с которых он снял эстампажи и фото, а также обследовал и иные древние памятники этих мест (Минорский В.Ф., 1917, с. 145–193).

В годы первой мировой войны, когда войска России занимали многие районы древнего Ванского царства, в том числе и г. Ван, в наших востоковедческих и археологических кругах с учетом тогдашней политической обстановки заметно усилился интерес к Ближнему Востоку и к Ванскому царству в частности.

Уже в январе 1915 г. в Московском археологическом обществе выступил М.В. Никольский с сообщением "Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями" (Никольский М.В., 1916, с. 345–365), в начале которого прямо говорилось о необходимости исследований памятников Ванского царства в центральной его части, а в заключении – и о желательности организации Российского Переднеазиатского общества.

Материалы, связанные с этим, были перепечатаны в специально изданном в 1917 г. сборнике "По вопросу о задачах русской археологической и исторической науки на Переднем Востоке" (По вопросу о задачах..., 1917, с. 1–51).

В Петрограде, в Восточном отделении Русского археологического общества, еще весной 1914 г. также обсуждался вопрос о необходимости организации археологической экспедиции в область древней Ванской культуры (Протоколы заседания Комиссии..., 1915, с. XLI–XLIV), а Б.А. Тураев составил специальную записку "О древностях Вана и сопредельных областей" (Тураев Б.А., 1915, с. XLIV–XLVII).

В результате всего этого был решен и вопрос о снаряжении специальной экспедиции в Ван летом 1916 г., которая была проведена Н.Я. Марром и И.А. Орбели с 11 июня по 16 июля 1916 г. (см. Программа..., Марр Н.Я., 1916, Марр Н.Я., Орбели И.А., 1922).

Примечательно, что еще года за два до начала первой мировой войны Н.Я. Марр получил письмо от тогдашнего российского вице-консула в Ване С.П. Олферьева, в котором сообщалось: "Об ученой экспедиции в Турецкую Армению я уже поднял вопрос в одном из своих донесений. Я считаю этот вопрос очень важным: ибо немецкие ученые полагают устроиться здесь также прочно, как и в окрестностях Мосула. Это будет стыдно для нас" (Марр Н.Я., 1917, с. 965).

Кроме того, в годы первой мировой войны материалы по древностям Ванского царства собирали С.В. Тер-Аветисян, А.Н. Казнаков, А.А. Флоренский (см. Пиотровский Б.Б., 1959, с. 15).

Но с тех пор на протяжении вот уже почти 80 лет, насколько известно автору данных строк, ни один наш исследователь истории и культуры Ванского царства так и не смог побывать в этих районах. А ведь когда в 1940–1950-х годах мне пришлось работать над своей диссертацией (см. Шлеев В.В., 1954), то посетить эти места было моей "голубой", но несбывшейся мечтой. Зато за это время там работали различные экспедиции из иных стран, и о результатах их исследований мы пока осведомлены в довольно общих чертах[6].

---

[6] Речь идет об американской археологической экспедиции 1938 г. в Ван, материалы о работе которой рассеяны по различным английским, американским, немецким и турецким периодическим изданиям 1940–1944 гг., а также о работах американской экспедиции под руководством Чарльза Бернея в центральных районах Ванского царства в 1950–1960-х годах, известных по публикациям в специальной печати (см. Burney Ch., Lawson G.R., 1957 и др.) и по некоторым книгам ученых разных стран, посвященным археологии и искусству Ванского царства (Урарту).

Однако с законной патриотической гордостью можно заявить, что первые шаги в научном исследовании искусства Урарту и в значительной мере эпиграфических и археологических памятников Ванского царства на территории Закавказья сделали наши отечественные ученые В.В. Стасов и А.С. Уваров, а позднее их дело продолжили М.В. Никольский, А.А. Ивановский, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, Б.Ф. Фармаковский, И.И. Мещанинов, С.В. Тер-Аветисян, затем Г.А. Капанцян, Г.В. Церетели, А.С. Сванидзе, Б.Б. Пиотровский, Б.А. Куфтин, Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконов (см. Пиотровский Б.Б., 1959, с. 11–26) и целая плеяда ученых более молодых поколений из Армении, Грузии, Ленинграда и Москвы (см. Постовская Н.М., 1961; Работы советских ученых..., 1986). Благодаря всем этим исследованиям истории и культуры Ванского царства (государству Урарту), а также ценным работам наших зарубежных коллег оно теперь прочно заняло свое место во всемирной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аракелян Б.Н., 1969. О некоторых результатах изучения древнего Армавира // Историко-филологический журнал. № 4. Ереван.

Бабаджанян Р.А., 1974. Армения и армянская культура в дореволюционных изданиях АН СССР. Библиография. Ереван.

Вейденбаум Е., 1888. Путеводитель по Кавказу. Тифлис.

Есаян С.А., 1977. Армения и русские археологи. Ереван.

Каренин Влад., 1927. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. I. Л.

Марр Н.Я., 1916. Записка о снаряжении экспедиции в Ван // ЗВО РАО. Т. XXIV.

Марр Н.Я., 1917. Записка... о Кавказском истор.-археолог. институте // ИАН.

Марр Н.Я., Орбели И.А., 1922. Археологическая экспедиция в Ван. Пп.

Мартиросян А.А., 1967. Раскопки Аргиштихинили // СА. № 4.

Мартиросян А.А., 1974. Аргиштихинили. Ереван.

Минорский В.Ф., 1917. Келяшин, стела у Топузава и другие памятники вблизи Урмийского озера // ЗВО РАО. Т. XXIV.

Никольский М.В., 1896. Клинообразные надписи Закавказья // МАК. Вып. 5. М.

Никольский М.В., 1910. Новооткрытая в Эриванской губернии клинообразная надпись // ИАК. Вып. 37.

Никольский М.В., 1916. Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями // Древности. Труды МАО. Т. 25.

Орбели И.А., 1911–1912. Поездка в Ванский вилайет // ЗВО РАО. Т. XXI.

Орбели И.А., 1912. Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию. 1911–1912 // Изв. АН.

Пиотровский Б.Б., 1939. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа // ТОВЭ. Т. 1. Л.

Пиотровский Б.Б., 1944. История и культура Урарту. Ереван.

Пиотровский Б.Б., 1959. Ванское царство / Урарту. М.

Пиотровский Б.Б., 1962. Искусство Урарту VIII–VI вв. до н.э. Л.

По вопросу о задачах русской археологической и исторической науки на Переднем Востоке, 1917. М.

Постовская Н.М., 1961. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе. М.

Программа работ Ванской экспедиции, 1916 // ЗВО РАО. Т. XXIV.

Протоколы заседания комиссии для обсуждения вопроса об исследованиях в области древней Ванской культуры, 1915 // ЗВО РАО. Т. XXII. Вып. 3, 4.

Работы советских ученых по древней Передней Азии. Библиографический указатель, 1986. Л.

Смирнов Я.И., 1916. Отзыв В.В. Бартольда и Я.И. Смирнова о трудах Н.Я. Марра по изучению древностей Ани // ЗВО РАО. Т. XXIII. Вып. III–IV.

Стасов В.В., 1894. Собрание сочинений. Т. 1. Отд. 1. СПб.

Тер-Аветисян С.В., 1941. Археологическое обследование городища и крепости "Древний Армавир" // Научный сборник, посвященный 20-летию установления советской власти в Армении. Ереван.

Тревер К.В., 1953. Очерки по истории культуры древней Армении. М.; Л.

Тураев Б.А., 1915. О древностях Вана и сопредельных областей // ЗВО РАО. Т. XXII. Вып. 3, 4.

Уваров А.С., 1882. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М.

Уварова П.С., 1887а. Кавказ. Путевые заметки. М.

Уварова П.С., 1887б. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М.

Фармаковский Б.В., 1913. Архаический период в России // МАР. № 34.

Шлеев В.В., 1954. Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М.

Эмин Н.О., 1882. Армавир // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М.

Brosset M., 1871. Etudes sur les monuments géorgiens photographiés par M. Jermakof, et sur leurs inscriptions // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. XVI.

Burney Ch., Lawson G.R., 1957. Urartian Fortresse in the Van Region // Anatolian Studies. VII.

Longperier A. de., 1871 // Bulletin de l'Academie Imperiale Sciences de St.-Petersbourg. XVI.

Longperier A. de., 1883. Deux bronzes antiques de Van // Oeuvres. I. Paris.

Stassow W., 1871. In // Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St-Petersbourg. XVI.

Критика и библиография

Б.Д. КОЧНЕВ

О ДАТИРОВКЕ АКШЫЙРАКСКОГО СОСУДА

Более двух столетий большей частью Средней Азии и половиной Восточного Туркестана владели Караханиды. От этой тюркской династии дошли десятки тысяч монет, несколько мавзолеев, минарет, караван-сарай, но до самого последнего времени не было известно ни одного произведения торевтики. Тем больший интерес вызывает осуществленная М.Н. Федоровым и А.М. Мокеевым публикация найденного в Кыргызстане, в бассейне р. Ак-Шыйрак (к югу от оз. Иссык-Куль) серебряного сосуда с надписью, в которой фигурирует караханидский государь (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 165–174). Публикация содержит фотографии самого изделия, фотографии и прорисовку надписи, так что читатель получает достаточно полное представление о предмете и имеет возможность проверить чтение надписи. Это тем более важно, что именно надпись является по существу единственным источником датировки.

Для определения даты публикаторы избрали два пути – анализ палеографии и анализ содержания надписи. В разделе о палеографии привлечены три "архитектурных" аналогии (надписи на двух среднеазиатских памятниках третьей четверти XI в. и на мавзолее начала XII в.) плюс два сосуда, которые не имеют точной даты и локализации, но считаются изготовленными в Средней Азии или Иране в XI – начале XII в. Вывод: "Все это позволяет датировать чашу второй половиной XI в." (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 170). Чтобы такая датировка выглядела хоть сколько-нибудь убедительно, требовалось показать, что палеографические особенности надписи на акшыйракском сосуде не характерны ни для предшествующего, ни для последующего времени. А коль скоро этого не сделано, то так называемый "анализ палеографии" таковым в сущности не является. Да и вообще преувеличивать датировочные возможности палеографического анализа не следует. В этом авторы рассматриваемой публикации вполне могли бы убедиться, более внимательно ознакомившись с использованной ими работой об атрибуции мавзолея Шах-Фазил: даже самый тщательный палеографический анализ надписей в его интерьере и привлечение самых широких параллелей позволили заключить лишь, что палеография этих надписей "характерна для домонгольского времени в целом" (Настич В.Н., Кочнев Б.Д., 1988, с. 72, 73).

Как и в случае с Шах-Фазилом, гораздо большие датировочные возможности открывает анализ содержания надписи на акшыйракском сосуде. Публикаторы читают ее так: "Ал-хакан ал-аджалл ас-саййид ал-малик ал-музаффар ал-мансур Имад ад-Даула ва Садад ал-Милла Тогрул Кара-хакан вали амир ал-муминин". Никаких возражений такое чтение не вызывает. Стоит же все отметить, что первый компонент тюркской титулатуры правильнее передавать не Тогрул, а Тогрыл в чем убеждают легенды караханидских (да и не только караханидских) монет (Кочнев Б.Д., 1988, с. 57, примеч. 4). М.Н. Федоров и А.М. Мокеев фиксируют наличие только одной ошибки – пропуск начального "алифа" в слове ал-Милла, хотя несомненно наличие по крайней мере еще двух пропусков – "алифа" во втором слоге слова Садад и буквы "йай" в конце слова ал-муминин. Поскольку в отдельных случаях "алифы" не отличаются от коротких декоративных стволов, не всегда можно однозначно решить, действительно ли мы имеем дело с пропуском "алифа". Так, в том же слове ал-Милла, быть может, ошибки и нет, т.е. роль "алифа" играет, возможно, короткий ствол, помещенный не перед "ламом", а после него. Не вполне обычным представляется формуляр надписи, которая не имеет традиционной для подобных надписей вводной формулы.

© Б.Д. Кочнев, 1996 г.

Не вызывает сколько-нибудь существенных возражений и предлагаемый публикаторами перевод надписи: "Хакан славнейший, господин, царь победоносный, побеждающий, Опора государства и Правый путь религиозной общины Тогрул-карахакан, приближенный Повелителя правоверных". Все же слово "ас-сайиид" я бы перевел не "господин", а "властвующий", что дает два симметричных сочетания с одним титулом и двумя эпитетами в каждом. Титул "амир ал-муминин" принято переводить не "повелитель правоверных", а "амир верующих". Едва ли нуждаются в переводе лакабы (почетные прозвания) Имад ад-Даула ва Садад ал-Милла: хотя обычно лакабы считаются частью титулатуры, одновременно они являлись антропонимами и нередко заменяли и даже вытесняли данные при рождении личные имена; так, караханидский правитель, погребенный в мавзолее Шах-Фазил, у Байхаки фигурирует только как Айн ад-Даула (Настич В.Н., Кочнев Б.Д., 1988, с. 74).

По мнению М.Н. Федорова и А.М. Мокеева, упомянутый на акшыйракском сосуде Имад ад-Даула Тогрыл Кара-хакан идентичен тому Караханиду, который на монетах 461–462 гг. х. (1068–1070 гг. н.э.) назван Имад ад-Даула Тогрыл-ханом. Некоторые сведения об этом государе содержатся только во всеобщей истории Ибн ал-Асира (начало XIII в.). По данным этого автора, Тогрыл-хан был преемником Бугра-хана (Мухаммада), умершего в 439/1047–1048 г., и царствовал в Баласагуне 16 лет, после чего на 2 месяца воцарился его сын Тогрыл-тегин, которого низложил Бугра-хан Харун, правивший в Баласагуне и Кашгаре 29 лет, до 496/1102–1103 г. (Ибн ал-Асир, 1973, с. 59, 60). Из приведенных цифр и дат некоторые явно недостоверны: если правление трех преемников Бугра-хана Мухаммада продолжалось 45 (16+29) лет, то Тогрыл-хан должен был вступить на престол не в 439/1047–1048, а в 451/1059–1060 г. (496–45=451). В.В. Бартольд обратил внимание на некоторые очевидные ошибки Ибн ал-Асира и исправил их. Поскольку из Байхаки известно, что Бугра-хан Мухаммад умер в 449/1057 г., а из другого места Ибн ал-Асира ясно, что ему наследовал правивший недолгое время его сын Ибрахим, хронология его преемников должна выглядеть следующим образом: Ибрахим – с 449/1057–1058 по 451/1059–1060 г., Тогрыл-хан – с 451/1059–1060 по 467/1074–1075 г. (16 лет), Тогрыл-тегин – 467/1074–1075 г. (2 месяца), Бугра-хан Харун (Хасан) – с 467/1074–1075 по 496/1102–1103 г. (29 лет) (Бартольд В.В., 1968, с. 420–422). Эти выводы были приняты всеми последующими исследователями, включая такого крупного специалиста в области караханидоведения, как О. Прицак.

Существенные коррективы в эту общепринятую хронологию вносят нумизматические данные, которые были сравнительно недавно изданы и проанализированы мною. Оказалось, что, вопреки традиционной точке зрения, Ибрахим б. Мухаммед не погиб в 451/1059–1060 г., а чеканил монету и, следовательно, царствовал еще в 454/1062 г., Тогрыл-хан же выпускал монету в Таразе еще в 472/1079–1080 г., тогда как самая ранняя таразская монета Табгач-хакана Хасана (т.е. Бугра-хана Харуна) бита в 481/1088–1089 г. Кроме того, у Гарса ан-Нимы, автора XI в., Тогрыл-тегин Умар фигурирует как активное действующее лицо в рассказе о событиях, имевших место не ранее 473/1080–1081 г., а значит, его отец Тогрыл-хан был тогда еще жив. Все это позволило мне заключить, что царствование Тогрыл-хана началось не ранее 454/1062 г. и закончилось между 473/1080–1081 и 481/1088–1089 гг. (Кочнев Б.Д., 1988, с. 57–67).

Публикаторы акшыйракского сосуда, несущего упоминание Тогрыл-хана, вновь поднимают вопрос о времени его правления. Впрочем, по справедливости далее речь должна идти не о публикаторах, а лишь об одном из них – М.Н. Федорове, который уже не одно десятилетие занимается вопросами караханидской нумизматики и истории, тогда как А.М. Мокеев никогда к таким сюжетам не обращался. М.Н. Федоров категорически не согласен с хронологическими уточнениями пишущего эти строки и решительно настаивает на том, чтобы вернуться к датам Ибн ал-Асира. К чему сводятся его аргументы?

Как считает М.Н. Федоров, дирхем Тареза 454/1062 г. с упоминанием Ибрахима (которого Ибн ал-Асир называет предшественником Тогрыл-хана) отнюдь не свидетельствует о том, что Тогрыл-хан вступил на престол не ранее этой даты. Аргумент: "Караханидский каганат всегда был конгломератом удельных владений", и Ибрахим мог быть именно одним из удельных правителей, равно как и Тогрыл-хан, которому с 451/1059–1060 г. мог принадлежать какой-то иной удел (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 172). Процитированная фраза относительно "конгломерата" к рассматриваемому времени едва ли вполне приложима, ибо во второй половине XI в. единого Караханидского государства уже не было, оно разделилось на две части – западную и восточную, причем Западный каганат был достаточно централизованным. Но и Восточный каганат нельзя считать неорганизованным, бессистемным "конгломератом" отдельных княжеств: во главе государства стоял великий каган (хакан/хан), второе место в иерархии занимал младший каган, каган-соправитель, еще ниже

на иерархической лестнице располагались многочисленные князья, обычно носившие титулы с компонентом "тегин". В соответствующем пассаже Ибн ал-Асира перечислены не Восточные Караханиды вообще, а только великие каганы Восточного каганата. Именно так понимали это место у Ибн ал-Асира и В.В. Бартольд, и О. Прицак, и все, кто занимался историей Караханидов. И действительно, текст не дает никаких оснований считать иначе. Что же касается нумизматических данных, то точка зрения М.Н. Федорова опровергается не только битым в Таразе в 454/1062 г. дирхемом Арслан-хана Ибрахима, но и дирхемом Куз Орду (т.е. столичного Баласагуна), чеканенным в том же году Арслан-тегином Айюбом (Кочнев Б.Д., 1993, с. 29). Последнее обстоятельство особенно важно, ибо, по сведениям того же Ибн ал-Асира, Тогрыл-хан царствовал именно в Баласагуне (Ибн ал-Асир, 1973, с. 60). Итак, объективные монетные данные однозначно свидетельствуют, что в 454/1062 г. главой Восточного каганата оставался Ибрахим б. Мухаммад, Тогрыл-хан же стал владетелем Баласагуна и великим каганом не ранее этого года.

К сожалению, монеты самого Тогрыл-хана пока не позволяют точно датировать ни начало, ни конец его царствования, так как самая ранняя из них выпущена в 461/1068–1069 г., самая поздняя – в 472/1079–1080 г. Последняя дата тоже почему-то не устраивает М.Н. Федорова, но поскольку отбросить ее нельзя, он предлагает совершенно новую атрибуцию таразского дирхема 472/1079–1080 г. На этой монете в поле лицевой стороны (л.с.) фигурирует Умар, в верхней части поля оборотной стороны (о.с.) помещен его лакаб (почетное прозвание) Зайн ад-Дин, после халифа упомянут Тогрыл Кара-хакан. Носителем этого титула М.Н. Федоров объявляет не Йусуфа, а его сына Умара, и хотя такое понимание надписей встречает непреодолимые противоречия, М.Н. Федоров их с легкостью преодолевает. Так, Ибн ал-Асира, сообщающего о захвате в плен Умара после двухмесячного царствования, игнорировать нельзя, но можно дополнить, "обогатить", что М.Н. Федоров и делает. По его предположению, Табгач Бугра-хан Хасан (Харун), пленив в 467/1074–1075 г. Умара, впоследствии отпустил его на волю и позволил вернуться в свой удел, где Умар признавал Хасана верховным правителем; входивший в состав этого удела Тараз Умар смог передать своему сыну Джабраилу (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 172, 173). И Ибн ал-Асир (Ibn al-Athir, 1863, p. 213), и его современник Ауфи (Бартольд В.В., 1963, с. 45) независимо друг от друга называют Джабраила сыном Кара-хана, из чего следует, что после кончины отца Умар сменил княжеский титул Тогрыл-тегин на царский титул Кара-хан. На сей раз М.Н. Федоров не дополняет, а исправляет рукописные источники, уверяя читателя, будто по смерти Йусуфа Умар стал Тогрыл Кара-хаканом (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 172).

Если рассматривать надписи таразского дирхема 472/1079–1080 г. отвлеченно, вне тогдашнего нумизматического контекста, то они допускают, казалось бы, двоякое понимание: 1) фигурирующий на л.с. Умар – вассал упомянутого на о.с. Тогрыл-хана (как считает автор этих строк); 2) Умар – носитель титула Тогрыл-хан (как думает М.Н. Федоров). Но на караханидских монетах второй половины XI – начала XII в. личное имя государя не отрывается от титула, помещаясь с ним в поле о.с. (Арслан-хан Ибрахим, Тафгач – хакан Хасан, Тафгач-хан Джабраил, Тафгач-хан Ибрахим, Тоган-хан Али, Тафгач-хан Хызр, Кылыч Арслан-хан Мухаммад и т.д.), если же личное мусульманское имя проставлено на л.с., то оно относится не к государю, названному в поле о.с., а к его вассалу. В полном соответствии с этой закономерностью на дирхемах Тараза и Шаша 462/1069–1070 г. в поле л.с. фигурирует Умар, в поле о.с. – Тогрыл Кара-хакан, которого и М.Н. Федоров не считает тождественным Умару. Более того, на шашских дирхемах 462/1069–1070 г. взаиморасположение упоминаний точно такое же, как на дирхеме Тараза 472/1079–1080 г.: л.с. – Умар, о.с. – Тогрыл Кара-хакан и Зайн ад-Дин. Все это не оставляет сомнений в том, что и в 462/1069–1070, и в 472/1079–1080 г. непосредственным владетелем Тараза оставался Умар б. Йусуф, его сюзереном – Тогрыл-хан Йусуф. Этот вывод подкрепляется также неизданными таразскими дирхемами 467–468/1074–1076 гг. с именем Умар на л.с. и титулом Тогрыл Кара-хакан на о.с. Таким образом, при истолковании надписей дирхема Тараза 472/1079–1080 г. отнюдь не требуются те натяжки и фантазии, к каким прибегает М.Н. Федоров. Итак, мое прежнее заключение – Тогрыл-хан Йусуф был жив в 472/1079 г. – остается в силе.

Несколько сложнее вопрос о том, оставался ли он в живых в следующем году. По мнению М.Н. Федорова, упоминание в рукописном источнике под 473/1080–1081 г. Умара как Тогрыл-тегина отнюдь не свидетельствует о том, что тогда Умар все еще был князем при своем отце-хане: Али б. Хасан фигурирует у Байхаки как Али-тегин даже под 423–426/1031–1035 гг., когда на монетах титуловался ханом (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 173). Это резонное соображение, но и оно не меняет дела: был ли в 473/1080–1081 г. Умар

Тогрыл-тегином или уже Кара-ханом, его отец Тогрыл-хан Йусуф должен был оставаться в живых по крайней мере часть 473 г.х., коль скоро сменивший его Умар находился на престоле всего два месяца.

Датированные монеты Табгач-хана Хасана (Харуна), пленившего Умара, это дирхемы 481/1088–1089 г. с утраченным наименованием монетного двора и дирхем Тараза 48·г.х. Полная идентичность их оформления (по паре одинаковых луков со стрелой на каждой из сторон плюс одинаковое обрамление) и совпадение большинства надписей позволили мне считать все эти монеты битыми на одном денежном дворе, т.е. в Таразе. М.Н. Федоров безо всяких аргументов объявил мое заключение о таразском происхождении дирхемов 481/1088–1089 г. "натяжкой" (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 173). Внимательнее ознакомившись с описаниями дирхемов 481 и 48·гг.х., М.Н. Федоров должен был бы обратить внимание на упоминание в их надписях некоего Сайфи (или Насафи), который безусловно не принадлежал к числу Караханидов и был связан, очевидно, с деятельностью одного и того же монетного двора, т.е. Тараза. А если б М.Н. Федоров поработал с самими монетами, то убедился бы, что легенды дирхемов 481/1088–1089 г. и дирхема Тараза 48·г.х. выполнены одной рукой. Стало быть, нет никаких оснований сомневаться в таразском происхождении дирхемов 481/1088–1089 г.

Как показывают монеты, в 481/1088–1089 г. Табгач-хан Хасан, до того много лет сидевший в Восточном Туркестане со столицей в Кашгаре, определенно владел Таразом, который прежде долгое время принадлежал не ему, а Тогрыл-хану Йусуфу и Тогрыл-тегину Умару. Значит, между 472/1079–1080 и 481/1088–1089 гг. в руки Хасана перешел Тараз, а следовательно, и лежавший между Кашгаром и Таразом Баласагун, тоже исконное владение Тогрыл-хана. Таким образом, правление последнего не могло продолжаться после 481/1088–1089 г. и должно было закончиться между 473/1080–1081 и 481/1088–1089 гг.

К такому выводу приводит анализ объективных монетных данных. Складывается впечатление, что и в этом, и в прочих случаях (разобранных выше) именно несомненные нумизматические факты почему-то не устраивают М.Н. Федорова, пытающегося их так как иначе дискредитировать[1] либо пересмотреть, прибегая к фантастическим допущениям или вообще не утруждая себя аргументацией. К сожалению, подобный подход вообще типичен для М.Н. Федорова. Такой крупнейший авторитет в среднеазиатской нумизматике, как Е.А. Давидович, не раз отмечала характерную для всего творчества М.Н. Федорова "дозволенность произвольных и фантастических построений" (Давидович Е.А., 1985, с. 96), что является "непростительным нарушением элементарных норм научного исследования" (Давидович Е.А., 1978, с. 99).

Итак, вопреки мнению М.Н. Федорова, не имеется никаких оснований реабилитировать данные Ибн ал-Асира о продолжительности и времени правления Тогрыл-хана. Уже В.В. Бартольду была ясна ошибочность сведений этого автора о времени царствования одного из предшественников Тогрыл-хана, теперь же очевидно, что хронологических ошибок у него больше, чем представлялось прежде. Удивляться этому особенно не приходится, ибо Ибн ал-Асир писал о событиях караханидской истории XI в. спустя век с лишним, пользуясь сведениями из вторых-третьих рук, да и вообще цифры и даты легче всего искажаются при переписке. Конечно, очень соблазнительно получить уточненную дату уникального сосуда из Акшыйрака, но не следует во имя этого жертвовать объективными монетными данными. А они пока позволяют датировать этот сосуд лишь в широких пределах между 454/1062 г. (не ранее этого года Тогрыл-хан вступил на престол) и 481/1088–1089 г. (не позже этого года он скончался).

---

[1] А чтобы это выглядело убедительно, предпринимаются попытки дискредитировать и самого оппонента. Так, М.Н. Федоров стремится убедить читателя, будто "аргументы Б.Д. Кочнева рассчитаны главным образом на неспециалиста или того, кто не пожелает сам досконально во всем разобраться" (Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995, с. 172). В статье 1983 г. М.Н. Федоров утверждал, что помещенные на монетах 461–462/1068–1070 гг. титулы Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин принадлежали одному и тому же лицу, что носителем этих титулов был тогда Махмуд, что он стал Тогрыл-ханом, т.е. начал царствовать, не раньше 462/1069–1070 г. (Федоров М.Н., 1983, с. 118–125). В статье об акшыйракском сосуде он отказался от этих положений, явно согласившись с моими аргументами, "рассчитанными на неспециалиста". Возникает неясность: то ли М.Н. Федоров и себя причисляет к "неспециалистам", то ли считает себя специалистом лишь отчасти, "местами" (там, где не согласен с Б.Д. Кочневым, специалист, там, где согласен, неспециалист).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартольд В.В., 1963. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. I. М.

Бартольд В.В., 1968. Богра-хан, упомянутый в "Кутадгу билик" // Соч. Т. V. М.

Давидович Е.А., 1978. О монетах дихканов Илака конца X – начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н. Федоровым) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М.

Давидович Е.А., 1985. О методе интерпретации М.Н. Федоровым рукописных и нумизматических источников // Эпиграфика Востока. Вып. XXIII. Л.

Ибн ал-Асир, 1973. Китаб ал-камил фи-т-тарих (Извлечения в пер. К.Б. Старковой) // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М.

Кочнев Б.Д., 1988. Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в.) // Эпиграфика Востока. Вып. XXIV. Л.

Кочнев Б.Д., 1993. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Настич В.Н., Кочнев Б.Д., 1988. К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (эпиграфические и нумизматические данные) // Эпиграфика Востока. Вып. XXIV. Л.

Федоров М.Н., 1983. Очерк истории Восточных Караханидов конца X – начала XIII в. по нумизматическим данным // Киргизия при Караханидах. Фрунзе.

Федоров М.Н., Мокеев А.М., 1995. Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана // РА. № 1.

Ibn al-Athir, 1863. Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C.J. Tornberg. Vol. IX. Lugduni Batavorum.

Институт археологии АН Республики
Узбекистан, Самарканд

Collins dictionary of archaeology. Ed. by P. Bahn. Harper Collins Publishers. Glasgow, 1992. 654 p.

"Археологическая литература пока бедна соответствующими (т.е. терминологическими. – Н.Г., С.М.) словарями", – утверждал академик В.П. Алексеев в предисловии к одной недавно вышедшей работе по терминологии каменных орудий (Археологический словарь..., 1991). Эти слова не в меньшей, а, пожалуй, в большей мере справедливы для констатации парадоксальной ситуации, сложившейся в отечественной археологии, когда, с одной стороны, проведены фундаментальные исследования того или иного периода, культурно-исторической общности, культуры, памятника, их пространственно-временного распределения, разработаны теоретические основы возникновения и развития древнейших человеческих обществ, опубликованы обобщающие монографии, а с другой стороны, не имеется ни одного издания энциклопедического или хотя бы справочного типа. В течение длительного времени отечественным археологам приходится пользоваться малодоступными заграничными изданиями (Bray W., Trump D., 1970; Cambridge Encyclopedia..., 1980; Past World..., 1991; Leroi-Courhan A., 1984; Palmer G., Lloyd N., 1960; Larousse Encyclopaedia..., 1972; Kroh P., 1972; Daremberg Ch., Saglio M.E., 1877–1919; Der kleine Pauly..., 1964–1975; Hilbbrunner O., 1974; Irmsher I., 1977; Real Enzyclopadie..., The Oxford..., 1970). Лишь в 1990 г. в СССР был переведен на русский и издан упомянутый словарь В. Брея и Д. Трампа, дополненный отечественными археологическими объектами (Брей В., Трамп Д., 1990). Позднее небольшим тиражом был издан словарь-справочник по теоретической археологии, к сожалению, не содержащий сведений об археологических культурах и терминах (Колпаков Е.М. и др., 1990). Поэтому понятен интерес к выходу любого справочного издания по археологии.

В 1992 г. в Великобритании в известном широкопрофильном издательстве Collins, выпускающем, в частности, справочные книги по истории, социологии, биологии, философии и т.п., под редакцией доктора П. Бана был издан словарь по мировой археологии (Collins dictionary..., 1992) (далее – "Словарь"). Для его написания П. Бан привлек 16 соавторов – известных на западе специалистов, каждым из которых был подготовлен соответствующий

© Н.А. Гаврилюк, С.В. Махортых, 1996 г.

его научному профилю блок статей. Среди них – ученые из США (П. Богуски, Принстонский университет, написавший раздел "Центральная и Восточная Европа, поздние периоды"; М. Грэхэм, Американский музей естественной истории – раздел "Мезоамерика"; Ф. Дьюк, колледж Форт Левис – "Северная Америка, теория"; Дж. Хоффер, Национальная лаборатория Аргонны – "Центральная и Восточная Европа – ранние периоды"; Э. Хэджик, Иллинойский государственный музей – "Геоархеология, методы, материалы, технические приемы"; К. Шрайбер, Калифорнийский университет – "Южная Америка"; Х. Эденс, Гарвардский университет – "Ближний Восток, Центральная Азия, Индия"); Великобритания (Г. Банес, Кембриджский университет – "Дальний Восток", Дж. Виссеман, Гулльский университет, – "Юго-Восточная Азия"; Д. Гил, Фицвильям Музей – "Классическая археология"; Х. Ми, Ливерпульский университет – "Греция и Эгеида"; Х. Скэра, Кембриджский университет – "Западная Европа, поздние периоды"; С. Снэйр, Ливерпульский университет "Египет и Левант"; Дж. Тилдесли, Оксфордский университет – "Западная Европа, ранние периоды"; Австралии (К. Бэд, Археологическая служба Виктории – "Австралия и Океания"); Южной Африки (А. Тэкэрей, Стелленбоский университет – "Африка").

"Словарь" включил в себя более 3 тыс. статей, содержащих дефиниции археологической науки, описания памятников, культур, персоналию. Впечатляет размах замысла "Словаря", хроно-хорологические рамки изложенного в нем материала охватывают весь мир (обе Америки, Европа, Азия, Африка, Австралия с Полинезией со времен зарождения человечества и до позднего средневековья). Кроме археологических, в книгу включены также отдельные этнографические статьи.

По замыслу П. Бана, "Словарь", содержащий такую подборку сжатых и информативных определений терминов, понятий, объектов археологической науки (культур, памятников и т.п.), их характеристик, должен быть в первую очередь источником получения быстрой начальной консультации и не претендовать при этом на роль учебного пособия.

Особо выделяется часть "Словаря", посвященная теоретической и полевой археологии. В 1500 статьях авторы отразили состояние этих разделов мировой науки. "Словарь" выгодно отличается от всех опубликованных до него археологических словарей тем, что в нем содержится идентификация и интерпретация состояния окружающей палеосреды, в которой находились археологические материалы (p. 294).

Автор-составитель считал важным включить в "Словарь" термины, отсутствующие в большинстве других справочных изданий, и "экономить" словарное пространство на определениях, содержащихся в ранее изданных археологических словарях (например, терминология земледелия или доместикации животных представлена в усеченном виде). Получились интересными статьи, посвященные основным направлениям мировой археологии, например, "новая археология" (p. 352) или "марксистская археология" (p. 311–312).

Широко представлены в "Словаре" определения и характеристики методов естественных наук, применяемых в археологии. Например, традиционно хорошо для английской археологии представлен блок определений радиокарбонного метода и связанных с ним понятий – p. 422 и сл. К сожалению, отсутствуют сведения о молекулярной археологии, с помощью которой уже сделан ряд важных открытий.

Естественный интерес и пользу для отечественного читателя представляют статьи, содержащие характеристики не встречающихся в наших странах видов памятников (например, мегалитических сооружений Великобритании – p. 317–318 – или пирамид и связанных с ними комплексов – p. 416). Словарь П. Бана чуть ли не единственное издание, в котором можно получить информацию об археологических культурах и памятниках, расположенных в отдаленных от Европы районах Земного шара, например, в Полинезии, Мезоамерике.

По вполне понятным причинам особое внимание мы обратили на блок статей, посвященных археологическим культурам и памятникам, расположенным на территории бывшего Советского Союза. Вынуждены констатировать, что лишь часть их, а именно статьи по периоду палеолита, соответствуют современному уровню исследований, достигнутому в России, Украине, Казахстане и других странах СНГ. Подбор объектов в статьях по пещерным стоянкам Крыма, Сибири и Дальнего Востока проведен достаточно тщательно, а их описания корректны. При этом охвачено оптимальное число памятников; материал и проблемы, с ними связанные, дают адекватное представление об этом периоде древней истории.

Что же касается статей "Словаря" по другим археологическим периодам, то при некритическом пользовании ими у читателя может возникнуть искаженное и, к сожалению, недопустимо часто просто ошибочное представление об археологических памятниках и культурах огромных пространств бывшего Советского Союза. При этом может сложиться

впечатление, что археология в России, Украине, Белоруссии, Прибалтике, в кавказских республиках, Средней Азии совершенно не развивалась. Так, археология Великобритании представлена 80 статьями, в то время как археология бывшего Советского Союза уместилась в 95 статьях. А те немногие археологи, которые, несмотря ни на что, все же здесь работали (например, в Украине – один, да и тот Ф.К. Вовк, на самом деле антрополог, не считая "франко-украинского" (?!) ученого Р. Гиршмана (р. 181)), занимались исключительно раскопками отдельных памятников. Из 95 статей 25 посвящены характеристике археологических культур, остальные – описанию памятников, преимущественно палеолитических. Древнерусская археология представлена лишь короткими статьями о Киеве и Новгороде, раннеславянский период – статьей о венедах, скифский период – характеристикой ананьинской культуры и описанием Семибратних курганов, локализуемых почему-то в Грузии (р. 448). Исключением (повторимся) на этом фоне является характеристика памятников палеолита Евразии, которую можно охарактеризовать как полную и профессиональную.

Понимая, что характер словарного издания не предполагает подробного описания памятника, все же отметим некоторые наиболее заметные некорректности. Так, Каменная Могила знаменита не доместикацией крупного рогатого скота и коз – овец, а своими петроглифами (р. 242). Михайловское поселение на Днепре, по мнению авторов "Словаря", содержит горизонты культур Кукутени-Триполье, среднестоговской и катакомбной (р. 326), в то время как в течение последних 30 лет в отечественной литературе оно представляется как памятник, состоящий из слоев нижнемихайловского и нижнерогачикского типов, а также слоев ямной культуры. Список таких примеров, порой курьезных, достаточно длинен. Вызывают вопросы ряд карт распространения археологических культур поздней бронзы на территории Восточной Европы и Центральной Азии (р. 588–592). На одной изохронной карте изображены такие археологические памятники, как Мариупольский могильник – № 87 (период неолита), Майкопский курган – № 89 (период ранней бронзы), Киев и Новгород – № 64, 101 (средневековье). На другой изохронной карте (р. 592) – Новгород (средневековье), Мариуполь (неолит). Если верить карте, то они сосуществовали в "поздние периоды" и были синхронны Пазырыкским курганам (ранний железный век) и Белькачинской стоянке (палеолит). Если верить другой карте, Киев (средневековье) синхронен Триполью (VII тыс. до н.э.), и существовали они в восточной части региона, именуемого в рецензируемом "Словаре" "Центральная и Восточная Европа и Центральная Азия: поздние периоды (Восток)" (р. 591).

Не отличаются точностью и глубиной статьи, посвященные археологическим культурам региона СНГ. Все многообразие культур отражено в 25 статьях. Конечно, при таком подходе невозможно показать все культуры, да этого и не надо. На наш взгляд, можно было бы ограничиться описанием культурно-исторических областей или общностей, внутри которых достаточно было бы просто перечислить культуры с их датировкой и локализацией. Кстати, о локализации культур читатель Словаря получит также весьма неадекватное представление. Так, ямная культура локализуется между Волгой и Доном (р. 548). Скифы, оказывается, в середине I тыс. до н.э. занимали юг России и Казахстана (р. 444), а позже Центральную Азию (р. 445).

Авторы "Словаря" продемонстрировали полное незнание современных интерпретаций археологических памятников и культур на территории бывшего Советского Союза. Например, вслед за М. Гимбутас, они объединяют ямную, катакомбную и срубную культуры в курганную (р. 273), охарактеризовав их носителей как индоевропейцев, время от времени вторгающихся в Восточную Европу. Так же просто и понятно решены все проблемы днепро-донецкой культуры. Здесь упоминается лишь мнение П.М. Долуханова, охарактеризовавшего ее как "группу керамического мезолита" (р. 136).

По нашему мнению, для достижения глубины подачи сведений по евразийской территории необходимо было бы привлечь к работе над словарем специалистов, признанных в своей профессиональной среде. По-видимому, авторы "евразийских" статей "Словаря" были надолго оторваны от подлинной археологии Восточной Европы, Центральной и Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, где формировались и функционировали важнейшие центры изучения древнейшей истории. Отчасти роль авторов "евразийской" части "Словаря" можно сравнить с ролью некоторых информаторов "отца истории" Геродота, сообщившего в IV книге "о козлоногих мужах", живущих за высокими горами, о людях, которые спят в течение шести месяцев, об одноглазых людях и грифонах, стерегущих золото (Доватур А.И. и др., 1989, с. 109, 111).

Целесообразность издания справочного характера зачастую определяется прогнозом спроса на него. В свою очередь спрос на издание зависит от известности авторов, состави-

телей, редактора издания. Именно на этапе создания коллектива авторов большое внимание уделяется известности их имен потенциальному кругу подписчиков, покупателей, научной общественности. Ученые из Восточной Европы, особенно России и Украины, в силу языкового барьера и инерции синдрома "железного занавеса", по-видимому, долго еще будут "непривлекательными" в этом смысле на Западе. Поэтому, иной раз вопреки здравому смыслу и в ущерб научной добротности даже известные издатели и редакторы не рискуют включать в авторский коллектив коллег из России и Украины, даже в случае, если речь идет об объектах их непосредственной научной деятельности. Такая издательская практика широко распространена. Она как-то объяснима для областей науки и техники, в которых престиж отечественной науки не высок, но совершенно непонятна, например, в случае освещения археологии Евразии, в которой по праву ведущая роль издавна принадлежит российским, украинским, казахстанским и среднеазиатским ученым.

Еще одним недостатком "Словаря" является отсутствие подстатейного списка литературы и ограниченность ее общего списка. Отсутствие аппарата перекрестных ссылок, системы приложений, дополнений, указателей, особенно предметно-тематического, также существенно уменьшают информационно-обучающую роль "Словаря".

Высказанные нами критические замечания ни в коей мере не умаляют значения рецензируемого "Словаря" в освещении археологического прошлого целого ряда других регионов, например, Западной Европы, Америки, Океании. "Словарь" дает необходимые сведения об археологических эпохах, культурах, видах памятников, категориях инвентаря.

Оценивая "Словарь" в целом, отметим, что подготовка такого рода обобщающих изданий требует привлечения квалифицированных отечественных специалистов по археологии Евразии, представляющей одну из основных системных частей мировой истории.

Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев

Н.А. Гаврилюк, С.В. Махортых

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологический словарь каменных орудий, 1991 / Отв. ред. О. Соффер. М.

Брэй В., Трамп Д., 1990. Словарь по археологии. М.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1980. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.

Колпаков Е.М., Бочкарев В.С., Васкул И.О., Вишняцкий Л.Б., Власова Е.В., Ковалев А.А., Чеснокова Н.А., Шаров О.В., 1990. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М.

Bray W., Trump D., 1970. A Dictionary of Archaeology. London. Cambridge Encyclopaedia of Archaeology, 1980. Cambridge. Collins dictionary of archaeology, 1992 / Ed. by P. Bahn. Glasgow.

Daremberg Ch., Saglio M.E., 1877–1919. Dictionnaire des Antiquetes Gresques et Romaines. Paris.

Der kleine Pauly. Lexicon der Antike, 1964–1975. Stuttgart.

Hilbbrunner O., 1974. Kleines Lexicon der Antike. Bern.

Irmisher I., 1977. Lexikon der Antike. Leipzig.

Kroh P., 1972. Lexicon der antiken Autoren. Stuttgart.

Lamer H., Kroh P., 1976. Worterbuch der Antike. Stuttgart.

Larousse Encyclopaedia of archaeology, 1972. London.

Leroi-Gourhan A., 1984. Dictionaire de la Prehistorire. Paris.

Lexicon der alten Welt, 1965, Zurich und Stuttgart.

Palmer G., Lloyd N., 1960. Archaeology from A to Z. London.

Past Worlds: Atlas of Archaeology. 1991. Verona.

Real-Enzyclopadie der klassischen Altertumswissenschaft Pauly. Stuttgart.

The Oxford Classical Dictionary, 1970. Oxford.

Ю.Б. Цетлин. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991. 195 с.

Первобытная археология как область исследований на протяжении всего XX в. находится в процессе непрерывного становления. Доисторические предметы материальной культуры первоначально привлекали внимание ученых исключительно как иллюстративный материал к различного рода этногенетическим, культурно-историческим, расово-идентификационным и лингвоисторическим концепциям (или гипотезам). Это направление, использующее ныне лишь более обширную археологическую, источниковедческую базу, получило развитие в некоторых областях "новой археологии" и "этноархеологии" (см. Гуляев В.И., 1990; Шнирельман В.А., 1984) – палеосоциологические, палеоэкономические, палеоэтнологические и прочие исследования. Однако непрерывный рост объема археологических источников, расширение возможностей их интерпретации благодаря совершенствованию методологии, методик, техники полевых археологических исследований усиливали тенденции к самобытной трактовке археологических объектов и памятников с учетом в первую очередь имманентно им присущих свойств и особенностей. Этим знаменовалось самоутверждение археологии как самостоятельной области научных изысканий, граничащей с историей, антропологией, четвертичной геологией, а не просто дополняющей их (ср.: Аникович М.В., 1988; Колпаков Е.М., 1991; Клейн Л.С., 1991). Наиболее безусловные постулаты, общие для всей сферы исторических и естественноисторических наук, связаны с определениями пространства и времени. Однако в зависимости от целей и предмета каждой конкретной науки, ее источников и возможностей исследования (последние две составляющие принадлежат к наиболее активно изменчивым переменным) оценка этих кардинальных в бытии людей и человечества категорий (и формулировки соответствующих постулатов) может весьма существенно варьировать. Так, в исторических исследованиях доминирует событийный принцип изложения, оформленный системой строгих календарных дат и точных географических привязок, тогда как для археологии свойственны лишь хронологические рамки процессов и явлений (отсюда и общая методическая задача: выработка приемов, позволяющих эти рамки уточнить и сузить), привязка комплексов артефактов (от отдельных предметов до сооружений) не к календарным датам, достоверно не определимым, а к периодам различного хронологического (и территориального) размаха (археологические культуры, их варианты, этапы).

Огромное пополнение фактического материала неолитической эпохи из области Верхнего Поволжья в последние 40 лет, связанное с полевыми работами Верхневолжской экспедиции ИА РАН, руководимой Д.А. Крайновым, создало предпосылки для основательного пересмотра и уточнения хронологии и периодизации неолитических культур региона. Монография Ю.Б. Цетлина осветила методические и многие практические моменты этой работы, основанные на изучении неолитической керамики. В немногих кратких, но высокосодержательных параграфах (с. 6–39) автор находит возможность изложить с четкостью и ясностью формул свой подход к изучению времени исторических (справедливости ради следует сказать "археологических") явлений, к методикам и истории этого изучения, к методам археологической стратиграфии и предложить свой метод исследования археологической стратиграфии на поликультурных многослойных (или с нерасчлененным, относительно мощным культурным слоем) памятниках неолитической эпохи трех ареальных группировок (с. 40, 41). Практическую основу метода составило изучение последовательности и специфики залегания и размерности фрагментов керамики, обнаруженных в раскопках на "стратиграфических контрольных участках" (2×2 м), заложенных на плоских суходольных частях девяти стоянок. Всего раскопано 13 таких участков с фиксацией материала по пятисантиметровым слоям. Ю.Б. Цетлин полностью осознает те ограничения, которые накладывает на возможности применяемой методики малая площадь раскопов и возможная специфика реального залегания слоев в разных частях поселений (с. 37, 38), но и справедливо указывает, что аналогичные погрешности неизбежны при неполной изученности **всего** пространства соответствующего памятника. Переходя к выяснению закономерностей распределения в напластованиях культурного слоя материалов трех представленных на Верхней Волге неолитических культур (верхневолжской, ямочно-гребенчатой, волосовской), автор не только подтверждает с помощью надежных статистических

© П.М. Кожин, 1996 г.

расчетов их генеральную последовательность, но и выявляет между ними пограничные хронологические периоды, свидетельствующие о связях этих культур друг с другом, об их сосуществовании в определенные моменты (достаточно длительные, судя по шкале радиоуглеродных датировок всех пяти выявленных периодов, составленной Ю.Б. Цетлиным на основе учета 42 дат по С 14 (с. 180, 181, Приложение IV), в течение которых верхневолжская культура контактировала, ассимилировалась, поглощалась культурой ямочно-гребенчатой керамики, а эта последняя подвергалась подобному же воздействию со стороны волосовской неолитическо-энеолитической культуры (с. 40–91, 117, табл. 1). Конструируя свою схему культурно-исторических (археологических) периодов, автор делает вывод о теоретической возможности сосуществования в течение какого-то времени на данной территории всех трех вышеназванных культур (с. 84, 85), но, не отказываясь от рассмотрения данного постулата в будущем, отклоняет его как необоснованный на современном этапе исследований. Попутно в свете проблемы контактов культур Ю.Б. Цетлин затрагивает два принципиальных момента, имеющих кардинальное значение для характеристики самих рассматриваемых культур и выяснения специфики их связей. Увеличение проявлений контактных ситуаций идет по нарастающей с запада на восток. Причем в западном районе контакты вообще не зафиксированы и смена культур происходила без переходных звеньев. По мнению автора, это свидетельство неравномерности этнокультурного развития на данной территории (с. 86–88). Отсюда закономерен вывод о движении культур ямочно-гребенчатой керамики и затем волосовской с востока на запад – на территорию, первоначально полностью занятую верхневолжской культурой (с. 89–91). Таким образом, территории, связанные с происхождением, становлением и ранним развитием ямочно-гребенчатой и волосовской культур, определенно находились вне пределов исследуемого ареала. Второй вопрос касается ареала археологической культуры (в сущности любой, а не только рассматриваемых), одним из руководящих принципов которого со времен работ А.Я. Брюсова считалась сплошная и ограниченная территория. Здесь нет возможности обсуждать все аспекты историко-археологического, логического, этнологического и психологического планов, приведшие к почти безоговорочному принятию этой эффектной, но далеко не бесспорной гипотезы. Отмечу, что мною еще в 1965 г. (Кожин П.М., 1965, с. 125, прим. 15; 1984, с. 30, 31, 33; 1991, с. 131, 132 и др.) было постулировано положение о прерывистом ареале и очаговом распространении культур. В связи с рассмотрением Ю.Б. Цетлиным отдельных аспектов гончарного производства к этому вопросу еще придется вернуться ниже. Заканчивая обзор статистико-стратиграфической части монографии, включающей еще 33 аналитико-статистических таблицы в приложениях (с. 119–179), заметим, что в последние годы резко активизировалась работа по разработке методик периодизации и хронологии многослойных поселений неолитической эпохи. Сочетание в этих целях планиграфии с микростратиграфией предлагает А.С. Смирнов (Смирнов А.С., 1991, с. 14), комплексный анализ с учетом палеогеографических особенностей региона и привлечением типологии рекомендует А.М. Микляев (Микляев А.М., 1992, с. 3–5, 10 и др.). Эталонные инситные выборки керамики, исследованные на дне стратифицированных жилищ, использует для периодизации неолитических комплексов В.И. Дьяков (Дьяков В.И., 1992, с. 23–40). А.В. Виноградов предлагает методику реконструкции керамических комплексов на многослойных памятниках (Виноградов А.В., 1985, с. 121–141).

Кратким по объему текста, но крайне существенным для практического обоснования периодизации является раздел, посвященный отдельным вопросам керамической технологии: составу керамической массы в материалах разных культур и характеристике набора оттисков инструментов-орнаментиров на поверхности сосудов (в археологической литературе такие оттиски принято называть "элементами орнамента"). Значение производства, технических традиционных приемов в становлении, специфике, сохранении всех особых проявлений культуры древнего человеческого коллектива (Кожин П.М., 1964, с. 58; 1990, с. 15–19) ныне уже перестали недооценивать. Однако в изучении древних производств все еще недостает комплексного подхода. Впрочем, это немудрено, пока частные разработки дают блестящие результаты, как это показывает исследование Ю.Б. Цетлина, хотя он был связан в нем своим фрагментарным керамическим материалом. Автору удалось выявить основные рецепты керамических масс, применявшихся в трех исследуемых культурах, а также промежуточные варианты, указывающие на смешение исходных традиций, а тем самым на последовательные взаимосвязи между верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамикой, и этой последней и волосовской. Единственно, следует обратить внимание на возможность обратных влияний: верхневолжской на ямочно-гребенчатую, ямочно-гребенчатой на волосовскую керамику. Этот вопрос просто не был поставлен.

Другой вопрос, который требует обоснования по отношению ко всему неолитическому конкретному материалу – это описательная и иллюстративная фиксация эталонов и степени достоверности определения с их помощью специфики составов керамических масс (я не ставлю под сомнение полученные результаты, мне требуется обычное для научной работы обоснование правдоподобности и надежности выводов: к примеру, не могут ли раковины моллюсков происходить из ископаемых известняков, а помет птиц принадлежать не водоплавающим, а лесным птицам и т.п.). Принципиальная важность этих вопросов связана с возможностью (в случае полной надежности их определения) следующего ряда культурно-исторических дедуктивных выводов: поселения верхневолжской культуры могли быть стабильны и длительно обживались, будучи привязаны к речным и озерным побережьям. Объективность вывода легко усилить, если привести здесь данные анализа качественного состава шамотных зерен, который в основном совпадает с составом керамической массы сосудов верхневолжской культуры (Цетлин Ю.Б., 1980). Памятники волосовской культуры могли в основном тяготеть к тихим мелководным речным и озерным заводям, где распространены пресноводные моллюски и легко могли осуществляться различные способы лова рыбы. Исконные области расселения населения ямочно-гребенчатого неолита – это территории лесистых суходолов междуречий и мощных моренных гряд, содержащих обломочные гранитные россыпи – материал для приготовления дресвы. Вероятнее всего встретить у этого населения преимущественно охотничье хозяйство. Фиксируя внимание на этой группе гипотетических положений, я хотел лишь указать на широчайшие возможности исследований древней техники производства и технологии, даже при ограниченном объеме материала. Кроме того, подсказанный спецификой керамики различный хозяйственный уклад изучаемых культур подразумевает возможность расселения представляющих их групп в близком соседстве и чересполосно. Постулат же, гласящий, что "на одной территории в одно и то же время не могут проживать группы, принадлежащие к разным культурам", восходящий к стадиальной концепции развития первобытного общества, сформулированной академиком Н.Я. Марром, и активно поддержанный рядом крупных российских археологов (О.А. Кривцова-Гракова, М.П. Грязнов и др.), давно уже лишился доказательной силы, тем более что никто и никогда не определял ясно пределы такого территориального единства ни теоретически, ни на конкретном археологическом материале, а без прямого сосуществования, как это отчетливо показано в работе Ю.Б. Цетлина, невозможны культурные контакты. Для культур с различным эколого-хозяйственным и производственным потенциалом в природной обстановке Верхнего Поволжья и средней полосы России в пределах даже весьма ограниченных ареалов могут быть выявлены оптимальные экологические ниши, свободные от посягательств соседей, ведущих иные формы хозяйства.

Полагаю, что реальные данные, суммированные Ю.Б. Цетлиным, привлекут большее внимание к построению конкретной, пригодной для анализа именно материалов неолитической и бронзовой эпох рабочей схемы для исследования особенностей керамического производства, изучения его места в хозяйственной, бытовой, духовной жизни доисторических коллективов (ср.: Бобринский А.А., 1978).

Монография Ю.Б. Цетлина представляет значительную историографическую ценность именно в силу того, что в ней возможности керамического материала показаны не столько как основание для формальной характеристики древнего культурного региона, а как попытка проникнуть с помощью новых методических приемов в глубину реальной этнокультурной жизни неолитических племен трех больших археологических единств (верхневолжской, ямочно-гребенчатой и волосовской культур), а также наметить сложные пути древних этногенетических процессов, характеризуемых археологическими находками.

Институт Дальнего Востока
РАН, Москва

П.М. Кожин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В., 1988. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Виноградов А.В., 1985. Опыт реконструкции керамических комплексов по фрагментам // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск.

Гуляев В.И., 1990. "Новая археология" на современном этапе // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА. Вып. 201.

Дьяков В.И., 1992. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток.

Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.

Кожин П.М., 1964. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. Вып. 101.

Кожин П.М., 1965. О западной границе фатьяновской культуры // Новое в советской археологии. МИА. № 130.

Кожин П.М., 1984. Воздействие культурологических концепций на реконструкции древнейших языковых состояний // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тез. докл. конф. Ч. II. М.

Кожин П.М., 1990. Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи энеолита – раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.

Кожин П.М., 1991. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М.

Колпаков Е.М., 1991. Теория археологической классификации. СПб.

Микляев А.М., 1992. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. Дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Смирнов А.С., 1991. Неолит верхней и средней Десны. М.

Цетлин Ю.Б., 1980. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА.

Шнирельман В.А., 1984. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. № 2.

В.В. Гришаков. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993, 194 с.

Могильники Западного Поволжья с их ярким погребальным инвентарем почти столетие привлекают к себе внимание исследователей, и тем не менее проблемы этногенетической истории оставивших их групп населения до сих пор остаются остро дискуссионными. В какой-то степени это обусловлено тем, что наиболее массовый информативный источник по этнокультурной истории, позволяющий проследить традиционность формы во времени и распространение ее в определенных регионах (Генинг В.Ф., 1988, с. 20, 21) – керамика – специальному изучению почти не подвергался.

Поэтому появление книги В.В. Гришакова, состоящей из трех глав, двух таблиц с характеристикой кластеров керамики, карт, таблиц с распределением типов сосудов различных территориальных групп во времени, представляет несомненный интерес. Это исследование вводит в научный оборот керамический массив II–XI вв. из 10 групп памятников, названных им территориально-хронологическими – Андреевский курган II – начала III в., могильники: кошибеевского типа III–V вв., рязано-окские III–VII вв., пензенские III–VII вв., Абрамовский IV – начала VIII в., Безводнинский V – первой половины VIII в., Шокшинский VI–XI вв., среднецнинские VII–XI вв., бассейна р. Теша и Среднего Примокшанья VII–XI вв., нижнеокские VII–XI вв. Широкий хронологический диапазон и территориальный охват исследования обусловлены задачей разработки единой классификации поволжско-финской керамики, определения ее хронологии и рассмотрения динамики развития во времени выделенных очагов керамического производства, т.е. в конечном итоге воссоздания этнокультурной истории региона на протяжении тысячелетнего периода.

В главе I ("Типология") автор обосновывает методику исследования, заключающуюся в систематизации целых форм лепных сосудов на уровне количественных (учет пропорциональности моделей) и качественных (форма, декор, состав формовочных масс) признаков. В результате применения принципа многомерной автоматической классификации выделено семь категорий сосудов, внутри них типообразующим на уровне количественных признаков является признак "пропорции – кластер", а варианты определяются на уровне качественных признаков, прежде всего формы.

Заметим, что предложенный автором весьма схематичный набор качественных признаков (семь определений для формы тулова сосудов, три – для формы плечика и четыре – для

© И.В. Белоцерковская, 1996 г.

характеристики перехода от плечика к горлу, декор и состав формовочных масс) не учитывает всей индивидуальности лепной керамики. В частности, отсутствуют такие характерные для серии рязано-окских сосудов признаки, как овальность горла, орнамент на днищах сосудов, не учитывается техника нанесения орнамента и т.д. Кроме того, следует помнить, что каждый выделенный по принципу "пропорции – кластер" тип сосудов сам по себе является уже некоей обобщенной моделью, и в итоге автор оперирует довольно абстрактными понятиями, в большей или меньшей степени оторванными от существующих реалий.

После обзора типологического состава керамики каждой из 10 территориально-хронологических групп памятников в главе II ("Хронология") автор достаточно подробно останавливается на проблемах хронологии типов сосудов и периодизации керамических комплексов тех же групп могильников. Основой хронологии служат датировки, предложенные в результате анализа погребальных инвентарей рядом исследователей: А.Х. Халиковым, В.Ф. Генингом, А.К. Амброзом, А.Е. Алиховой, В.Н. Шитовым, В.И. Вихляевым, самим автором, а также планиграфические и стратиграфические наблюдения на могильниках. Выделив синхронные группы разновидностей сосудов путем построения графиков основных типов керамики по периодам, автор определил шесть этапов развития керамических комплексов рассматриваемой территории, охватывающих II – начало III – первую половину XI в. Анализ ведущих типов посуды по группам памятников показывает изменение их удельного веса, процентного состава орнаментированной посуды по периодам, определяет этапы сложения основных моделей керамики, указывает на дискретность развития некоторых местных очагов керамического производства (в пензенской группе) или на их относительную замкнутость (Шокшинский могильник, среднецнинские памятники), либо на достаточную открытость и подверженность посторонним воздействиям (нижнеокские могильники).

Все это послужило основой для характеристики в главе III керамических традиций поволжско-финских племен в I тысячелетии, сложение которых, по мнению автора, связано с существованием определенных очагов керамического производства в правобережье Волги. По сути дела, в этой главе В.В. Гришаков предлагает свою реконструкцию этнокультурных процессов на рассматриваемой территории.

До V в. здесь существовало три очага производства керамики. Присурский представлен комплексами Андреевского кургана и ранних захоронений селиксенского типа. В.В. Гришаков связывает его с однородным в этнокультурном отношении населением, продолжающим традиции городецкого времени. Заметим, что основные признаки, которыми характеризуется этот очаг – преобладание шамотных, иногда с дресвой, примесей в формовочных массах, небрежная обработка поверхности сосудов, редкая их орнаментация – в равной степени присущи также и некоторым типам верхнеокской и рязано-окской керамики. Что же касается формообразующих типов, то не совсем ясно, с какой именно городецкой керамикой ведется сопоставление. Если это посуда с поселений, то, во-первых, для подобного анализа необходима представительная выборка целых форм, а во-вторых, сравнение ритуальной и поселенческой керамики некорректно, имея в виду задачи решения проблем этногенетического характера (Генинг В.Ф., 1988, с. 21).

Второй, рязано-окский, очаг керамических традиций представлен материалами Кошибеевского, Польно-Ялтуновского, рязано-окских могильников и отдельных погребений пензенских могильников. Он, по мнению автора, сформирован под воздействием двух основных факторов. Влияние традиций городецкого населения проявляется прежде всего в формообразующих типах, а также орнаментации керамики. Это положение вызывает те же сомнения в правомерности сопоставления керамических комплексов функционально разных типов памятников, что и в присурском очаге. Кроме того, как совершенно справедливо отмечает сам В.В. Гришаков, сложная орнаментация рязанской керамики вызывает очевидные ассоциации прежде всего с керамикой памятников дьяковского круга бассейна Москвы. Тем не менее он склонен сопоставлять рассматриваемые элементы декора именно с городецкой посудой.

Что касается возможности участия москворецкого населения в сложении керамической традиции носителей культуры рязано-окских могильников, то аргументом в пользу этого предположения служат находки бронзовых украшений этого культурного круга в рязанском могильнике Кораблино – наконечник пояса, литые пронизи с привесками, накладка в виде бантика (Белоцерковская И.В., 1990, с. 176).

Вторым фактором, под влиянием которого шло формирование рязано-окского очага, автор считает воздействие позднезарубинецких племен с их традицией изготовления под-

лощенной керамики. Аргументация его по поводу восточнобалтского происхождения некоторых категорий погребального инвентаря в рязанских могильниках не вызывает сомнений, упомянутый вещевой ряд можно даже дополнить. Но учитывая очень важное заключение В.В. Гришакова об инфильтрации носителей позднезарубинецкой культуры вплоть до районов Верхнего Примокшанья, хотелось бы видеть более весомую аргументацию этого положения. В данном случае возникает настоятельная необходимость анализа позднезарубинецкой посуды по тем же параметрам, что применены автором в отношении финской керамики. А наиболее показательным был бы технологический анализ керамических форм, обладающий широкими возможностями при установлении участвующих в процессах этногенеза археологических культур или отдельных типов памятников.

Третий очаг – поволжско-тешский – представлен керамикой Абрамовского и серией образцов Тезиковского могильников, которые сформировались на основе местных городецких традиций и опосредованного рязано-окским населением влияния восточнобалтских племен.

Первая половина I тысячелетия определяется В.В. Гришаковым как эпоха относительно независимого друг от друга сосуществования трех выделенных им очагов керамического производства. Исключение составляет материал Тезиковского могильника с его своеобразной культурой. В V – начале VIII в. наблюдается активное воздействие рязано-окского очага на керамические традиции присурского и поволжско-тешского регионов, которое автор связывает с расселением групп рязано-окского населения на верхней Мокше, Теше и Волге. В результате при прямом или опосредованном участии среднеокских племен возникают такие своеобразные памятники, как Ражкинский, отчасти Селикса-Трофимовский и Безводнинский могильники. Очень важен, на наш взгляд, вывод В.В. Гришакова о том, что в V – начале VIII в. в наиболее чистом виде традиции рязано-окского очага проявляются в материалах собственно среднеокских могильников. Вместе с данными погребального обряда и анализа эволюции форм женского убора это заключение автора может положить конец многолетней затянувшейся дискуссии о соотношении кошибеевской и рязано-окской групп памятников (Циркин А.В., 1995, с. 81–90). Зарождаясь на ранней кошибеевской стадии, керамические традиции дальнейшее свое развитие получают в среде рязано-окского населения, что в свою очередь свидетельствует о прямой генетической связи носителей культуры обеих групп памятников, т.е. о существовании на Средней Оке, Цне и Мокше единой археологической культуры.

К VIII в. оформляется еще один очаг керамического производства Западного Поволжья – нижнеокский, сложившийся под влиянием мощинских и безводнинских традиций. Он просуществовал до середины X в. и представлен материалами муромских могильников.

С VIII в. в процессе продвижения армиевского населения складывается цнинско-вадский очаг, представленный керамикой Лядинского, Крюково-Кужновского и других могильников. Нижнеокский и рязано-окский очаги с середины X в. прекращают свое существование, а цнинско-вадский и поволжско-тешский развиваются дальше, но уже в условиях постоянного воздействия со стороны Волжской Болгарии.

В заключение В.В. Гришаков выделяет три стадии развития керамических традиций в Западном Поволжье и связывает выделенные им очаги с определенными племенами: присурский – с примокшанскими, рязано-окский – с особой группой населения, частично растворившейся в древнемордовской среде, поволжско-тешский – с праэрзянскими племенами.

В целом книга представляет несомненный интерес, в ней помимо сквозной единой типологии и хронологии керамического материала крупного ареала поволжско-финских племен содержатся весьма существенные выводы этнокультурного характера. Следует отметить, что они, как правило, учитывают уже высказанные в литературе точки зрения на сложение культуры населения отдельных регионов рассматриваемой территории (Полесских М.Р., 1974, с. 19, 20; Вихляев В.И., 1977, с. 59–68), но помимо того автором предложено и собственное оригинальное решение некоторых этногенетических проблем. Таковы выводы В.В. Гришакова о влиянии мощинских традиций на керамическое производство населения, оставившего ранние комплексы нижнеокских могильников, о восточнобалтском происхождении носителей культуры Тезиковского могильника и ряд других.

Заметим, что часть этих выводов в настоящее время может рассматриваться пока лишь в качестве перспективной для дальнейшей работы гипотезы, требующей всесторонней аргументации на базе анализа не только керамики, но и погребального обряда. Это связано, во-первых, со спецификой основного источника работы – с нестандартностью лепной керамики, методика обработки которой требует усовершенствования. Во-вторых, источниковая база – 857 целых форм на тысячелетний период истории и 10 территориально-хронологи-

ческих групп памятников – для выводов столь глубокого и глобального характера представляется не совсем достаточной, тем более что распределение сосудов по анализируемым группам могильников неравноценно, а некоторые формы представлены лишь одним-двумя экземплярами. В-третьих, только комплексное исследование керамического материала, включая технологию его производства, дает возможность в полной мере оценить значение керамики как источника по этнокультурной истории рассматриваемого региона. Возможности технико-технологического анализа гончарного производства в решении этногенетических проблем древних общностей убедительно продемонстрированы, например, Н.П. Салугиной (Салугина Н.П., 1987). И последнее: при сопоставлении керамики разных археологических культур или типов памятников следует, вероятно, использовать те же параметры, что определены для привлеченной в качестве основного источника. В противном случае полученные выводы кажутся несколько поверхностными.

Отмеченные недоработки в целом не снижают значимости исследования В.В. Гришакова, сильными сторонами которого являются воссоздание целостной картины развития керамических традиций в правобережье Волги и на этой основе попытки реконструкции сложных этнокультурных процессов, происходивших здесь в течение тысячелетнего периода.

Государственный Исторический музей, Москва

И.В. Белоцерковская

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоцерковская И.В., 1990. Могильник Кораблино и его место в культуре рязано-окских могильников // Congressus Septimus Internationalis-Fenno-Ugristarum. Debrecen.

Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.

Полесских М.Р., 1974. Новые памятники древнейшей мордвы // МНИИЯЛИЭ. Вып. 45. Саранск.

Салугина Н.П., 1987. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.

Циркин А.В., 1995. В защиту кошибевской культуры // РА. № 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1991 ГОД. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Методические работы

1. *Абрамов А.П., Красильникова В.Г.* Методика обработки археологического материала // ИА АН СССР. Антич. сектор, М., 1991. 20 с.: ил.
2. Положение об открытых листах на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии АН СССР / ИА. М., 1991. 24 с.
3. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры (полевые исслед.). Метод. рекомендации / Спецпроектреставрация. М., 1991. 51 с.

Библиографические указатели. Словари и справочники

4. Археологический словарь каменных орудий: Памяти акад. В.П. Алексеева / Отв. ред. О.А. Соффер. ИА АН СССР. М., 1991. 38 с.
5. Библиографический указатель научных трудов МарНИИ (1981–1990) / Сост. С.С. Присягина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. 103 с.; с. 53–59. Археология.
6. *Гладышева Е.В., Нерсесян Л.В.* Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991. 79 с.

© Составитель Л.М. Всевиов, 1996 г.

7. Издания Полтавского краеведческого музея за 100 лет / Сост. Н.И. Пасько, А.Б. Супруненко. Полтава, 1991. 64 с.
8. Ислам: Энциклопедический словарь / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 315 с.: 8 л. ил.
9. Консервация и реставрация музейных художественных ценностей: Библиогр. информ. /ГБЛ. Информкультура. М., 1991.
10. Консервация и реставрация музейных художественных ценностей: Экспресс-информ. / ГБЛ. Информкультура. М., 1991.
11. Консервация и реставрация недвижимых памятников истории и культуры: Экспресс-информ. / ГБЛ. Информкультура. М., 1991.
12. *Ламберт Д.* Доисторический человек. Кембриджский путеводитель: Пер. с англ. Л.: Недра, 1991. 256 с.: ил.
13. *Молева Н.М.* Скорбный список (погибшие памятники Москвы). М.: Знание, 1991. 56 с.: ил.
14. Музейное дело и охрана памятников: Библиогр. информ. / ГБЛ. Информкультура. М., 1991.
15. Музейное дело и охрана памятников: Экспресс-информ. / ГБЛ. Информкультура. М., 1991.
16. *Острой О.С.* История искусствоведческой библиографии в России (XI – начало XX вв.) / ГПБ, Л., 1991. 222 с.
17. Справочный материал о работе Центрального совета ВООПИК (1987–1991) / Ред.-сост. Л.М. Волконская. М., 1991. 105 с.
18. Труды Полтавской ученой архивной комиссии (1905–1917). Библиогр. указатель / Сост. А.Б. Супруненко. Полтава, 1991. 51 с.

Археологические периодические и продолжающиеся издания, серии

19. Археологические изыскания / ИИМК АН СССР, СПб, 1991. Вып. 1, 3, 5.
20. Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья / ВООПИК. Иван. обл. отд-ие. Иваново, 1991. Вып. 5.
21. Археологические работы в Таджикистане // ИИ АН Тадж. ССР, Душанбе, 1991. Вып. 23.
22. Археологический бюллетень // МАИЦ. М., 1991. Вып. 1–4.
23. Археологический вестник: Урал, Поволжье, Западная Сибирь. Информ. изд. Урало-Поволжского координац. совета. Свердловск, 1991. Вып. 1.
24. Археологический сборник / ГЭ. Л., 1991. Вып. 31.
25. Археология Верхнего Поволжья // Матер. к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Ниж. Новгород, 1991. Вып. 1.
26. Археология Восточно-Европейской степи. [Межвуз. сб. науч. тр.]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. Вып. 2.
27. Археология и этнография Марийского края / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 18–20.
28. Археология Приаралья / ИИЯЛ АН УзССР. Каракалп. фил. Т. 5. Ташкент: Фан, 1991.
29. Археология СССР. Свод археол. источников // ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. Вып. Д1-7а.
30. Археологія / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991.
31. Боровский краевед / Боровский краевед. музей. Боровск, 1991. Вып. 3.
32. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода / КИЧП АН СССР. М., 1991. № 59.
33. Вестник краеведа / Запорож. обл. краевед. музей. Запорожье, 1991. № 2.
34. Вопросы антропологии / МГУ. М., 1991. Вып. 85.
35. Вопросы археологии Урала. [Сб. науч. тр.] / Уральск. ун-т. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
36. Древнерусская скульптура: проблемы и атрибуции / РАХНИИ теории и истории изобраз. искусств. М., 1991. Вып. 1.
37. Древности / Рос. археол. о-во. М., 1991. Вып. 1.
38. Древности степного Причерноморья и Крыма. [Сб. науч. ст.] / Запорож. ун-т. Запорожье, 1991. Вып. 2.
39. Изучение памятников истории и культуры в гидросфере / ИИИК АН СССР. М., 1991. Вып. 2.
40. Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1991. Вып. 18.
41. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону / Азов. краевед. музей. Азов, 1991. Вып. 10.
42. Коломенское: материалы и исследования. М., 1991. Вып. 2.
43. Краеведческий бюллетень / О-во изучения Сахалина и Курильских о-вов; Сахалин. обл. краевед. музей. Южно-Сахалинск, 1991. № 1–4.
44. Краткие сообщения Института археологии / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. Вып. 203–205.
45. Кубанский археологический бюллетень / Координац. совет по археологии Краснодарского края. Краснодар, 1991. Вып. 1.
46. Материалы и исследования по археологии Москвы / ИА АН СССР. М., 1991. Т. 5.

47. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1991. Вып. 2.
48. Новые открытия в Приаралье (матер. к археол. карте) / ИЭА АН СССР. М., 1991. Вып. 1–2.
49. Памятники Отечества / Альманах ВООПИК. М., 1991. Выходит 2 раза в год.
50. Памятники Юго-зап. Грузии / БатумНИИ; ИИ АН Грузии. Тбилиси, 1991. Т. 19.
51. Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 3.
52. Сборник Музея антропологии и этнографии / ИЭ АН СССР. СПб., 1991. Т. 44.
53. Свод археологических памятников Азербайджана / АН Азерб. Баку, 1991. Вып. 1.
54. Советская археология / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. Выходит по 4 номера в год.
55. Сообщ. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1991. Вып. 9.
56. Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1991. Вып. 55.
57. Сообщ. Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1–2.
58. Тр. Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1.
59. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1991. Т. 16.
60. Ферапонтовский сборник. М., 1991. Вып. 3.
61. Художественное наследие: хранение, исследования, реставрация / ВНИИР. М., 1991. Вып. 14.

Монографии, сборники статей

62. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям) / ИА АН УзССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.: илл., карт. Рез. англ.
63. *Акуленко В.И.* Охорона пам'яток культури в УкраїнІ (1917–1990). КиЇв: Вища шк., 1991. 274 с.
64. *Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев: Наук. думка, 1991. 413 с.: ил.
65. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 144 с.
66. *Альбедиль М.Ф.* Забытая цивилизация в долине Инда. СПб.: Наука, 1991. 176 с.: ил.
67. *Амирханов Х.А.* Палеолит Юга Аравии / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 344 с.: 1 отд. л. табл., ил.
68. *Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А.* История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины (Южный Таджикистан) / ИИ АН ТаджССР. Душанбе: Дониш, 1991. 136 с.; 3 табл., ил.
69. Античный мир и варвары Евразии. [Сб. ст.] / ИА АН СССР. Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1991. 120 с.: ил. (КСИА; Вып. 204).
70. Аральский кризис (Историко-геогр. ретроспектива). [Сб. ст.] / ИАЭ АН СССР. Отв. ред. Б.В. Андрианов. М., 1991. 310 с.: ил.
71. Архаическое общество. Узловые проблемы социологии развития. [Сб. науч. тр.] / АН СССР. Отд-ние ист. Ред. А.В. Коротаев, В.В. Чубаров. М., 1991. Ч. 1–2. 328 с.
72. Археологи на войне. [Сб. ст.] / Народная АН. РАО. М., 1991. 60 с. (Древности. № 2).
73. Археологические исследования в лесостепном Поволжье. [Межвуз. сб. ст.] / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 1991. 206 с.: ил.
74. Археологические исследования в Старом Орхее: [Сб. ст.] / ОЭМ АН ССРМ. Отв. ред. П.П. Бырия. Кишинев: Штиинца, 1991. 158 с.: ил.
75. Археологические открытия Урала и Поволжья. [Сб. ст.] / УдмИИЯЛ АН СССР. УрО. Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск, 1991. 200 с.: ил., карт.
76. Археологические памятники на территории и в окрестностях города Ельца / Пряхин А.Д., Саврасов А.С., Беседин В.И. и др. Воронеж. ун-т, каф. археол. и ист. древ. мира. Воронеж, 1991. 36 с.
77. Археологические памятники Одесской области / Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 220 с.: ил.
78. Археологические памятники Якутии: бассейны Вилюя, Анбара и Оленека / Молчанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В. и др. ИЯЛИ АН СССР. СО. Якут. фил. М.: Наука, 1991. 224 с.: ил.
79. Археолог|чнІ дослІдження на УкраїнІ у 1990 р. / ІА АН УРСР, ВІдп. ред. С.Д. Крижицкий. КиЇв, 1991. 48 с.: ил.
80. Археология Грузии. Т.І. Каменный век. Тбилиси, 1991.
81. Археология славянского Юго-Востока. [Сб. ст.] / ВоронГПИ. Отв. ред. А.Г. Дьяченко. Воронеж, 1991. 112 с.: ил., карт.
82. *Ахмедов Г.М.* Города Азербайджана эпохи Низами / ИИ; САЭ АН Азерб. респ. Баку: Элм, 1991. 20 с.: илл. (Памятники материальной культуры Азербайджана эпохи Низами).
83. *Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловский Р.В.* Похождения слов'ян // ІА АН УРСР. КиЇв: Наук. думка, 1991. 142 с.: ил., карт.

84. *Бартонек А.* Златообильные Микены: Пер. с чеш. / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 352 с.; 2 л. ил. (По следам исчезнувших культур Востока).
85. *Беляев Л.А.* Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры. Полевые исследования. Доп. изд. М.: Росреставрация, 1991. 52 с.
86. *Беляков А.А., Плотников А.Ю.* Старина и святыни города Романова. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1991. 96 с.
87. *Березкин Ю.Е.* Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991. 230 с.: ил., карт. (История и современность).
88. *Бетрозов Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик: Нарт, 1991. 168 с.: ил.
89. *Бжания В.В., Бжания Д.С.* Древний могильник в Гагре. Сухуми: Алашара, 1991. 71 с.: ил.
90. Биляр – столица домонгольской Булгарии. [Сб. ст.] / КазанНЦ АН СССР. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1991. 140 с.: ил.
91. *Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э) / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 214 с.: ил., карт.
92. *Бондаренко И.А.* Красная площадь Москвы. М.: Стройиздат, 1991. 296 с.: ил.
93. *Бубнова М.А.* Кадастр древних рудников Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР / ИИАЭ АН ТаджССР. Душанбе: Дониш, 1991. 54 с.: карт.
94. *Буйских С.Б.* Фортификация Ольвийского государства (Первые века н.э.) / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 158 с.: ил.
95. *Буниятов З.М.* Азербайджан в эпоху Низами / ИИ.САЭ АН Азерб. респ. Баку: Элм, 1991. 36 с.: ил. (Памятники материальной культуры Азербайджана эпохи Низами).
96. *Вагнер Г.К.* Тысячелетние корни: (Этич. и эстет. корни русского народа) / ЦС ВООПИК. М.: Сов. Россия, 1991. 92 с.
97. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии / ИЭА АН СССР. М.: Наука, 1991. 296 с.: ил.
98. *Ванина Е.Ю.* Средневековое городское ремесло Индии XIII–XVIII вв. / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 226 с.: ил. Рез. англ.
99. *Васильев И.В., Выборнов А.А., Комаров А.М.* Мезолит Северного Прикаспия. (Итоги и задачи изучения) / ИИА АН СССР. УрО; СамарГПИ. Свердловск; Самара, 1991. 32 с.: ил., карт.
100. *Васкс А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии // ИИ Латвии. ЛатвАН. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.: 12 л. ил., 1 отд. л. карт.
101. *Вахрушев В.А.* Камень. Человек. Время. Новосибирск: Наука, 1991. 173 с. (Человек и окружающая среда).
102. Византийская Таврика [Сб. науч. тр.] (к XVIII конгр. византинистов) / ИА АН УССР. Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1991. 206 с.: 8 л. ил.
103. Византийские очерки: Тр. сов. ученых к XVIII Междунар. конгр. византинистов / ИВИ АН СССР. М.: Наука, 1991. 238 с.
104. *Винников А.З., Афанасьев Г.Е.* Культовые комплексы Маяцкого селища. (Матер. раскопок сов.-болг.-венгер. экспедиции). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 190 с.: ил.
105. Вопросы археологии, древней истории и этнографии [Сб. науч. тр.] / Отв. ред. М.Д. Джуракулов. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1991. 88 с.: ил.
106. Вопросы археологии и антропологии Чувашии [Сб. ст.] / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары, 1991. 88 с.: ил., карт.
107. Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии // Карач.-Черкес. НИИИФЭ. Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск, 1991. 167 с.: ил.
108. Вопросы истории и археологии Боспора [Межвуз. сб. науч. тр.] / Отв. ред. Е.А. Молев. Воронеж; Белгород, 1991. 132 с.: ил., карт.
109. *Воронина В.Л.* Средневековый город арабских стран. М.: ВНИИТАГ, 1991. 100 с.: ил.
110. *Габрусь Т.В.* Памятники монументального зодчества Минщины. Историко-искусствоведческий очерк. Минск: Полымя, 1991. 44 с.: ил.
111. *Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И.* Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы): Препринт / ИА АН УССР, Киев, 1991. Ч. 1. 48 с.: ил; ч. 2. 48 с.: ил.
112. *Гаджиева М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. Эпоха энеолита и ранней бронзы / ИИЯЛ РАН. Даг. фил. М.: Наука, 1991. 264 с.: ил., карт.
113. *Гвасалиа Д.Г.* Историческая география Восточной Грузии (Шида Картли). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1991. 221 с.: 4 л. ил.
114. *Гейбуллаев Г.А.* К этногенезу азербайджанцев. Ист.-этногр. исслед. / ИИ САЭ АН Азербайджана. Т. I. Баку: Элм, 1991. 551 с.
115. Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии [Сб. ст.] / Отв. ред. А.И. Гайгалис. Вильнюс, 1991. 162 с.: ил.

116. *Гераськова Л.С.* Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи / ІА АН Укр. Київ: Наук. думка, 1991. 132 с. 12 л. ил.

117. *Гладких М.И.* Історична інтерпретація пізнього палеоліту (за матеріалами території України): Препринт. Київ, 1991. 44 с.: карт.

118. *Голубева Л.А., Кочкуркина С.И.* Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.) / ИЯЛИ АН СССР. КарелНЦ. Петрозаводск, 1991. 198 с.: ил.

119. *Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья / ИИЯЛ АН СССР. УрО БашкНЦ. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 160 с.: ил.

120. *Гордиенко Э.А.* Владычная палата Новгородского кремля. Л.: Лениздат, 1991. 107 с.: ил.

121. Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века [Сб. тр.] / ИИЯЛ АН СССР. Даг. фил. Махачкала, 1991. 206 с.: ил.

122. *Гудавичюс Э.* Возникновение города в Литве / ИИ Литвы АН Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1991. 94 с. Лит. рез. рус.

123. *Гуляев В.И.* Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. М.: Междунар. отношения, 1991. 192 с.: 8 л. ил.

124. *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 142 с.: ил. (Археология СССР. САИ. Д. 1-7.).

125. *Дергачев В.А., Манзура И.В.* Погребальные комплексы позднего Триполья: Свод источников / ОЭИ АН ССР Молдовы. Кишинев: Штиинца, 1991. 334 с.: ил.

126. *Державин В.Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы / ИА АН СССР. М., 1991. 186 с.: ил.

127. *Деревянко Е.И.* Древние жилища Приамурья / ИАЭ АН СССР. Новосибирск, Наука, 1991. 158 с.: ил.

128. *Джапаридзе О.М.* Археология Грузии: каменный век и эпоха бронзы. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1991. 446 с.: 40 л. ил. Груз. Рез. нем., рус.

129. *Джорбенадзе В.А.* Могильники развитого средневековья в Арагвском ущелье: Препринт. ИА АН ГССР. Тбилиси, 1991. 12 с. Рез. англ.

130. *Джуракулов М.Д., Холматов Н.У.* Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаган. культура). Ташкент: Фан, 1991. 122 с.: ил.

131. *Добровольский И.С., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 190 с.: ил.

132. Древние культуры Прикубанья (по материалам археол. работ в зонах мелиорации Краснодар. края) [Сб. ст.] / ЛОИА АН СССР. Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. 206 с.: ил.

133. Древние памятники культуры на территории СССР [Сб. науч. тр.] / ГЭ. СПб., 1991. 144 с.: ил.

134. Древние погребения Обь-Иртышья [Межвуз. сб. науч. тр.] / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск, 1991. 184 с.: 1 л. ил.

135 Древний Байкал [Сб. науч. тр.] / Отв. ред. В.М. Массон. Иркутск, 1991. 252 с.: ил.

136. Древности Восточно-Европейской лесостепи [Межвуз. сб. науч. тр.] / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара, 1991. 220 с.: ил., карт.

137. Древности Северного Кавказа и Причерноморья [Сб. ст.] / Отв. ред. А.П. Абрамов и др., М., 1991. 184 с.: ил., карт.

138. Древности Юго-Запада СССР (I – середина II тыс. н.э.) [Сб. ст.] / ССРМ. ОЭИ АН СССР. Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1991. 264 с.: ил.

139. Древности Южного Хорезма / Виноградов А.В., Воробьева М.Г., Гертман А.Н. и др. ИЭ АН СССР. М.: Наука, 1991. 288 с.: ил. (ТХАЭЭ. Т. 16).

140. Древняя история Верхнего Потисья / Гранчак И.М., Балагури Э.А., Котигорошко В.Г. Львов: Свит, 1991. 203 с.: ил.

141. Древняя история населения Украины [Сб. ст.] / Музейное объед. "Киево-Печерский гос. ист.-культ. заповедник". Отв. ред. Ю.Д. Кибельник. Киев, 1991. 108 с.: ил. Рез. англ.

142. *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром / Чеч.-ИнгУ. Грозный, 1991. 124 с.: 30 л. ил.

143. *Дударев С.Л.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии (конец II – первая половина I тыс. до н.э.): Матер. к изучению истории отеч. культуры. Грозный, 1991. 87 с.: 27 л. ил.

144. *Дурдыев М.* Туркмены (Поиски предков туркменского народа и его исторической прародины). Ашхабад, 1991. 54 с.

145. Духовная культура древних обществ на территории Украины. [Сб. ст.] / ИА АН УССР Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наук. думка, 1991. 124 с. 4 л. ил.

146. *Дучыц Л.В.* Браслаўскае паазер'е у IX–XIV стст: Гіст-археал. нарыс / ІГ АН БССР. Мінск: Навука и тэхніка, 1991. 120 с.: ил.

147. *Евдокимов С.П.* Развитие методологии палеогеографии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. 144 с.: 5 отд. л. ил.

148. *Елагин В.С.* Бараба в начале I тыс. н.э. / ИЭ АН СССР. СО. Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1991. 128 с.: ил.
149. *Еременко К.А.* Музыка от ледникового периода до века электроники. Кн. I. М.: Сов. композитор, 1991. 319 с.: ил.
150. *Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.: ил.
151. Жилища народов Западной Сибири [Сб. ст.] / Под ред. М.С. Усмановой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 144 с. 1 отд. л. ил.
152. *Журавлев А.П.* Пегрема (поселения эпохи энеолита) / ИЯЛИ АН СССР. КарелНЦ. Петрозаводск, 1991. 206 с.: ил.
153. *Зализняк Л.Л.* Население Полесья в мезолите / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 156 с.: ил.
154. *Исаков А.И.* Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.) / ИИАЭ АН Тадж. ССР. Пенджикент. археол. база. Душанбе: Дониш, 1991. 158 с.: 49 с. ил.
155. Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / УдмИЯЛИ АН СССР. УрО. Ижевск, 1991. 226 с.: ил.
156. Исследования памятников неолита и бронзы [Сб. ст.] / ИА АН СССР. Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1991. 118 с.: ил. (КСИА. Вып. 203).
157. Исторический эксперимент: Теория, методология, практика [Сб. ст.] / НИИК АН СССР. Отв. ред. П.В. Боярский. М., 1991. 144 с.: ил. (Памятниковедение).
158. История русского искусства. Т. 1. Искусство X – первой половины XIX в. / Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., Рындина А.В. и др. НИИ теор. и ист. изобраз. искусств АХ СССР. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изобраз. искусство, 1991. 508 с.: ил.
159. Источники и методы исторических реконструкций изменений окружающей среды / Александровский А.Л., Анненков В.В., Глушко Е.В. и др. М.: ВИНИТИ, 1991. 164 с. (Итоги науки и техники. Сер. "Палеогеография").
160. Источники этнокультурной истории Западной Сибири [Сб. науч. тр.] / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень, 1991. 170 с.: ил.
161. Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси: Мецниереба, 1991.
162. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы / ИЯЛИ АН СССР. КазанНЦ. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.: ил.
163. *Карпушина И.И.* Искусство и религия. Истоки и грани взаимодействия. М.: Педагогика. 1991. 160 с.
164. Катакомбные культуры Северного Причерноморья: источники, проблемы, исследования: [Сб. науч. тр.] / ИА АН Укр. Отв. ред. С.Н. Братченко. Киев, 1991. 268 с.: ил., карт.
165. *Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопед. справочник) / ЦАИ АН Груз. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 656 с.: карт.
166. Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий [Сб. науч. тр.] / Отв. ред. В.В. Седов. Тверь, 1991. 154 с.: ил., карт.
167. *Керимов В.И.* Оборонительные сооружения Азербайджана эпохи Низами / ИИ САЭ АН АзССР. Баку: Элм, 1991. 41 с.: ил. (Памятники мат. культуры Азербайджана эпохи Низами.)
168. *Керимов К.Д.* Миниатюры к "Хамзе" Низами / ИИ САЭ АН Азерб. респ. Баку: Элм, 1991. 52 с.: ил. (Памятники мат. культуры Азербайджана эпохи Низами.)
169. *Кинжалов Р.В.* Орел, кецаль и крест. Очерки по культуре Мезоамерики / АН СССР. СПб., 1991. 186 с.: ил. (Из истории мировой культуры.)
170. *Кирчо Л.Б.* Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-депе в 1984–1989 гг. Л., 1991. 23 с.: 17 л. ил.
171. *Клейн Л.С.* Археологическая типология / АН СССР. Л., 1991. 448 с.: ил., карт.
172. *Козубовский Г.А.* Находки монет XIV–XV ст. на территории Киева: Препринт. Киев, 1991. 47 с.: ил.
173. *Козубовский Г.А.* Сіверські монети XIV ст.: Препринт. Київ, 1991. 40 с.
174. *Колпаков Е.М.* Теория археологической классификации. СПб., 1991. 112 с.
175. *Копытин В.Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / МогилевГПИ. Могилев, 1991. 86 с.: ил.
176. *Корепанов К.И.* История и культура населения Елабужского края в раннеананьинскую эпоху (VIII–VI вв. до н.э.) / Елабуж. гос. ист.-архит. и худож. музей-заповедник. Елабуга, 1991. 31 с.: ил.
177. *Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III: Препринт / ИИА АН СССР. УрО. Свердловск, 1991. 72 с.: ил.
178. *Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 302 с.: ил.
179. *Косцова А.С.* Сюжеты древнерусских икон. СПб: Искусство, 1991. 224 с. Англ.
180. *Кравец Д.П., Посредников В.А., Липвиненко Р.А.* Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского

микрорайона в Донбассе. Донецк, 1991. 100 с.: ил., карт.
181. *Кравцевич А.К.* Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVII ст. Планіроўка, культ. слой. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 172 с.: ил.
182. *Кравцов А.Е., Сорокин А.Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / ИА АН СССР. М., 1991. 66 с.: 4 л. ил.
183. *Крамер С.Н.* История начинается в Шумере: Пер. с англ. 2-е изд., измен. / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 236 с.: карт. (По следам исчезнувших культур Востока).
184. Краткая история унгуров / Исхаков Г.М., Литвинский Б.А., Шеркова Т.А. и др. Ин-т уйгуроведения АН КазССР. Алма-Ата: Гылым, 1991. 256 с.
185. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда / ИИФФ АН СССР. СО. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.: ил.
186. *Кузеев Р.Г.* Этнос. Культура. Экология / Башк. респ. орг. о-ва "Знание". Уфа, 1991. 51 с.
187. *Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории / ИА АН СССР. М., 1991. 150 с.: ил., карт.
188. Культура Византии XIII – первой половины XV в. / ИВИ АН СССР. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1991. 638 с. 4 л. ил.
189. Курганы Степной Скифии: Сб. науч. тр. / ИА АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян. Киев: Наук. думка, 1991. 139 с.: ил.
190. *Кухарчук Ю.В., Месяц В.А.* Ранний палеолит Украинского Полесья. Житомирская стоянка (ашель). Препринт / ИЗ АН УССР. Киев, 1991. 64 с.: ил.
191. *Кухарчук Ю.В., Месяц В.А.* Ранний палеолит Украинского Полесья. Житомирская стоянка (мустье): Препринт / ИЗ АН УССР. Киев, 1991. 68 с.: ил.
192. *Кучинко М.М., Охрименко Г.В.* Археалагічні памятки Волині / УкрТОПІК. Волин. обл. орг. Луцьк, 1991. 137 с.: ил., карт.
193. *Кушнир И.И.* Архитектура Новгорода. Л.: Стройиздат, 1991. 240 с.: ил.
194. *Ларичев В.Е.* Драконический календарь древнекаменного века Сибири. Мальтинский жезл: Препринт / ИИФФ АН СССР. СО. Ч. 3–4. Новосибирск. 1991. Ч. 3. 114 с.: ил.; Ч. 4. 168 с.: ил.
195. *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. К XVIII Междунар. конгр. византинистов / Сост. и авт. коммент. В.С. Шандровская. Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Архив АН СССР; ГЭ. М.: Наука, 1991. 360 с.: 12 л. ил. (Науч. наследство. Т. 19).
196. *Личели В.Т.* Древний Вани. Хозяйственный квартал / ЦАИ; ИИАЭ АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 110 с.: 22 л. ил. Груз. Рез. рус., англ.
197. *Лопушинская Е.И.* Крепость в Судаке. Киев: Будивельник, 1991. 102 с.: ил.
198. *Лордкипанидзе М.Д.* Тбилиси (IV – начало XII в.). Исторические очерки. Тбилиси, 1991. 112 с.
199. *Лысенко П.Ф.* Дреговичи / ИИ АН БССР. Под ред. В.В. Седова. Минск: Навука и тэхніка, 1991. 244 с.: ил.
200. *Магомедов Б.В.* Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры: Препринт / ИА АН ССР. Киев, 1991. 48 с.: ил.
201. *Малевская М.В., Фоняков Д.И.* Древний Торопец / ИИМК РАН. Торопец, 1991. 115 с.
202. *Мамаладзе И.Ф.* Роспись Табакини. Народная струя в грузинской монументальной живописи позднего средневековья / ИИГИ АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 84 с.: 31 л. ил. Рез. англ.
203. *Мамед-заде К.М.* Мемориальные сооружения Азербайджана эпохи Низами / ИИ АН Азерб. респ.; САЭ. Баку: Элм, 1991. 56 с.: ил. (Памятники материальной культуры Азербайджана эпохи Низами).
204. *Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата: Гылым, 1991. 48 с.: ил.
205. *Массон В.М.* Мерв – столица Маргианы. Мары, 1991. 74 с.: 4 л. ил. Текст парал. на туркм. и рус.
206. *Матвеев А.В., Матвеева Н.П.* Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исслед.: Препринт / Ин-т проблем освоения Севера. АН СССР. СО. Тюмень, 1991. 54 с.
207. Материальная культура и проблемы археологической реконструкции [Сб. науч. тр.]. Новосибирск, 1991. 181 с.: ил.
208. Материалы по археологии Калмыкии [Сб. ст.] / ИА АН СССР; КалмИОН. Отв. ред. Е.В. Цуцкин. Элиста, 1991. 176 с.: ил.
209. Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. / Новгор. археол. экспедиция; НГОМЗ. Под ред. В.Л. Янина, Е.Н. Носова, П.Г. Гайдукова. М., 1991. 224 с.: ил., карт. Рез. нем.
210. Материалы по погребальному обряду удмуртов [Сб. науч. тр.] / УдмИИЯЛ АН СССР. УрО. Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 1991. 186 с.: ил.
211. Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси [Сб. науч. тр.] / ИА АН СССР. Отв. ред. М.В. Седова. М., 1991. 228 с.: ил.
212. *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 130 с.: ил.
213. *Мацкевой Л.Г.* Мезолит Запада Украины / ИОН АН Укр. Киев: Наук. думка, 1991. 148 с. 4 л. ил.
214. *Медведев В.Е.* Корсаковский могильник: хронология и материалы / ИАЭ АН СССР. СО. Новосибирск: Наука, 1991. 174 с.: ил.

215. *Медынцева А.А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI–XIII вв. / ИА РАН. М: Наука, 1991. 239 с.: ил.
216. Межэтнические связи населения Марийского края [Сб. ст.] / МарНИИЯЛИ. Отв. ред. Г.А. Сапеев. Йошкар-Ола, 1991. 156 с.: ил. (АЭМК. Вып. 20).
217. *Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 136 с.: ил.
218. Методологические проблемы исследования урбанизации в древности [Сб. ст.] / ИА АН СССР. Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 1991. 172 с.
219. Методы реконструкций в археологии [Сб. ст.] / ИИФФ АН СССР. СО. Отв. ред. Ю.П. Холюшкин. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.: ил.
220. Мировая культура: традиции и современность [Сб. ст., посвящ. 80-летию акад. Б.Б. Пиотровского] / НСИМК АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1991. 440 с.: ил.
221. *Михайлова Р.Д.* Особливості обробки кістки в Південно-Західній Русі (X – перша половина XIV ст.) / ІА АН УРСР. Київ, 1991, 38 с.: ил.
222. Могилевщина [Сб. ст.] / МогилевГПИ. Отв. ред. В.А. Юшкевич. Могилев, 1991. 82 с.
223. Московская керамика: новые данные по хронологии [Сб. ст.] / ИА АН СССР. Отв. ред. С.З. Чернов. М., 1991. 198 с.: ил. (Матер. и исслед. по археологии Москвы. Т. 5).
224. *Мурадова Э.А.* Поселения архаического Дахистана / ИИ АН ТССР. Ашхабад: Ылым, 1991. 148 с.: ил.
225. *Мухамеджанов А.Р.* Древняя Бухара. (Археол. и ист. исслед.). Ташкент: Фан, 1991. 51 с.: ил. Узб.
226. *Мыц В.А.* Укрепление Таврики X–XV вв. / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 160 с.: 6 л. ил.
227. *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / ИЭА АН СССР. М.: 1991. 189 с. (Матер. к сер. "Народы Советского Союза". Вып. 5. Народы уральской языковой семьи).
228. *Нариманишвили Г.К.* Керамика Картли V–I вв. до н.э. / ЦАИ АН Груз. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 352 с.: ил. Рез. англ.
229. *Нейматова М.С.* Эпиграфические памятники Азербайджана эпохи Низами / ИИ АН Азерб. Респ.: САЭ. Баку: Элм, 1991. 42 с. (Памятники материальной культуры Азербайджана эпохи Низами).
230. Неолит юга Дальнего Востока. Древние поселения в пещере Чертовы Ворота / Андреева Ж.В., Вострецов Ю.Е., Жущиховская И.С. и др. ИИАЭНДВ АН СССР. ДВО. М.: Наука, 1991. 224 с.: ил.
231. Неолитические памятники Урала [Сб. науч. тр.] / АН СССР. УрО. Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск, 1991. 200 с.: ил., карт.
232. *Нечитайло А.Л.* Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 112 с.: 2 л. ил.
233. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тыс. до н.э.) / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 104 с.: 24 л. ил.
234. *Николаев В.Ф.* Из истории Полтавского краеведческого музея. Воспоминания / Полтав. краевед. музей. Полтава, 1991. 44 с.
235. *Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 124 с.: ил.
236. Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині / Ред. Н.У. Степула. Львів: Світ, 1991. 111 с.
237. Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии [Сб. ст.] / ИЭ АН СССР. Отв. ред. И.И. Гохман. СПб.: Наука, 1991. 216 с.: ил. (СМАЭ. Т. 44).
238. Обзор памятников истории и культуры Тверской области. Информ. письмо. Тверь, 1991. 42 с.
239. *Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. / Археол. агентство эксперимент. творческого центра при Мосгорисполкоме; Укр. фонд культуры. Сум. обл. отд-ние. Москва; Сумы, 1991. 286 с.: ил., карт.
240. *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I–II вв. / ИА АН СССР. М., 1991. 176 с.: ил., карт.
241. *Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В.* Распад зарубинецкой культуры и его соц.-эконом. и идеологические причины / ИА АН УССР. Киев, 1991. 48 с.
242. *Обыденнов М.Ф.* Поселения древних скотоводов Южного Приуралья: вторая половина II тыс. до н.э. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. 206 с.: ил., карт.
243. *Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1991. 222 с.: ил.
244. *Оленковский Н.П.* Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра / Укр. фонд. культуры. Херсон. обл. отд-ние. Херсон, 1991. 202 с.: ил.
245. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.) / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 256 с.: ил.
246. Палеолит Енисея / Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А. и др. ЛОИА АН СССР. Л.: Наука, 1991. 158 с.: ил., карт.

247. Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири [Сб. науч. тр.] / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 251 с.: ил.
248. Памятники архангельского Севера [Сб. ст.]. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991. 284 с. 16 л. ил.
250. Памятники археологии Полтавщины [Сб. науч. ст.] / Полтав. краевед. музей. Отв. ред. А.Б. Супруненко. Полтава, 1991. 116 с.: ил., карт. Укр. Рез. рус.
251. Памятники древнего искусства Дагестана [Сб. ст.] / ИИЯЛ АН СССР. Даг. фил. Махачкала, 1991. 119 с.: ил.
252. Памятники железного века в окрестностях Евпатории [Сб. ст.] / МГУ. Ист. фак. Отв. ред. Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко. М., 1991. 208 с.: ил.
253. Памятники истории и культуры Житомирской области. Матер. к своду памятников ист. и культ. Украины / ИИ Укр. АН Укр. Киев, 1991. 209 с.
254. Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика [Сб. ст.] / ВНИИИС АН СССР. Отв. ред. В.П. Выголов. М.: Наука, 1991. 192 с.: ил.
255. *Пашкевич Г.А.* Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Древняя Русь. Каталог: Препринт / ИА АН УССР. Киев, 1991. 44 с.
256. *Пашкевич Г.А.* Палеоэтноботанические находки на территории Украины. (Неолит – бронза). Каталог: Препринт / ИА АН УССР. Киев, 1991. 48 с.
257. *Пашкевич Г.А.* Палеоэтноботанические находки на территории Украины: Памятники I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. Каталог: Препринт / ИА АН УССР. Киев, 1991. Вып. 1. 48 с.; Вып. 2. 46 с.
258. *Первышин В.Н.* Памятники Гнезно: Ист.-архит. очерк. Минск: Полымя, 1991. 63 с.: ил. (Памятники белорусского зодчества).
259. Питання вітчизняної та зарубіжної історії [Сб. ст.] / Черніг. пед. ін-т. Відп. ред. О.Б. Коваленко. Чернігів, 1991. 74 с.
260. *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Археменидский и эллинистический периоды / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 343 с.: ил.
261. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР [Сб. ст.] / МарНИИЯЛИ Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1991. 172 с.: ил., карт. (АЭМК. Вып. 19).
262. Полевые археологические исследования в 1986 г. (крат. сообщ.) / Археол. комис. ИИАЭ; ЦАИ АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 284 с.: ил.
263. *Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.* Очерки семантики кулайского искусства / ИИФФ АН СССР. СО. Новосибирск: Наука, 1991. 91 с.: ил.
264. *Полубояринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды / ИА АН СССР. М., 1991. 112 с.: ил.
265. Поховальний обряд давнього населення України: Збірник наук. праць / Київ. держ. ун-т. Київ, 1991. 188 с.: ил., карт.
266. Практика реставрации памятников монументальной живописи [Сб. науч. тр.] / Науч. совет по охране памятников культуры. М., 1991. 164 с.: ил.
267. Проблемы археологии Евразии [Сб. ст.] / ИА АН СССР. Отв. ред. В.А. Могильников. М.: Наука, 1991. 212 с.: ил., карт.
268. Проблемы археологии Поднепровья [Сб. науч. тр.] / ДГУ. Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск, 1991. 132 с. 4 л. ил.
269. Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей) [Сб. ст.] / Херсон. краевед. музей. Отв. ред. А.В. Гаврилов. Херсон, 1991. 164 с.: ил., карт.
270. Проблемы археологии Среднего Поволжья [Сб. ст.] Казань, 1991. 109 с.: ил.
271. Проблемы изучения древних культур Евразии / ИА АН СССР. Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. 240 с.: ил.
272. Проблемы интерпретации памятников культуры Востока [Сб. ст.] / ИВ АН СССР. Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1991. 236 с.
273. Проблемы истории и культуры Северного Причерноморья в античную эпоху [Сб. обзоров] / ИНИОН АН СССР. М., 1991. 144 с.
274. Проблемы охраны, изучения и реставрации памятников архитектуры Киево-Печерской лавры [Сб. ст.] / Отв. ред. И.А. Писларий. Киев, 1991. 123 с.: ил.
275. Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991.
276. Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий [Сб. науч. тр.] / Новосиб. ун-т. Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. Новосибирск, 1991. 178 с.: ил.
277. Проблемы хронологии археологии и истории [Сб. науч. тр.] / Алт. ун-т. Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, С.В. Цыб. Барнаул, 1991. 163 с.: ил.
278. Проблемы хронологии и периодизации в археологии [Сб. тр. молодых учен.] / ЛОИА АН СССР. Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л., 1991. 142 с.: ил., карт. (Археол. изыскания. Вып. 3).

279. Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии) [Сб. ст.] ИЭ АН СССР. Отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: Наука, 1991. 176 с.: ил., карт. Рез. англ.

280. *Пхакадзе Г.Г.* Западное Закавказье в III тыс. до н.э. ЦАИ АН Груз. Тбилиси, 1991.

281. *Пхакадзе Г.Г.* Куро-аракская культура в Западном Закавказье / ЦАИ АН ГрССР. Тбилиси, 1991. 8 с. Англ. Рез. груз.

282. Реконструкция древних верований: источники, метод, цель [Сб. науч. тр.] / ГМИР. Отв. ред. В.А. Хршановский. СПб., 1991. 226 с.: ил.

283. Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. 240 с.: ил.

284. *Романчук А.И., Сазанов А.В.* Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона / Урал. ун-т. Свердловск, 1991. 56 с.: ил. Рез. англ.

285. Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. [Сб. ст.] / ЛОИА АН СССР. Под ред. Н.Н. Гуриной. Л.: Наука, 1991. 246 с.: ил.

286. *Сагайдак М.А.* Давньскиївський Поділ. Пробл. топографії, стратиграфії, хронології / ІА АН УРСР. Київ: Наук. думка, 1991. 166 с.: ил.

287. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Символ и архетип // СОИИ АН СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 154 с.

288. Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур [Сб. науч. тр.] // ОАМ АН УССР. Отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наук. думка. 123 с.: 4 л. ил.

289. *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги) / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991, 108 с.: 8 л. ил.

290. Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье) / ИЭА АН СССР. Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М., 1991. Ч. I. 128 с.: ил., карт.

291. *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье // ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 198 с.: ил.

292. Славяно-русские древности [Сб. ст.] / ИА АН СССР. Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1991. 134 с.: ил., карт. (КСИА. Вып. 205).

293. *Смирнов А.С.* Неолит Верхней и Средней Десны / ИА АН СССР. М., 1991. 144 с.: ил.

294. *Смирнов Ю.А.* Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 342 с.: ил., карт.

295. Смоленск и Гнездово. (К истории древнерусского города) [Сб. ст.] / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ. 1991. 262 с.: ил.

296. *Соболева Н.А.* Русские печати / ИИ АН СССР. М.: Наука, 1991. 240 с.: 8 л. ил.

297. *Сорокин В.Я.* Орудия труда и хозяйство племен Среднего Триполья Днестровско-Прутского междуречья / ИАДИ АН Респ. Молдова. Кишинев: Штиинца, 1991. 161 с.: ил.

298. *Спиридонова Е.А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 221 с.: ил.

299. *Телегин Д.Я.* Вартові тисячоліть. Монумент. антроморф. скульптура дал. епох. Київ: Наук. думка, 1991. 78 с.: ил.

300. *Телегин Д.Я.* Неолитические могильники мариупольского типа. Свод археол. источников / ИА АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 92 с. 4 л. ил.

301. *Толстой И.И.* Византийские монеты. Барнаул: День, 1991. 156 с.: ил. (Вып. 1).

302. *Тораманян А.Х.* Из истории строительной деятельности армян в Молдавии. М.: Внешторгиздат, 1991. 206 с.: ил.

303. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвист. исслед. / Отд-ние лит. и яз. АН СССР. М.: Наука, 1991. 271 с.: ил.

304. Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос / Львова Э.Л., Бирюкова Р.М., Дремов В.А. и др. Под ред. В.П. Алексеева. Томск, 1991. 244 с.: ил.

305. Указатель археологических памятников Иркутской области. Матер. к Своду памятников истории и культуры Иркут. обл. / Иркут. ун-т. Иркутск, 1991. 110 с.

306. Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989–1990 годов / Чеч.-Инг. ун-т. Грозный, 1991. 16 с.

307. *Уртанс Ю.* Археологические памятники Валмиерского района / Валмиер. краевед. музей. Рига: Авотс, 1991. 40 с.: ил. Латыш.

308. *Уртанс Ю.В.* Городища Северной Видземе. Рига: Авотс, 1991. 70 с.: ил., карт. Латыш.

309. *Фатуллаев Ш.С.* Апшерон: Градостроительство и мечети / ИИ АН Азерб. респ.; САЭ. Баку: Элм, 1991. 46 с.: ил. (Памятники материальной культуры Азербайджана эпохи Низами).

310. Формирование зеленых насаждений при памятниках Древней Руси / Центр. респ. ботан. сад. АН УССР. Киев: Наук. думка, 1991. 108 с.: 2 л. ил.

311. Фрески монастыря Киранц. Матер. из архива Л.А. Дурново / Подгот. материала и предисл. А. Аракеляна. Ереван: Айастан, 1991. 38 с.: ил.

312. *Халилов Д.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б.* Археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана / САЭ АН Азерб. Баку: Элм, 1991. 216 с.: (Свод. археол. памятников Азербайджана. Вып. 1).
313. *Халимов Н.Б.* Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды). Ашхабад: Туркменистан, 1991. 141 с.: 8 л. ил.
314. *Халитов Н.Х.* Архитектура мечетей Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 191 с.: ил.
315. Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы / ИАДИ АН Респ. Молдова. Отв. ред. Н.А. Кетрару. Кишинев: Штиинца, 1991. 127 с.: ил.
316. Хронология и периодизация археологических памятников Карелии [Сб. ст. памяти Г. А. Панкрушева] / ИЯЛИ РАН КарелНЦ. Науч. ред. С.И. Кочкуркина. Петрозаводск, 1991. 249 с.: ил.
317. *Худяков Ю.С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья / ИИФФ СО АН СССР. Отв. ред. В.Е. Медведев. Новосибирск; Наука, 1991. 189 с.: ил.
318. *Хухарев В.В.* Медные русские монеты конца XIV–XVI в. Историогр. обзор / Киров. ист.-краевед. музей. Киров, 1991. 32 с.: ил.
319. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Метод. пробл. / ИА АН СССР. М., 1991. 196 с. Рез. англ.
320. *Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура) / Том. ун-т. Томск, 1991. 179 с.: ил.
321. *Шеркова Т.А.* Египет и Кушарское царство (Торговые и культурные контакты) / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 193 с.: 4 л. ил. Рез. англ.
322. *Ширяев Е.Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах // Моск. о-во белорус. культуры. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 120 с.: карт. Рез. англ.
323. Экспериментальная археология [Сб. ст.] / ТоболГПИ. Отв. ред. И.С. Глушков. Тобольск, 1991. Вып. 1. 181 с.
324. Южная Русь и Византия [Сб. науч. тр.] (к XVIII конгр. византинистов) / ИА АН УССР. Отв. ред. П.П Толочко. Киев: Наук. думка, 1991. 168 с.: 8 л. ил.
325. *Юсупов Р.М.* Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир: Препринт / БашкНЦ. ИИЯЛ. АН СССР. УрО. Уфа, 1991. 35 с.: ил.
326. *Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV веков / ИА АН СССР. М.: Наука, 1991. 198 с.: карт.
327. *Ягодин В.Н.* Стреловидные планировки Устюрта (опыт ист.-культ. интерпретации). Ташкент: Фан, 1991. 204 с.: ил. (Археология Приаралья. Вып. 5).
328. *Якимович Ю.А.* Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII в. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 366 с.: ил.

Авторефераты диссертаций

а. Докторские

329. *Амосов А.А.* Лицевой литописный свод Ивана Грозного (опыт комплексного источниковедческого исслед.) / ИИР АН СССР. СПб. фил. СПб., 1991. 44 с.
330. *Аникович М.В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы / ИИМК АН СССР. СПб., 1991. 40 с.
331. *Архипов Г.А.* Древние марийцы (этногенез и ранняя история) / МГУ. М., 1991. 40 с.
332. *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата) / ИА АН СССР. М., 1991. 44 с.
333. *Винников А.З.* Древнерусское население Лесостепного Дона в VIII – начале XIII в. / ИА АН СССР. М., 1991. 36 с.
334. *Гасанова А.А.* Особенности развития ландшафтной архитектуры городов Азербайджана / АзИСИ. Баку, 1991. 56 с.
335. *Гладких М.И.* Историческая интерпретация позднего палеолита (по материалам территории Украины) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 46 с.: карт.
336. *Добролюбский А.О.* Кочевники на западе причерноморских степей в X–XIII вв. (ист.-археол. исслед.) / ИИМК РАН. СПб., 1991. 34 с.
337. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н. э. – вторая половина V в.) / ИА АН УССР. Киев, 1991. 32 с.
338. *Исаков А.* Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 37 с.: 1 отд. л. ил.
339. *Крушельницкая Л.И.* Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурных процессов) / ИА АН УССР. Киев, 1991. 43 с.: карт.
340. *Леонтьев А.Е.* Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси) / ИА АН СССР. М., 1991. 45 с.
341. *Марченко К.К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н. э. (проблемы, контакты, взаимодействия) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 40 с.
342. *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст / ИВ АН СССР. М., 1991. 34 с.
343. *Микулич А.И.* Геногеография населения Беларуси (Экол. и ист. аспекты изменчивости) / МГУ; НИИ и Музей антропологии. М., 1991. 60 с.

344. *Моця А.П.* Южнорусские земли в IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников) / ИА АН СССР. Киев, 1991. 31 с.
345. *Мукимов Р.С.* Зодчество Северного Таджикистана V – начала XX в. (генезис, эволюция, взаимовлияние и типологические особенности) / ВНИИТАГ. М., 1991. 36 с.
346. *Надирадзе Д.Ш.* Саирхе – древнейший город Грузии (к истории восточной провинции Колхиды I тыс. до н. э.) / ИИЭ АН ГрССР. Тбилиси, 1991. 56 с.
347. *Назилов Д.А.* Зодчество горных районов Средней Азии от средневековья до начала XX в. / МАИ. М., 1991. 38 с.
348. *Никулицэ И.Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. / МГУ. Ист. фак. М., 1991. 32 с.
349. *Петрин В.Т.* Палеолит Западной Монголии / ИАЭ АН СССР. СО. Новосибирск, 1991. 54 с.
350. *Пилипенко М.Ф.* Возникновение Белоруссии (новая концепция) // ИИФЭ АН УССР. Киев, 1991. 36 с.
351. *Рапопорт Ю.А.* Религия древнего Хорезма / ИЭА АН СССР. М., 1991. 44 с.
352. *Романчук А.И.* Топография византийского города как отражение его функций (на материалах Херсона) / Урал. ун-т. Свердловск, 1991. 34 с.
353. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси (к истории славяно-финских этнокультурных связей) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 48 с.
354. *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины / ИА АН УССР. Киев, 1991. 44 с.
355. *Свазян Г.С.* История страны Алуанк (с древнейших времен по VIII в.) / ИИ АН АрмССР. Ереван, 1991. 35 с.
356. *Селезнев А.Г.* Барабинские татары (проблемы происхождения) / СПб. ун-т. СПб., 1991. 16 с.
357. *Тарасов Л.М.* Палеолит бассейна Десны / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 46 с.
358. *Филлипов А.К.* Истоки и природа искусства палеолита / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 53 с.
359. *Чартолани Ш.Г.* К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи (Ист.-археол. исслед.) / ЦАИ АН ГрССР. Тбилиси, 1991. 43 с.
360. *Широкова Н.С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры // ЛГУ. Л., 1991. 39 с.
361. *Щукин М.Б.* Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. / ИИМК АН СССР. Л., 1991. 35 с.
362. *Юсупов Х.* Древние скотоводы Северо-Западного Туркменистана / МГУ. Ист. фак. М., 1991. 45 с.
363. *Яблонский Л.Т.* Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников) / ИА АН СССР. М., 1991. 37 с.

б. Кандидатские

364. *Авалиани Э.Н.* Современные аспекты исследования этрусской цивилизации / Тбил. ун-т. Тбилиси, 1991. 23 с.
365. *Алиев Н.Г.* Позднеенеолитические памятники Азербайджана / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 26 с.: ил.
366. *Баратов С.Р.* Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мугхона) / ИА АН Узб. Самарканд, 1991. 24 с.
367. *Белавин А.М.* Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X–XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 16 с.
368. *Белорыбкин Г.Н.* Домонгольские памятники булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья (на пути из Булгара в Киев) / ИА АН УССР. Киев, 1991. 20 с.
369. *Белоус О.Ю.* Развитие горнорудной промышленности в Римской империи в I–VI вв. н. э. / Урал. ун-т. Свердловск, 1991. 15 с.
370. *Богуславский О.И.* Южное Приладожье во второй половине I – начале II тыс. н. э. (опыт историко-культурной периодизации) / ИИМК АН СССР. СПб., 1991. 21 с.
371. *Бубенько Т.С.* Посад Витебска X – первой половины XIV в. (по материалам исследований Нижнего замка) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 22 с.
372. *Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.) / ИА АН СССР. М., 1991. 22 с.
373. *Галкин В.Т.* Сузугунская культура эпохи поздней бронзы в южно-таежном Тоболо-Иртышье) / ИА АН СССР. М., 1991. 21 с.
374. *Гнутова С.В.* Медное художественное литье (мелкая пластика) Новгорода XIV–XV вв. / МГУ. Ист. фак. М., 1991. 24 с.
375. *Данченко Е.М.* Ранний железный век Южнотаежного Прииртышья / ИА АН СССР. М., 1991. 21 с.
376. *Елеуов М.* Средневековая культура городов и поселений Чуйской долины VI – начала XIII в. (вопросы типологии и фортификации) / ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1991. 25 с.
377. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные антропоморфные изваяния казахских степей // Кем. ун-т. Кемерово, 1991. 22 с.
378. *Зиливинская Э.Д.* Монументальное строительство в городах Золотой Орды / МГУ. Ист. фак. М., 1991. 23 с.
379. *Зинько В.Н.* Сельские поселения и могильники Боспора и Херсонеса IV–III вв. до н. э. (опыт сравнительного анализа) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 17 с.
380. *Зубарев В.Г.* Северное причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея / МГПИ. М., 1991. 15 с.
381. *Иов О.В.* Сельские поселения IX–XIII вв. западной части Белорусского полесья / ИИ АН Беларуси. Минск, 1991. 22 с.

382. *Кашин В.А.* Палеолит Северо-Восточной Азии (история и итоги исслед. 1940–1980 гг.) / ИИФФ АН СССР. СО. Якутск, 1991. 28 с.
383. *Коен В.Ю.* Финальный палеолит Горного Крыма / ИА АН УССР. Киев, 1991. 21 с.
384. *Козлов В.И.* Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI в. н. э. (балкано-дунайская культура) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 29 с.
385. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (к проблеме преемственности булгар и булгаро-татарской культур) / ИА АН СССР. М., 1991. 24 с.
386. *Колединский Л.В.* Верхний замок Витебска в XI–XVII вв. / ИИ АН БССР. Минск, 1991. 36 с.
387. *Кривальцевич Н.Н.* Бронзовый век центральной части Белорусского Полесья / ИА АН УССР. Киев, 1991. 20 с.
388. *Кузнецов П.Ф.* Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья / ИИМК РАН. СПб., 1991. 17 с.
389. *Кузьмин Я.В.* Палеогеография древних поселений Приморья (палеолит – неолит) / Ин-т геол. и геофиз. АН СССР. Новосибирск, 1991. 17 с.
390. *Кулаков С.А.* Нижнепалеолитические мастерские Кавказа (Технико-морфологический анализ) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 16 с.: ил.
391. *Кушнеревич А.Н.* Культовое зодчество Белоруссии XIV–XVI вв. Ист. и архит.-археол. исслед. / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 22 с.
392. *Ланцов С.Б.* Западный Крым в составе Херсонесского государства / ИА АН УССР. Киев, 1991. 16 с.
393. *Логинов С.Д.* Культура Апаварктикены в эпоху Сасанидов (III–VII вв. н. э.) / ИА АН СССР. Л., 1991. 18 с.
394. *Майтдинова Г.* Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии) / Ин-т искусствознания. Ташкент, 1991. 17 с.
395. *Максуди Ф.А.* Гератская миниатюра и ее традиции в современной живописи Афганистана / ИЖСА АХ СССР. Л., 1991. 25 с.
396. *Мамуладзе Ш.Х.* Ущелье Ачарисцкали в эпоху развитого средневековья (по археол. материалам и письменным источникам) / ИИАЭ: ЦАИ АН Грузии. Тбилиси, 1991. 21 с.
397. *Мгелишвили Т.Н.* Стратиграфическая позиция и вещественный состав пород, минералов и руд, выявленных в археологических памятниках Грузии / Геол. ин-т АН Грузии. Тбилиси, 1991. 23 с.: ил.
398. *Медведев А.М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н. э. – V в. н. э.) / ИА АН СССР. М., 1991. 19 с.
399. *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 17 с.
400. *Мусаев Л.А.* Памятники эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Азербайджана / ИИ АН Азерб. Респ. Баку, 1991. 26 с.
401. *Мусакаева А.А.* Монеты Западного Согда III в. до н. э. – VIII в. н. э. (опыт типологии и исторической периодизации) // Музей истории народов Узбекистана АН УзССР. Самарканд, 1991. 23 с.
402. *Назарли М.Д.* Сефевиды и сефевидская живопись (проблемы прагмат. интерпретации памятников) / ВНИИИ. М., 1991. 26 с.
403. *Немцова Н.И.* Методика исследования, реставрации и реконструкции русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. (на материале Владимирской обл.) / МАИ. М., 1991. 24 с.
404. *Носевич В.Л.* Популяционно-демографические процессы в эпоху нижнего и среднего палеолита (опыт компьютерного моделирования) / МГУ. Ист. фак. М., 1991. 21 с.
405. *Поздняков В.С.* Клецк X–XVIII вв. (история материальной культуры белорусского феодального города) / ИИ АН Беларуси. Минск, 1991. 26 с.
406. *Рамишвили К.И.* Памятники сасанидской глиптики в Грузии / ИИАЭ: ЦАИ АН Груз. Респ. Тбилиси, 1991. 22 с.
407. *Санжаров С.Н.* Катакомбная культура на территории Северо-Восточного Приазовья / ИА АН УССР. Киев, 1991. 18 с.
408. *Сверчков Л.М.* Поселение Мык – источник по истории средневековой Уструшаны / ИА АН УзССР. Самарканд, 1991. 25 с.
409. *Секерская Е.П.* Скотоводство и охота на юге Украины в эпохи палеометалла – раннего железа / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 22 с.
410. *Скуратовский Г.М.* Античный канон в формировании пропорций Парфенона / Новосиб. архит. ин-т. Новосибирск, 1991. 20 с.: ил.
411. *Сморчков А.М.* Сакральные основы формирования римской цивилизации / МГУ. Ист. фак. М., 1991. 21 с.
412. *Степанчук В.Н.* Киик-Кобинская мустьерская культура / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 17 с.
413. *Таиров А.Д.* Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II вв. до н. э. / ИА АН СССР. М., 1991. 26 с.
414. *Теин Т.С.* Древнеэскимосская культура Северной Чукотки, включая острова Врангеля и Ратманова / ИА АН СССР. Л., 1991. 18 с.
415. *Ткачев А.А.* Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы / ИА АН СССР. М., 1991. 26 с.
416. *Фам Дык Мань.* Первобытные археологические памятники в Юго-Восточной части Вьетнама во II–I тыс. до н. э. / ИА АН СССР. Л., 1991. 24 с.
417. *Хан Н.А.* Становление и развитие археологической науки, государственной системы охраны памятников в Туркменистане / ЛОИА АН СССР. Л., 1991. 22 с.

418. *Хмейд Н.Ф.* Города Северной Сирии (Джизры) в XIII–XIV вв. / ИВ АН СССР. СПб., 1991. 23 с.
419. *Холматов Н.У.* Неолит Среднего и Нижнего Зеравшана / ИА АН СССР. М., 1991. 23 с.
420. *Чабай В.П.* Ранний палеолит Юго-Западного Крыма / ИА АН Укр. Киев, 1991. 23 с.
421. *Чукова Т.А.* Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X – первой трети XIII в. (основные архитектурные элементы по археол. данным) / ИИМК РАН. СПб., 1991. 16 с.
422. *Шаблюк В.В.* Сельские поселения Верхнего Понеманья XIV–XVIII вв. (по археол. и письменным источникам) / ИИ АН БССР. Минск, 1991. 24 с.
423. *Шутова Н.И.* Удмуртские могильники XVI – первой половины XIX в. / ИА АН СССР. М., 1991. 17 с.
424. *Щеболева Е.Г.* Русское культовое зодчество конца XVI – начала XVII в. и «годуновская архитектурная школа» / ВНИИИ. М., 1991. 23 с.

Учебные пособия

425. *Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е.* Археология Якутии (эпоха палеометалла и средневековья). Учеб. пособие для студентов. Якутск, 1991. 110 с.
426. *Белецкий С.В.* Вспомогательные исторические дисциплины. Метод. матер. для студентов 2-го курса по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» / ЛГИК. Л., 1991. 18 с.
427. *Бойназаров Ф.* Античная эпоха Средней Азии. Учеб. для факультетов филологии, истории, востоковедения, ... ун-тов и пед. ин-тов. Ташкент: Укитувчи, 1991. 472 с. Узб.
428. Лексический минимум по археологии. Учеб. пособие / Ун-т Дружбы народов. М., 1991. 47 с.: ил.
429. *Перцик Е.Н.* География городов (геоурбанистика). Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 320 с.: ил., карт.
430. *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV вв. Учеб. пособие / СПб ун-т. СПб., 1991. 96 с.
431. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Происхождение финноязычных народов. Учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1991. 108 с.: карт.
432. *Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология (Учебник). М.: Изд-во МГУ. 1991. 320 с.: 16 л. ил., карт.

Съезды, конференции, симпозиумы

433. Античность и современность: Докл. конф. / ИВИ АН СССР. Всесоюз. ассоц. антиковедов. М., 1991. 182 с.
434. Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции: Краткие тез. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири / ГЭ Науч. ред. Н.К. Качалова. СПб., 1991. 38 с.
435. Археологические культуры и культурная трансформация: Матер. методол. семинара ЛОИА / ЛОИА АН СССР. Отв. ред. В.М. Массон. Л., 1991. 164 с. (Археол. изыскания. № 1).
436. Археология и история Юго-Востока Руси: ТД / Курский музей археологии. Курск, 1991.
437. Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.): Тез. докл. Регионал. науч.-практич. конф. // СКНЦВШ; ИИГУ. Грозный, 1991. 72 с.: ил.
438. Браслаўскія чытанні: Матэр. II-й навук.-краязнауч. канф., прысвяч. 925-годдзю Браслава (1065–1990) / Браслаўск. гіст-краязнауч. музей. Навук. ред. М.А. Ткачоў. Браслаў, 1991. 82 с.
439. Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути: Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО / ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата. 1991. 120 с.
440. Византийское искусство и литургия. Новые открытия: Краткие тез. докл. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Банк / ГЭ. Л., 1991. 34 с.
441. Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД. Калуга, 1991.
442. Города и караван-сараи на трассах Великого шелкового пути: Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО / ИА АН УзССР. Гл. ред. А.А. Аскаров. Ургенч, 1991. 98 с.
443. Древнее Причерноморье. ТДК II-х чтений памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1991.
444. Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): Матер. междунар. конф. / Центр. новостроеч. археол. исслед. АН ССРМ; Респ. ассоц. молодых учен. АН УССР. Киев, 1991. 254 с.
445. Древнерусская деревня. Археол. исслед. микрорегионов: Тез. докл. М., 1991.
446. Древние культуры и археологические изыскания: Матер. к пленуму ИИМК 1991 г. / ИИМК АН СССР. Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1991. 84 с.
447. Древности Кубани (матер. науч.-практ. конф. / Краснодар ГИАМЗ. Краснодар, 1991. 114 с.
448. Елец и его окрестности. Тез. науч. конф. / ЛипецГПИ. Елецк, 1991. 128 с.
449. Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. к науч.-практ. конф. / ПГОИАХМЗ. Псков, 1991. 112 с.
450. Исследование и реставрация памятников культуры из камня: Тез. докл. междунар. конф. / ВНИИ реставрации. М., 1991. 107 с.
451. История и археология Нижнего Подунавья: Матер II науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.И. Доватура и А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени / ОАО; Ренийский ист.-краевед. музей. Отв. ред. А.В. Гудкова. Рени, 1991. 62 с.

452. Керамика как исторический источник. Подходы и методы изучения: Тез. докл. Всесоюз. науч. археол. конф. / ИА АН СССР.; УрО. ИИА. Куйбышев, 1991. 90 с.
453. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тез. докл. Междунар. симпоз. / ЛОИА АН СССР. Ред. В.А. Трифонов. Л., 1991. 74 с.
454. Материалы конференции «Археология и социальный прогресс» / ИА АН СССР. М., 1991. Вып. 1. 150 с.; Вып. 2. 112 с.: ил., карт.
455. Матер. III археологических чтений, посвящ. памяти Р.В. Козыревой. Южно-Сахалинск, 1991. 182 с.: ил., карт. (Краевед. бюл.; О-во изучения Сахалина и Курильских о-вов. № 2).
456. Мерв в древней и средневековой истории Востока II. Культурные взаимодействия и связи. Тез. докл. науч. конф. / ЮТАКЭ АН ТССР. Отв. ред. М.А Аннанепесов. Ашхабад: Ылым, 1991. 68 с.
457. Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана: Матер. науч. практ. конф. / НИИК РАН. Отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 1991. 199 с.: ил.
458. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи: Тез. докл. конф. Воронеж, 1991.
459. Науч. конф., посвящ. итогам полевых исследований истории материальной культуры Азербайджана в 1990 г. Баку, 1991.
460. Отчетная археологическая сессия [Гос. Эрмитажа] / ГЭ НК. Л., 1991. 30 с.
461. Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тез. докл. конф. Барнаул, 1991.
462. Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Матер. 2-й региональной науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Нижегород. ун-т; Науч.-исслед. предприятие «Этнос». Отв. ред. Ф.В. Васильев. Ниж. Новгород, 1991. 414 с.: ил.
463. Первая Дальневосточная конф. молодых историков / ИИАЭНДВ АН СССР. ДВО. Владивосток, 1991. 82 с.
464. Первая междунар. науч. конф. «Осетиноведение: история и современность»: Тез. докл. Ред Т.А. Гуриев. Владикавказ, 1991. 148 с.
465. Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвящ. 100-летию Н.К. Ауэрбаха: Краткие тез. докл. / ИАЭ АН СССР. СО. Красноярск, 1991. Т. I. 110 с.: ил.
466. Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тез. докл. першої наук.-практ. обл. конф., присвяч. 140-річчю В.В. Хвойки / ІА АН Укр. Київ, 1991. 110 с.
467. Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тез. докл. конф. Ч. 1. Белгород-Днестровский, 1991.
468. Проблемы истории Крыма: Тез. докл. науч. конф. / Симфероп. ун-т. Симферополь, 1991. Вып. 1. 120 с.; Вып. 2. 110 с.
469. Проблеми іст. і геогр. краєзнавства Чернігівщини: Тез. докл. обл. наук. сем. Чернігів, 1991.
470. Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. междунар. симпоз. / КомиНЦ. ИЯЛИ АН СССР. УрО. Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1991. 158 с.
471. Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: Тез. докл. вторых Рыковских чтений / ИИА АН СССР. УрО. Сарат. ун-т. Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов, 1991. 56 с.
472. Проблемы происхождения нахских народов: Тез. докл. семинаров Всесоюз. науч. конф. Шатой, 1991.
473. Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. / ИИФФ. АН СССР. СО; Алт. ун-т. Барнаул, 1991. 188 с.
474. Семинар «Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи». Тез. докл. // УдмИИЯЛ АН СССР. УрО. Ижевск, 1991. 20 с.
475. Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Матер. методол. семинара ИИМК АН СССР / ИИМК АН СССР. Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1991. 54 с.
476. 125 лет Новгородскому музею: Матер. науч. конф. НГОИАХМЗ. Новгород, 1991. 233 с.
477. 100-летие Полтавского краевед. музея: Матер. юбил. науч. конф. / ПКМ. Полтава, 1991. Ч. 2. Археология Полтавщины. 124 с.: ил. Укр., рус.
478. Тез. 2-й Гомельской обл. науч. конф. по ист. краеведению. Секция археол. и нумизмат. / Гомел. обл. археол. центр; Гомел. краевед. музей. Гомель, 1991. 104 с.: ил., карт.
479. Тез. докл. и сообщ. 3-й зональной северокавказ. олимпиады по археологии и краеведению / СКНЦВШ. Чеч.-ИнгУ. Грозный, 1991. 54 с.
480. Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам полевых археол. исслед. в Республике Армении (1989–1990) / ИАЭ АН Арм. Ереван, 1981. 143 с. Арм.
481. Тюрки в Юго-Восточной Европе и проблемы этнокультурного развития гагаузов: Матер. докл. конф. Кишинев: Чадыр-Лунга, 1991.
482. Шестое координационное совещ. по изучению мамонтов и мамонтовой фауны: Тез. докл. / ЗИН АН СССР. Комитет по изучению мамонтов и мамонтовой фауны. Л., 1991. 62 с.

Научно-популярная литература

483. *Валеев Р.Ч.* Тайны египетских пирамид. М.: Знание, 1991. 46 с.: ил. (Новое в жизни, науке, технике. Науки о Земле).
484. *Кленгель-Брандт Э.* Вавилонская башня. Легенда и история: пер. с нем. / ИВ АН СССР. Отв. ред. и авт. послесл. В.А. Якобсон. М.: Наука, 1991. 158 с. 8 л. ил. (По следам исчезнувших культур).
485. *Клименко В.Ф., Цымбал В.И.* Древности родного края. Ист.- краевед. очерк. Донецк, 1991. 40 с.: ил.

486. *Косидовский З.* Когда солнце было богом: Пер. с пол. М.: Наука, 1991. 334 с.: ил.
487. *Линдблад Я.* Человек – ты, я и первозданный: Пер. со швед. М.: Прогресс, 1991. 262 с.: ил.
488. *Николов Н., Харлампиев В.* Звездочеты древности: Пер. с болгар. М.: Мир, 1991. 293 с.: ил.
489. *Пачулиа В.П.* Древняя, но вечно молодая Абхазия. Сухуми: Алашара, 1991. 313 с.: ил.
490. *Разумов Г.А., Хасин М.Ф.* Тонущие города. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1991. 252 с.: ил.
491. *Росляков С.Н.* Ольвия и ее искусство. Краевед. очерк. Одесса: Маяк, 1991. 118 с.: ил.
492. *Уклеин В.Н.* След времен минувших. О зодчестве и зодчих. Тула: Приок. кн. изд-во, 1991. 96 с.: ил.
493. *Федонин А.Р.* Легенды денежных знаков. Донецк: Знание, 1991. 86 с.: 8 л. ил.
494. *Щукин М.Б.* Машина времени и лопата. Кишинев: Штиинца, 1991. 248 с.: ил., карт.

Каталоги музеев и выставок. Путеводители

495. *Вахрина В.И.* Иконы из собрания Ростовского музея-заповедника. Каталог // ГРЯАХМЗ. М., 1991. 48 с.: ил.
496. Византийский Херсон. Каталог выставки / Сост. Л.А. Голофаст, А.И. Романчук, С.Г. Рыжов, И.А. Антонова. АН СССР: XIII МКВ. М.: Наука, 1991. 256 с.: ил. Рез. англ.
497. Византия и византийские традиции (памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея. Путеводитель по выставке) / Авт.-сост. В.Н. Залесская, В.В. Гурулева, А.Я. Каковкин, М.Г. Крамаровский, Ю.А. Пятницкий, В.С. Шандровская. ГЭ; ГРМ. Л., 1991. 80 с., 1л. илл.: карт. ил.
498. Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. К 70-летию отдела Востока / Сост. М.Г. Крамаровский, Н.В. Федорова. ГЭ. Л., 1991. 28 с.: 7 л. ил.
499. Древнеегипетские памятники из музеев СССР. Каталог выставки / ГМИИ. Отв. ред. О.Д. Берлев; авт. вступ. ст. С.И. Ходжаш. М., 1991. 88 с.: ил.
500. Древности Урало-Казахстанских степей (красота и духовность мира вещей). Каталог выставки / Сост. Н.О. Иванова. Авт. вступ. ст. Г.Б. Зданович, Д.Г. Зданович, В.С. Мосин и др. ИИА АН СССР. УрО; Челяб. обл. краевед. музей. Челябинск, 1991. 60 с.: ил.
501. Каталог коллекций научных фондов [Ин-та археологии]: Препринт / Сост. Н.Б. Бурдо, Л.Ф. Константинеску, С.Н. Ляшко, Н.А. Сон. ИА АН УССР. Киев, 1991. Вып. 1. Каменный век – энеолит. 34 с.: Вып. 2. Эпоха бронзы. 36 с.
502. *Крючкова Т.А.* Иркутские иконы. Каталог / Иркут. обл. худож. музей. М., 1991. 104 с.: ил.
503. Материалы к путеводителю по Музею истории народов Узбекистана / Сост. Л.И. Альбаум и др. АН УзССР. Ташкент, 1991. 164 с.: ил.
504. Памятники Белой Церкви рассказывают. Путеводитель / Сост. И.Л. Могилев. Киев, 1991. 30 с.: ил.
505. *Родникова И.С.* Псковская икона XIII–XVI вв. Каталог. Л.: Аврора, 1991. 322 с.: ил.
506. Русское серебро в собрании Тверского музея. К 125-летию Тверского гос. объед. музея. Каталог / Сост. Т.А. Царева. М., 1991. 32 с.: ил.
507. Французская миниатюра XV в. в московских собраниях. Часословы / Сост. Е. Золотова. ГБЛ.; ГИМ.; ГМИИ. Л.: Аврора, 1991. 103 с.: ил.
508. Храмы Москвы (в пределах Земляного вала). Каталог книжно-иллюстративной выставки / Сост. Г.В. Аслапова, И.В. Гайдукова. ГПИБ. М., 1991. 55 с.

Personalia

509. *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм // ИВ АН СССР. М.: Наука, 1991. 240 с.: 4 л. ил.
510. Анна Николаевна Москаленко (1918–1981). Указатель трудов / Сост. и авт. вступ. ст. А.Д. Пряхин. Ворон. обл. науч. б-ка. Воронеж. 1991. 20 с. (Сер. библиогр. указ. «Воронежские ученые». Вып. 13).
511. Борис Андреевича Шрамко – профессор Харьковского университета. Библиогр. указатель / Сост. В.Д. Прокопова. ХГУ. Харьков, 1991. 34 с.
512. *Бычков Ю.А.* Житие Петра Барановского. М.: Сов. Россия, 1991. 174 с.: ил.
513. *Глинская И.Л.* Эстетические воззрения П.А. Флоренского. Науч.-аналитический обзор // ИНИОН АН СССР. М., 1991. 68 с.
514. *Граб В.І., Супруненко О.Б.* Археолог Олександр Тахтай. До 100-річчя з дня народження та 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею / Полтав. краєзнав. музей. Полтава, 1991. 84 с.: ил.
515. *Кохановский Г.А., Кохановский А.Г.* Рачитель наших древностей. Евстафий Тышкевич. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 61 с.: ил.
516. Краеведы Москвы. Сб. Вып. 1 / Сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М.: Моск. рабочий, 1991. 288 с.: ил.
517. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. Справочник / Сост. М.В. Фролов. М.: Спецпроектреставрация, 1991. 70 с.
518. *Штоль Г.* Генрих Шлиман: мечта о Трое: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1991. 432 с.: ил. (ЖЗЛ. Мал. сер.).

Составитель Л.М. Всевиов

Хроника

Е.И. ДЕРЕВЯНКО

ИТОГИ РАБОТЫ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН ПО ПРОБЛЕМАМ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В 1990–1994 гг.

Работа сектора археологии бронзового и железного веков ведется по двум основным направлениям: полевые изыскания и научно-интерпретационные исследования по проблемам истории Северной и Центральной Азии в эпоху бронзы, железа и средневековья. Ежегодно летом в поле выезжают 10–11 археологических отрядов, которые проводят разведки и раскопки в Новосибирской области, Республике Алтай, Хакасии, Минусинской котловине, на Дальнем Востоке и в других регионах Азии. В большинстве случаев раскапываются уникальные памятники, относящиеся к периоду палеометалла, материалы которых позволяют наметить время существования отдельных историко-культурных комплексов и осветить проблемы этногенеза, палеоэкономики, палеоэкологии, духовной культуры древнего населения Сибири и Дальнего Востока. Так, на Алтае на плоскогорье Укок было сделано блестящее открытие нескольких захоронений пазырыкской культуры, где в замерзших могилах сохранились бесценные по художественным достоинствам изделия из войлока, дерева, кожи и рога, а также мумия женщины в погребальном одеянии с татуировкой на теле, возраст которых исчисляется двумя с половиной тысячелетиями.

Исследование курганов пазырыкской культуры на плато Укок было начато в 1990 г. Это один из самых «высоких» районов Горного Алтая, где зафиксированы археологические памятники. На могильнике Ак-Алаха I в кург. 1 раскопана могила со льдом, в ней стоял двойной бревенчатый сруб с двойным перекрытием из бревен и покрытием из нескольких слоев бересты. Удивительна сохранность вещей из органических материалов, одежды людей и останков коней, позволившая увидеть даже чиненую одежду, прошитую мельчайшими стежками, и сложные прически, удерживающиеся булавками, и зашитые кожаным шнурком трещины на деревянных сосудах, и многое другое.

Раскопки на Укоке вызвали большой интерес у археологов и других специалистов из разных стран мира. Многие из них побывали на Укоке, помогая российским археологам. Ведутся совместные работы до дендрохронологии со швейцарскими учеными из археологического бюро г. Цюриха, художники сектора были на стажировке по реставрации тканей в г. Ригесберге (Абегг-Фонд), продолжаются совместные исследования по реставрации дерева с японскими коллегами из Археологического центра в г. Нара. Проблемы реставрации и консервации полученных материалов решаются на месте. В институте создан центр по консервации дерева – единственный в России. Надо отметить фундаментальность исследований на плато Укок. Здесь археологам помогают ученые смежных дисциплин: генетики, палеозоологи, антропологи, и это дало возможность получить более полную информацию о жизни древних пазырыкцев. Антропологическая реконструкция была выполнена Т.С. Балуевой (ИЭ РАН) и Т.А. Чикишевой (ИАиЭ СО РАН): погребенные были высокорослыми людьми с мощной шеей и крупной головой. Лица очень высокие, с широкими и средненаклонными лбами. Нижние челюсти и у мужчин, и у женщин массивные, с четко выраженными подбородками. Полученные графические портреты позволяют наглядно представить европеоидный физический облик населения. Проведенное И.Е. Гребневым и С.К. Васильевым изучение остеологического материала из курганов Кутургунтас и Ак-Алаха I, Уландрык I и II с использованием новых биологических методик привело их к следующим выводам: лошади скифского времени из этих курганов идентичны; по средним и максимальным значениям промеров ак-алахинские и кутургунтасские кони несколько превосходят уландрыкских, очевидно, в соответствии с социальным статусом погребенных; скифская лошадь Горного Алтая имеет мало общего с монгольской, а с позднеплейстоценовой Equus lx. gr. gallicus – большое сходство. Видимо, голоценовые потомки этой группы – тарпаны послужили для доместикации большинства пород лошадей Евразии.

© Е.И. Деревянко, 1996 г.

Значительный материал информационного, публикационного и теоретического характера содержится в коллективной монографии (Деревянко А.П. и др., 1994). В ней, благодаря широкомасштабным исследованиям на плоскогорье Укок, реконструирована схема историко-культурного развития в этом интереснейшем регионе Азии. В сжатом виде эта схема недавно опубликована в одном из сборников NATO (Molodin V.J., 1995). Успешная работа двух археологических отрядов в таком труднодоступном и удаленном от населенных пунктов месте обеспечивалась Институтом археологии и этнографии СО РАН. Результаты исследований на плато Укок обобщены в книгах и статьях (Полосьмак Н.В., 1991а, б; 1992а, б; 1993; 1994; Polosmak N., 1993; 1994a, b, c; Molodin V.I., 1992a).

Раскопки на Укоке начались недавно, а еще раньше на юге Алтая раскопаны курганы, обследованы петроглифы, написаны о них книги и статьи. Так, В.Д. Кубарев впервые опубликовал материалы раскопанных комплексов скифской эпохи, открытых и исследованных автором в этом регионе (Кубарев В.Д., 1991; 1992; 1994; Кубарев В.Д. и др., 1990; Kubarev V.D., 1989).

На фоне уникальных «сокровищ» из курганов Укока древности Юстыда и Сайлюгема выглядят скромно, но ценность их заключается в том, что они найдены в непотревоженных могилах. Предметы хорошей сохранности, достаточно полно характеризующие культуру средних и низших слоев кочевого общества, дают возможность выяснить и функции ряда предметов неизвестного назначения из курганов родоплеменной знати.

Общая характеристика памятников, анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря, иллюстрации предметной коллекции позволяют теперь специалистам использовать полноценный исторический источник по материальной и духовной культуре древних кочевников.

Завершая обзор работы сектора в последнее пятилетие на Алтае, следует сказать о Денисовой пещере. Расположена она в Солонешенском районе Алтайского края, в 6 км северо-западнее с. Черный Ануй. Вход в пещеру находится в 28 м над уровнем современного зеркала реки. С 1982 г. ведется изучение памятника с привлечением широкого круга специалистов различных отраслей знаний: палеонтологов, почвоведов, геологов, геохимиков, физиков, геоморфологов, этнографов. Институтом ИАиЭ СО РАН разработана программа комплексного исследования пещер Алтая, в которой анализу голоценовых слоев в пещерах придана особая важность (Деревянко А.П. и др., 1987). Вышла в свет монография А.П. Деревянко и В.И. Молодина, в которой дана практически исчерпывающая характеристика голоценовых отложений (от эпохи позднего средневековья до эпохи неолита) (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994). Это позволило авторам достаточно детально проанализировать полученные источники, а также попытаться определить принадлежность отдельных слоев к конкретной археологической культуре и реконструировать палеоэкономику и мировоззрение аборигенов, населявших Горный Алтай в древности. Выявились определенные закономерности в использовании пещер человеком в разные периоды истории. В их основе лежат прежде всего такие факторы, как географическая ситуация в регионе, уровень развития экономики общества, специфика идеологии, иррациональные представления человека.

Научную значимость материалов Денисовой пещеры трудно переоценить. Впервые на памятнике на территории Горного Алтая получена стройная хронологическая колонка развития и смены древних культур от эпохи раннего металла до этнографической современности. Стратиграфия голоценовых отложений пещеры открывает возможность для надежной корреляции пещерных и многослойных памятников открытого типа.

В монографии присутствуют анализ фазового состава керамики, реконструкция приемов изготовления формовочных масс, параметров обжига, выполненные керамистами и геологами, определение видов зерна, сделанное растениеведами, и фауны (млекопитающих) – палеонтологами; предварительные итоги изучения органического вещества голоценовой почвы отложений, подведенные почвоведами; 24 радиоуглеродные даты (самый нижний голоценовый слой – 9495 ± 390 лет, самый верхний – 1935 ± 45 лет); литологический, геохимический, биостратиграфический обзор голоцена пещеры, определенный геологами. Такое всеобъемлющее изучение памятника и его публикация предприняты в Сибири впервые.

За прошедшее пятилетие завершены важные работы по древнему искусству Западной Сибири, Алтая, Монголии, где подводятся итоги многолетних исследований памятников искусства и повествуется об удивительных находках древних мастеров и художников, пересматриваются и высказываются отдельные аналитические концепции (Молодин В.И., 1993). В Горном Алтае открыты великолепные образцы полихромной живописи – древнейшей на территории Сибири, относящейся к эпохе бронзы (Кубарев В.Д., 1989; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992). Проведен семантический анализ кулайского искусства бронзового литья населения таежной зоны Западной Сибири в железном веке (VI в. до н. э. – V в. н. э.) (Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991; Молодин В.И., 1992). Привлекая мифы, фольклор, этнографические материалы, исследователи раскрывают смысловое значение древних изображений, имевших полифункциональный характер.

Сотрудники сектора принимают самое активное участие в тематических сборниках по искусству. Продолжается издание серии «Первобытное искусство» (редактор Р.С. Васильевский), в котором содержатся богатые и разнообразные данные о культурной истории человечества. Большинство публикуемых статей

базируется на новых открытиях, или же в них по-новому ставятся и рассматриваются дискуссионные теоретические вопросы происхождения искусства. Серьезное внимание уделяется смысловому содержанию древних памятников художественного творчества, что интересно не только с точки зрения развития искусства, но и весьма важно для понимания специфических особенностей идеологии первобытной эпохи (Запорожченко А.В., Черемисин Д.В., 1990; Гребенщиков А.В., 1991; Кубарев В.Д., 1990; Polosmak N., 1991; Molodine V.I., 1994a).

Еще десять лет назад лесостепное Обь-Иртышье было белым пятном на археологической карте Сибири. Сейчас же в научный оборот введены практически все имеющиеся на сегодняшний день источники по археологии этого обширного региона. На материалах поселений, городищ, могильников, на большинстве из которых сотрудниками института были проведены широкомасштабные раскопки, разработана историческая концепция развития культур в лесостепной Барабе от эпохи палеолита до позднего средневековья. Вышло в свет пять монографий и десятки статей по проблемам этнокультурных реконструкций древних культур Барабы и Западной Сибири в целом (Молодин В.И., 1985; Полосьмак Н.В., 1987; Елагин В.С., Молодин В.И., 1991; Молодин В.И. и др., 1988; 1990; Чикишева Т.А. и др., 1992; Molodin V.I., 1988; 1992b; 1993; 1994b, c). Завершены исследования уникального комплекса памятников, объединенных общим названием Сопка 2, где благодаря использованию метода сплошного вскрытия площади памятника были обнаружены уникальные погребения и культовые комплексы от эпохи неолита до позднего средневековья.

Большое внимание уделялось разработке крупных, теоретических проблем археологической науки. В частности, в институте вышли три тематических сборника под редакцией Ю.С. Худякова и В.Е. Медведева, посвященных военному делу древних народов Монголии, Сибири и Дальнего Востока, последние их них – в 1990 и 1993 гг. (Военное дело..., 1990; 1993); изданы книги и статьи сотрудников сектора (Худяков Ю.С., 1988; 1990; 1991a, б).

В этих изданиях исследуются военное искусство, комплекс боевых средств, структура военной организации тюркоязычных, монголоязычных, тунгусоязычных кочевников. Анализируется широкий круг вещественных, изобразительных и письменных источников по военному делу номадов, вскрываются причины и механизмы появления новых форм оружия, способов его коллективного применения, а также те существенные изменения в развитии вооружения, формах военной организации в период средневековья, что отразились на возможностях коллективного применения оружия в ходе боя, когда значительно возросли масштабы войн, проводимых кочевниками. Эволюция военного дела кочевников достигла такого уровня развития, что существенным образом отразилась на военном искусстве других культурно-хозяйственных типов Евразии, изменила весь ход событий всемирной истории. Появление домашней лошади и использование ее в военных целях оказалось существенным фактором, отразившимся в экономической, политической, идеологической сфере. Последней посвящена монография С.П. Нестерова (Нестеров С.П., 1990).

В книге на основании анализа археологических, письменных и этнографических источников рассмотрена проблема ритуальной роли коня и ее истоков в религиозных представлениях и религиозной практике тюркоязычных племен в эпоху средневековья. Впервые роль коня в культах средневековых народов реконструируется наиболее последовательно, исходя из хозяйственной его значимости. По-новому интерпретируются отдельные моменты погребального обряда этих племен, связанные с сопогребением коня с человеком, формы и варианты таких погребений, причины захоронения коней с умершим.

На Дальнем Востоке продолжаются раскопки памятников раннего железа, мохэского и чжурчженьского времени. Опубликованы монографии, статьи, многие из которых переизданы в Японии, Китае, Корее (Деревянко Е.И., 1991a, б; Гребенщиков А.В. и др., 1988; Медведев В.Е., 1990; 1993; Derevianko E.I., 1994; Нестеров С.П., 1991; 1992).

Сотрудники института принимали участие в написании фундаментальных исследований: «История Дальнего Востока» и «История народов Восточной и Центральной Азии» (Деревянко Е.И., Андреева Ж.В., 1989; Деревянко Е.И., 1986).

Нужно отметить и тот факт, что в секторе создана группа керамистов, которая проводит изучение керамических материалов из раскопок по нескольким направлениям: минералогическое исследование наполнителя под бинокулярным микроскопом, петрографические наблюдения в прозрачных шлифах и рентгенофазовый анализ наполнителя и метаглинистой составляющей. Они удачно дополняют друг друга и позволяют создать целостное представление о керамике – важном историческом источнике (Новиков А.В., 1990; Мыльникова Л.Н., 1992). Широкое использование древними народами Сибири и Алтая кости, дерева, войлока, различных тканей не оставило равнодушными археологов института. Многие из них стали заниматься технологической стороной изготовления погребального обряда и искусства. Им удалось восстановить процесс работы древних резчиков по дереву и кости, мастеров, изготовлявших конскую упряжь и вооружение (Бородовский А.П., 1991; Кубарев В.Д и др., 1992; Молодин В.И. и др., 1993a; Мыльников В.П., 1995).

Особое место занимают работы по инвентаризации археологических памятников на территории Новосибирской области. Обследованы почти все районы, где открыты и учтены тысячи разнообразных

памятников – поселений, городищ, могильников, культовых мест. Это огромное богатство, которое нуждается в надежной охране государства.

100-летию Новосибирска посвящено справочное издание, в котором дана сводка всех археологических объектов, обнаруженных на территории города. В ней также имеется глава о древней истории Новосибирского Приобья (Молодин В.И. и др., 1993б). Для студентов-историков издана серия методических пособий и программ по проблемам археологии Сибири и Дальнего Востока (Худяков Ю.С., 1992; 1993а, б; 1994), в которой дается обобщающая характеристика культур, открытых и исследованных в Сибири, предлагается вспомогательный материал по читаемым в Новосибирском государственном университете спецкурсам.

Следует отметить статьи и брошюры, в которых обобщен опыт работы археологов с детьми (Бородовский А.П. и др., 1993; Бородовский А.П., 1993а, б). В последние годы, такие сложные как для науки, так и для народного образования, активизировалась работа с детьми во время учебного года. Если раньше существовали только археологические кружки в школах города, которые вели сотрудники института, то теперь уже два года работает археологический лекторий при Доме ученых в Академгородке, который посещают дети многих школ города. Лекции читают ученые-археологи института.

В короткой статье невозможно перечислить даже только названия симпозиумов и конференций, на которых сотрудники выступили с докладами.

Немалое место в научной деятельности института занимает международное сотрудничество (совместные раскопки, организация конференций). Так, в 1989 г. В.И. Молодин, Т.А. Чикишева вошли в состав советско-японской археологической экспедиции (Япония), В.И. Молодин, Т.А. Чикишева, А.И. Соловьев провели советско-японско-китайскую консультативную встречу на Алтае. Проведены встречи и обмен научной информацией с археологами Китая (Т.А. Чикишева, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодин), Финляндии (В.И. Молодин).

В 1990 г. Ю.А. Плотников принял участие в работе VII Международного конгресса финно-угроведов в Дебрецене (Венгрия), Ю.С. Худяков – в Международном симпозиуме по проблемам «шелкового пути» в Урумчи. Т.А. Чикишева прочитала лекции студентам в Гарвардском и Иллинойском университетах. Ю.С. Худяков участвовал в разработке двух научных программ: 1) «Изучение процесса эйкуменизации в Убсунурской котловине на 1990–1995 гг.»; 2) «Алтай – Гималаи», 1990–1995 (ЮНЕСКО). В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак выступили в докладами на конференциях в Корее (первый в 1993 г., вторая в 1994 г.). В 1992–1994 гг. значительные силы археологов были направлены на успешную реализацию международных коммерческих программ института. Так, на плоскогорье Укок силами двух отрядов обеспечены работы групп бельгийских, японских, немецких, американских, швейцарских ученых, каждая из которых была на Алтае от двух до четырех недель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородовский А.П., 1991. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск.

Бородовский А.П., 1993а. Детская экспериментальная археологическая экспедиция. Опыт работы. Новосибирск.

Бородовский А.П., 1993б. Детская экспериментальная археология с методическими рекомендациями и материалами. Новосибирск.

Бородовский А.П., Мандрыка П.В., Бородовская Е.Л., 1993. Методические рекомендации для руководителей археологических объединений. Красноярск.

Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии, 1990. Новосибирск.

Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока, 1993. Новосибирск.

Гребенщиков А.В., 1991. Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железа // Первобытное искусство. Семантика древних образов. Новосибирск.

Гребенщиков А.В., Кононенко Н.А., Нестеров С.П., 1988. «Сухие протоки» – новый тип памятников эпохи раннего железного века в бассейне Среднего Амура. Новосибирск.

Деревянко Е.И., 1986. Средневековье. Советский Дальний Восток // История народов Восточной и Центральной Азии. М.

Деревянко Е.И., 1991а. Древние жилища Приамурья. Новосибирск.

Деревянко Е.И., 1991б. Дальний Восток в средние века // Хайхэ Шэлянь Туньсюнь. Хайхэ. № 2 (на китайском языке).

Деревянко Е.И., Андреева Ж.В., 1989. Древние поселения на юге Дальнего Востока в I тыс. н. э. Разложение первобытнообщинного строя // История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. Т. 1. Владивосток.

Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994. Денисова пещера. Ч. 1. Новосибирск.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.В., Полосьмак Н.В., Мыльников В.П., Соловьев А.И., Чайко А.В., Чикишева Т.А., 1994. Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.

Деревянко А.П., Оводов Н.Д., Молодин В.И. и др., 1987. Комплексная программа археологического изучения пещер Горного Алтая // Проблемы изучения экологии и охраны пещер. Киев.

Елагин В.С., Молодин В.И., 1991. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск.

Запорожченко А.В., Черемисин Д.В., 1990. Мифологический сюжет на средневековом сосуде // Первобытное искусство. Семантика древних образов. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1989. Загадочные росписи Каракола. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1990. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1994. Бронзовые зеркала ранних кочевников Алтая. Киото (на японском языке).

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Новосибирск.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Киреев С.М., 1990. Археологические памятники урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П., 1992. Археологические исследования на средней Катуни // Алтаика. № 1. Новосибирск.

Медведев В.Е., 1990. Средневековые памятники острова Уссурийского. Гирин (на китайском языке).

Медведев В.Е., 1993. Поселение Гася и проблема появления керамики на востоке русской части Азии. Ниигата.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В.И., 1992. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск.

Молодин В.И., 1993. Еще раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Соловьев А.И. и др., 1988. Бараба в тюркское время. Новосибирск.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск.

Молодин В.И., Каен-Делайе А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н., 1993а. Исследование памятника Мойнак 2 на плоскогорье Укок // Алтаика. № 2. Новосибирск.

Молодин В.И., Новиков А.В., и др., 1993б. Археологические памятники города Новосибирска. Новосибирск.

Мыльников В.П., 1995. Технико-технологические аспекты художественной резьбы по дереву у пазырыкцев Алтая (по материалам погребений Укока) // Алтаика. № 4. Новосибирск.

Мыльникова Л.Н., 1992. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-почта). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Нестеров С.П., 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Нестеров С.П., 1991. Керамика могильника Шапка // Кокогаку кэнкю. № 6. (149) (на японском языке).

Нестеров С.П., 1992. Могильник Шапка – памятник эпохи средневековья на Среднем Амуре // Ли Си Уи Као Сиу хин хи. № 1 (на китайском языке).

Новиков А.В., 1990. Технология керамического производства лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1991а. Курган с «замерзшей могилой» на Ак-Алахе // ВДИ. № 3.

Полосьмак Н.В., 1991б. Размышления об археологических находках // Жизнь одежды. Токио (на японском языке).

Полосьмак Н.В., 1992а. Раскопки богатого захоронения пазырыкской культуры // Алтаика. № 1.

Полосьмак Н.В., 1992б. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб.

Полосьмак Н.В., 1993. Исследование пазырыкского кургана Куртунгунтас // ВДИ. № 4.

Полосьмак Н.В., 1994. Стерегущие золото грифы. Новосибирск.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1988. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н. э. // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Худяков Ю.С., 1990. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в хуннскую эпоху // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 2. М.

Худяков Ю.С., 1991а. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1991б. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.

Худяков Ю.С., 1992. Культура уйгуров Центральной Азии. Новосибирск.
Худяков Ю.С., 1993а. Археология Южной Сибири (II в. до н. э. – V в н. э.). Новосибирск.
Худяков Ю.С., 1993б. Программа специализации по археологии. Новосибирск.
Худяков Ю.С., 1994. Археология Центральной Азии. Новосибирск.
Чикишева Т.А., Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1992. Могильники эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск.
Derevianko E.I., 1994. Cultural Ties in the Past and the Development of the Archaeological Cultures in the Far Eastern Asia // Journal of Korean Ancient Historical Society. № 5. Seoul.
Kubarev V.D., 1989. Treasures of the Scythian Tombs. Terra. V. 27. N 4.
Kubarev V.D., 1994. Mysteries of the Asian Pearl: Recent Archaeological Discoveries in the Altai Mountains // Korean Ancient Historical Society. № 5. Seoul.
Molodin V.I., 1988. Investiga cionss argueological sovetico-cubanas an Siberia. Eb camanterio de Sopka 2 en 1986 // Reporte de Investigacio del ciencias historicas. № 1. Habana (в соавт. с Х. Фэблесом).
Molodin V.I., 1992a. Archaeological Researches on the Ukok Plateau (Gornyi Altai, Russia in the Summer of 1991) // Antiquity. V. 66. № 253.
Molodin V.I., 1992b. Bronze Age Cultures in Southern Siberia – Current Researches // Ancient Cultures of north-east Asia: Origins and Development. The 11th International Academic Conference Iri. Korea.
Molodin V.I., 1993. Some problems of Paleolithic, Mesolithic and Early Neolithic Ob-Irtish Forest Steppe // Journal of Korean Ancient Historical Society № 14. Seoul.
Molodin V.I., 1994a. L'Art repestee du plateau de l'Ukok // International Newsletter on Rock Art. № 8. Paris.
Molodin V.I., 1994b. Physical and Geographical Characteristics of Ob-Irtysh Forest-Steppe and History of Baraba Archaeological Sites Research // Journal of Korean Ancient Historical Society. № 15. Seoul.
Molodin V.I., 1994c. Early Metal Time of Ob-Irtish Forest-Speppe Bairyk Stage // Journal of Korean Ancient Historical Society. № 16. Seoul.
Molodin V.I., 1995. Perspectives and Preliminary Results of Archaeological Investigations of the South-Western Altai (The Ukok Plateau) // Science Policy: New Mechanisms for Scientific Collaboration between East and West. Dordrecht; Boston; London.
Polosmak N., 1991. Un nouveau kourgane à «tombe gelee» de l'Altai (rapport preliminaire) // Arts Asiatiques tome XLVI–1991. Paris.
Polosmak N., 1993. The Ukok: a Winter Pasture Land of the Pazyryk Peoples // Journal of Korean Ancient Historical Society. № 14. September. Seoul.
Polosmak N., 1994a. Kurgan Kurturguntas-1: Interment of a Noble Warrior-Horseman // Korean Ancient Historical Society. Seoul.
Polosmak N., 1994b. The Burial Ceremony of the Pazyryk People: The First Burial Mound of Ak-Alakha // Korean Ancient Historical Society. № 5. Seoul.
Polosmak N., 1994c. Pastures of Heaven // National Geographic. V. 186. № 4. October.

Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск

ПЕРВЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ К.Ф. СМИРНОВА
(Москва, 1995)

27–28 ноября 1995 г. в Москве, в Институте археологии РАН, проходили Первые научные чтения памяти Константина Федоровича Смирнова, в которых приняли участие ученые из Москвы, Ростова, Волгограда, Воронежа, Элисты, Днепропетровска. В общей сложности было заслушано 17 докладов. Открыл заседание директор ИА РАН, профессор Р. М. М у н ч а е в. Он говорил о непреходящем значении трудов К.Ф. Смирнова, о том, что он по праву принадлежит к когорте наших выдающихся предшественников, благодаря своим открытиям и трудам занявшим достойное место в мировой археологии. В научном творчестве К.Ф. Смирнов был самоотвержен, целеустремлен и великодушен. Р.М. Мунчаев вспоминал, что свой первый полевой сезон в 1950 г. он провел в экспедиции К.Ф. Смирнова в Дагестане; материалы этих экспедиций легли затем в основу его кандидатской диссертации.

© Б.Ф. Железчиков, А.С. Скрипкин, 1996 г.

От учеников К.Ф. Смирнова выступила М.Г. Мошкова. Она подчеркнула, что труды Константина Федоровича затрагивали очень широкий круг проблем сарматологии и всегда имели безупречную источниковедческую базу, что далеко не всегда встречается в современных работах. Книги К.Ф. Смирнова «Савроматы» и «Вооружение савроматов» по сей день остаются непревзойденными по широте и глубине рассматриваемых в них вопросов археологии и истории кочевых племен раннего железного века в степях Евразии. Каждый сарматолог, начиная свой научный путь, в первую очередь обращается к этим трудам. К.Ф. Смирнов был удивительно прост, внимателен и доброжелателен в общении с учениками, но всегда оставался для них высшим авторитетом. Он создал свою научную школу, и вышедшие из нее специалисты работают сейчас во многих городах России. В памяти знавших его он остался еще и веселым, и очень активным человеком. Всем, кто учился у него или работал с ним многие годы, посчастливилось, что в их жизни встретился такой ученый и человек.

К.Ф. Смирнов работал над очень широким кругом вопросов сарматской археологии. Но особенно много внимания он уделял исследованию наиболее ранних памятников, которым и был посвящен целый ряд докладов участников Чтений.

В.В. Дворниченко и М.А. Очир-Горяева в совместном докладе «Связи населения Нижней Волги в савроматское время (на примере погребений у пос. Комсомольский)» привели материал из двух погребений одного кургана, которые датируются второй половиной VI – началом V вв. до н.э. Особенностью этих погребений является заметное преобладание вещей, связанных с восточным ареалом Евразийских степей (меч, бляхи в зверином стиле, некоторые типы наконечников стрел, железные пластины с золотой инкрустацией, золотая серьга). В то же время эти вещи сочетаются с находкой ольвийского зеркала и налобной пластины, имеющей только западные параллели. Данные погребения можно считать одними из самых ранних для савроматского времени в Нижнем Поволжье, которые показывают широкие связи этого региона как с племенами запада, так и востока.

Интересный материал предскифского времени (черногоровский этап) из курганов Среднего Маныча и долины р. Егорлык представил С.И. Лукьяшко. Особое внимание слушателей привлек черпак с петлевидной ручкой, на плечиках которого помещены пять групп графем. Знаки начертаны в три строки по заранее намеченному полю. Вероятно, это магические знаки, семантика которых требует специального изучения.

В докладе В.Е. Максименко «Сирматы: античная традиция и археологические данные» отмечается, что если по данным античных авторов уже в IV–III вв. до н.э. известно о существовании Европейской Сарматии, то этого нельзя сказать о культурной (в археологическом понятии) принадлежности памятников IV–III вв. до н.э. междуречья Дона и Северского Донца, т.к. ничего общего с классическими (прохоровскими) памятниками они не имеют. Он считает комплексы Сладковского могильника, курганов у Кащеевки и хут. Шолоховский не раннесарматскими (как отмечал К.Ф. Смирнов), а близкими к среднедонским, и в то же время находящимися в зоне, определяемой автором как сирматская (раннесарматская), которая ранее принадлежала савроматам (по Геродоту и Псевдо-Гиппократу). Исходя из этого, В.Е. Максименко делает вывод, что на основе среднедонской культуры (этническую принадлежность которой как будинской следует пересмотреть) в IV–III вв. до н.э. сформировалось этно-политическое объединение ранних сарматов, генетически не связанных с этническим массивом племен прохоровской культуры.

В докладе Б.Ф. Железчикова «К вопросу о происхождении ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья» отмечен вклад К.Ф. Смирнова в развитие сарматской археологии, особенно по вопросам происхождения ранних кочевников Евразии. Автор считает, что и в настоящее время источниковедческая база для изучения этой проблемы очень мала и причина этого кроется не в слабой археологической изученности исследуемой территории, а в особенности палеоэкологической обстановки в степи на рубеже II–I тыс. до н.э. Докладчик считает, что в Южном Приуралье ранние кочевники и их культура появляются в середине VI в. до н.э. в готовом, «сложившемся» виде и затем к концу VI – началу V вв. до н.э. распространяются на запад до Волги. Племена Заволжья генетически родственны приуральским, но испытали определенное влияние скифского мира. Памятники Аксая, Маныча, Сала, Нижнего Дона родственны скифским, дата их появления – конец VII – начало VI вв. до н.э.; истоки их следует искать на Кавказе и в протоскифском мире.

Доклад В.А. Кореняко «Некоторые проблемы изучения искусства скифо-сибирского звериного стиля» был посвящен проблеме происхождения этого стиля. По мнению автора, решение проблемы генезиса данного искусства должно быть основано на реконструкции стилеобразующих факторов, действовавших в пределах раннекочевнического ареала. Художественную сущность раннекочевнического анимализма он определяет как искусство экспрессивных деформаций зооморфных образов и генетически связывает появление искусства скифо-сибирского звериного стиля с психическими особенностями и эстетическими потребностями всадников-воинов и охотников.

Более позднему периоду истории сарматов был посвящен доклад В.И. Костенко о раскопках Усть-Каменского могильника в Нижнем Поднепровье, в котором к настоящему времени исследовано более

70 курганов, давших обильный и очень интересный материал. Автор отметил локальные особенности памятника по сравнению с группой Самаро-Орельских курганов и датировал могильник серединой I – началом II веков н.э. (не позднее 123 г. н.э.). Появление этого могильника В.И. Костенко связывает с передвижениями аорсов после войны 49 г. н.э., в которой участвовали аорсы и сираки.

Некоторые выступавшие касались вопросов погребальной обрядности, которые всегда интересовали К.Ф. Смирнова.

Интерпретации погребального обряда сарматов с использованием данных осетинской этнографии был посвящен доклад С.А. Я ц е н к о «Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография». Автор считает, что в связи со значительным увеличением за последнее время научной литературы по истории и культуре осетин имеется благоприятная возможность корректного использования ряда этнографических наблюдений для понимания отдельных деталей погребального обряда сарматов: использования огня, состава ритуальной пищи, посвящение умершему коня и других.

Проблеме происхождения сарматских катакомб был посвящен доклад М.Г. М о ш к о в о й «Еще раз о сарматских катакомбах». Хотя попытки соотнесения определенных форм погребальных сооружений с исторически известными кочевыми группировками предпринимались неоднократно, однако и по сей день не выявлены бесспорные критерии соответствия между этими двумя показателями. Докладчик считает, что попытки найти прародину сарматских катакомб за пределами Южного Приуралья представляются малоубедительными. Так, за последние 20 лет количество исследованных в Южном Приуралье катакомб удвоилось и насчитывает 46 могил V–II вв. до н.э., а в могильниках в районе с. Покровка – левый берег Илека они вообще составляют 16,9% погребальных сооружений всех типов. Более многочисленной и компактной группы катакомб II типа (дромос и камера на одной оси), датируемых не позднее III–II вв. до н.э., на близлежащих и более отдаленных территориях нет. Наиболее сложен вопрос о происхождении подкурганных Т-образных катакомб (I тип), соотносимых с аланскими племенами и получивших в III–IV вв. н.э. широкое распространение в Центральном Предкавказье и отчасти в междуречье Волги и Дона. Возрождаемая концепция о приходе второй волны алан во II в. н.э. из Средней Азии и принесении ими Т-образной формы катакомб представляется докладчику пока недоказанной. Ей противоречит ряд фактов, в частности, набор и формы инвентаря (особенно лепной керамики) в центральнопрекавказских и сарматских Т-образных катакомбах, с одной стороны, и предполагаемых в качестве источника среднесырдарьинских – с другой. Появление сарматских катакомб (I тип) в III–IV вв. н.э. в междуречье Волги – Дона, главным образом в районе Сала – Маныча, М.Г. Мошкова, как и С.И. Безуглов, связывает с незначительными выплесками населения с Северного Кавказа. Массовое возрождение этой формы катакомб в курганах III–IV вв. н.э. Центрального Предкавказья имеет, по-видимому, причины внутреннего порядка, так как в последние годы в Центральном Предкавказье начинают выявляться более ранние (II в. н.э.) курганные могильники с Т-образными катакомбами (Бесланский могильник).

С большим интересом были заслушаны доклады, посвященные археологии и истории как близкого, так и далекого окружения «савромато-сарматских» племен, их непосредственным и опосредованным связям и взаимовлияниям.

В совместном докладе «Скифский курган у с. Бурлацкое» М.А. Р о м а н о в с к а я и П.Г. Д е р в и з дали подробное описание конструктивных особенностей, деталей погребального обряда и остатков погребального инвентаря кургана первой половины V в. до н.э., раскопанного в 1988 г. в Благодарненском районе Ставропольского края.

Проблеме гибели Скифии и вторжению сарматов на запад от Волги был посвящен доклад А.П. М е д в е д е в а «Археологические свидетельства разорения лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья в конце скифской эпохи». Он считает, что важные материалы к разгадке тайны гибели культуры лесостепной Скифии могут дать памятники типа Семилукского городища на Дону, которое в начале III в. до н.э. прекратило свое существование, превратившись в большой могильник, содержащий останки более чем 70 человек, сброшенных в траншеи и хозяйственные постройки без соблюдения обрядности. Следы разгрома на рубеже IV–III вв. до н.э. отмечаются и на Коломакском и Пекшевском городищах. В начале III в. до н.э. разительные перемены фиксируются и по материалам курганных могильников Среднего Дона. Ни один из них нельзя датировать позднее рубежа IV–III вв. до н.э. С этого времени затухают традиции скифской эпохи. Скорее всего, в бурных событиях III в. до н.э. погибли (или покинули родную землю) знать и воины – основные носители «скифской триады» оставившие курганы типа Частых и Мастюгинских. Позднее, как результат разгрома, в донской лесостепи распространяются сарматские памятники.

И.С. К а м е н е ц к и й в докладе «Внешние и внутренние границы меотов» на основании многолетних работ Северо-Кавказской экспедиции определил общую территорию расселения кубанских меотов и, оперируя только поселениями (преимущественно городищами), выделил на ней более десятка групп памятников. Отдельные группы при этом могут быть увязаны с известными этнонимами: кирпильская группа с язаматами, приазовская – с дандариями (правда, последняя выделяется главным образом по письменным источникам). Если северная граница обитания меотов выявляется достаточно четко, то южная

остается практически невыясненной. Достаточно сложно обстоит дело и с восточной границей. Материалы обследований говорят о довольно позднем освоении территории, расположенной к востоку от р. Лабы. Там пока не обнаружено поселений ранее IV в. до н.э.

О.А. Гей в докладе «Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре» подробно рассмотрела все признаки, которые в черняховской культуре обычно связывают с скифо-сарматским влиянием. Автор приходит в выводу, что только камерные могилы, отдельные типы каменных построек и керамики, характерные для северопричерноморской зоны черняховской культуры, бесспорно имеют скифо-сарматское происхождение.

Большой интерес вызвал доклад К.А. Смирнова «Роль К.Ф. Смирнова в изучении культур лесной полосы Восточной Европы в эпоху раннего железа». Автор отметил большую роль статьи К.Ф. Смирнова «Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей» для решения вопросов о начале верховой езды в степях Евразии в XV–XIV вв. до н.э. В 1968 г. при раскопках городища «Графская гора» на Верхней Волге в слое VII–VI вв. до н.э. был найден странный роговой предмет, который только К.Ф. Смирнов определил как псалий архаичного типа и отметил, что такие псалии часто употреблялись не с металлическими удилами, а с мягкими, сделанными из сухожилий. Такие же псалии были обнаружены еще на двух городищах. Таким образом, с помощью К.Ф. Смирнова в материалах раннедьяковских городищ удалось выделить детали конской узды, относящейся ко второй четверти I тыс. до н.э., и на основании этого датировать зарождение верховой езды у лесных племен.

В коллективном докладе Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибова, А.Н. Бадера «Парфия и кочевники» (доклад был зачитан Г.А. Кошеленко) рассматривалась только одна из многочисленных проблем – проблема влияния кочевнического завоевания на формирование социальной структуры парфянского государства. Анализ источников свидетельствует о существовании двух традиций, обладающих значительным сходством по основным позициям, на расходящихся в определении статуса одной из социальных групп – группы легковооруженных воинов. Авторы считают, что это является следствием реального противоречия, возникшего в результате «наложения» друг на друга двух социальных структур – кочевого и земледельческого обществ.

В.С. Ольховский в докладе «К истории Арало-Каспийского региона в эпоху раннего железа» представил материалы с плато Устюрт и Мангышлак. Так, в подъемном материале из данного региона имеются предметы VII в. до н.э. – III в. н.э.: бронзовые наконечники стрел, лепная керамика «сарматских» форм, фибулы, железные мечи прохоровских типов. Зафиксировано около 20 аранов – загонных сооружений стреловидной формы из стоящих на ребре каменных плит. Судя по найденным в некоторых из них бронзовым наконечникам стрел, отдельные араны могут быть датированы последними веками до н.э. Не редки на Устюрте и Мангышлаке курганные захоронения в ямах, каменных ящиках и подбоях. Интересную группу памятников РЖВ составляют около 20 святилищ с каменными антропоморфными скульптурами (типа Байте I и III), выявленных преимущественно на западном Устюрте, а также Мангышлаке. К числу редких относятся тамгообразные сарматские знаки, нанесенные на отдельные изваяния, скорее всего, спустя определенное время после их установки. Все это позволило автору заключить, что Арало-Каспийское междуморье было обитаемо в течение всего раннего железного века. Памятники VII–V вв. до н.э. здесь редки, но численность кочевого сармато-дахо-массагетского населения в IV–III вв. до н.э., по имеющимся данным, резко возрастает. Документируются связи его с населением Южного Приуралья, Северного и Центрального Казахстана и с Хорезмом. Феномен святилищ байтинского типа выделяет Устюрт среди сопредельных территорий, свидетельствуя о формировании там самобытного очага монументального изобразительного искусства.

Г.А. Брыкина выступила с докладом «Погребальные памятники Ферганы», в котором охарактеризовала основные типы погребальных сооружений Ферганы в начале нашей эры. Отмечено влияние на погребальную обрядность Ферганы соседних и более отдаленных областей. По отдельным деталям (конструкция катакомб, присутствие дерева в погребальных сооружениях, наличие частей туш баранов, ряда категорий украшений) отмечается сходство с сарматской культурой.

С докладом «О некоторых параллелях в материальной культуре сарматов и в памятниках чжоуско-ханьского времени в Китае» выступил А.С. Скрипкин. Используя коллекции ряда музеев Китая, он отметил влияние китайской культурной традиции на формирование отдельных категорий вооружения у кочевников Евразии, в том числе и сарматов. Так, мечи с характерными для Китая деталями оформления (бронзовые или железные ромбовидные перекрестия с выемкой для рукояти) появляются у сарматов не ранее II в. до н.э. Распространение таких мечей далеко на Запад, по мнению автора, было связано с событиями II в. до н.э., в частности, военной активизацией хуннов и уходом части кочевников от северо-западных границ Китая в Среднюю Азию.

Широкие и еще далеко не полностью используемые возможности взаимодействия археологии и палеоантропологии были продемонстрированы Л.Т. Яблонским в докладе «Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте». Докладчик на основании анализа представительной палеоантропологической серии из раскопок сарматских курганов в Соль-Илецком районе

Оренбургской области и с использованием палеоантропологических аналогий золотоордынского времени приходит к заключению о возможности существования такой модели этногенетических процессов у кочевников, в том числе и у сарматов, при которой на ранних стадиях формирования этноса существует взаимосвязанность социального статуса индивидуума и его генетических особенностей.

И.О. Гавритухин сделал сообщение о подготовке полной публикации материалов Пашковского I могильника, исследованного К.Ф. Смирновым в 1948–49 гг. Изучение планиграфии памятника позволило выделить два этапа эволюции могильника. Наблюдения за размещением инвентаря в могилах показало, что обнаруженные в них фибулы, очевидно, скрепляли погребальный саван, а не одежду покойника; большая же часть пряжек находилась в районе головы и верхней части груди, что может быть свидетельством особенностей местного костюма. Наиболее выразительные вещи позволяют синхронизировать 2-й период существования могильника с древностями второй половины VI – началом VII вв. н.э.

Прослушанные доклады вызвали оживленное обсуждение, в котором приняли участие М.Г. Мошкова, В.В. Дворниченко, В.Е. Максименко, Б.Ф. Железчиков, А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонкий, А.П. Медведев, М.А. Очир-Горяева, Д.С. Раевский, В.Б. Ковалевская.

На заключительном заседании было принято решение о проведении III сарматской научной конференции в г. Азове (Ростовская область) осенью 1997 г.

Волгоградский государственный университет

Б.Ф. Железчиков, А.С. Скрипкин

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВИЧА ШИЛОВА

(1917–1995)

12 ноября 1995 года на 78 году жизни скончался старший научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН, кандидат исторических наук В.П. Шилов.

Валентин Павлович был человеком непростой и нелегкой судьбы. Он родился 11 декабря 1917 г. в местечке Тальное Черкасской области в семье рабочего. Его трудовая жизнь также началась на заводе в городе Запорожье.

В 1937 г. В.П. Шилов поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. С этого момента археология стала его специальностью. Перед самым началом войны он окончил ЛГУ, а уже в июле 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Военный путь В.П. Шилова отмечен боевыми наградами и тяжелыми ранениями, самое тяжкое из которых было получено в 1945 г. на Сандомирском плацдарме. Валентин Павлович – кавалер орденов «Красной Звезды», «Отечественной войны», медалей «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Несмотря на тяжелые последствия ранений и долгие месяцы, проведенные в госпиталях, В.П. Шилов продолжал занятия наукой. Еще находясь в госпитале, он ежедневно, на костылях ходил за несколько километров заниматься в библиотеке.

В 1946 г. В.П. Шилов поступил в аспирантуру, успешно закончил ее в 1949 г., а в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Население Прикубанья конца VII – середины IV веков до н.э. по материалам городищ и грунтовых могильников».

Последующие 30 лет научной деятельности В.П. Шилова тесно связаны с Ленинградом и Ленинградским отделением Института археологии. С 1949 г. он младший научный сотрудник, с 1963 г. – старший научный сотрудник. В 1970–1971 гг. – заведующий сектором Средней Азии и Кавказа. В 1971–1976 гг. он возглавлял Ленинградское отделение Института археологии.

В 1978 г. В.П. Шилов переехал жить в Москву и стал работать в Институте археологии. В течение нескольких лет он был заместителем директора института. С этой должности Валентин Павлович ушел после обострения болезни, вызванной последствиями военных ранений.

Последние годы Валентин Павлович плодотворно работал в отделе бронзового века, самоотверженно отдаваясь любимой науке – археологии.

Его дар организатора в полной мере проявлялся в руководстве крупными археологическими экспедициями, в том числе и новостроечными в Нижнем Поволжье, Подонье, Предкавказье. Эти раскопки заметно пополнили фонды археологических источников. Исследованы многие десятки погребальных комплексов из курганов эпохи бронзы, сотни сарматских погребений в Поволжье, скифские курганы на Дону. Полученные находки обогатили мировую науку первоклассными памятниками скифо-сарматского искусства. Ныне они украшают экспозиции Государственного Эрмитажа, Ростовского, Волгоградского и Астраханского музеев. Неутомимый полевой исследователь, он внес много нового в изучение древней истории и культуры

южнорусских степей. Начав с исследования истории и культуры меотских племен на Северном Кавказе, В.П. Шилов, используя самые разнообразные источники, ставил и успешно решал проблемы исторического развития сарматского мира в целом. Параллельно с этим он углубленно работал над проблемами культурогенеза, металлургического производства, происхождения кочевого скотоводства, вопросами хронологии.

В.П. Шилова отличала тщательность полевых и кабинетных исследований, пристальное внимание к фактическим данным. Он создал, пожалуй, наиболее полную картотеку древностей южнорусских степей и всегда был готов предоставить ее своим ученикам и коллегам. Для научных трудов В.П. Шилова характерно неуклонное стремление к построению выводов и заключений на строго проверенных фактах. Ему была присуща высокая ответственность перед истиной в науке, позволявшая мужественно признавать ошибочность своих прежних решений, если они приходили в противоречие с новыми материалами.

В.П. Шилов бесспорно являлся одним из крупнейших специалистов в области изучения бронзового и раннего железного веков степной зоны Евразии. Его перу принадлежит более ста научных работ. Широко известна монография «Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья». К сожалению, пока остались неопубликованными рукописи еще двух больших работ В.П. Шилова по Предкавказью и древностям Калмыкии. Научное наследие В.П. Шилова оставило яркий след в археологии. Его трудами будет пользоваться не одно поколение специалистов.

Валентина Павловича уже нет с нами, но память о нем будет жива не только в его трудах, но и в учениках, продолжающих его дело. Под руководством В.П. Шилова прошли подготовку десятки соискателей и аспирантов, ныне работающих в различных научных центрах страны.

Друзья и коллеги по отделу бронзового века ИА РАН

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ В.П. ШИЛОВА

1. О расселении меотских племен // СА. Вып. XIV. 1950. С. 102–123.
2. Синдские монеты // СА. Вып. XV. 1951. С. 204–215.
3. Население Прикубанья конца VII – середины IV вв. до н.э. по материалам городищ и грунтовых могильников // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. – Л., 1951.
4. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. // Записки Бурят-Монгольского Института культуры. Т. XIII. Улан-Удэ, 1951. С. 71–100 (в соавторстве с А.В. Давыдовой).
5. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. (Продолжение) // Записки Бурят-Монгольского Института культуры Т. XIV. Улан-Удэ, 1952. С. 94–116 (в соавторстве с А.В. Давыдовой).
6. Иволгинское городище // БСЭ. Т. XVII. М., 1953. С. 298.
7. Ильмова падь // БСЭ. Т. XVII. М., 1953. С. 551.
8. К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. 1953. № 2. С. 193–201 (в соавторстве с А.В. Давыдовой).
9. Рец. на: Материалы и исследования по археологии СССР № 23 // СА. Вып. XXI. 1954. С. 403–414 (в соавторстве с К.Х. Кушнаревой).
10. Раскопки Калиновского курганного могильника // КСИИМК. № 59. 1955. С. 118–128.
11. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. Вып. XXIII. 1955. С. 228–249.
12. Погребения сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. (предварительное сообщение) // СГЭ. Т. 9. Л., 1956. С. 42–45.
13. К изучению палеолита Нижнего Подонья // КСИИМК. № 64. 1956. С. 130, 131.
14. Раннежелезный век Поволжья // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. С. 18–20.
15. Два погребения литейщиков-металлургов // СГЭ. Т. 16. Л., 1959. С. 41–45.
16. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. М., 1959. С. 323–523.
17. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. № 60. М., 1959. С. 11–38.
18. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. // ИРОМК. № 1(3). Ростов н/Д., 1959. С. 13–29.
19. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 150–168.
20. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М.И. Артамонова. Л., 1961. С. 120–126.
21. Происхождение кочевого скотоводства // III Уральское археологическое совещание в г. Уфе (Тезисы докладов). Уфа, 1962. С. 40–42.
22. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д., 1962. С. 52–69.
23. Проблема освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. Вып. 6. Л., 1964. С. 86–102.
24. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. Вып. 106. 1966. С. 88–91.
25. Ушаковский курган // СА. 1966. № 1. С. 174–191.

26. Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья Л., 1968. С. 310–313.
27. Выдающийся исследователь скифской культуры (к 70-летию проф. М.И. Артамонова) // ВДИ. 1968. № 4. С. 190, 191 (в соавторстве с Л.С. Клейном).
28. Походження кочового скотарства у Східній Європі // Україньский історичний журнал. 1970. № 7. Київ. С. 18–25.
29. Южно-италийские сосуды Калиновского могильника // СГЭ. № 36. Л., 1973. С. 33–36.
30. Южно-италийские зеркала в волго-донских степях // СА. 1972. № 1. С. 261–264.
31. Бронзовая чаша Андреевского кургана // СА. 1972. № 2. С. 192–194.
32. Экономический базис древних племен неолита и бронзы степей Евразии // Тезисы докладов на сессиях и пленуме, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972. С. 16–18.
33. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка // СА. 1973. № 4. С. 252–255.
34. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 138. М., 1974. С. 60–65.
35. Бронзовая патера из Астраханской области // СА. 1974. № 1. С. 226–231.
36. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1. С. 5–16.
37. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
38. К вопросу о связях Поволжья и Кавказа с Трансильванией в начале II тыс. до н.э. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 88–92.
39. Курган № 9 группы «Три брата» и соотношение памятников предкавказской и срубной культур в калмыцких степях // Древние культуры Поволжья и Приуралья (Научные труды КГПИ. Т. 221). Куйбышев, 1978. С. 13–14.
40. «Кельтские» бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 109–112.
41. Проблема освоения открытых степей Калмыкии в эпоху бронзы и раннего железа // SP. 1981. № 5–6. София. С. 103–128.
42. Новое в изучении культур бронзового века евразийских степей // SP. 1981. № 5–6. София. С. 73–103 (в соавторстве с Е.Е. Кузьминой и Н.Я. Мерпертом).
43. Исследования в группе «Три брата I» // АО – 1980 г. М., 1981. С. 158–159.
44. Исследования в Калмыкии // АО – 1981 г. М., 1982. С. 179, 180.
45. Проблемы освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 24, 25.
46. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА. 1982. № 1. С. 215–218.
47. Первые ремесленники эпохи бронзы в предкавказских степях // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа (тезисы докладов). Ереван, 1982. С. 101–103.
48. Запорожский курган (К вопросу о погребениях аорсской знати) // СА. 1983. № 1. С. 178–192.
49. Аорсы (историко-археол. очерк) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 34–48.
50. Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2. С. 17–33.
51. Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 94–157.
52. Проблема происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 23–33.
53. Раскопки Ергенинского курганного могильника в Калмыкии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 284, 285.
54. Хронология нижнего горизонта донецкой катакомбной культуры // Археологические исследования в Калмыкии. Элиста, 1987. С. 4–38.
55. Всемирный археологический конгресс // СА. 1989. № 1. С. 296–300 (в соавторстве с В.М. Массоном).
56. Бронзовый век Поволжья: исследования П.С. Рыкова и современное состояние проблемы // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989 (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом).
57. Проблема происхождения предкавказской катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Л., 1990. С. 40–42.
58. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА. 1991. № 4. С. 132–144.
59. Еще раз о погребениях литейщиков Калиновского могильника // КСИА. Вып. 203. М. 1991. С. 38–46.
60. К проблеме взаимодействия первобытных земледельческих и скотоводческих племен Евразии // Материалы IV краеведческой конференции (часть I). Астрахань, 1991. С. 3–15.
61. О связях древнего населения Калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 21–66.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
ВА – Вопросы антропологии. М.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург–Ижевск
ВДИ – Вестник древней истории
ВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей. М.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
ГМЗК – Государственный музей-заповедник «Коломенское». М.
ИАК – Известия (Императорской) археологической комиссии. СПб. – Пг.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук ИИ АН Тадж. ССР – Институт истории Академии наук Таджикской ССР
ИРОМК – Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КМИ – Коломенское. Материалы и исследования. М.
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАО – Московское Археологическое общество
МАЭ – Московская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МДИАР – Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.
МИАМ – Материалы и исследования по археологии Москвы. М.
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИРМ – Музей истории и реконструкции г. Москвы
ОИДР – Общество истории и древностей Российских
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М. – Л.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии. М.
ТОИПК – Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
УГКОИП – Управление государственного контроля охраны и использования памятников
ЦАГИ – Центр архитектурно-градостроительных исследований. М.
ЦАИ – Центр археологических исследований. М.
ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные производственные мастерские
SP – Studia Prehistorica. София

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18–20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора – два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. Таблицы, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

6. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2,...

7. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.

Псковские летописи. Т. I. М.; Л. 1941.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Смирнов К.Ф.*, 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5–1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефона и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторами для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указаного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

СТАТЬИ, ОФОРМЛЕННЫЕ БЕЗ СОБЛЮДЕНИЯ УКАЗАННЫХ ПРАВИЛ, К РАССМОТРЕНИЮ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Скворцова Т.В.*

Сдано в набор 17.04.96	Подписано к печати 21.05.96		Формат бумаги $70 \times 100^{1}/_{16}$
Офсетная печать.	Усл. печ. л. 20,8	Усл. кр. отт. 28,7 тыс.	Уч.-изд. л. 25,9 Бум. л. 8,0

Тираж 1363 экз. Зак. 4220

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6